

МАРИНА СУРЖЕВСКАЯ

СОВЕРШЕННЫЕ

МОНСТР ДОЛЖЕН
УМЕРЕТЬ

Annotation

Кассандра Вэйлинг из Нью-Касла — «золотая девочка» города, ведь ее папа - градоначальник, а мама — самый известный в Империи Миротворец. Кассандра — красивая, дерзкая и самоуверенная, в нее влюблен «король» колледжа, а ее будущее кажется совершенно безоблачным. Кассандру ждет прекрасная жизнь. Или... нет? Грядет День цветущей вишни, несущий перемены. И приближается тот, кто все изменит. Книга первая.

- [Совершенные](#)
 - [Совершенные](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1. День цветущей вишни](#)
 - [Глава 2. Самый важный день](#)
 - [Глава 3. Темный альков](#)
 - [Глава 4. Ход пешки](#)
 - [Глава 5. Ноль-один](#)
 - [Глава 6. Рождение разрушителя](#)
 - [Глава 7. Призраки прошлого](#)
 - [Глава 8. Душевный разговор](#)
 - [Глава 9. Посиделки у камина](#)
 - [Глава 10. Сны сладки](#)
 - [Глава 11. Лёд](#)
 - [Глава 12. Ловчий](#)
 - [Глава 13. Представление начинается](#)
 - [Глава 14. Ренегаты](#)
 - [Глава 15. Скажите, милорд...](#)
 - [Глава 16. Прогулки по краю](#)
 - [Глава 17. Финариум](#)
 - [Глава 18. Новая надежда](#)
 - [Глава 19. Новые знакомства](#)
 - [Глава 20. Просто уходи](#)
 - [Глава 21. Тени и маски](#)
 - [Глава 22. Друзья или враги](#)

- [Глава 23. Госпожа миротворец](#)
 - [Глава 24. Тень на закате](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Еще немного слов от автора:](#)
-

Совершенные

Совершенные

*Однажды ты увидишь звезды и поймешь,
насколько они совершенные.*

Пролог

Когда все катится в бездну и становится невыносимым, каждый задается вопросом: где именно он свернул не туда. Где тот злосчастный поворот, после которого новый шаг лишь приближает падение к пропасти. Точка невозврата, делящая жизнь на до и после.

У него было вполне неплохое «до». Идеалы, в которые он верил. Путь, по которому мечтал пройти. Мечты и цели, которые должны были осуществиться.

И люди, которых он любил.

Да. Это самое главное.

Люди.

Когда все пошло не так?

В отличие от многих, он прекрасно знал свою роковую дату. Свою проклятую точку обратного отсчета. О да, он знал и помнил тот день так ясно, словно все это случилось лишь вчера.

Мог ли он в тот день предположить, каким станет после? Что однажды будет стоять на этой скале, окруженный заледенелыми камнями, и смотреть на девушку у своих ног. В ее глаза – испуганные, с расширенными, топящими радужку зрачками. На ее тело – сжавшееся от паники, все еще пытающееся сбежать. Не верящее, что это возможно. Что он это сделает.

На веревки, связывающие ее тело.

И на нож в своей руке.

Мог ли в тот злополучный день он хотя бы предположить, что однажды убьет ее?

Конечно, нет.

Тогда это казалось нереальным бредом, способным вызывать лишь смех.

Увы. Бред обернулся жуткой воплотившейся реальностью. А он больше не смеется. Впрочем, она тоже.

– Ты не сможешь...

Ее слова скользнули шелестом, и их унес ветер.

Он не стал отвечать. Он смотрел на верхушки сосен, на оранжевую линию горизонта, где таяло солнце. Девушка на камнях

дрожала – от холода или страха, он же не ощущал ничего. Ветер облизывал руки, колючим языком трогал рукоять, зажатую в ладони, осторожно касался пока еще чистого лезвия.

Солнце ухнуло вниз, и закат вспыхнул на скалах нестерпимым, разбрызгивая кровавые всполохи. Пора.

Он повернулся, чтобы еще раз посмотреть ей в лицо. Знакомое до самой крошечной черты, до самой прекрасной мелочи. Изученное так же хорошо, как и собственное. В ее глаза, уже почти полностью черные от накативших эмоций.

Тихо всхлипнув, она дернулась в сторону, отползла на несколько шагов. Словно все еще надеясь. Все еще пытаясь сбежать. Но позади молчаливыми стражами высились камни. Впереди темнел обрыв.

И стоял он.

Закат сплясал джигу на лезвии, и алое потемнело до чернильного сумрака.

Выхода не было.

И спасения – тоже.

Словно поняв это, она прекратила глупые попытки освободиться. Подняла голову, облизала сухие губы. И встретила его взгляд, когда он наконец повернулся.

Усмешка исказила ее лицо.

– Теперь я вижу, – сказала она, неотрывно глядя в глаза своего убийцы. – Ты изменился. Теперь ты сможешь.

– Да. – Его движение к ней медленное и завораживающее, словно танец змеи. Ее всегда очаровывало то, как он двигается. – Теперь – да.

Она прикрыла глаза, словно больше не могла смотреть на него.

– Я хочу... запомнить тебя другим, – слова давались ей с трудом. – Нас обоих. Запомнить, какими мы были. Тогда. Такими... юными, да.

Он не ответил. Он давал ей время. Им обоим.

– Еще – наивными. – Она снова облизала губы. – Хотя нет. Ты никогда не был наивным. Ты всегда был особенным.

– Солнце село, – сказал он.

Пора.

Глава 1. День цветущей вишни

Вишни пахнут так сладко, что я пошире открываю рот, словно надеюсь наесться медовым ароматом.

Со второго этажа нашего дома на холме открывается прекрасный вид на Касл. Из окна моей комнаты видна красивая башня Адмиралтейства и старинное здание колледжа, ряды двухэтажных домов с черепичными крышами, окруженные серебряным изгибом реки, и набережная, в которой покачиваются корабли. И конечно – Аллея цветущих вишен, которая сегодня станет главным местом города. Обычно вся улица сияет огнями и хорошо просматривается, но сегодня ее прячет бледно-розовый шторм из цветов вишен. Им окутан весь Касл, и даже к нашему дому ветер приносит ароматные хрупкие лепестки. И еще запах. Такой вкусный, что он тает на языке подобно сладчайшему пирожному.

Я облизала губы, жалея, что запахом нельзя наесться.

Впрочем... зачем я вообще об этом думаю? Какое мне дело до запаха розовых лепестков? Особенно сегодня?

Единственное, что должно занимать мою голову в этот день – предвкушение.

Я вытянула левую руку, растопырила пальцы, рассматривая свое запястье с тонкими, едва заметными прожилками вен и выступающей косточкой, и довольно улыбнулась. Сегодня это запястье украсится главной драгоценностью нашего мира! Сегодня я утру нос всем, кто во мне сомневался. Сегодня я обрету крылья, чтобы жить той жизнью, о которой всегда мечтала!

И пусть я никогда не стану Совершенной, но смогу быть яркой жемчужиной в обществе тех, кто подобен богам!

Внизу хлопнула дверь, и в ту же секунду возле дома мягко притормозил внедорожник. Водитель всегда предельно точен. Впрочем, как и все, кто работает на нашу семью.

Хотя нет, не так.

Работает на моего отца.

Словно в ответ на мои мысли, на пороге показался он сам. Как всегда – безупречно одетый в выглаженный до хруста военный

мундир. Я закусила губу, поняв, что отец в синем. Синяя форма. Не парадная белая, а повседневная синяя!

Неужели он не счел сегодняшней день достаточным поводом, чтобы облачиться в белое?

Сверху мне были видны седые волосы отца, уложенные волосок к волоску, ряды орденов на его груди, блеск сапог и даже жёсткий ремень с круглой бляхой.

Водитель – тоже бывший солдат – отдал честь, приветствуя генерала, и распахнул дверцу автомобиля. Еще через миг внедорожник развернулся и покатил к дороге.

Я проводила его взглядом, гадая, знал ли отец, что я за ним наблюдаю. Хотя, о чем я говорю! Конечно, он знал. Отставной генерал и нынешний градоначальник Нью-Касла Ричард Вэйлинг предпочитал все держать под контролем. Но даже если он ощущал мой взгляд на своем затылке, отец не обернулся, чтобы помахать рукой перед отъездом. Даже сегодня. Даже в этот день.

Впрочем, он никогда не махал мне рукой.

На первом этаже звякнул входной колокольчик и тут же прозвучал суровый голос дворецкого. Почти все работники нашего дома – бывшие военные, так что с чем-чем, а с дисциплиной в поместье Вэйлинг всегда полный порядок.

Ну а если бы не я, этот порядок стал бы образцовым.

Я хмыкнула и прикрыла окно, чтобы шелковые занавеси не трепал ветер, а потом обернулась к госте.

– Госпожа Кассандра! – Вошедшая женщина отмахнулась от приветствий, окинула меня быстрым профессиональным взглядом и поставила на столик объёмный чемоданчик, доверху набитый всевозможными баночками, скляночками, палетками и кистями. – Прекрасно выглядите! Вижу, вы соблюдали мои рекомендации, не ели сладкого, соленого или жирного, пили достаточно воды. Ваша кожа в отличном состоянии! Что ж, приступим к работе.

– Да, мастер Мэй, я готова, – кивнула я, присаживаясь у окна, чтобы потоки света омывали мое лицо.

Аманда Вэйлинг гордо взирала со своего места и я – уже привычно, почти неосознанно, – сдвинула стул, на котором сидела, чтобы внимательный и строгий взгляд матери меня миновал. И

неважно, что Верховный миротворец Империи сейчас была всего лишь портретом на стене – я все равно отодвинулась.

И лишь оказавшись вне зоны досягаемости нарисованного взгляда, вздохнула свободно и прикрыла глаза, позволяя мастерице начать свою работу над моим лицом.

Некоторое время тишину комнаты нарушали лишь звуки с улицы да слабый шелест кисти, касающейся кожи.

В приоткрытое окно тонкой струйкой втек запах из кондитерской, недавно открытой ниже по склону холма. Ваниль и шоколад. Запах оказался таким вкусным, что мне захотелось открыть рот и откусить кусочек. Как же пахнет-то, провались эта кондитерская в ад!

Приоткрыв один глаз, я с надеждой осмотрела низкий столик, на котором медленно томился над круглой свечой прозрачный чайник. В оковах запотевшего стекла неторопливо раскрывались крошечные бутоны мальвы, настаивался белый гибискус и отдавали свою свежесть листья перечной мяты. В центре травяного танца кружили лепестки зеленого чая. Достаточно, чтобы насытить отвар бодростью, и слишком мало, чтобы бодрость сменилась греховным возбуждением.

Все точно по заветам всеми уважаемой и почитаемой Марии Гренли – нынешней Чайной Леди Касла. Ну и по совместительству – моей мачехи. Благо, никто не додумался украсить мою комнату и ее портретом, но один лишь вид зеленого чая неизбежно воскрешал в памяти знакомое бледное лицо.

Я поморщилась, оторвавшись от созерцания чаинок, и снова осмотрела столик, все еще надеясь обнаружить там что-то более существенное. Например, пирожное, одно из тех, что пекут в запрещенной мне кондитерской на склоне. Или на худой конец – печенье. Но, конечно, там не оказалось ни того, ни другого.

В этом доме чай всегда заваривают по всем правилам. И к нему никогда не подают сладости.

Впрочем, прислуга сильно удивилась бы, потребуй я что-то подобное. Тем более – сегодня.

– Госпожа Вэйлинг, не вертитеесь. Я глаза крашу, а вы моргаете! – проворчала Мэй, а я послушно сомкнула веки и даже затаила дыхание. Сегодня я не могу себе позволить ни капли небрежности или неряшливости. Сегодня все должно быть идеально, как никогда.

Как всегда.

Совершенная госпожа из рода Вэйлинг в ее совершенный и самый важный за семнадцать лет день.

Живот заурчал, словно насмехаясь надо мной и этим днем. А еще предательски напоминая о пропущенном завтраке. И весьма-весьма скромном ужине, состоящем лишь из крошечного кусочка дыни.

Но верх моего выпускного платья так тесно обтягивает ребра, что я не могу позволить себе ни грамма лишнего веса. Мою тонкую талию сегодня укроет белый атлас, на котором видно даже самый крошечный, самый малейший изъян. А это значит, что никакого изъяна быть не должно.

Я идеальна. Всегда и во всем! И сегодня снова это докажу!

– Не вертите, госпожа Кассандра! Сидите ровно, что вы крутитесь, как юла! – снова проворчала Мэй, ничуть не стесняясь моего высокого статуса. И плевать, что пожилая Мэй всего лишь мастер визажа, а я – дочь градоначальника и почти дипломированный миротворец. В обычной жизни разница между нашими положениями на лестнице иерархии составляет так много ступеней, что с моего места Мэй даже не видно. Но не сегодня... Не сегодня. Потому что в День цветущей вишни повелительница помад и кистей – почти самый важный человек для любой выпускницы Колледжа Миротворства. А слава о мастерстве умелицы Мэй давно разлетелась далеко за пределы нашего города. Она – лучшая в умении сотворить из любого лица истинное произведение искусства. А лучшее – это то, что всегда выбирает моя семья. Именно поэтому сегодня мне завидует весь выпуск, зная, что Мэй колдует именно над моей красотой.

А уж я-то постаралась донести эту новость до всех красавиц Колледжа! Мэй Хловис сегодня красит веки и губы именно мне, несмотря на все попытки перекупить или даже запугать мастера. Глупые девчонки! Нашли с кем тягаться! Со мной! Наследницей Вэйлинг! Золотой девочкой и признанной королевой Колледжа! Кишка тонка!

Я фыркнула и не сдержала улыбку. За что тут же получила легкий шлепок от мастерицы.

– Не кривитесь, юная госпожа! – строго приказала Мэй. – Или хотите, чтобы ваши губы напоминали не цветок, а пиявку, прилипшую к лицу?

Я промолчала. Застыла как истукан, изо всех сил прогоняя мысль об испорченных губах. Даже мелькнула крамольная мысль, что надо было приглашать для макияжа не Мэй, а ее вечную соперницу – Хлою Шан...

Словно ощутив мои сомнения, хитрая мастерица обмахнула меня пушистой кисточкой и пропела:

– Хотя надо признать, ваше лицо – истинная услада для ценителя красоты. Предки щедро одарили вас, госпожа Вэйлинг. У вас удивительно чистая кожа, а оттенок... Ах, какой оттенок! Жемчуг и перламутр, не иначе! Ваши губы красивой формы и приятной наполненности. Ваш нос изящный и ровный, а ваши скулы высоки. А ваши глаза... ах, госпожа! Озера чистой воды, а не глаза! Счастье работать со столь чудесным материалом!

Я хотела снова скривиться на столь откровенную лесть, но не стала. Впрочем, мое лицо действительно приятно глазу. Светлая кожа и серебристо-белые волосы, прозрачно-серые глаза – таковы отличительные черты женщин моего рода. Такой была моя мать, несравненная Аманда. Говорят, я практически ее полная копия. Хотя глядя на портрет матери, я всегда вижу лишь наши различия.

Я снова слегка передвинулась.

Нарисованный на холсте взгляд обладал непонятным и пугающим эффектом. Куда бы я ни отошла, он всегда настигал меня. Рано или поздно.

Возможно, изобрази художник мою маму в платье и с распущенными волосами, я бы ощущала больше родства между нами. Но на картине была не мать и женщина, с холста смотрел Верховный миротворец Империи, в жёстком мундире с эполетами и черной портупеей на груди. Орден не было, но даже если бы Аманда надела их все, это не смогло бы затмить самую главную, самую невероятную награду – атмэ на ее груди, Знак Совершенства. Высшее достижение Духа.

Мой отец вот не мог похвастаться подобным, но он всегда был больше воякой, чем совершенствующимся. И на военном поприще достиг таких высот, что любой солдат знает имя генерала Вэйлинга.

Впрочем... Сейчас я меньше всего хотела думать о достижениях своих родителей!

Прикрыв глаза, я медленно выдохнула и снова втянула воздух, делая паузы, как учил мастер Духа. Подобные практики невыносимо скучны, и чаще всего на подобных уроках я просто сплю, пользуясь полутьмой, но даже у такой нерадивой ученицы, как я, за годы обучения отложится в голове правильная техника дыхания и основы гармонизации.

Я сделала еще несколько вдохов-выдохов, гордясь собой. В конце концов, сегодня у меня праздник и хватит думать о том, что портит мне настроение. Сегодня великий день! День цветущей вишни! День, когда выпускники Колледжа получают заветные белые ленты и уже заслуженное звание Начинающего Миротворца! А самое главное – браслет. Браслет, о котором мечтает каждый житель земли!

Я постаралась сдержать счастливую улыбку, чтобы снова не вызвать недовольство мастерицы. А ведь как только я получу нейропанель, мне уже не понадобится искусство Мэй. Я сама смогу творить со своим лицом и телом все, что пожелаю!

Ну, почти все.

Хотя, конечно, я никогда не признаюсь отцу в своем желании изменить цвет глаз или волос. Папочка свято чтит кодекс миротворцев и для него браслет имеет почти сакральное значение. Его использование должно приносить пользу Империи и окружающим людям, а не служить личным целям одного отдельно взятого индивидуума.

Я едва не скривилась, вспомнив любимое высказывание отца. Но вовремя остановила себя, дабы вновь не попасть в немилость к Мэй. От долгой неподвижности затекла спина и заболели плечи. Но я даже не вздрогнула.

– Вы чистый холст, госпожа Кассандра, – продолжила мастерица, накладывая на мои щеки сияющую пудру. – Идеальный холст для создания шедевра. Уверена, вы станете совершенным миротворцем!

Я сдержала выдох.

Все верно. Такая светлая, почти бесцветная масть – признак породы, знак избранности. Высшее качество от Вэйлинг.

– Вы прирожденный миротворец, госпожа. Как была ваша почтенная матушка, несравненная Аманда.

Несравненная Аманда. Именно так чаще всего говорят о моей маме. А потом смотрят пристально, находя во мне ее черты и пытаюсь

оценить, насколько мы похожи с ней в остальном.

В остальном...

Я ощутила, как по спине ползет холодная капля пота.

– Ах, мне посчастливилось красить вашу матушку в день ее свадьбы. – Мэй издала деликатный вздох сожаления и горечи. – Никогда не забуду то утро! Осень, клены красные, как закат... и она – Несравненная Аманда. Уже с нейро-панелью, золотой браслет так и сверкал на ее руке! И уже известный миротворец... И ведь не нужна ей была я! Никто не нужен, с ее Силой Духа... Но вот – позвала. Она никогда не злоупотребляла силой панели, все это знают. Позвала мастера визажа, а ведь могла бы...Ах! Такая честь, такая честь... Никогда не забуду!

Я изо всех сил стиснула зубы. Надо было все-таки пригласить Хлою Шан. Она моложе и точно не красила мою маму – ни на свадьбу, ни на другое незабываемое событие! Но Мэй – лучшая. А Вэйлинги всегда берут лучшее.

Вот только с Хлоей у меня была бы возможность прожить это утро без разговоров о моей матери.

Это особенное утро.

К черту Мэй и ее воспоминания! Никто не испортит мне выпускной день! Сегодня все будет так, как я мечтала!

– Ну вот и все, госпожа Кассандра! – словно в ответ на мои мысли воскликнула мастерица, позволяя мне наконец-то открыть глаза и разворачивая к зеркалу. – Вы прекрасны, моя дорогая! Почти так же, как и ваша несравненная матушка.

Последнюю фразу я пропустила мимо ушей и уставилась на свое отражение. Из груди вырвался восторженный и немного удивлённый вздох. Мэй действительно оказалась лучшей. Она никогда не спрашивала, что именно хочет получить клиент, но всегда давала то, что ему надо. Я подалась вперед, словно хотела прикоснуться к собственному отражению. Мое лицо под тонкой вуалью жемчужной пудры сияло утренней росой и нетронутой свежестью. А еще – красотой. Сотворив что-то неуловимое с помощью своих кистей и флакончиков, Мэй усилила все лучшее во мне, не изменив при этом фамильные черты. Серые глаза, оттененные золотой краской, стали глубже и мерцали загадочным блеском, губы пленяли карминной сочностью. Серебро волос покрылось розовой дымкой, словно иней на

рассвете. Серебро и легкий пурпур одновременно... К моей бледной и тонкой аристократичности добавились краски, а еще – изящный и легкий соблазн, словно Мэй сумела ухватить и подчеркнуть что-то ускользающее и невидимое глазу.

– Это... это... – Я не смогла найти слов, чтобы выразить собственные эмоции. По правде, я даже не до конца понимала, какие эмоции я испытываю. Все-таки я впервые увидела свое лицо накрашенным. Ну если не считать тайного эксперимента, который я провела, купив дешевые краски для лица. Но тогда результат получился настолько ужасным, что я долго хихикала, вспоминая сотворённое из себя чудовище.

– О, полно, госпожа Кассандра. – Мэй с достоинством улыбнулась. – Я всего лишь раскрыла красоту ваших черт. Вы юны, госпожа, но уже через пару лет вам не понадобится мое искусство.

– Конечно, – с придыханием ответила я, все еще не в силах отлипнуть от зеркала. – Через пару лет на моей руке закрепится нейропанель и мне не понадобится краска!

– Я не об этом. – Мэй неторопливо складывала арсенал баночек и кистей обратно в чемоданчик. – Просто вы повзрослеете.

Я хмыкнула что-то нечленораздельное.

– Счет я направлю вашему отцу, госпожа Кассандра. Еще раз поздравляю с выпуском из Колледжа и поступлением в Академию Аннонквирхе. Говорят, это удивительное место. Лучшее учебное заведение Империи. Уверена, вы станете выдающимся миротворцем и совершите много благих дел.

Ну да, ну да. Как будто мне больше нечем заняться.

– Таким же выдающимся, как и ваши родители. Как ваша несравненная матушка.

Я отмахнулась и от этой фразы. На будущее у меня свои планы, и они не имеют ничего общего с достижениями моих предков. Они выбрали свой путь и видели смысл в работе и всех этих бесконечных миссиях и секретных операциях. Отец даже сейчас, отойдя от военной службы и став градоначальником, относится к жизни так, словно вся она – бесконечное военное сражение... А мама... мама...

Я передёрнула плечами.

Они выбрали свою жизнь, но у меня своя дорога. А я уж точно не мечтаю провести ее, жертвуя собой ради высших идеалов. Хотя я

давно научилась держать эти крамольные мысли при себе. Как раз после того, как получила от отца увесистую затрещину и провела несколько дней взаперти, наивно озвучив свои планы на жизнь. Кажется, мне было тогда лет семь...

Признаться, это был единственный раз, когда отец поднял на меня руку. Дальнейшие наказания были иными – иногда меня лишали ужинов, иногда запирали в комнате. Но это точно не могло меня образумить.

Но что бы ни думал дражайший папочка, даже такой урок с оплеухой не заставил меня измениться. Я просто научилась держать свой язык за зубами.

К сожалению, получить нейро-панель можно лишь закончив колледж Миротворцев и поступив в Академию. Так что учиться мне все же пришлось. Конечно, не так успешно, как хотелось бы отцу, но... Но это уже детали.

Пока я размышляла, любуясь своим лицом, в комнату вплыла домашняя помощница, чтобы помочь мне причесать волосы и надеть платье. Конечно, его тоже можно было назвать восхитительным, ведь это была работа самого Жан-Поля. Для его пошива водителю пришлось несколько раз возить меня в северную столицу на примерки. Но как утверждал мастер, получился настоящий шедевр.

Что ж, надевая это чудо, я была готова с ним согласиться. Белый атласный корсет обнимал талию и верх груди. Юбка, состоящая из десяти слоев розовой тафты, казалась облаком из крыльев фей. Плечи прикрывал укороченный жакет насыщенного пурпурного цвета с жесткими плечиками и широкими, свисающими до самого пола рукавами. Мои тонкие запястья в их прорезях казались особенно изящными и трогательными. А еще весь-весь жакет и подол юбки усыпали камни. Жемчуг – символ чистоты – и бледно-розовые турмалины, сияющие в каждом блике света. Такие же камни покачивались в моих ушах, гроздьями свисая до самых плеч. Лишь руки я оставила без украшений. Сегодня мне не нужны кольца и браслеты. Сегодня я жажду получить лишь одну драгоценность, достойную руки истинной Вэйлинг – золотой браслет, наивысшую ценность нашего мира! Нейро-панель!

Пока прислужница расчёсывала мне волосы до глянцевого блеска и закалывала часть прядей на затылке, чтобы остальные оставить

свободными и спадающими до самой талии, я все любовалась своим отражением, не в силах от него оторваться.

Разве я не прекрасна? Академия Аннонквирхе падет к моим ногам, едва я переступлю ее порог! Да что там академия! Весь Староград будет гордиться тем, что Кассандра Вэйлинг почтила город своим присутствием!

Я рассмеялась от предвкушения прекрасного будущего, которое начнется сегодня.

Не слушая урчание голодного живота и восхищенное причитание помощницы, я кинула последний придирчивый взгляд в зеркало. Но не нашла в отражении ни одного, даже самого крохотного изъяна. Сегодня мир увидит новую Вэйлинг, и она будет безупречной. Так, как и хотел папочка.

Скривившись и ощутив, как померк день, залитый вишневым светом, я отвернулась от зеркальной глади и покинула свою комнату. К черту отца, к черту все!

Обратно я вернусь, любуясь золотым браслетом на левой руке. И возможно, нарисованный на холсте взгляд несравненной Аманды хоть немного смягчится.

Глава 2. Самый важный день

Семейный автомобиль, больше похожий на броневик, остановился у ворот колледжа, и я в очередной раз пожалела, что нельзя доехать до самой лестницы, ведущей к арочным дверям с надписью «Знание-Дух-Совершенство». Эх, сегодня мне этого хотелось особенно сильно! Чтобы огромные колеса остановились прямо у нижней ступени – и молчаливый водитель в фуражке открыл мне дверь и подал руку, помогая выйти. Но, увы, подобное было запрещено уставом колледжа. И конечно, это не одобрил бы мой отец.

Поэтому даже в этот особенный день пришлось вылезать самостоятельно, а водитель лишь пожелал мне счастливого выпуска.

Арочные ворота, увитые чугунными цветами, стояли нараспашку и вдоль ограды уже теснились автомобили выпускников. А сами они шумной, наряженной в традиционные цвета выпуска толпой расположились на трех ярусах главной лестницы, отчего ступени казались белыми, розовыми и пурпурными волнами.

Помню, поначалу одноклассники пытались насмеяться над тем, что я приезжаю не на аристократичном кадиллаке с открытым верхом, а на огромном железном монстре, но быстро замолчали, поняв, что связываться с Вэйлинг – себе дороже. Я улыбнулась, припоминая свои детские забавы. О нет, я никого не била и даже не угрожала. За это можно было в два счета вылететь из колледжа и получить от папочки кое-что похлеще затрещин. Да и портить руки дракой – точно не мой способ вести войну. Только дураки пытаются воевать грубой силой, которой у меня к тому же и не имелось. Я всегда была тонкой, если не сказать – худой, пусть и гибкой, как ивовый прут. Но зато у меня имелось весомое преимущество, и это не тень папочки-градоначальника за спиной. Ладно. Не только тень папочки за спиной. Просто я всегда была умной. Кто-то злобный и завистливый, типа моей вечной врагини Джеммы Ржаник, назвал бы это хитростью и коварством, но во-первых, мне плевать на мнение Джеммы, а во-вторых... во-вторых, чем хитрость отличается от ума?

Да, еще в младших классах я научилась мстить своим обидчикам. И тем, кто осмелился усмехнуться в открытую, и тем, кто шептался за

спиной тайно.

Уже в семилетнем возрасте я поняла, что у каждого-каждого есть маленькие тайны, грязные секреты и постыдные поступки, которые человек пытается скрыть от окружающих. И что люди готовы на многое, чтобы эти тайны так и оставались тайнами.

О! Это было осознание, достойное ордена! Самый важный и самый нужный урок, который преподнесла мне жизнь.

И за прошедшие десять лет маленькая Кассандра Вэйлинг очень хорошо научилась обращаться с чужими секретами. Я собирала их вдумчиво и бережно, хранила в кладовых своего разума, чтобы достать в нужный момент. И тут весьма пригодился папа-градоначальник, принимающий в своем доме всех важных и нужных людей города. Поначалу это было лишь моим развлечением. В конце концов, что еще делать маленькой девочке в огромном доме или на скучных светских приемах? Друзей у меня не водилось, так что я сама придумала себе занятие. Пряталась за занавесками кабинета, где мужчины с сигарами обсуждали нечто тайное и взрослое. Либо сидела под столом гостиной, в которой хихикающие леди полусшепотом выдавали друг другу свои непристойные тайны или семейные склоки.

Никто не обращал внимания на среброволосую девочку с широко распахнутыми глазами и милой улыбкой. Никто не видел в ней опасности. Всего лишь ребенок, ненароком подслушавший то, чего наверняка даже не понял.

Но я быстро научилась понимать. Понимать, запоминать и складывать в свою копилку чужих секретов.

Внимательный глаз способен подметить многое. Обрывки разговоров, прерывистые строчки удаленного сообщения, страстный шепот в темноте комнаты...

Я умела видеть детали и складывать по ним картину чужой тайны.

А потом...

Сыновья и дочери этих мужчин и женщин учились со мной в одной школе, а потом и в одном колледже. Все-таки Касл совсем небольшой городок... И все, кто посмел пойти против Кассандры Вэйлинг, однажды были наказаны. Так или иначе.

Я снова улыбнулась. Порой приятно вспомнить детство.

Оправив юбку и высоко задрвав подбородок, я осмотрелась. Но где же Дамир? Почему не караулит вход в ожидании меня? Неужели

забыл? Но он не мог забыть о таком важном деле!

Сзади кто-то посигналил, оповещая, что пора освободить проезд. Я снова осмотрелась, мысленно проклиная Дамира и придумывая самую страшную месть из своего арсенала! И этот идиот еще надеется перевести наши отношения в новую плоскость? Например – горизонтальную? Да все, что он получит от меня после сегодняшнего прокола – это бесконечное презрение! И зачем только я связалась с этим недоумком?

Зачем, зачем... Затем, что Дамир – самый красивый парень выпускного курса. Он высокий и спортивный, а еще он обладатель роскошных золотых кудрей, зеленых глаз и шикарной улыбки. О нем мечтают все мои сокурсницы и даже несколько преподавательниц.

И именно поэтому сегодня он должен был сопровождать меня к лестнице! Именно поэтому я терплю его целый год, с того самого момента, как пришло время выбирать пару на выпускной. Терплю, тщательно скрывая собственное раздражение!

С дороги снова посигналили, и водитель, пожелав мне счастливого выпускного, уселся за руль и медленно сдал назад.

Я выругалась самыми грязными, самыми отборными словами, которые с удовольствием подслушивала во время перепалок водителя и кухарки. Конечно, никто из них и предположить не мог, что во время их разъяренных словесных баталий за углом устраивается дочка хозяина и чуть ли не конспектирует их цветистые высказывания. Хотя записывать мне и не требовалось, у меня всегда была отменная память... на всякие гадости! С какой радостью я сейчас выкрикнула бы все, что знала, в лицо Дамиру! Или хотя бы – вслух! Но увы, все что я могла – это выругаться мысленно, а потом нацепить на лицо свою самую царственную маску и поплыть ко входу в колледж, ведь и дальше стоять у ворот, словно попрошайка – гораздо хуже. На ступенях лестницы уже толпились выпускники – все наряженные в шелка и увешанные драгоценностями. Конечно, если они у них имелись. Те, кто не мог позволить себе камни, прикололи к платьям и сюртукам веточки цветущей вишни. К моему величайшему сожалению, наряду с аристократией Касла колледж принимал на обучение и детей самых обычных, ничем не выдающихся горожан. Конечно, все понимали, что подобным неудачникам лучше бы учиться в какой-нибудь затрапезной школе гончарного мастерства, а не метить

в миротворцы! Но попадались и те, кто этого не знал, или делал вид, что не знает.

Как, например, та самая Джема.

А вот, кстати, и она, чтоб ее бесы слопали!

Джема Ржаник, одетая в простое белое платье, с заплетенными в толстую косу каштановыми волосами и хмурыми светло-кариими глазами. Джема, всегда вызывающая у меня лютую неприязнь. С самого первого дня, когда меня – новенькую ученицу, усадили с ней за одну парту. С того дня, как Джема протянула мне маленькую, перепачканную чернилами ладошку, и широко улыбнулась.

Да, я возненавидела ее в тот самый момент. Хотя... какая к черту ненависть? Слишком много чести для такой, как Джема! Я всего лишь ее...презираю.

Презренная Ржаник стояла на верхнем ярусе лестницы и, прищурившись, смотрела, как я поднимаюсь. Выпускники расступались передо мной, словно пурпурное море. Взгляд Ржаник приклеился к моему лицу и наряду, так что я еще больше вздернула подбородок, вышагивая на высоченных каблуках и наслаждаясь воцаряющейся вокруг меня тишиной. Я заставила себя не торопиться, а идти медленно, с гордым видом королевы.

Эх, все же жаль, что нельзя подниматься по этой лестнице в окружении верных слуг! Они были бы достойным обрамлением моего царственного шествия!

Голоса и смех учеников смолкали, пока я шла, и все-все головы поворачивались в мою сторону. И на всех-всех лицах я видела восторг, изумление, зависть! Чужие эмоции полились щедрым бальзамом на мою слегка поцарапанную Дамиром душу, и я совсем замедлила шаг, чтобы впитать побольше!

А когда наконец достигла верхней площадки, поняла, что вокруг стало удивительно тихо и все смотрят лишь на меня.

– Кассандра, оу, ты отлично выглядишь! – с восхищением выкрикнул Патрик, и я величественно кивнула.

– Какая ты красивая, Кэсс! – восторженно подхватил долговязый Архип. Из-за искреннего восторга в его круглых карих глазах я даже решила простить это панибратское «Кэсс». Один раз – прошу. Так уж и быть. Но лишь раз. Потому что чести называть меня сокращенным

именем удостоивались лишь избранные, в число которых этот недоумок, конечно же, не входил.

Эту парочку – Патрика и Архипа – в обычные дни я даже не замечала, но сегодня они сыграли важную роль. Возможно, самую важную в своей никчёмной жизни! Своими восторгами они запустили лавину всеобщего восхищения, которая полилась на меня со всех сторон, заставляя даже забыть, что пришлось подниматься по проклятой лестнице в одиночку! Сейчас я даже порадовалась, что мерзавец Дамир не явился, чтобы поддержать меня, ведь так мое шествие оказалось еще более впечатляющим.

Нет, я не покинутая всеми одиночка. Я – прекрасная богиня, поднимающаяся на вершину мира! Мое появление вышло даже лучше, чем я ожидала, но это не означает, что я прощу Дамиру его подлую выходку!

– Кассандра, ты звезда!

– Прекрасная Кассандра Вэйлинг...

– О, кто эта дева из грез? Что за чудесное видение?

– Такое платье демонстрировали на показе мод в Нью-Пэйресе... Это работа самого Жан-Поля? Невероятно!

– Посмотри на ее серьги... Такие изысканные... Неужели бриллианты?

– Конечно, бриллианты! Ее папочка не жалеет денег на дочурку... Вэйлинги богаче всего Совета...

– Ты ведь знаешь, кто ее мать?

– Спрашиваешь...

Поток восторгов и комплиментов все не иссякал. Я принимала их со снисходительным и слегка скучающим видом, в конце концов, королеве колледжа не привыкать к подобному! Но про себя скрупулёзно запоминала каждого и вычисляла тех, кто не проявил должного рвения в похвалах.

В стороне от всеобщего оживления осталась сама Джема и кружок таких же неудачников. К моему удовольствию, весьма маленький кружок!

Сполна насладившись потоком лести и восхвалений, я соизволила наконец двинуться к дверям.

– Размалевалась вся, – прошипела мне вслед подруга Джемы – приземистая и коренастая Ивона. – Лицо разукрашенное, серьги до

плеч!

Я слегка замедлила шаг, размышляя, как поступить.

Проигнорировать? В конце концов, кто придаст значение завистливому шепотку некрасивой Ивоны?

– Выглядит, как... как!..

Я грациозно повернулась и окинула девушку насмешливым взглядом.

– Ах, Ивона, – пропела я, привлекая всеобщее внимание. – Я выгляжу так, как никогда не будешь выглядеть ты. И раз ты не можешь подобрать правильное слово, то подскажу. Я выгляжу как дива. Как прекрасная дива, о которой мечтают все встречные парни. Но ты ведь никогда не узнаешь, что это такое, верно? Никто не мечтает о такой, как ты. Разве что любители сочных свинок.

Ивона залилась яркой багровой краской, обретя полное сходство с упитанным поросенком. Я давно заметила эту ее особенность и держала в уме, как шпильку, которую однажды можно воткнуть в бок.

– Да как ты смеешь! Ты... ты! – от волнения Ивона поперхнулась воздухом и издала хрип, ужасающе похожий на хрюканье.

Толпа выпускников захохотала, а девушка всхлипнула и бросилась прочь, спотыкаясь и едва сдерживая слезы.

Увы, Ивона никогда не отличалась умением держать удар. На самом деле я вообще не понимаю, как с таким ужасным самоконтролем она сумела закончить колледж.

Кто-то заплодировал, кто-то тоже захрюкал.

Джема насупилась, сжала кулаки и шагнула ко мне. Я подняла брови в деланном изумлении, а сама тем временем лихорадочно прикидывала, что буду делать, если ненормальная Джема все-таки бросится на меня. Вдруг она решит отомстить за все годы нашего обучения?

Но, конечно, я не позволила себе даже моргнуть и тем более утратить царственный вид. Королевы не бегут, когда видят бунтующую чернь! Королевы отвечают. А потом мстят. Беспощадно.

И все же вопрос с Ржаник надо решать быстро, пока она в самом деле не бросилась на меня и не повалила на мрамор, колотя башкой об пол. Помнится, в детстве она была на это способна.

– Ах, Джема, Джема, – с издевательской лаской произнесла я, краем глаза оценивая свою позицию.

Выпускники выстроились полукругом, с жадностью следя за развернувшимся действием. Я покосилась краем глаза. Кого я могу привлечь в союзники так, чтобы это не выглядело мольбой о помощи?

Черт, ну почему этой дурочке было просто не пройти мимо? Не закрыть глаза, как она привыкла делать!

– Что я вижу, Джема? Ты сжала кулаки? Неужели ты проявляешь открытую агрессию? И где? У входа в колледж миротворцев? Ай-ай, – покачала я головой, надеясь, что выгляжу все такой же расслабленной и невозмутимой. Я даже улыбнулась – снисходительно, как и подобает королеве. Сделала широкий жест рукой, словно привлекая собравшихся в свидетели. Хотя они и так ловили каждое мое слово. – Джема, это недопустимо. Ты источаешь низкие вибрации, я чувствую их даже без браслета! Это так...недостойно... Так отвратительно. Боюсь, комиссия может решить, что ты и сама недостойна получить сегодня новое украшение!

Ржаник издала низкий шипящий звук, но я заметила тень страха в ее глазах. Ну конечно же. Джема – дочь одинокой портнихи, и поступление в колледж, а потом в Академию миротворцев – для нее невероятная удача. И конечно, на Джему возлагаются невероятные надежды. Если сегодня Ржаник не получит белый браслет, все прошедшие годы окажутся напрасными. Вся ее жизнь окажется напрасной.

И Ржаник прекрасно поняла мой непрозрачный намек. Ведь в комиссию по распределению браслетов входит и градоначальник. Мой отец.

– Ты не посмеешь, Вэйлинг, – процедила она.

– Я? Но разве это я распространяю вокруг волны агрессии? Осторожно, Джема. Кое-кто может подумать, что ты от природы склона к низким вибрациям.

Я снова сделала широкий жест рукой, показывая, что за моей спиной очень много этих кое-кого. Тех, кто захочет остаться верным другом дочери градоначальника и наследницы Вэйлинг. Тех, кто знает, что не стоит ссориться с королевой.

Понимая, что сила на моей стороне, и желая показать, что я уж точно не боюсь эту Ржаник, я сделала несколько плавных шагов, отдаляясь от верной паствы и приближаясь к врагам. Королева не чувствует страха.

Джема вздрогнула, когда я приблизилась. Ее карие, словно мокрые камушки глаза, расширились, и я увидела в зрачках свое великолепное отражение. Глупые и никчемные подруги Ржаник торопливо отскочили в сторону, словно это я сжимала кулаки.

Хотя я всего лишь улыбалась.

Королева побеждает.

– Кое-кто даже может решить, что у тебя есть тяга к мортидо*, Джема, – почти нежно прошептала я, склоняясь к лицу врагини. Мы с ней были одного роста, но Джема шире в плечах и бедрах. Она похожа на крепкий дубок, тогда как я – тонкая серебристая ива.

Губы Джемы скривились то ли от страха, то ли от злости.

– А может, те, кто пустил тебя обучаться, ошиблись? Может, ты и вовсе... разрушитель?

Страшное слово повисло в воздухе. Кто-то ахнул и отшатнулся, уловив его. Злое эхо чернотой прокатилось по белым, розовым и пурпурным рядам учеников, пачкая радостные лица испугом. И выпускники слаженно отшатнулись назад.

Джема вздрогнула, уставившись на меня с ужасом.

– Ты сошла с ума! – почти выкрикнула она. – Я будущий миротворец!

– Но ты едва не бросилась на меня с кулаками. Это все видели. Ты источаешь злобу.

– Ты меня провоцируешь!

– Я? Я всего лишь шла мимо. Я тебя даже не видела, – не моргнув, соврала я. – А вот ты набросилась со своей сворой. Натравила на меня Ивону. Неужели это зависть? Не можешь пережить моего успеха, Джема? Трудно смириться с тем, что не ты стала лучшей? Что не ты получишь золотой браслет?

У девушки отчетливо дернулась щека.

Главное правило королевы – знать уязвимые места своих врагов. Восприимчивость Ивоны. Или тайные мечты Джемы Ржаник.

О да, я точно знаю, что она мечтала об этом знаке признания. Золотой браслет, украсивший запястье на всю оставшуюся жизнь. Знак привилегий, знак избранности. То, что открывает дверь в лучшую жизнь. В невероятные возможности.

Золотой браслет всегда получает лучший ученик колледжа.

Его получает королева.

Я.

– Стерва. – Джема вдруг качнулась, и наши лица оказались близко-близко. Так близко, что я рассмотрела каждую ее черточку. И увидела, что на лице врагини нет ни капли краски. Ни помады, ни теней, ни туши. Что ее ресницы такие длинные и черные, а губы яркие, потому что так решила сама природа. А блестящие волосы Джемы, сейчас заплетенные в косу, завиваются в кольца тоже без всяких щипцов. Что ее платье – простое, светлое, сшито из дешёвой ткани, и наверняка над ним поработал не какой-нибудь выдающийся и известный дизайнер, а ее мать-портниха.

Я вижу все это в один момент. А еще то, что Джема красива. Совсем не аристократична и даже не изящна, но... красива. Ее красота тоже простая и какая-то плотская. Она как земля. Как дерево. Как река.

И еще она – истинный миротворец. Лучший, настоящий миротворец нашего выпуска.

Мне ли не знать.

И да, это она должна надеть сегодня золотой браслет. Это она должна получить признание и похвалу Высокой комиссии. Это она должна идти по аллее цветущих вишен с высоко поднятой головой, сияя гордостью и вновь приобретенным сокровищем.

Если бы мир был справедлив.

Но он несправедлив.

И по аллее, высоко подняв руку с золотой полоской, пойду я. И лепестки вишен будут падать на мои плечи. И мне будет рукоплескать город.

Мне, королеве. Которая умеет побеждать. Любой ценой.

Все это проносится между нами, отражается в наших глазах. В моих – прозрачно-серых, обведенных кармином и сумраком. В ее – светло-карих, теплых, как корочка свежеиспеченного хлеба.

– Я тебя ненавижу, Кассандра Вэйлинг, – тихо, в губы мне выдыхает Джема. – За все. А ведь когда-то я считала тебя...

Она замолкает, не договорив. И вовремя. Произнеси она неправильные слова, и возможно, это я не смогла бы сдержаться.

И все же, мне почему-то хочется узнать то, что она не сказала. Считала меня... кем? Кем?

– Я считала тебя... нормальным человеком! – выпаливает вдруг Джема. – А сейчас – ненавижу!

– Я знаю, – шепчу в ответ. – Твоя ненависть такая же жалкая, как и ты сама, Джема. Она ничего не стоит.

– Это твой золотой браслет ничего не стоит, – тихо, чтобы не услышали другие, говорит девушка. – Он фальшивый. И ты тоже фальшивая. Ты не миротворец. Ты недостойна.

Внутри что-то обрывается и падает, падает на дно моей души. Увы, этот враг тоже знает мои слабые места. Но к счастью, враг слишком труслив, чтобы этим знанием по-настоящему воспользоваться.

И все же я дрогнула. Тайна, которую я храню, ворочается на дне души, разрастается и поднимает голову, как большой уродливый монстр. Наверное, что-то такое все-таки отражается в моих глазах, потому что Ржаник прищуривается.

– Отец не сможет вечно прикрывать твой зад, Кассандра. Однажды все узнают, что ты...

– Мой отец тут ни при чем, – вырывается у меня.

Черт, черт, черт! Я сглупила и лягнула, не подумав. Нельзя, нельзя такое говорить! Пусть считает, что это папочка-градоначальник обеспечил мне золотой браслет. Пусть лучше так...

Я не могу, не должна произносить, что великий генерал Ричард Вэйлинг ни за что не стал бы этого делать. И если он узнает правду, все станет очень, очень плохо...

Но как, как я могла сказать это вслух? Все-таки Джема имеет надо мной некую власть. Хотя неудивительно. Она сильная. Очень сильная... И это даже без браслета.

И на миг мне кажется, что она сумеет победить...

Но удача всегда на стороне сильных. На стороне королев.

– Кэсси! Вот ты где! Боги, какой наряд! Ты решила затмить луну и звезды? И заодно – все цветущие вишни? Кассандра, ты невероятно красивая! Дай я на тебя посмотрю! – раздается за спиной звучный голос, от которого Джема вздрагивает и мигом сдувается, словно проткнутый иглой воздушный шарик.

Рядом со мной вырастает высокая фигура, и мне не надо оборачиваться, чтобы понять, кто это. Теплая ладонь ложится на мою талию, и Дамир – конечно же, это он, – осматривает нас со слегка удивленной улыбкой. Я поворачиваю голову. На лице парня играют

ямочки, его золотистые волосы треплет ветер. Он безупречен, как янтарь в дорогой оправе. Достоянная рамка для королевы.

Мечта всех девушек колледжа.

И тайная греза Джеммы Ржаник.

Под веселым и нахальным взглядом Дамира врагиня теряет самообладание и весь свой запал. Ее щеки розовеют, губы приоткрываются, плечи опускаются. Вся ее агрессивность разлетается пеплом. Чувства делают ее слабой и мягкой, словно незащищенное брюшко ежа.

А мне ее чувства дают еще одну шпильку, которую можно воткнуть в поверженного врага.

Я не прощаю тех, кто увидел мою слабость.

И поэтому я улыбнулась Дамиру, скользнув ладонью по его плечу. А потом сама взяла его за руку.

Парень вздрогнул от удивления, опустил взгляд на мои пальцы, лежащие в его ладони. Его зеленые глаза потемнели из-за расширившихся зрачков, а мне эта реакция почти вернула хорошее настроение. Все же парни такие глупые! И ими так легко вертеть во все стороны!

– Кэсси?

– Я так рада тебя видеть, дорогой!

Я улыбнулась ошеломленному Дамиру. Как же вовремя он появился! Так вовремя, что, возможно, я даже забуду о его опоздании, из-за которого мне в одиночку пришлось тащиться по лестнице! Почти забуду. И моя месть теперь будет не такой страшной!

А пока я надела на лицо маску невинной и прекрасной богини и придвинулась ближе, с удовольствием наблюдая, как ошеломление на красивом лице парня сменяется радостью и даже счастьем.

Он смотрел на меня влюбленными глазами, не видя, что Джема часто-часто моргает, едва сдерживая слезы.

Впрочем, в этот момент Дамир не видел никого, кроме меня. В отличие от меня самой. Потому что я-то как раз смотрела на поверженного врага, который в один миг превратился в обычную девчонку, готовую разрыдаться из-за смазливового парня.

Что еще раз доказывает, насколько она глупа. Я вот никогда не стану страдать из-за чувств к мужчине. Королевы не влюбляются.

Но победу надо было закрепить, а врага добить, чтобы он раз и навсегда запомнил, кто здесь главный. Поэтому я приподнялась на носочки и мягко прикоснулась губами к щеке Дамира, вырывая его вздох и аплодисменты публики. Теплая мужская ладонь на моей талии заметно потяжелела.

– Я очень рада тебя видеть, милый. – Я смотрела ему в лицо, но видела лишь Джему. То, как она на миг прикрывает глаза.

– Здравствуй, Дамир. Ты сегодня отлично выглядишь, – смущенно пролепетала девушка, не понимая, что он ее не слышит.

Дамир даже не повернул головы. Он сиял как начищенная монета, решив, что в наших отношениях наконец-то начались столь желанные для него перемены.

Джема снова моргнула. На ее загорелых щеках залегли некрасивые стыдливые пятна румянца. Вот удивительно – бесстрашная и решительная Джема, которая не боялась открыто выступить за то, что она считала справедливостью, всегда пасовала перед красавчиком Дамиром и в его присутствии не могла связать и двух слов.

Впрочем, и это мне на руку.

Я медленно провела кончиком пальца по пурпурному бархату пиджака Дамира и промурлыкала:

– Как приятно, что ты оделся в мои цвета, милый. Мы станем украшением этого вечера. – Все же не зря я настояла на том, чтобы заранее оговорить его наряд. Рамка должна выгодно подчеркивать королеву.

– Ты украшение любого вечера, дня и ночи, Кэсси, – хриловато от эмоций сказал Дамир, а я едва не поморщилась. Ну что за пошлость....

– Дамир, я слышала, ты поступил в Аннонквирхе? – снова попыталась привлечь внимание красавчика Джема.

Он повернул голову, но я тут же положила ладонь на его щеку, сбивая с толку новой улыбкой.

– Думаю, сегодня прекрасный день для начала новой жизни, правда, дорогой? И новых отношений? – с намеком произнесла я, и парень тут же забыл обо все на свете.

– Кэсс! Ты говоришь о...

Я многозначительно запечатала ему рот рукой.

– Тут посторонние.

– Что? Да мне плевать! Мне на всех плевать! Кэсс! Я так тебя....

Дамир внезапно подхватил меня за талию и приподнял, вырвав у меня одобрителный смешок, а у публики – новые аплодисменты. Я едва не замурыкала, представив, как восхитительно мы смотримся: тонкая юная красавица в объятиях сильного и мужественного парня, пена юбок, искры пурпурных камней, развевающиеся розовые локоны!

Поистине спектакль, достойный оваций!

– Поставь меня, глупый!

– Кэсс, я так рад! Значит, ты на меня не злишься? За то, что я немного опоз...

А вот это уже не для ушей Джеммы! И поэтому я стиснула руку Дамира так, что ногти впились ему в кожу, а сам парень удивленно вздрогнул.

– Кэсс?

– Думаю, нам пора войти в здание, сколько можно стоять на этом солнцепеке, – капризно протянула я.

Парень несколько удивленно поднял взгляд на широкий каменный свод над нашими головами, но покорно кивнул и повел меня к дверям. Так и не посмотрев на Джемму.

А я вот не удержалась. Повернула голову и едва не вздрогнула от жгучего взгляда Ржаник. Она смотрела не на Дамира, нет. Она смотрела на меня. И увидев ее взгляд, многие преподаватели засомневались бы в миротворческих наклонностях этой ученицы.

В этом взгляде было слишком много чистой, темной, обжигающей ненависти.

Мортидо – термин, используемый в психоанализе для обозначения вида психической энергии, источником которой является гипотетический инстинкт смерти.

Глава 3. Темный альков

Стоило перешагнуть широкие двери колледжа и оказаться в сумраке холла, как я выпустила руку Дамира и попыталась отстраниться. Но не тут-то было! Ладонь парень отпустил, но тут же обвил мою талию и, стремительно миновав полукруг мраморных статуй, сурово взирающих на входящих, затащил меня в неглубокую нишу за ними. Ученики называли эти тайники «альковами для поцелуев». Не знаю, для чего они предназначались при строительстве, может, когда-то в них стояли питьевые фонтанчики или прятались закованные в латы стражники, но сейчас эти углубления использовались в основном для разных фривольностей.

Собственно, именно этим Дамир и решил заняться.

Притянул меня ближе и потянулся к губам.

Я уперлась руками ему в грудь, не давая нашим ртам соприкоснуться.

– Эй, ты чего! – возмутилась я.

– А? – Он снова попытался стать ближе, но я мотнула головой, и вместо губ Дамир ткнулся в мой висок.

Я вздрогнула от влажного прикосновения и отпихнула парня уже всерьез, изо всех сил.

– Кэсс, ты что? – с обидой протянул Дамир, все еще пытаюсь сократить расстояние между нами. – Ты же сама говорила! Только что!

– Ничего я не говорила, – буркнула я.

– Сказала, что хочешь сделать наши отношения лучше!

– Тебе показалось. – Я осторожно выглянула из-за алькова, надеясь, что поблизости не топчется парочка слишком любопытных выпускников. Но к счастью, почти все они стояли на лестнице в ожидании ректора.

– Да как это показалось? Ты же сама... – Дамир насупился и помрачнел. Его глаза недобро сощурились. – Снова твои шуточки, да, Кэсс?

– Не понимаю, о чем ты.

– Думаешь, я дурак? – Он наконец перестал махать руками, пытаюсь поймать мои ладони. – Думаешь, не вижу, как ты... играешь?

Когда тебе нужно, ты нежнее лепестков вишни, а когда нужда во мне пропадает, снова возвращается ледяная Кассандра! Почему ты так ведешь себя? Почему ты такая... бесчувственная!

Я промолчала, не видя смысла даже возражать. В конце концов, наше обучение подошло к концу, и Дамир выполнил свою функцию. Я окинула его придирчивым взглядом. Да, Дамир Норингтон, несомненно, красив. Статный, богатый, из хорошего и уважаемого рода. Король колледжа. Но я не видела особой разницы между ним и статуями в холле. Или между ним и долговязым рыжим Архипом. Один король, второй – пешка, но по сути оба – лишь фигурки на моей шахматной доске. Выполняют свои ходы, зарабатывают для меня очки, а после падают в коробку, и я тут же о них забываю.

Словно услышав мои мысли, парень слегка побледнел. Неуверенно взъерошил волосы, заставляя блики света плясать на золотых прядях. Это тоже было красиво. И тоже совершенно не трогало.

– Кэсс, послушай...прости меня. Я сам не знаю, что говорю. Назвал тебя бесчувственной, прости...Я не хотел тебя обидеть...

– Я не обиделась.

С чего бы мне обижаться на правду?

– Да еще и этот день... Мы все сегодня немного... не в себе, правда? – Он выдавил улыбку, и я заскучала.

Я всегда в себе, не надо обобщать.

– Послушай, мы вместе почти год. И я хочу... хочу сказать, что это было лучшее время в моей жизни!

Я сумела подавить зевок. Конечно, не потому что боялась обидеть Дамира, а потому что от зевоты может испортиться мой макияж.

– И ты должна знать... знать... То, что я сказал тебе на лестнице... То, что хотел сказать...

Он судорожно выдохнул, и даже в сумраке ниши стали видны появившиеся на щеках пятна волнения.

– Кассандра Вэйлинг, я люблю тебя!

Нет, все-таки зевнула. Надо срочно найти зеркало и проверить губную помаду!

– Кэсси, ты меня слышишь? – Дамир схватил меня за руки, и я поморщилась.

Надеюсь, на запястьях не останутся следы, мне сегодня еще сиять золотым браслетом. Будет ужасно, если на фотографиях крупным планом мои запястья окажутся с пятнами.

– Ты слышала, что я сказал?

– Ну конечно, я слышала. Я ведь не глухая. А если ты будешь так орать, тебя услышит весь колледж.

– И хорошо! И пусть! – горячечно выдохнул парень, сжимая мои пальцы. – Пусть все знают! Не думай, что это временно, Кэсс... Я знаю, что я чувствую! Я люблю тебя. И это всерьез. Всерьез, понимаешь? Я хочу, чтобы у нас тоже все было всерьез!

– Дамир, успокойся, – покосилась я на мраморную спину, отделяющую нас от холла. Надеюсь, за ней не собралась толпа, чтобы послушать любовные излияния наследника Норингтонов. Вот же проклятье! И как я вообще оказалась в подобной ситуации? Как позволила затащить себя в этот... альков! За прошедший год я ведь выучила миллион и один способ как не допустить подобного безобразия!

Все дело в этой гадине Ржаник! Джема вывела меня из равновесия и заставила утратить бдительность. И вместо того, чтобы блистать в кругу поклонников и завистников, я стою в пыльном углу и выдираю свои пальцы из горячих как уголь рук Дамира! Какой позор!

– Я хочу серьезных отношений. Понимаешь? Настоящих! Я люблю тебя и хочу всегда быть с тобой. Всегда! Я хочу... Кэсс, ты выйдешь за меня замуж?

– Ты с ума сошел? – вот сейчас я действительно удивилась. – Дамир, ты в своем уме? Какие серьезные отношения, нам по семнадцать лет! Надо поступить в Академию, а потом... Вся жизнь впереди! Я хочу путешествовать, увидеть все три столицы, посетить разные уголки Империи и другие страны. Да и потом... Я не хочу замуж.

Тем более – за тебя.

– Да, мы молоды. – Парень упрямо выпятил челюсть, становясь похожим на бычка. – Но это ведь не помеха! Мои родители полюбили друг друга в колледже, а поженились на втором курсе Академии. И до сих пор счастливы. У нас будет так же, Кэсс.

Я все-таки смогла выдернуть свои ладони из его лапищ и осторожно размяла пальцы. Бедный наивный Дамир. Нет, у нас

никогда не будет так же. Потому что мы не твои родители, на которых ты так восторженно ровняешься. А я – не застенчивая и милая леди Анна – твоя мамочка.

Конечно, я знала семью Дамира. Как и все уважаемые семьи, они входили в совет города, где председательствовал мой отец. По сути, мы были знакомы с той поры, как я впервые надела лаковые туфельки, чтобы станцевать вальс на зимнем балу. Мне тогда едва исполнилось восемь лет. И уже тогда семейство златокудых Норингтонов казалось мне ненастоящим.

Став старше, я поняла, в чем тут дело. Леди Анна, ее супруг Марк, сам Дамир и две его старшие сестры словно выбрались из открытки. Такие продают в огромном дворце библиотеки Архивор, что горделиво возвышается за Аллеей цветущих вишен. Помимо полок с тяжелыми талмудами в кожаных или деревянных окладах, старинных книг, картин и антиквариата, в этом здании есть огромный стеллаж с подобными открытками. Каждая картонка стоит как месячный оклад нашей кухарки. И с каждой в обрамлении толстых золотых вензелей смотрит прекрасный херувим – точная копия представителей семейства Норингтон.

В детстве я обожала эти картинки. С пузатыми малышами в белых платьицах, с суровыми мужчинами при мечях или шпагах и прекрасными женщинами в бархате, окруженными детьми и длинноносыми роскошными собаками. Я собирала эти открытки и рассматривала их ночами, мечтая забраться в одну из них и остаться там навсегда. А потом поняла, что все это – совершенно ненастоящее. Что так не бывает. Нет таких отцов и матерей, нет детей, улыбающихся, словно перед ними стол, заваленный пирожными. Все это лишь фантазия.

А потому, когда я встретила Норингтонов, я была уверена, что все они лишь притворяются, изображая счастливое семейство и копируя тех самых нарисованных ангелочков.

А когда поняла, что они и в самом деле такие... Возможно, именно в тот день у меня появилось желание сделать кому-нибудь из них больно? Например, улыбающемуся мальчику, который пригласил меня на первый в моей жизни танец...

– Кэсс? Ты меня слушаешь? Мы могли бы...

Я мотнула головой, наблюдая, как разлетаются мои волосы – розовые сверху, серебряные внутри. Тот мальчик давно вырос, как и я, впрочем.

Удивительно, но даже спустя годы Дамир все еще напоминает мне о тех открытках.

– Ничего мы не могли бы. – Мне надоел и этот балаган, и этот угол, и этот олух со всеми его чувствами. – Никогда.

– Я дам тебе время...

– Мне не нужно время, Дамир.

– Послушай... Я...

Не зная, что сказать и как вести себя, он снова потянулся ко мне, решив по глупости, что поцелуй скрасит неловкость момента и расставит все по своим местам. Что влажное прикосновение губ и языка зажжет искру в моей душе. Ну и все такое, в том же духе дурацких открыток с золотыми вензелями.

Но я лишь отпихнула парня, и он застыл, нелепо согнувшись и моргая.

– Не смей, – отчеканила я.

Дамир заморгал, и на миг мне показалось, что он расплечется, словно девчонка. А ведь любая другая девушка колледжа была бы счастлива оказаться на моем месте. А Джема так и вовсе сошла бы с ума от радости!

Но я не любая.

Я королева.

– Не смей, – повторила я.

– Ты не хочешь, чтобы я тебя поцеловал?

– Мой первый поцелуй достанется тому, кого я захочу с первого взгляда, – насмешливо отозвалась я.

Дамир сглотнул сухим горлом и выпрямился.

Да, я знаю, многие в колледже уже целовались, а кто-то и не только целовался, но я ведь не многие. Я – особенная. И не позволю какому-то парню залезть в мой рот языком только лишь потому, что мне любопытно. Ну уж нет.

– Но я люблю тебя...

– А я тебя нет, – припечатала я, в упор глядя на Дамира. – Никогда не любила и никогда не полюблю. Мне неприятны твои

прикосновения. Я всего лишь хотела, чтобы ты стоял рядом, когда мне это нужно. Но даже с этим ты не смог достойно справиться!

– Ты злишься на меня за опоздание! – Норингтон даже обрадовался, найдя причину моего поведения. Похоже, он все еще думал, что я снова играю, лишь изображая холодность. – Но я все объясню! Маме стало плохо, и я...

– Мне наплевать, – четко произнесла я, и Дамир поперхнулся.

Неловко дернул плечом, растерянно переступил с ноги на ногу. Не так он представлял этот разговор, совсем не так... В его голове все еще звучали фанфары его фантазий и заглушали голос разума. Там он уже нарисовал и это объяснение, которое закончится слезами и поцелуями, и нашу будущую жизнь, срисованную с жизни его родителей.

Словно не понимая, что потерпел полное и окончательное фиаско, парень вдруг встрепенулся, вспомнив.

– Ох, я совсем забыл! Я ведь забыл! И все сделал не так... Прости, Кэсс, сегодня и правда ужасный день... То есть я снова говорю не то! Это самый лучший день! Конечно, самый лучший! Просто я несколько... – Он суетливо сунул руку в карман пиджака, выдернул бархатную коробочку, выдохнул и открыл крышку.

Темный угол словно стал светлее от робкой улыбки Дамира и от кольца, сияющего в атласном гнездышке.

– Это мамино... Семейная реликвия. Она сказала отдать его тебе... сегодня... А вечером, после выпуска, мы могли бы пойти к ней и... вот... Примерь...

Я сжала губы. Несильно, все еще помня о макияже. Не хватало еще к пятнам на руках заполучить размазавшуюся помаду!

А потом дернула рукой, на которую Дамир настойчиво пытался пристроить кольцо.

– Ты что, глухой? Или тупой? – Я окатила его презрительным взглядом. – Я тебя не люблю. И мы расстаёмся. Сейчас же. Все, отстань от меня!

Украшение, выбитое из ладони, описало в воздухе дугу и – звяк! – скатилось в щель между досками. Блеснуло ярким камушком и пропало. Дамир перевел ошеломленный взгляд с пола на меня.

– Но мама...

– Ах, да мне плевать! И на тебя, и на твою ненаглядную мамочку! Катись к ней и оставь меня в покое, понял? Все ваше ненормальное

открыточное семейство... да катитесь вы к черту!

И развернувшись на каблуках, я наконец покинула проклятый альков, оставив ошеломленного парня то ли смотреть мне в след, то ли искать укатившуюся в неизвестность семейную реликвию.

Я забыла и о Дамире, и о кольце, как только повернулась спиной и вышла на свет.

Глава 4. Ход пешки

Церемония вручения дипломов началась как в тумане. Выпускники собрались в зале торжеств, украшенном цветами, звездами и пурпурными лентами. Погруженная в свои мысли, не слушала прощальные речи наших преподавателей. В конце концов, я не слушала их даже во время обучения, с чего бы начинать это делать сейчас? Да и все эти слезливые фразы из разряда: мы будем скучать... вы были незабываемыми учениками и все такое... вызывали у меня лишь зевоту, с которой я отчаянно боролась.

Конечно, меня первой вызвали на помост, чтобы вручить корочку с записью об окончании колледжа. Я приняла ее, даже не улыбнувшись старичку декану, чем вызывала его недоумение. Но ведь бумажка ничего не значит, главную ценность я получу позже.

Потому диплом я равнодушно сунула одному из своих верных прислужников, кажется, Архипу, велев сохранить в целости и доставить в дом Вэйлингов. И даже не сомневаясь, что все будет исполнено в точности.

Дамир – бледный и молчаливый, непривычно неулыбчивый, – поднялся на помост, ни на кого не глядя, и так же ушел, забрав свою запись.

Я на него почти не смотрела. Внутри меня поднималось напряжение и предвкушение. Такое же, отголоски которого я видела на лицах остальных выпускников. Все мы ждали момента, когда церемония прощания с колледжем завершится, а в зал наконец войдет Высокая Комиссия. Те самые люди, которые по-настоящему решат наши судьбы. И которые дадут то, что имеет истинную ценность. Не чета глупым бумажкам!

Декан начал очередную речь и я окончательно заскучала. Взгляд блуждал по лицам сокурсников. Еще немного и мы с ними расстанемся навсегда! Меня ждет прекрасная жизнь в Аннонквирхе, а потом в одной из столиц Империи, а их... Собственно, мне совершенно наплевать, что ждет их!

– ...миротворцы – гордость и опора нашего общества, величайшее достижение в истории...

Позади меня кто-то из девушек шумно выдохнул.

– ... почти триста лет назад во время конфликта в южных регионах, ряд исследователей Линий Духа провел первый эксперимент, ознаменовавший начало...

Один из парней негромко простонал то, о чем думали все:

– Да знаем мы все это! Сто раз слышали!

Но декан продолжал говорить, словно не замечая усиливающееся напряжение.

– ... в ходе которого особых людей обучали ощущать гармонию внутри себя, а после их отправляли в истерзанные войной регионы... Первые миротворцы, конечно, еще не имели панелей, но сохраняя мир внутри, они гармонизировали окружающее пространство. И военные конфликты шли на спад, количество пострадавших уменьшалось. Эксперимент был признан крайне удачным! Внутренняя гармония миротворцев влияла на окружающую реальность, уменьшала количество преступлений, конфликтов и бытовых раздоров. Попытки по дальнейшему использованию миротворцев продолжились... Первая Академия по обучению подобных людей была открыта на севере Империи, в городе Староград, это всем известная Аннонквирхе, действующая и поныне...

– Когда он закончит? – прошептали позади. – Как думаете, к нам приехал кто-то из Совершенных? Папа говорит, что в этом году точно кто-то из них...

Я тихо хмыкнула, не поворачивая головы. Я-то точно знала, что за гость ожидает в тайной комнате. К сожалению для многих собравшихся, Касл еще не скоро посетят Совершенные. Не знаю почему, но мой отец-градоначальник никогда не приглашал тех, кто входит в пантеон.

Возможно, они напоминали ему о маме...

– создание первых нейро-панелей вывело гармонизацию Духа на новый уровень...

– Да когда же уже!

Напряжение нарастало подобно температуре в вулкане. Новый вздох за спиной – уже громче. И словно эхо – череда выдохов, скрипов, стонов. Закипающая волна человеческих эмоций. Сначала тихая, мягкая. Но увеличивающаяся с каждым мгновением. Ожидание,

готовое смениться нетерпением, внимание, перетекающее в скрытую агрессию. Шелест волны, предрекающий шторм.

– Зачем он говорит то, что все и так знают со школьной скамьи? Я сейчас взорвусь... – прошептал кто-то слева.

– Ну а сейчас, – глянул декан на говорившего поверх пенсне и чуть повысил голос, в котором скользнула очевидная насмешка. – С превеликой радостью я приглашаю на эту сцену наших дорогих гостей из Высокой Комиссии! И особенную гостью, которая в этот незабываемый день прибыла к нам из северной столицы, чтобы вручить нейро-панели нашим лучшим ученикам! Для всех нас большая честь принимать в стенах колледжа Катерину Вольц, Верховного Миротворца Империи!

Изумление и шок на лицах. И волна эмоций, ударившая каждого из нас, когда они прорвали плотину сдержанности и хлынули неконтролируемым потоком.

Катерина Вольц? Сама Катерина Вольц приехала из Неварграда?

Даже я стояла, широко распахнув глаза и делая вид, что жутко удивлена!

Хотя я единственная не только готовилась к этой встрече, но и ждала ее. А ведь отец ни словом не обмолвился о приезде его старой боевой подруги. Он скрыл это даже от меня, своей дочери. Но я давно уже не рассчитываю на то, что отец будет делиться со мной своими планами и потому вполне успешно строю свои!

Откинулась бархатная штора – и в зал церемоний, стуча тростью и тяжело подволакивая левую ногу, вошла знаменитая женщина. Такая же худая, темноглазая и седая, как и на картинах, изображающих ее. Знаменитый военный миротворец Империи. Известнее ее была лишь моя мать. Но мама теперь смотрит со стены нарисованным взглядом, а Катерина стоит здесь, пронзая выпускников колледжа орлиным взором.

Миг тишины – и зал взорвался. Ученики скандировали имя, едва удерживаясь от того, чтобы не начать швырять в воздух свои дипломы.

Наверное, только я встретила гостью недовольным взглядом, гадая, почему, обладая нейро-панелью, она выглядит как старуха и стучит клюкой.

Катерина Вольц кривовато улыбнулась и подняла правую руку. В луче света блеснула на запястье золотая полоска. Катерина выдохнула.

И я ощутила ЭТО. Эмоциональный поток, мощный настолько, что проникал в самую душу. Чистый и сильный поток, смывающий безумное напряжение этого дня, накопившуюся за годы учебы усталость, а еще – нетерпение и раздражение на слишком медлительного декана. Гнев и недовольство стекли с души, словно грязь и плесень, оставляя лишь чистый и блестящий холст.

– Бог мой... Это невероятно! – прошептала стоящая рядом Виола Гранис. Ее глаза были так широко раскрыты, словно она увидела божество. Конечно, мы все знали о силе миротворцев, но не каждому посчастливилось повстречать одного из самых сильных. И ощутить его влияние на себе.

Мы все чувствовали себя... обновленными. Свежими, словно омытыми изнутри. Воодушевленными. Счастливыми! И еще – спокойными. Волна, запущенная Катериной, начисто вымыла из души любую агрессию. На лицах расцвели улыбки, глаза радостно заблестели. Наш хитрый декан, намеренно затягивающий церемонию, чтобы пробудить в учениках раздражение и даже злость, выглядел особенно довольным.

Госпожа миротворец улыбнулась, и в ответ раздались оглушительные аплодисменты.

– Ну а теперь, когда мы с вами познакомились поближе, – чуть хриловато произнесла она, и все рассмеялись, – давайте пригласим и остальных членов Комиссии. Ну и наконец приступим к вручению нейро-панелей, пока мне не пришлось начинать все заново и гасить эмоции слишком нетерпеливых учеников.

Выпускники снова рассмеялись. Я обернулась на тех, с кем долгое время делила учебные часы. Почти все смотрели на Катерину с обожанием и любовью. Конечно, это лишь побочный эффект запущенной нейро-волны, который пройдет довольно быстро. Но я не желала становиться ее рабом даже на несколько минут. И потому осторожно подняла руку и коснулась острого края булавки, приколотой к корсажу. И улыбнулась довольная – навязанное блаженное спокойствие схлынуло.

А когда повернула голову, наткнулась на внимательный вороный взгляд. Катерина Вольц смотрела прямо на меня. И этот взгляд мне совершенно не понравился.

– Поприветствуем гостей, оказавших нам сегодня честь... Генерал Ричард Вэйлинг!

Снова орации – и на помост поднимается мой отец. Я сжала ладони, как и все, любуясь этим мужчиной. Статный, красивый, с волевым лицом и безупречной военной выправкой. Седина и морщины на обветренных щеках лишь добавляли ему шарма. Неудивительно, что у папы всегда была целая толпа обожательниц. Даже после того, как он женился второй раз.

– Начальник городской безопасности Джон Марчес... Главный Архивариус города Берта Арлинг... Профессор Людвиг Свен Джонсон... и наконец, достопочтимый Отец Города Серафим.

Один за другим на помост поднялись члены комиссии. Замыкал священник в парадном золотом одеянии. У каждого на руке блестели браслеты – белые, в отличие от украшения Катерины. Их силу мы не ощущали. Во-первых, не было нужды, а во-вторых, никто из поднявшихся не мог соперничать с Верховным Миротворцем Империи.

Даже странно, почему с такой силой Катерина Вольц так и не достигла Совершенства? Может, все дело в ее ранении, говорят ей чудом сохранили ногу...

– Приступим. – Похоже, сама Катерина тоже не любила долгие церемонии, чем вызвала у меня произвольную симпатию. Для женщины поставили высокое кресло, но она его проигнорировала и осталась стоять, опираясь на трость.

– По итогам обучения и по решению Высокой Комиссии, звание лучшего ученика колледжа и соответственно – усиленную нейропанель, получает...

Декан, суетливо поправляя свои пенсне, протянул миротворцу конверт. Катерина открыла его и некоторое время смотрела на выведенное на бумаге имя.

В зале повисла тишина. Я ощутила, как холодная капля пота стекает от шеи к пояснице. Все знают, что миротворец может отменить любое решение преподавателей. На самом деле, все, что имеет значение, это мнение Катерины. Одним своим словом она может изменить судьбу любого в этом зале. Назвать не то, что прочитала на листке, а ткнуть пальцем в ту же Ивону. Или в Архипа. В любого.

Ведь запущенная ею нейро-волна – это не просто способ утихомирить разнервничавшихся учеников. Это еще и проверка. Сильный миротворец способен ощутить многое.

Но способен ли пойти против системы? Или старой дружбы?

Я не знала ответ.

Я сделала ставку на черное и надеялась, что сорву куш.

– Получает...– Катерина нахмурилась, и я ощутила панику.

Я не могла просчитаться. Не могла! Она назовет мое имя. Она должна назвать его!

Вороний взгляд скользнул по рядам застывших выпускников. По отстраненному Дамиру, который смотрел в пол, словно его не интересовало происходящее в этом зале. По напряженной как струна Джеме. По Архипу и Патрику.

И застыл на мне.

– Кассандра Вэйлинг, – бесцветно произнесла она.

Еще миг я стояла, все-таки не веря. Мне ведь не послышалось? Нет, не послышалось. Кто-то из верных почитателей начал скандировать мое имя и аплодировать. Надо запомнить, кто...

Высоко подняв голову и придерживая край пышной юбки, я двинулась к помосту. Но смотрела я не на Катерину Вольц, а на своего отца. Ловила расцветающую на его лице гордость.

Когда я протянула ладонь, а Верховный миротворец щелкнула крышечкой маленького серого ящичка, все затаили дыхание. Внутри блеснуло золотое и белое, так ярко, что мне захотелось зажмуриться. Но я не стала. Я смотрела, не позволяя себе даже моргать.

– Принимаешь ли ты нейро-панель, Кассандра Вэйлинг, клянешься ли использовать ее лишь на благо человечества и во имя процветания нашей великой Империи? – сухо спросила старуха, доставая тонкую золотую полоску.

– Клянусь! – Голос все-таки предательски дрогнул. Надо было чаще тренироваться. И не соврала ведь! В конце концов, я тоже часть человечества и Империи.

– Что ж... Прими этот знак отличия и носи его с гордостью. Во имя Мира, Гармонии и Духа!

Отец Серафим поднял руки и улыбнулся, благословляя меня. А нейро-панель, чаще именуемая просто браслетом, легла на мое

запястье и сомкнулась в кольцо. Кожу кольнуло, когда незримые нанодатчики погрузились в нее, проникая в мою ДНК. В мою сущность.

– Панель вращается в кожу, кости и нервную систему, – не глядя на меня, пояснила Катерина, как будто я могла этого не знать. – Не переживай, будет не больно.

Да даже если бы мне пришлось терпеть адские муки, я приняла бы их с радостью! Руку под браслетом защищало, пока датчики считывали мои параметры. Насколько я знала, это происходит довольно быстро. Первичная настройка занимает лишь несколько минут, а потом браслет всю жизнь адаптируется к изменениям тела, подстраиваясь под него.

Впрочем, с таким украшением эти изменения можно и вовсе остановить, оставшись молодой и семнадцатилетней на долгие годы. Я едва не рассмеялась в голос. Я ее получила. Получила! И никто, никто теперь ее не отнимет! Я – миротворец! А это каста привилегированных. Каста избранных!

Кажется, я таращилась на свое запястье целую вечность, но на самом деле лишь пару мгновений. И, наверное, никто не заметил краткой заминки, а если и заметил, счел вполне нормальной в данной ситуации.

– Поздравляю. – Катерина протянула мне руку, и я ее пожала, любуясь видом двух браслетов, встретившихся при соединении ладоней.

Миротворец чуть придержала мою, словно собираясь что-то сказать. Ее острый взгляд впился в мое лицо, словно штыковой нож. Она открыла рот... Но промолчала. Мотнула головой и отступила. Ее место тут же занял мой отец. Я посмотрела на его руку, которую он мне протянул.

– Поздравляю, Кассандра, – звучно произнес он. – Поздравляю и... горжусь.

На миг почудилось, что он меня обнимет, но... конечно же нет. Лишь пожал ладонь и отступил, давая место следующему члену комиссии.

Еще несколько пожатий, и я отошла в сторону – ждать окончания церемонии награждения, а наверх по ступеням устремился Дамир – за своим белым браслетом.

Один за другим отличившиеся выпускники выстраивались на помосте. Всего шесть человек – лучшие из лучших. Гордость выпуска. Те, кто станут сегодня желанными гостями во всех ресторанах Касла, а позже – во всей Империи.

Джема Ржаник тоже стояла здесь и с глупым восторгом таращилась на свой белый браслет. Я скривилась и отвернулась, чтобы ее не видеть. Архип, кажется, собирался свалиться в обморок, и Патрик что-то гудел рядом, подбадривая друга. Рядом топталась крошечная веснушчатая девушка, то ли Милена, то ли Мадлена. Я вечно забывала ее имя, хотя она и входила в мой личный круг приближенных: таскала кофе или приносила из архива книги, когда было лень за ними спускаться.

Серый ящичек опустел, все нейро-панели нашли своих владельцев. И зал снова утонул в аплодисментах. На этот раз хлопала даже я, с удивлением прислушиваясь к ощущениям в руке. Они стихали. Даже внутренняя щекотка, потряхивающая меня в первые минуты, стала едва уловимой. Сейчас я почти ничего не чувствовала, так что приходилось снова и снова осматривать запястье, чтобы убедиться, что браслет по-прежнему там.

Остальные выглядели еще более озадаченными и взволнованными, Ржаник откровенно плакала, едва не целуя обретенный браслет.

Я фыркнула, глянув на нее, и отвернулась. Простолюдины не умеют держать лицо. Вечно у них все чувства напоказ... Гадость!

Мне вот, может, тоже хочется причитать или таращиться на свою панель, подобно глупому Архипу, но я ведь этого не делаю! Стою спокойно и гордо, позволяю зрителям восхищаться и рукоплескать. Кто-то же должен подавать пример!

Помимо меня, только Дамир сохранял выдержку. Хотя он выглядел даже более отстраненным, чем было нужно. Словно все происходящее не имело для парня никакого значения. Даже на белую полосу, охватившую его запястье, он глянул лишь раз и больше не поднимал руку. Зато несколько раз вытащил сотовый и посмотрел на загорающийся экран – довольно вызывающе, кстати. А если учесть, что стоял он на противоположном краю сцены, подальше от меня, то наша пара вызывала множество вопросительных взглядов и шепотков.

Но я лишь вскинула голову. Меня уже не интересовало мнение бывших сокурсников. Они все уже остались в прошлом. Те, кто получил браслет, еще имели значение, потому что, как я, поступят в академию и там могут мне пригодиться, по крайней мере – в первое время, пока я не освоюсь и не обрету новую свиту. А вот все остальные... не нужная больше массовка!

Но королева остается королевой до конца, поэтому я стояла и улыбалась, принимая восторженные поздравления.

К счастью, длилось это недолго. Еще пара цветистых фраз от декана, пафосное выступление архивариуса и напутственная речь отца Серафима, которая должна была завершить награждение. Все его изречения мы тоже слышали многократно – и на городских праздниках, и во время церковных бдений. Я никогда не была истово верующей, да и отец, к счастью, не настаивал на том, чтобы я ею стала. Иногда мы все-таки посещали службу, и в такие дни я радовалась, что длинные волосы и скромный платок удачно маскируют наушники в ушах, позволяя мне слушать какой-нибудь занятный и очень фривольный романчик, стоя напротив святого отца. Почему-то с каждым разом истории для прослушивания я выбирала все более откровенные, испытывая странное удовольствие от того, что нарушаю порядок этого святого места!

Вот и сейчас я едва не рассмеялась, когда отец Серафим начал свою речь. Подумала, что просто не умею слушать все эти изречения без очередной горячей сцены в моих ушах.

Но договорить священник не успел. Едва он вышел в центр, как у начальника городской безопасности затрещала на боку рация.

– Прием... прием! – донесся искаженный голос, и усатый Джон Марчес, который частенько заходил к отцу по субботам, чтобы поиграть в гольф или распить двенадцатилетний виски, удивленно глянул на говорящую коробку. Так, словно не верил, что у нее вообще есть такая способность.

– Прием-прием! Обнаружение разрушителя! Внимание, обнаружение разрушителя! Уровень ноль-один. Уровень ноль-один!

По рядам выпускников прокатилась волна тревоги. Хотя с чего бы? Уровень ноль-один – это даже не сила, а так, лишь избыточное скопление низкой вибрации. Просто один из нейро-датчиков, установленных в городе, зафиксировал повышение низкочастотного

фона. Да, это больше, чем просто недовольный покупкой горожанин или скандалящая на мужа жена. Это вибрация, попавшая на шкалу опасности. Но ведь это всего лишь ноль-один! Ерунда.

Похоже, такие же мысли посетили остальных, потому что выпускники расслабились, а Джон Марчес важно поднес рацию к лицу и нажал кнопку.

– Прием-прием, – прогудел он. – Старшина, что у вас? Зафиксировано какое-то преступление?

– Никак нет! – звонко отозвались с другого конца эфира. – Но городская система поймала превышение допустимого уровня низких вибраций в районе Аллеи цветущих вишен! В здании чайной «Клевер и роза».

Я презрительно фыркнула, едва удержавшись от «Ну я же говорила». Хотя понятно, что все свои умозаключения я оставила при себе.

Упомянутая аллея сегодня стала местом паломничества для выпускников всего города. Среди цветущих деревьев расположились десятки уютных кафе, дорогих или не очень ресторанов, и традиционно в этот день туда устремляются все, кто с успехом добрался до финала своего обучения. И неважно где – в какой-нибудь дурацкой школе библиотекарей или вот колледже будущих миротворцев. Столпотворение всегда вызывает повышение вибрационного фона. Правда, обычно это фон со знаком плюс. Что говорит о том, что толпа испытывает радость и удовольствие. Минус, то есть низкочастотные вибрации, обычно возникают при массовых драках или других конфликтах. Но раз происшествие не зафиксировано, а фон понижается... да, это говорит о разрушителе. Весьма слабом, но все же.

А разрушитель – это опасность, которую надо предотвратить. Даже если у него почти безобидный уровень ноль-один.

Марчес снова нажал на кнопку.

– Пошлите туда миротворца, старшина, вы знаете порядок. Пусть проверит. Чья сейчас смена?

– Амалии Донован. Но вчера она попала в госпиталь, сэр! Сломала ногу, сэр!

– Так вызовите другого специалиста! Где О-Рейли? – несколько раздраженно рявкнул Марчес, покосившись на моего отца, который

слегка нахмурился. И Катерину Вольц, с интересом слушающую разговор. Впрочем, сейчас этот диалог с любопытством впитывал весь зал, отчего начальник городской безопасности медленно багровел.

– На участке А-4, – бодро отрапортовала рация. – В области! Два часа до города!

Кто-то из выпускников рассмеялся.

Катерина Вольц покачала головой.

– Я могу заглянуть, если есть опасность...

– Никакой опасности! – рявкнул Марчес так, что Катерина едва не подпрыгнула. Выдохнув и вытерев испарину со лба, начальник безопасности растянул рот в улыбке. Прокол перед гостьей из северной столицы мог дорого ему обойтись. Ну а допустить, чтобы эта самая гостья выполняла обязанности его подчинённых... Ох, об этом и подумать было страшно!

– В этом нет ничего сложного, – успокаивающе улыбнулась Катерина. – Я понимаю, что Нью-Касл – маленький городок, у вас каждый миротворец на счету.

– Все под контролем, – снова гаркнул Марчес. – Это всего лишь ноль-один! Вам совершенно не стоит беспокоиться, госпожа Верховный миротворец! Никаких проблем!

– Если этот ноль-один не динамический, – все с той же улыбкой произнесла Вольц. – И не вздумает неожиданно начать увеличиваться.

– Такого не происходило уже семьдесят лет, госпожа, так что давайте не будем пороть горячку и разводить панику... Специалист уже выезжает...

– Ему ехать как минимум два часа, – буркнула в стороне архивариус.

– Но у вас есть специалисты! – вдруг раздался позади звонкий голос и все с удивлением повернули головы. Джема Ржаник шагнула вперед. Ее темные глаза лихорадочно блестели.

– А ведь и правда, – оживился декан. Сдернул пенсне на кончик носа, осмотрел выпускников, стоящих на сцене. – Господин Марчес, так вот же они – новоявленные специалисты!

– Всего лишь ученики! – проворчал начальник безопасности.

– Не скажите! – живо возразил декан, желая блеснуть перед высокой гостьей из столицы. – Вот, к примеру, Джема Ржаник! Выдающиеся способности к нейро-волне! Удивительный талант! Она в

два счета погасит этого вашего ноль-один! Или, к примеру, Дамир Норингтон...

– Кассандра Вэйлинг! – почти выкрикнула Джема, шагая еще ближе. – Кассандра Вэйлинг должна сделать это! Как лучшая ученица выпуска, получившая золотой браслет! Продемонстрировать... блистательные навыки! Мы ведь не можем отказать ей в такой чести, правда, господин декан?

Джема в упор посмотрела на Катерину Вольц. Та перевела задумчивый взгляд с разгоряченной девушки на меня.

Я ощутила холодок, ползущий по спине. Нет-нет, что за бред? Я не буду этого делать! Чёрт, почему я не утопила проклятую Ржаник в пруду, когда нам было по восемь лет?

Все головы в зале повернулись ко мне, и все взгляды впились в мое лицо. Но я видела лишь глаза отца. Испытывающие. Внимательные.

Проклятье!

Мне удалось продемонстрировать невозмутимую улыбку.

– Мне конечно, не сложно, но все же подобным должен заниматься обученный специалист...

– Так ты и есть обученный специалист, Кассандра! – радостно оборвала Джема. – Лучший из лучших, не так ли? Тебе не составит труда погасить низкую вибрацию начального уровня. Ты ведь не просто так получила золотой браслет?

Отец нахмурился. Я увидела это краем глаза и представила в красках, как задушу Джему подушкой.

– Конечно, – даже не дрогнул мой голос. Я могла бы собой гордиться, если бы мой разум не метался в ужасе, ища выход.

– Мисс Вэйлинг? – Джон Марчес поднял косматые брови.

Кто в зале выкрикнул: «Кассандра – королева! Кассандра – вперёд!» Кто-то поддержал. Кто-то заплодировал. И мне не осталось ничего, кроме как улыбнуться и гордо кивнуть. Да, я сделаю это. Да, я не зря получила свой знак отличия. Да, я его заслужила.

К сцене удушения Ржаник добавилось массовое убийство всех в этом зале.

– Конечно, сэр, – невозмутимо произнесла я. – Никаких проблем.

– Думаю, это отличная мысль, Джон, – кивнул мой отец. – Отвези Кассандру к месту выброса. Она дочь своей матери, она все сделает в

лучшем виде.

Меня провожали овациями. Я улыбалась. Так старательно, что заболело лицо. Спину жег торжествующий взгляд Джеммы Ржаник, которая все-таки сумела подставить мне подножку. А ведь я считала ее слишком трусливой, и что уж говорить – благородной для того, чтобы сделать это.

Но пешка, которую я уже скинула со счетов, сделала ход и повергла королеву.

Впервые я так катастрофически, так позорно просчиталась.

Глава 5. Ноль-один

Пока начальник безопасности вез меня к вишневой аллее, мой разум метался, лихорадочно пытаюсь найти выход.

Что, что сделать, чтобы исправить катастрофу, в которую я угодила?

Упасть в обморок? Изобразить сердечный приступ? Запугать Джона Марчеса?

Я с сомнением покосилась на затылок сидящего впереди мужчины. Разум испуганно тасовал факты о нем в бесплодной попытке найти козырь.

Что я знаю об этом человеке? Любит крепкий виски и дорогие сигары, которыми угощает его мой отец. Есть семья – сварливая мисс Эмма и взрослый сын, давно живущий в западной столице. Пару раз в месяц Джон посещает дом мужских удовольствий, о чем я узнала из подслушанных разговоров.

Я встрепелась. Может, использовать этот факт? Намекнуть, что могу рассказать об измене его жене?

Я снова посмотрела на бритый, в складочку, затылок и скисла. Можно подумать, склочная мисс Эмма не догадывается о похождениях муженька. А даже если не знает, вряд ли правда хоть что-нибудь изменит.

Проблема в том, что из проблемы нет выхода. Что бы я ни сделала, я останусь в проигрыше. Конечно, если я залью слезами эту машину и самого господина Марчеса, он отпустит меня и даже вступится перед отцом. И это станет моей плахой. Генерал Ричард Вэйлинг никогда не забудет моей слабости. Ее не забудет никто в этом городе. Кассандра Вэйлинг останется в памяти Нью-Касла не королевой с золотым браслетом, а жалкой неудачницей. Глупой слабачкой, которая сплеховала и не сумела нейтрализовать жалкий ноль-один.

Я стану посмешищем.

Спина заледенела от ужаса. Стоило лишь представить ухмыляющихся бывших сокурсников и просто знакомых. Насмешку в их глазах и презрение на лице отца.

«Она испугалась, представляете? – с хохотом будут повторять все эти люди на каждом празднике и каждом сборище. – Рыдала, как девчонка, умоляя Марчеса ее отпустить. А там всего лишь ноль-один! Да может, и не было никакого разрушителя, ложная тревога. Случается... А она...А ведь дочь Несравненной Аманды! Далеко укатилось это яблочко от яблони...»

И ухмылки, ухмылки, ухмылки – со всех сторон!

– Это недопустимо, – деревянным от паники языком произнесла я.

– Ты что-то сказала, Кэс? – Марчес повернулся ко мне. – Эй, дочка, ты побледнела. Все в порядке?

– В полном, господин Марчес.

– Признаться, мне все еще не слишком нравится эта идея...

– Все в полном порядке, – твердо повторила я, понимая, что выхода нет. – Я справлюсь, не беспокойтесь. Никаких сомнений.

Начальник безопасности подергал свои усы.

– Ну ладно. Я с тобой не пойду, если там и правда ноль-один, мой вид может его испугать. Лучше, чтобы все было тихо. Ты ведь знаешь, что надо делать?

– Конечно, господин Марчес, – сказала я и сама поразилась тому, как уверенно звучит мой голос.

– Близо не подходи. – Мужчина выглядел слегка обеспокоенным. – Просто присядь в уголке, определи источник выброса и спокойненько нейтрализуй его нейро-волной. Не пугай его и не провоцируй. Улыбайся и веди себя естественно. Поняла?

– Вам совершенно не о чем беспокоиться.

– Что ж... приехали.

«Уже?» – чуть не заорала я.

За окном автомобиля расстилалась Вишневая аллея. Волна бело-розовых лепестков катилась по тротуару, осыпалась на плечи прохожих и разлеталась от каждого ветерка. У фонтанов смеялись люди. На скамейках обнимались влюбленные. Чайная «Клевер и роза» гостеприимно распахнула двери, приглашая отведать душистый напиток и сладости.

– Никаких проблем, – сказала насмерть перепуганная королева и полезла из машины наружу.

– Осторожно там, – пробормотал Марчес. – Если что, сразу выходи. Вызовем Амалию, угораздило же ее ногу сломать...А я пока

попытаюсь найти О-Рейли, пусть поторопится...

Не слушая причитания мужчины, я двинулась к ступеням и вошла внутрь. Чайная оказалась небольшой и довольно скромной, мне не доводилось бывать в подобных. Пить благородный напиток я предпочитала в трехэтажной пагоде на Площади Свершений, где чай приносили в расписных пиалах, а крошечные, с ноготок, печенья на золоченых подносах.

Внутри «Клевера и розы» царил полумрак. Небольшие окна, завешенные розовым тюлем, пропускали мало света, и потому я пару мгновений моргала, привыкая. Постояла на пороге, но никто не подошел, чтобы проводить меня. И поняв, что в подобных заведениях надо самостоятельно искать себе место, я неуверенно двинулась мимо столиков. Их было не слишком много, некоторые огорожены бамбуковыми ширмами с неумело нарисованными павлинами. Я нашла свободный столик в углу и села так, чтобы видеть зал.

Мальчишка-официант окинул меня удивленным взглядом и не спрашивая поставил передо мной широкую чашку и маленький чайничек с распускающимся внутри засушенным бутонем и какой-то травой. Видимо, те самые клевер и роза.

– Печенье-пирожные будете? – выпалил он, с изумлением и восторгом рассматривая мои розовые волосы и серьги-гроздьи.

Я сглотнула, ощутив неуместность своего наряда в подобном месте. И порадовалась, что здесь не слишком светло.

– Так что, тащить-то? – поторопил парнишка.

– Нет, – буркнула я. – Я буду только чай.

Еще не хватало отравиться прокисшей выпечкой!

Официант пожал плечами и убежал на кухню.

Чтобы чем-то занять руки и сосредоточиться, я обхватила ладонями чашку.

«Соберись, Кассандра – строго приказала себе. – Да, ты всегда была плохой ученицей и нашла применение наушникам не только во время скучных церковных служб, но и в часы не менее скучных лекций. Но хоть что-то ты должна знать! Нейтрализация разрушительного выброса – это ведь основа основ! Да и вообще... может, этот ноль-один сам как-нибудь нейтрализуется!»

Я приободрилась от этих мыслей. Такое действительно случалось в большинство случаев. Краткое увеличение разрушительной энергии

развеивалось само по себе, а человек, испустивший ее, становился нейтральным и больше не представлял опасности.

Так что буду надеяться на такой исход, а пока надо попытаться найти того самого ноль-один.

Самое плохое, что по внешнему виду никогда нельзя понять, кто именно стал источником разрушительного выплеска. Это может быть женщина или мужчина, старик или юноша. Верно лишь одно – на этом человеке есть нейро-панель. История Империи знает примеры деспотов и тиранов, но сейчас можно лишь порадоваться, что все они жили до создания таких усилителей, как браслет. Все, кроме одного – того, кто сократил число столиц с четырёх до трех, лишив нас южной.

Но тот разрушитель давно в прошлом, и именно из-за него сейчас во всех городах стоят многочисленные датчики, отслеживающие скопление низких частот.

Даже если и появляется опасность, ее нейтрализуют так быстро, что низкие частоты не успевают причинить вред.

Нейтрализуют не физически, конечно, в Империи давно запрещена физическая расправа даже над преступниками. А разрушитель может и вовсе не знать о своей особенности. Ведь умение концентрировать низкие частоты не зависит ни от характера, ни от внешности, а иногда даже и от желания такого человека.

Нервночая, я отхлебнула чай и скривилась от запаха сена. Но, как ни странно, дурной вкус дешевого напитка помог мне собраться и прочистил разум. Думай, Кассандра! Ты всегда это умела, так начинай!

Я осмотрелась.

За соседним столиком восседали три старушки в шляпках, кружевных перчатках и старомодных бархатных нарядах, попивали чай и лакомились кремовыми пирожными.

За ними вместе со стариком-наставником расположились послушницы из духовной семинарии. Все в строгих, закрытых под горло длиннополых платьях-сутанах, с волосами, убранными у висков и распущенными сзади. Кто-то говорил мне, что они не стригут пряди до самого посвящения в монахини, а во время обета обрезают почти под корень. Мой взгляд зацепился за волосы девушки, сидящей ко мне спиной, рядом со стариком. На миг даже кольнуло завистливое восхищение – таких гладких, зеркальных, роскошных черных волос я не видела ни у кого. Словно драгоценный шелк, они стекали по спине

до самого пояса послушницы. Две другие – сидящие ко мне лицом, выглядели гораздо скромнее, хотя тоже обладали длинными гривами. Одна – тоже черной, вторая – пего-русой.

На столе перед ними стоял одинокий чайник и четыре глиняные чашки. Ни пирожных, ни печенья послушницы не заказали. Может, сладкое у них тоже считается грехом?

Я усмехнулась и перевела взгляд к следующему столику. И напряглась. Там, ссутулившись и пряча лицо в провале капюшона, сидел мужчина. Рассмотреть больше мне не удалось, потому что он явно не желал себя показывать. Короткие толстые пальцы отбивали нервную дробь по столешнице, пока он ждал свой заказ. Рядом с чашкой валялась пачка сигарет и дешевая зажигалка. Нервный тип дернулся, когда мальчишка-официант бухнул перед ним тарелку с перчеными сухариками, и я возликовала. Усиливающееся беспокойство – один из возможных признаков источника разрушения! Это он!

Жаль только, не видно его нейро-панель, на мужике объемная серая куртка.

С трудом оторвав взгляд от объекта, я осмотрела два оставшихся столика. Один, к счастью, пустовал. Вторым занимали выпускники архитектурного колледжа. На нашивках коричневых курток красовались изображения карандаша и гвоздя.

Я снова оглядела зал, пытаюсь увидеть, у кого из подозреваемых есть панель. Увы, она могла оказаться у любого. Изначально панель создавали для миротворцев, желая прекратить бесконечные внутренние и внешние войны, раздирающие Империю. Вооруженные конфликты вели лишь к новым конфликтам, человечество слишком быстро приближалось к краху. Но уже первые панели дали поразительные результаты. Действие усилителей оказалось столь удивительным, что вскоре права получать браслеты добились и представители иных доменов. Часто – творческих, таких, как, например, архитекторы. Браслет давал им невероятные возможности работы с материалом и усиливал созидательные и креативные способности.

Одна из безобидных старушек тоже могла иметь на руке усилитель, но вряд ли была разрушителем. Сомнительно, что низкочастотный импульс ждал годами, чтобы проявиться. Обычно это происходит в первые дни после установки браслета. Панель просто

концентрирует то, к чему и так был способен человек. А значит, это кто-то молодой. Вероятнее всего – тип в капюшоне. Но может оказаться и кто-то из будущих архитекторов.

Выходит, мне остается лишь наблюдать.

Конечно, можно сделать еще кое-что. Запустить нейро-волну, чтобы прощупать людей, как это сделала Катерина Вольц. Если бы не одно гадкое, отвратительное, ужасающее «но». «Но», благодаря которому я оказалась здесь, а пешка Джема сумела свалить королеву. Увы, проклятая Ржаник знала мой грязный секрет.

Я не умела направлять нейро-волну. Я – не моя мать.

Я не только дурная ученица, но и очень, очень хреновый миротворец. И золотой браслет я собиралась использовать лишь для получения хорошей жизни, а вовсе не на благо других людей!

Забывшись, я снова глотнула чая и снова скривилась от противного вкуса.

Так что все, что мне остается – наблюдать и думать. А потом искать способ, как выйти сухой из этой гадкой вонючей лужи!

Выпускники-чертежники загоготали, обсуждая какую-то девицу так громко, что было слышно даже мне. Старушки слаженно поджали напояженные губы, укоризненно глядя на виновников шума. Мальчишка-официант неловко схватил полную кружку, и чай выплеснулся через край, пачкая его фартук. Выглянувший из-за стойки повар в огромном и не слишком чистом колпаке кинул на пареньку раздраженный взгляд.

– Стив, у тебя руки, что ли, кривые! Смотри, что берешь! – рявкнул он.

Официант пробурчал ответ, неловко повернулся, сделал два шага и уронил чашку. Та треснула со звоном, осколки и горячие капли полетели на типа в капюшоне. Тот вскочил и обложил несчастного мальчишку ругательствами.

– Да я не нарочно! – оправдываясь, лепетал несчастный Стив. – Она сама!

– Идиот! – брызгая слюной, орал тот, кого я уже записала в разрушители. Капюшон сполз, показывая молодое и некрасивое лицо с внушительным фингалом под глазом.

Так вот почему он его прятал! Не хотел светить синяком...

– Ты мне всю спину изгваздал, сученыш! Кто за прачку платить будет? – Тип сдернул куртку, и я замерла. На толстых руках с темной порослью волос браслета не было. Лишь грязная футболка с короткими рукавами.

Это не он.

Не разрушитель.

Но тогда кто?

Ведь все признаки налицо! Низкочастотный выброс провоцирует у окружающих людей немотивированную агрессию и тревогу. Одним своим присутствием разрушитель может вызвать панику, истерику или массовую драку. А еще – повреждения. Например – разбитые чашки или...

Приоткрытая оконная створка хлопнула безо всякого сквозняка, и стекло, жалобно звякнув, едва удержалось в раме. Девушки-послушницы испуганно вздрогнули и слаженно осенили головы святыми знаками. Их наставник – святой отец – забормотал что-то успокаивающее, венчик легких волос на его плешивой голове закачался, словно одуванчик под ветром.

Старушки испуганно подпрыгнули. Одна из них уронила ложечку, вторая угодила рукой прямоком в пирожное, испачкавшись в креме.

Архитекторы снова загоготали.

«Неловкие движения у окружающих, частичная потеря ориентации в пространстве. Агрессия. Желание говорить гадости или громко смеяться. Желание обсуждать других, сплетничать. Желание крушить и разбивать...

– Эй, ты, а что у вас есть покрепче чая? – заорал один из архитекторов.

«Желание принять алкоголь или иной стимулятор, – словно скоростной поезд неслись мысли в моей голове. Все-таки кое-что учителя сумели в меня вложить. – Желание... иных удовольствий. Похоть. Яркое, неконтролируемое вожделение...»

Странно, разве последний признак возникает не на стадии разрушителя 2-3 или 3-4?

Или все происходящее лишь совпадение, и я вижу признаки, которых нет?

Или что-то путаю?

Черт, Кассандра, ну почему ты не могла внимательно дослушать хоть одну лекцию!

Стуча каблучками, в чайную влетела растрепанная девушка. И нервный тип, вскочив, швырнул на стол мятую банкноту и схватил ее за руку.

– Ну наконец-то, сколько можно тебя ждать! Идем скорее, я уже не могу, так хочу тебя...

Остаток фразы я не услышала, зато его услышал мальчишка-официант. Покраснев до кончиков ушей, он споткнулся и уронил поднос. Багрово-красный вишневый морс плеснул прямоком на спину послушницы, сидящей рядом со священником. Той самой, с невероятными волосами.

Она вскочила, и оказалось... что это он.

Парень.

И как я не заметила, что под платьем-сутаной имеются штаны и сапоги, а плечи слишком широки для девицы... Луч света позолотил абрис лица, и я сглотнула сухим горлом. Поднесла к губам чашку и залпом допила весь оставшийся чай, не чувствуя вкуса.

Внутри меня развернулась бездна. Я ощутила ее бесконечность, ее тьму. Ее неизбежность. Ее дикую невыносимую притягательность. Ее притяжение. Черная дыра, поглощающая свет и уничтожающая любое сопротивление. Проклятая сила, тянущая на самое дно в неизвестность.

Парню в сутане священнослужителя на вид было лет девятнадцать. И у этого молодого мужчины была внешность, которая совершенно не сочеталась со строгой закрытой сутаной. Это казалось даже возмутительным. Таким неправильным. Вот у святого отца внешность была подобающая, глядя на кругленького старика, хотелось думать о благодати и подавать монетки нищим.

А глядя на парня с черным шелком вместо волос, каждая встречная женщина думала о чем угодно, но только не о благодати и целомудрии.

Глядя на него, каждая слышала волчий вой и пронзительную песню диких горцев, идущих на войну. Ощущала дым костров и вкус самого хмельного, самого сладкого вина. Каждая встречная думала о смятых в страсти простынях и хриплых столах, улетающих прямоком к звездам.

Глядя в это лицо, каждая встречная думала о грехе.

Потому что у парня было лицо падшего ангела, непонятно как оказавшегося на земле. Луч света скользнул по высоким острым скулам, по твердому подбородку, по чувственным губам. Поднялся выше и погладил бледную кожу и черные ресницы, такие длинные, что это казалось преступлением. А потом растворился в темных как ночь глазах, и я ему позавидовала. Гребанному солнечному лучу.

– Осторожнее, не поранься, – сказал падший ангел, помогая официанту собирать осколки разбитой чашки.

– Простите, – едва не плача, заскулил тот, – сам не знаю, что со мной сегодня творится! Споткнулся на ровном месте!

– Не переживай. Мне просто надо почистить мою праздничную сутану, – спокойно ответил парень-послушник. Гибко выпрямился и ушел в боковой коридор.

Я проводила его взглядом. Святой отец что-то успокаивающе залепетал, девушки-послушницы склонили друг к другу головы, перешептываясь. Архитекторы захохотали, стуча раскрытыми ладонями по коленкам. Старушки на что-то жаловались. Нервный тип исчез вместе со своей опоздавшей пассией.

Я посмотрела в пустую кружку. По шершавому глиняному боку медленно расползлась трещинка.

Сорвавшись с места, я подскочила к раскрасневшимся студентам-чертежникам и схватила за руку одного из них – курчавого, синеглазого и веселого. Дернула рукав куртки.

– Эй, ты что это делаешь? – изумился он.

– Ого, вот это красотка! – присвистнули другие. – Да еще и сама пришла... Будешь моей девушкой?

– Руки, живо! – рявкнула я. Внутри что-то дрожало. Та самая неизбежность, проклятая черная дыра. Я самый хреновый на свете миротворец, но кое-какие способности у меня все-таки есть. И усилитель подстегнул их, давая понять, что все плохо.

Очень плохо.

Руки парня оказались чистыми. Ну, если не считать следов чернил на пальцах.

– Панель! У кого из вас нейро-панель?

Студенты переглянулись.

– Шутишь? Куда нам. Мы не самые талантливые ученики, едва дотянули до выпуска, какая там панель... Так ты пойдешь со мной на танцы? Возьмем выпивку...

– Заткнись, Люк, – прошипел смельчаку тот, кого я успела осмотреть. – Ты что, не видишь ее запястье? Золотой браслет. Она – миротворец...

Я отбивная.

– Убирайтесь отсюда, – помертвевшим голосом произнесла я. – Выведите остальных и убирайтесь. Сейчас же!

И оставив позади ничего не понимающих парней, понеслась в темный коридор, где находились подсобные помещения, кухня и уборные.

И разрушитель.

Моя бедовая голова все-таки вспомнила, что священнослужители тоже могут получать нейро-панели. За выдающиеся заслуги в виде тотальной набожности и невыносимого благочестия.

Глава 6. Рождение разрушителя

«Не пугать, не злить, не провоцировать», – вспомнила я напутствие господина Марчеса, стоя перед узкой дверью в уборную. На миг возникло искушение уйти и броситься с повинной к начальнику городской безопасности. Но я тут же отбросила эту мысль. Я не могу облажаться.

В конце концов – на мне золотой браслет! Мне надо просто оказаться в непосредственной близости от разрушителя и запустить волну. С таким усилителем даже моих жалких способностей хватит для нейтрализации.

Надо просто подойти ближе. Поговорить. Успокоить. Все просто, Кассандра.

Почему-то мысль о парне за дверью вызывала внутри горячую дрожь.

Толкнув створку, я оказалась в небольшом помещении, к счастью, чистом. Закрытые кабинки отделяла ширма. Парень с лицом грешного ангела стоял у раковины, смывая пятно с ткани сутаны. Он остался в штанах и белой рубашке с воротником-стойкой. И глядя на его спину и плечи, я поразилась, что могла принять его за девушку. Хотя с его худобой неудивительно, что я ошиблась... Худой, гибкий, высокий. Слишком красивый.

Он обернулся через плечо, услышав стук, и темные глаза удивленно расширились.

– Это мужская уборная, – негромко произнес он. Бархатный голос погладил меня изнутри.

– Другая закрыта, – соврала я, не моргнув глазом, и сделала шаг к парню.

Снятая сутана висела на его левой руке, так что я все еще не видела запястье. А если я ошиблась? Вдруг разрушитель – одна из послушниц? Или все-таки – он? Почему-то я не могла просто подойти и осмотреть его, как сделала с архитектором. Будущий священнослужитель вызывал во мне странные эмоции. В том числе и несвойственную мне робость.

– На самом деле я просто хотела помыть руки, – притиснулась я ближе и встала возле длинной раковины, открыв второй кран. – Ты не против?

Парень пожал плечами и повернул голову. Наши взгляды встретились в зеркальной глубине. И я увидела, как расширились его зрачки, еще сильнее затемняя кофейные радужки. С трудом оторвав взгляд, я посмотрела на его сутану.

– Сильно испачкал? Я видела, как тебя облили.

– Это всего лишь морс.

– Угу. – Я помолчала, лихорадочно придумывая тему для разговора. – Выглядит такой тяжелой. Это парадная, да? Красивый узор на подоле...Вы всегда в них ходите? В этих сутанах?

– Снимаем только перед разговором с розоволосыми незнакомками в мужских уборных, – серьезно ответил парень, и я широко распахнула глаза.

Его губы дрогнули. А потом он хмыкнул. Совершенно по-человечески!

– Эй, ты что, смеешься надо мной? – возмутилась я.

– Немного. Знаешь, мне не каждый день выдаются такие встречи. Неожиданные.

Да уж, мне тоже. С утра ничто не предвещало разрушителя. Но я по-прежнему не вижу его запыстье!

– По правде, я редко разговариваю с...девушками.

– Ну раз мы оба все-таки здесь...Кассандра! – Я протянула руку, благоразумно решив умолчать о слишком известной в городе фамилии.

Парень с удивлением опустил взгляд на мою ладонь. Черные ресницы дрогнули. А потом аккуратно пристроил сутану на край раковины и протянул свою руку. Длинные пальцы обхватили мои, согревая. Два браслета матово блеснули в свете ламп. Мой – золотой, и его – белый.

Все-таки он.

– Август, – серьезно сказал разрушитель.

– В честь святого Августа Великомученика? – слабым голосом произнесла я.

– В честь месяца моего второго рождения, – все так же серьезно оповестил парень. И улыбнулся, поняв, что я таращусь на него. – Ладно, в честь святого тоже, ты угадала.

Разомкнул пальцы, и я ощутила желание снова взять его за руку.

– Второго рождения? Это как?

– Когда мне было восемь, я попал под завал в горах. Пролежал под камнями несколько суток, родные не надеялись увидеть меня живым. А я вот все-таки выжил. Святой отец из нашей церкви назвал это чудом и божественной милостью. И велел родителям отдать меня в семинарию. Так что тот день я отмечаю, как второй день рождения.

Он мягко улыбнулся, и я на некоторое время застыла, рассматривая его лицо.

– Ты странно на меня смотришь, – отметил парень, заметно смутившись.

– Просто мне еще не доводилось говорить с такими как ты. Наверное, это сложно? Жить в семинарии?

– Совсем нет. По правде, я люблю это место даже больше, чем родной дом. К тому же, моя сестра решила последовать за мной и поступила в иконописную школу. Мы часто видимся.

Август уважительно кивнул на мой браслет.

– А ты поступаешь в академию миротворцев?

Отправляюсь в ад. Прямо сейчас. Какая мне к чертям академия?

– Точно... А ты? Не знала, что парни в сутанах тоже получают нейро-панели.

– Лишь некоторые из них, – снова дрогнули его губы. – Мне очень повезло. Уже второй раз.

Почему-то ужасно хотелось еще раз увидеть его улыбку. Но, похоже, Август был к ним не слишком склонен.

– Я собираюсь нести слово божье на границе, мне понадобятся особые силы.

– Граница? Ты сейчас что же, говоришь о границе с южными землями? С Вавилоном?

– Вавилона больше не существует, Кассандра, – негромко сказал Август. – Но да. На границе с тем, что от него осталось.

– Ты сдурел? – ахнула я.

И прикусила язык. Держи себя в руках, Кассандра! Да, я впервые вижу идиота, готового отдать свою жизнь на то, чтобы проповедовать в проклятых землях, где живут лишь отбросы общества, преступники, отщепенцы и...деструкты. Я слышала от отца, что распределение к границам разрушенного Вавилона считается худшим наказанием среди

солдат. Туда попадают в основном буйные дебоширы и злостные нарушители правил, которых не смогла исправить даже армейская дисциплина. А дальше... естественный отбор. Либо выживут, либо нет. Как повезет.

Чаще – нет.

– Но там же полно... чудовищ! – снова не сдержалась я.

– Там тоже живут люди, Кассандра.

Август отвернулся и стал снова чистить свою сутану. Зеркало тихо звякнуло, сверху откололся кусочек. Я сглотнула.

Найти покой внутри себя. Сосредоточиться. Успокоить Дух. Направить энергию...

У меня ничего не выходит! Я бездарность!

– А эти девушки, которые сидят с тобой? Тоже поедут на границу? – выпалила я, пытаюсь нащупать тему, которая утихомирит разрушительный фон. И меня.

– Нет, конечно. – Август промокнул сутану бумажным полотенцем. – Для девушек там слишком опасно. Зоя будет служить там, где мы с ней выросли – в Арвое. А Ирма... Она останется здесь, в Обители Святого Варфоломея. Боюсь, мы с ними теперь не скоро увидимся. Мы собрались, чтобы попрощаться.

– Зоя – твоя сестра, так? – Я вспомнила одинаковые точеные носы и темные волосы.

Август кивнул.

– А... Ирма? Девушка?

– Ты очень любопытная, Кассандра, – негромко сказал Август, вновь надевая влажную сутану.

– Это отличительная особенность розоволосых незнакомок, – пошутила я. – Не знал?

Губы Августа снова слегка дрогнули.

– У меня нет девушки, Кассандра. Такие, как я, в день посвящения приносят обет безбрачия. Сегодня я приму постриг и дам клятву. А утром отправлюсь к южной границе Империи. Ирма... она училась с Зоей. И она мой друг. Мы знакомы с самого детства.

Август говорил спокойно, а у меня внутри все оборвалось от его слов. Хотя какое мне дело до судьбы этого парня? Это его путь... Не знаю, почему он выбрал такую жизнь, или она выбрала его сама, но мое дело – лишь спасти свою шкуру. Надо просто нейтрализовать

разрушительный выброс, выйти из этой гадкой чайной и забыть все словно кошмарный сон.

Выйти королевой, как и всегда.

Уже завтра я буду пить утренний кофе с мягкой выпечкой и планировать свою роскошную жизнь в северной столице. Мне нет дела до того, чем будет заниматься Август. Мы с ним никогда больше не увидимся.

И все же что-то внутри болезненно ныло, словно там дрожала какая-то невидимая струна. Как не пыталась я убедить себя, что мне все равно... все равно не было.

– Это звучит грустно.

– Нисколько. – Его губы все-таки сложились в легкую улыбку. – Я лишь жалею, что не сумел воплотить для Ирмы духовный лотос, как символ моего вечного признания ей. Хотел сделать это на прощание. Думал, с браслетом все получится, пытался несколько раз... Но наверное, у меня слишком мало способностей.

Я нахмурилась, вспоминая. Что-то я такое читала... в основном в исторических романах эпохи первых браслетов-усилителей. Тогда воцарилась эпоха нью-ренессанс и возник культ прекрасных дам и благородных рыцарей, среди которых было принято преподносить даме сердца кусочек своей души в виде цветка. Ну если быть точным – кусочек своей духовной энергии, но тогда это называли по-другому и верили, что Линии Духа не что иное, как душа человека.

Впрочем, кто-то верит в это и сейчас.

Вот, к примеру, парень с лицом падшего ангела!

– Духовный лотос?

– Лотос – символ чистоты и непорочности. Как Ирма.

Кажется, он снова смутился. На бледных щеках появился слабый румянец.

А мне почему-то захотелось пнуть этого идиота, а потом выйти и навалить святой Ирме! От зеркала откололся еще кусочек и, звякнув, упал в раковину.

Черт, о чем я только думаю? Ну почему, почему меня это задевает? Я дала себе мысленный пинок, приказала вспомнить свои королевские заветы и состроила максимально равнодушное лицо.

– Да, я о таком читала. Духовный цветок – это ведь что-то вроде атмэ?

– Что ты, на создание атмэ способны только Совершенные, – кажется, его совсем не смущали мои глупые вопросы. Другой уже давно изобразил бы умника, но только не этот парень с лицом падшего ангела. Он отвечал все с той же доброжелательностью. Идеальный Август...– Атмэ-это не разрушаемая частица Духа, воплощенная в материальном виде. У меня никогда не хватит сил на подобное. А вот цветок может сделать даже новичок, он недолговечен. Его суть – сильная эмоция. Но моих не хватает, я уже пробовал.

– Может, ты начал слишком рано, когда панель еще не установилась, – быстро произнесла я. – Попробуй еще раз!

Если он сосредоточится на своем дурацком лотосе, я смогу заняться своей дурацкой нейтрализующей волной!

– Ну же, попробуйся!

Август качнул головой.

– Я пробовал много раз. Сильный образ запавшего в душу человека должен провоцировать создание духовного цветка. Я читал об этом в воспоминаниях святых. Все должно получиться само собой, без особых усилий. Но у меня не выходит. А ведь Антоний Риманский писал, что это совсем просто. Достаточно лишь сложить ладони и подумать о той, кто дорог...Вот так.

Подтверждая свои слова, Август изобразил ладонями ковш. Поднял взгляд – и наши глаза встретились. Время остановилось. Капля воды зависла на краю текущего крана. Трещина на зеркале замерла в нерешительности. Шум голосов затих.

Бездна внутри меня расширилась до самого горизонта и посмотрела невинными и грешными черными глазами.

Я потянулась вперед и прикоснулась губами к губам Августа.

Я даже не успела подумать. Осознать. Словно что-то толкнуло в спину, словно в мире не осталось ничего более важного. Совсем недавно я говорила Дамиру, что поцелую лишь того, кого сама захочу поцеловать... кто бы мог подумать, что это случится так скоро.

Губы Августа были сухими и вкусными. Он открыл рот – наверное, от изумления, и я ощутила его язык. Одно бесконечное мгновение мы просто стояли, соприкоснувшись губами. Не шевелясь. Не закрывая глаз. А потом... потом он осторожно лизнул мой язык. А потом медленно, словно не веря, что делает это, погрузился глубже.

Он ответил на поцелуй.

И это был самый странный поцелуй из возможных.

Мы не соприкоснулись ни в одной точке, кроме наших ртов. Мы все еще смотрели друг на друга, хотя от такой близости образы расплывались. Мы чувствовали. Мягкость и влагу, давление и ласку. Осторожное движение языка по верхней губе. Потом по нижней. Кожа стала такой чувствительной, что ее покалывало от напряжения. Наше прерывистое дыхание смешивалось на губах. Мое тело превратилось в оголенный провод, через который пропустили напряжение грозового разряда.

Я не знала, что поцелуй это так...чудесно.

Это длилось всего несколько мгновений. А потом Август отшатнулся, широко распахнув глаза. На его лице явственно проступили ошеломление и паника. Он хрипло втянул воздух, так, словно задышался.

Во все еще сложенных ковшом ладонях сгустилась его духовная энергия, застывая в форме полупрозрачного, невероятного цветка.

Август издал что-то похожее на стон и разжал руки. Застывший цветок, часть его души, рухнул на грязный кафель, разбиваясь. Материальное воплощение духовной энергии оказалось слишком хрупким...

– Я...я...

Он захлебнулся невысказанными словами. Не менее ошеломленная, я попыталась взять себя в руки. Все-таки я никогда и никого не целовала. И не могла предположить, что мне это настолько понравится.

«Низкочастотная энергия пробуждающегося разрушителя способна провоцировать людей на несвойственные им поступки, выявить тайные желания и помыслы... Эти порывы носят негативно окрашенный характер. Например, спонтанный выброс злости или неожиданное желание телесной близости, освобожденное от уз морали и совести... Эти признаки относят уже к повышенному уровню опасности разряда пять-шесть. Последующие проявления низкочастотных вибраций способны нанести значительный вред окружающему пространству, и самое страшное – изменить энергетический контур людей, попавших под влияние выброса. Последствия необратимы...»

Строчки из учебника вдруг так ясно возникли в голове, что я сама поразилась. Похоже, шок активизировал мою память, и кое-что я все-таки вспомнила.

Подобные разрушительные проявления возможны только на уровне выше пятерки. А значит... значит, произошло то, чего не случалось уже очень много лет. У Августа – динамическая сила. А она увеличивается.

Зеркало над раковинами треснуло паутиной, словно кто-то вогнал в него пудовый кулак. Эмаль на раковине вспучилась, напоминая закипающую яичницу на раскаленной сковороде. Плитка под ногами начала крошиться.

Меня с головой накрыл дикий ужас.

О, Истинодух! Что я натворила!

– Август, успокойся! – пытаюсь собраться и направить свою нейро-волну, выкрикнула я. – Возьми себя в руки! Ничего не случилось, слышишь?

Он тяжело втягивал воздух и смотрел на меня дикими глазами, словно и не замечая того, что происходит вокруг. Белки его глаз посерели, в уголках появилась кровавая сеточка.

– Август! – Я качнулась к нему, желая прикоснуться, но парень отшатнулся. – Август, послушай меня! Это всего лишь поцелуй! Ничего... такого!

Ничего такого? Даже для меня это оказалось... чрезмерно волнительным. А что говорить о том, кто всю жизнь провел в молитвах? Кто сознательно решил дать обет безбрачия и посвятить свою жизнь служению Духу?

Август не такой, как я.

Не такой, как все, кого я знаю.

Под моими ногами жалящими осколками взорвался кафель, и я отлетела в сторону. И парень словно очнулся.

– Что происходит? – ошарашенно выдохнул он.

– Выброс...разрушительной энергии... – прохрипела я, сползая по стене.

– Кассандра!

Послушник кинулся ко мне и схватил, помогая подняться. Его руки легли на мою талию, и даже сквозь слои атласа я ощутила его тепло.

... Найти внутри себя точку покоя... Расширить ее до контуров тела и вывести за его пределы...

Сверху что-то рухнуло. В зале за стеной раздались грохот и крики.

– Ничего не выходит, – прошептала я, глядя в глаза Августа. Они были так близко, словно он снова собирался меня поцеловать... – У меня ничего не выходит. Я не могу тебя нейтрализовать.

Он моргнул. Прищурился. Взгляд стал сосредоточенным.

– Нейтрализовать... Сработали датчики низкочастотного выброса? Ты поэтому пошла за мной, так? Причина во мне?

Я кивнула, уже не видя смысла скрывать.

– Ты должна это сделать, Кассандра, – четко и быстро произнес Август. – Давай, ты сможешь. Скажи, чем я могу помочь.

... Найди свою точку покоя...

Я облизала губы и удивилась тому, что они мокрые и соленые. Я поранилась? Или я плачу?

Найди свою точку покоя.

В этом и состоит проблема. Я не знаю, где ее искать. Якорь, который держит на месте, не давая шторму унести мою лодочку в глубокие воды. Тихая комната, в которой ждут те, кто меня любит. Светлый образ, ради которого хочется просыпаться по утрам.

Икигай, свой – у каждого.

У каждого она своя – эта точка. Что-то истинное и сокровенное, то, чем не делятся с остальными, но бережно хранят у сердца. Что-то невесомое и важное.

Увы, за десять лет обучения я так и не сумела найти свой якорь.

Для большинства учеников им становятся родители – главные люди в жизни детей. Но моя мама смотрела со стены строгим и чужим нарисованным взглядом, а папа... Я покривила бы душой, назвав его плохим отцом. Я покривила бы душой, назвав его отцом любящим.

– У меня нет якоря, – безнадежно прошептала я. – Он нужен, чтобы стабилизировать нейро-поток внутри меня. У меня не выходит... Не получается...

– Тогда я буду твоим якорем, – твердо сказал Август и мягко обхватил мои ладони своими. – Смотри на меня. Ты сможешь, Кассандра. Я в тебя верю.

Вокруг нас рушились стены. Где-то кричали люди и выли сирены...

Я хотела сказать, что так не бывает. Разве может быть якорем тот, кого я пришла нейтрализовать? Но я промолчала. Я смотрела в его глаза и чувствовала тепло его рук. Чувствовала рассыпавшиеся пряди его черных волос, щекочущие мне щеку. Запах мыла, ветивера и церковных благовоний, впитавшийся в его сутану. И еще – едва уловимый аромат самого Августа, такой притягательный и манящий...

Его губы дрогнули, складываясь в неуверенную улыбку. словно мы стояли среди душистых трав под тихими звездами, одни в целом мире. И впереди ждало только хорошее...Целая жизнь, наполненная счастьем.

Мир перестал звенеть и кружиться.

– Получается, – прошептала я, и его улыбка стала шире.

Внутри разлилось медовое и сладкое. Крохотная, почти невидимая вспышка зародилась в душе. Ничто, становящееся новой вселенной. Темнота, рождающая из хаоса самую яркую, самую ослепительную звезду. Нет! Целую галактику! Бесконечность звезд, наполненных светом! Моя точка покоя завертелась внутри, расширяясь и расширяясь, пока...

– Убери от нее руки, урод! – Яростный злой вопль, рывок, удар – и Август отлетает в сторону, ударился плечом о стену.

– Дамир? – ошеломленная и дезориентированная от того, что происходило внутри и снаружи, я уставилась на своего сокурсника и бывшего парня. – Какого черта ты тут делаешь?

За спиной Норингтона маячило бледное лицо Джемы Ржаник.

– Что вы тут делаете?

– Следом поехали! – рявкнул Дамир и сжал кулаки. – Это он, да? Тот урод, ради которого ты меня бросила? Он?

– Вы расстались? – оживилась Джема.

– Дамир, ты совсем дурак? – завопила я. – Мы с Августом только что познакомились!

– И он уже тебя лапает!

– Никто меня не лапает...

Дамир снова ударил. Его вели злость и ревность, не дающие парню мыслить разумно. Первая любовь оказалась болезненной...

– Довольно... – Голос Августа утонул во всеобщем хаосе. Он стер с разбитой губы кровь и удивленно посмотрел на свою испачканную руку.

Сверху посыпались штукатурка и камни.

– Прекратите! – заорала я. – Вы что, не понимаете? Не понимаете? Слишком много разрушительной энергии. Слишком много злости. ... Найти покой внутри себя. Найти покой...

Но звезды внутри меня гасли, одна за другой.

Дамир снова кинулся на Августа.

Капли крови упали с лица разрушителя. И яростная волна разметала нас в стороны. Я рухнула и приложилась головой о край раковины. Застонала, моргая и пытаюсь сложить воедино задвоившееся изображение. С трудом встала на колени, схватилась за скользкую поверхность. По виску текла кровь, щека горела, внутри что-то хлюпало...

Дамир кинулся на Августа, и тот неожиданно двинул ему в челюсть. Вполне прилично так двинул! Мой бывший парень заревел, словно бык, схватил Августа, протацил по полу, и оба они вывалились в коридор.

– Джема, помоги! Это надо остановить! – отчаянно закричала я, бросаясь к девушке. – Прошу, помоги мне!

– Ты сама виновата, – забормотала Ржаник, отталкивая меня. В ее глазах горело злое торжество. – Ты сама!

– Не время для детских обид! Помоги!

Но Джема отстранилась, забила в угол и смотрела на меня широко распахнутыми, ошеломленными глазами. Из ее носа тонкой струйкой текла кровь.

Оскальзываясь на мокром кафеле, я выскочила из уборной и остановилась. В чайной царил полнейший хаос. С громким хлопком разом вылетели все стекла. Я закрыла лицо руками, ощущая как режет пальцы колкая крошка. Старушек, к счастью, не было, а вот студенты-архитекторы не ушли, как и послушницы со священником. Их раскидало в разные стороны, у многих по лицу текла кровь. Из носа, глаз, ушей...

– Август, Август! – на одной ноте верещала светловолосая монахиня.

Ирма – поняла я. Та самая дева сердца, для которой он хотел создать духовный цветок.

Вторая, его сестра Зоя, ползала по полу, словно слепая.

Священник покачивался, стоя с поднятыми руками, и молился. Мне хотелось крикнуть ему: «Громче, святой отец! Громче!» Ведь молитва – самый древний и доступный способ гармонизировать пространство. И человека. Так говорите громче! Нет, лучше кричите так, чтобы вас услышали даже на небесах! Потому что ваш шепот ни черта не помогает!

– ...Смилуйся... грешником, укажи... путь, огради... зла... Даруй защиту... Проведи по... пути...

Слова молитвы едва доносились сквозь какофонию криков и грохота разваливающегося здания. Часть стены обвалилась. Сверху сыпались камни и доски, не давая добраться до выхода.

Дамир лежал в проходе, не двигаясь. Его правая рука выгнулась под неестественным углом.

А в центре хаоса стоял Август.

В колледже нам рассказывали о низкочастотной воронке, которая возникает возле пробуждающегося разрушителя. Но я не думала, что однажды увижу это воочию.

Вокруг парня в сутане заворачивался энергетический смерч, втягивая в свой поток все вокруг. Куски штукатурки и битые стекла, посуду со столиков и сами столики, разрушающиеся стены и людей, безнадежно пытающихся избежать столкновения с бездной. Нас всех тянуло в эпицентр хаоса, в черную дыру, которая станет нашей могилой. Я уцепилась за какую-то трубу, ощущая, как ноги поднимаются в воздух.

– ...Сохрани... грешников...

Священник уже кричал, венчик волос на его голове стоял дыбом и искрился. Зоя, Ирма и двое студентов-архитекторов кружились возле Августа как спутники вокруг своего жестокого солнца. Третий парень и официант Стив лежали между оставшимися столами. Их неподвижные, окровавленные тела тоже неумолимо затягивало в центр. Еще часть стены с грохотом треснула, но камни обвалились не вниз, а потянулись к воронке, закручиваясь в ужасающем танце смерти.

Цепляясь за все, что можно, я поползла в сторону Августа. Кажется, он не осознавал, что делает. Внутри него рождалась сила, которой он не умел и не мог управлять. По его щекам текли слезы, окрашенные красным...

– Август, – прошептала я, и голова послушника дернулась. Наши взгляды встретились.

«Беги», – одними губами произнес он. Звук тонул в нарастающем реве воронки. Она оглушала так, что казалось, я навсегда утрачу способность слышать.

Хотя о чем я... У меня больше нет никого «навсегда».

Сквозь летящие камни в провале стены я увидела медленно идущую фигуру. Прищурилась, пытаюсь разобрать, кто это. Тонкая, черноволосая, хромая...

Катерина Вольц! Она здесь!

Облегчение стало таким сильным, что я едва не расплакалась. Лицо Верховного миротворца было серым или так казалось за столбом пыли. Ее губы шевелились, словно женщина тоже шептала молитвы... А в глазах стоял ужас. И поначалу я не поняла, отчего. Ведь Катерина – самый сильный миротворец Империи! Она поможет! Она нейтрализует!

Она не справлялась.

Это стало очевидно, когда кусок стекла взвился в воздух, пролетел десяток метров и впился в бок женщины. Катерина упала, зажимая ладонью рану и снова что-то забормотала, не сводя отчаянных глаз с Августа. В дыму и пыли возникло перекошенное лицо Джона Марфиса. Он подхватил упавшую Катерину и потащил в сторону. А за ним... за ним...

Мелькнули приготовившиеся к атаке солдаты в шлемах, блеснули черные дула автоматов. И показалась фигура – такая знакомая, такая родная...

Ричард Вэйлинг осмотрел взвод.

– Папа, нет! – закричала я.

Не закричала. Меняхватило только на сиплый хрип.

– Огонь!

Свинцовый град обрушился на Августа. И рассыпался бесполезной дробью, не сумев пробить энергетическую воронку.

– Марфис, да отпустите же меня! – орала Катерина Вольц. – Вы не понимаете, идиот, не понимаете...

– Папа, остановись! – на этот раз получилось громче, и отец вздрогнул, прищурился, пытаюсь рассмотреть меня в начавшемся пожаре.

Если я смогу дотянуться до Августа... если только смогу... Почему-то внутри жила уверенность, что стоит нашим пальцам соприкоснуться, и звезды внутри меня снова зажгутся. Что они станут новыми солнцами. Что их тепла будет достаточно, чтобы все исправить.

Что еще есть шанс все исправить.

– Огонь! – приказал мой отец.

Я закрыла голову руками. Новый залп, и снова бесполезно. Я поползла, хватаясь за остатки мебели и вставшие дыбом доски уничтоженной чайной.

– Кассандра, – пробился сквозь шум и скрежет тихий голос Августа.

Я вскинула голову. Он смотрел на меня. Бледное лицо залитое красными слезами. Рука с белым браслетом на изящном, но сильном запястье дрогнула и потянулась ко мне.

Я протянула свою. Между нашими пальцами остались считанные сантиметры. Два браслета – белый и золотой – сияли по-прежнему ярко, словно грязь этого мира не могла их испачкать. Разрушительная воронка ослабла.

Еще немного...немного...

Смертоносный вихрь медленно затихал.

За спиной Августа Ричард Вэйлинг поднял винтовку и прицелился.

Мой взгляд скользнул с лица послушника на лицо отца, а губы выдохнули умоляющий стон.

Нееет!

Выстрел. Рухнувшие вниз камни и стекла.

И тишина, словно я всё-таки оглохла.

Я упала рядом с Августом и положила дрожащие пальцы в его раскрытую ладонь.

Последнее, что я увидела – это бледное, серьезное лицо моего павшего ангела и темные глаза, глядящие на меня. И кровь, растекающуюся по его парадной сутане.

А потом стало темно.

Глава 7. Призраки прошлого

Спортивный ferrum mostro, рыча на поворотах, неся по улицам Старограда. Огибая готические старинные здания, шпилями протыкающие ночное небо, укрытых снежком бронзовых святых и сияющие потусторонним синим светом мосты, он вылетел на широкую набережную. Чугунная ограда черной змеей охватывала гавань, служа ненадежной и иллюзорной защитой от скованной льдом реки. Прохожие на узких тротуарах, каменные чудовища на крышах зданий и слепые изваяния небожителей провожали железный шторм и его водителя одинаково укоризненными взглядами, словно пурпурная железная вспышка нарушала устоявшуюся благодать этого города.

Впрочем, я их не замечала. А если бы и заметила, вряд ли это заставило меня снизить скорость.

Напротив, я вдавила педаль в пол.

Мой монстр завизжал, уходя в дрифт на скользкой дороге, и я с трудом удержала машину от того, чтобы не протаранить чугунную ограду, оказавшись на льду реки. Из-под колес полетела снежная и каменная крошка, Машину повело в сторону, неумолимо вытаскивая в точку невозврата. Я вцепилась в руль, налегая всем своим весом. На лбу, несмотря на открытые окна и врывающийся в салон холодный ветер, выступили капли пота. Тяжелые басы орущей из динамиков музыки стучали в висках.

Рев и рывок, скрип горящих покрышек – и многотонный монстр все-таки сдался и послушался хозяйской руки. Автомобиль замер у ограды, так и не свалившись в реку.

Я медленно выдохнула. Стерла испарину. Протянула руку и выключила приёмник. В наступившей тишине стало слышно шипение железа и мое участившееся дыхание.

Прямо перед капотом ferrum mostro на меня взирал с постамента мраморный ангел. Более тысячи подобных статуй украшали город и набережную, неудивительно, что я едва не врезалась в одну из них. Снег белыми перьями слетал с его каменных крыльев, капли небесной воды исчерчивали полосами застывшее в вечности лицо.

Я посмотрела на ангела. Потом на свою ладонь и хмыкнула – она не дрожала.

– Ты по-прежнему бесчувственная ледышка, Кассандра Вэйлинг, – сообщила я своему отражению в зеркальце заднего вида. На ресницах широко распахнутых глаз таяли залетающие в окно снежинки.

Зябкий ветер с реки пощечиной ударил в лицо, и я вздрогнула, словно очнулась. Закуталась в короткую серебристую шубку, сдула прилипшие к щекам волосы.

– Эй, с вами все в порядке? – Кто-то из наблюдающих представление прохожих все-таки решил осведомиться о моем здоровье. В окне замаячило встревоженное мужское лицо.

– Госпожа, вы не пострадали? Кто же так гоняет зимой-то? Лед ведь сплошной, а не дорога, оглянуться не успеете, как окажетесь на дне реки...

Я нажала на кнопку, поднимая стекло, и снова врубила музыку. Симфония ударила духовыми так, что едва не оглушила. Звук мужского голоса исчез, а лицо сердобольного спасителя исказилось, теперь уже от гнева. Похоже, он передумал спасти непутевую девицу и теперь призывал на мою голову проклятия.

– Не переживай, – буркнула я, вырuling на дорогу. – Уже.

Ferrum mostro радостно зарычал, когда я снова вдавила в пол педаль газа, разбрызгивая снег, и помчалась вперед. Правда, на этот раз обошлось без происшествий и уже через пятнадцать минут я притормозила у двери между двумя каменными чудовищами с оскаленными мордами горгулий. Вход стерег громила, мало отличающийся по внешнему виду от своих неживых собратьев. Над полукруглой дверью алела надпись «Глотка», изнутри доносились ритмичные басы.

Отличное местечко!

Охранник окинул быстрым взглядом мою короткую распахнутую шубку и шелковую, расшитую золотом, блузу под ней, узкую юбку ниже колен, сапоги на остром каблуке и тяжелые серьги с рубинами, бросающие сноп алых брызг на мое бледное лицо. Длинные вишневые волосы теребил ветер, и я недовольно повела плечом, отбрасывая пряди.

Дверь передо мной распахнулась, и я окунулась в полумрак с привкусом хмеля и сигаретного дыма.

Посетителей оказалось немного, впрочем, для завсегдаев этого заведения еще слишком рано. А вот через пару часов, когда полная луна выкатится на небосклон, пытаясь пробиться сквозь завесу туч, здесь будет не протолкнуться.

Заняла место у бара, там, где красные абажуры старинных ламп разливали по деревянной стойке потоки кровавого света, и подняла два пальца, показывая бармену, что девушке необходим ее коктейль. Тот понятливо кивнул и уже через пару минут передо мной стоял узкий непрозрачный бокал с напитком.

Но не успела я сделать и глотка, как сбоку возникла мрачная тень и укоризненный голос произнес:

– Пьёшь? И снова гоняла, верно? Когда ты уже образумишься, Кэсс?

Я все-таки сделала глоток. Выдохнула, сморгнула слезы, выступившие от невыносимой горечи.

– А давай ты просто провалишься к чертям и оставишь меня в покое, Дамир? – предложила я, не глядя на насупившегося парня.

– Я переживаю за тебя.

– У меня все отлично, – сделала еще глоток, на этот раз осторожнее. – Ты убедился, что я по-прежнему жива-здоровая, и можешь со спокойной душой катиться в ад. То есть к Джеме, прости.

Дамир тяжело вздохнул, потянул носом.

– Что у тебя за пойло? – брезгливо спросил он.

– Называется – «Твоя голова взорвется под утро», – подмигнула я. —Водка, черный ром, крепкий как деготь кофе, щепотка жгучего перца и капля ванили. Хочешь попробовать?

Дамир скривился и отодвинул в сторону мой бокал. Если бы он все же решился попробовать, у меня могли возникнуть большие проблемы. Но Дамир терпеть не может кофе, да и алкоголь не жалуется. Так что я почти не рисковала.

Почти.

Я развернулась, взглядом пригвождая наглеца к барной стойке. Увы, на него это не подействовало.

За прошедшие пять лет Дамир раздался в плечах и нарастил мышечную массу, превратившись из юноши в красивого молодого мужчину. Золотые кудри, от которых млели все девушки колледжа в Нью-Касле, он подстриг, и теперь лишь несколько непокорных

завитков падали на высокий лоб. Бежевый свитер под горло, идеальные брюки со стрелками, дорогие туфли из телячьей кожи и роскошное светлое кашемировое пальто с двойным рядом серебряных пуговиц сразу выдавали в нем жителя богатого квартала и казались неуместными в этом заведении. Впрочем, как и мои рубины. Неудивительно, что на нас косились с недовольством и недоумением.

Дамир стянул с рук перчатки тонкой выделки, сел на высокий неудобный табурет и посмотрел на меня.

В целом, он остался все тем же красавчиком, только вечную улыбку на его лице сменила острая настороженность, а взгляд утратил беспечность.

Впрочем, сейчас меня волновал лишь мой бокал, а не то, насколько взрослым стал Дамир.

– Немедленно верни, – прошипела я.

Златовласый гад брезгливо отпихнул напиток еще дальше и сложил руки на груди, показывая, что бороться с ним бесполезно.

– Кэсс, хватит. Нам надо поговорить. Seriously поговорить. И я хочу, чтобы ты при этом разговоре была трезвой!

– Это то, чего я меньше всего хочу, глядя на тебя! – уронила я и увидела, как заострились черты мужественного лица.

В глазах Дамира мелькнула застарелая боль, но тут же погасла.

– Прекрати, – тихо сказал он. – Я лишь хочу тебе помочь. Я не могу смотреть, как ты разрушаешь свою жизнь.

– Так не смотри. Кажется, я не раз предлагала тебе этот вариант!

– К сожалению, не могу! – в сердцах бросил он. На миг отвел взгляд и на его щеках заходили желваки.

Выдохнув, Дамир снова глянул на меня. На этот раз его глаза казались бутылочным стеклом – такие же зеленые и непроницаемые.

– Я твой куратор, Кассандра, – сухо продолжил он. – Если ты все еще об этом помнишь. И как куратор могу сказать, что у тебя большие проблемы. Ты до сих пор не выбрала специализацию. Ты не сдашь экзамены академии, если не возьмешься за ум. Твоя репутация настолько ужасна, что даже я не смогу спасти твою шкуру. Никто не сможет. Ты вылетишь из академии и окажешься в черном списке. Что ты будешь делать с этим, Кэс? Как жить?

Я фыркнула, с вождением глядя на бокал. Пошевелила пальцами, в которых уже ощущала его тяжесть. Чертов Дамир! Как же

не вовремя он явился!

Тот, кого я мысленно чихвостила, снова тяжело вздохнул.

– Я думаю... думаю, тебе пора наконец поговорить с отцом, Кэс.

Я обожгла мерзавца злым взглядом. Внутри становилось все гаже, а бокал по-прежнему был слишком далеко.

– Кассандра, ты меня слушаешь? – Мой проклятый недруг повысил голос, и краем глаза я заметила, как позади ворочается кто-то из завсегдатаев. Вероятно, мы привлекали внимание...

Бармен бросил на нашу пару быстрый взгляд и снова начал меланхолично протирать стакан.

– Еще громче, и тебя услышит вся «Глотка», – отозвалась я, сглатывая сухим горлом.

– Так ты поговоришь с отцом?

– Конечно же, нет.

– Кэс... Ты не разговариваешь с ним почти пять лет. – Дамир свел темно-медовые брови.

Признаться, хмурым он выглядел еще лучше, чем улыбаясь.

– Хватает и того, что ты болтаешь с ним регулярно. И доносишь на меня.

– Он просто хочет знать как у тебя дела, – ничуть не смутился предатель. – Ричард волнуется о тебе, Кэс. Ты его дочь, и он любит тебя.

Я рассмеялась, заставив Дамира поморщиться.

– Пусть ты в это и не веришь, – продолжил он. – Все видят, как Ричард о тебе заботится. Дорогие меха, украшения, одежда. Апартаменты в Аннонквирхе. Твоя проклятая машина в конце концов! Кстати, не боишься бросать ее вот так? Ты хоть двери-то закрываешь? В этом районе полно отбросов.

– Ничего, если угонят, папочка купит новую, – хмыкнула я, и Дамир осуждающе покачал головой.

– Он дает тебе все, что ты пожелаешь. А в ответ просит один телефонный разговор! Он ведь твой отец, Кэс! Неужели ты не в силах найти в своей душе хоть каплю любви к нему?

– Бог мой, да я сейчас заплачу, – чуть хрипло произнесла я. – Твоя беда в том, Дамир, что все семьи ты меряешь по своей. Но такие, как у тебя, встречаются столь редко, что относятся к разряду сказок. Тебе

повезло, и поэтому ты видишь любовь даже там, где ее никогда не было.

– Повезло? – Зелёные глаза потемнели, и я прикусила губу.

Мне не хотелось напоминать Дамиру о прошлом. Хотелось убить за то, что он отобрал мой напиток, но напоминать – нет. Потому что тогда и мне пришлось бы вспомнить то, что я так старалась забыть.

– Твоя мама умерла, но она у тебя хотя бы была, – негромко сказала я, отворачиваясь.

Призраки прошлого сгустились за нашими спинами. Два силуэта, сотканые из нашей боли. Женский, обнимающий Дамира.

И мужской, на который я не хотела смотреть.

Голова пошла кругом, меня затошнило. Проклятье! Мне нужен мой бокал!

– Я не буду разговаривать с генералом Вэйлингом. Ни сейчас, ни когда-либо потом, – проглотив комок в горле, отрезала я. – Прекрати это сводничество, Дамир. И слезку за мной. Иначе однажды я решу забыть о том, что когда-то мы были друзьями.

– Мы никогда не были друзьями, Кассандра, – глянув исподлобья, бросил парень. – Я любил тебя. Я сделал тебе предложение. Я хотел прожить с тобой жизнь. Это кое-что иное, чем быть друзьями.

Я пожала плечами.

– Так ты просто не можешь забыть, что я тебе отказала? Поэтому ты меня изводишь и не даешь спокойно надраться?

– Я не даю тебе надраться, потому что беспокоюсь! – рывкнул мой недруг, и позади зашевелилась огромная туша охранника.

Я завела руку за спину и показала охраннику кулак. Туша из поля зрения пропала.

Дамир, не замечая моих жестов, скривился, схватил бокал и сунул мне в руки.

– Не терпится, да? Вот, бери! Бери, Кэс! Ну?

Я обхватила ледяными пальцами дымчатое стекло. Напиток внутри напоминал черный деготь. Такой же темный как глаза призрака, стоящего за плечом. Мне не надо было оборачиваться, чтобы видеть его лицо, совершенное, словно ночь. Его внимательный взгляд. И слышать его шепот, зовущий из небытия.

«Я буду твоим якорем, Кассандра...»

Ты не якорь. Ты камень, привязанный к моим ногам и тянущий меня на дно. Не отвязать, не спастись. Впрочем, спастись я и не пытаюсь.

Одним глотком я выпила напиток и закашлялась от горечи чертополоха и полыни.

Дамир скривился и потер лицо, словно пытаюсь очнуться от кошмара. Я усмехнулась, глядя на него.

– Тебе тоже не мешало бы выпить, Златовласка. Может, перестал бы быть таким занудой. – Полынный шторм бушевал внутри, медленно согревая холодные пальцы.

Дамир нахмурился, услышав прозвище, которым я наградила его в колледже.

– Вижу, с тобой бесполезно разговаривать. Что ж, я сделал что мог. И кстати... Как твой куратор, я назначил тебе еще один сеанс у менталиста.

– О, отправил меня к мозгоправу? Очень по-дружески. Думаешь, доверительные беседы спасут мою грешную душу?

– Думаю, что еще немного – и даже я сдамся, – сухо сказал Дамир. – В академии о тебе говорят, Кассандра. Слухи один гаже другого. И даже я уже начинаю в них верить.

– И что же обо мне болтают? – полюбопытствовала я.

– Что еще немного – и тебя с позором вышнырнут из академии. Что отец от тебя откажется, если ты вляпаешься в очередную дурную историю. Что ты давно забыла, что такое трезвая голова. Не вылезает из ночных баров и сомнительных заведений. Участвуешь в запрещенных гонках, шатаешься по тупикам нижнего города и... принимаешь скверну. А еще... – Дамир запнулся.

Я медленно улыбнулась и, подавшись ближе, посмотрела ему в глаза. Снизу вверх.

Зрачки парня расширились, кадык дернулся. Его взгляд прилип к моим полураскрытым губам.

– Продолжай, – промурлыкала я.

– Что среди твоих любовников не только обладатели нейропанелей, но еще разные отщепенцы. И что частенько они бывают в твоей постели...не по одному.

– Какая ужасная...– выдохнула я. И добавила, когда Дамир, вольно или нет, склонился ниже, а его дыхание участилось: – ...

правда.

Он моргнул, глядя на меня. А потом отшатнулся так, словно увидел чудовище. Я тихо рассмеялась.

– Уже не хочешь меня спасти, Дамир?

– Ты... Ты стала монстром, Кэс. А ведь я...– Он оборвал предложение, не договорив. И закончил сухо, больше не глядя на меня. – Ты обязана пройти сеанс с менталистом академии. Если она даст заключение о твоей стабильности и вменяемости, то ты получишь допуск к практическим заданиям. Если нет – тебя исключат. Это все, что я могу для тебя сделать, Кассандра.

Не попрощавшись, Дамир схватил со стойки свои дорожные перчатки и покинул «Глотку». Я проводила его задумчивым взглядом.

Бармен поставил передо мной еще один бокал из непроницаемого дымчатого стекла. На этот раз – с теплой водой.

– Кажется, ваш друг расстроился, – негромко произнес он.

– У меня нет друзей, Адриан.

– Конечно. Им ведь надо говорить правду. Что-то я ни разу не видел, чтобы вы принимали скверну. Или хотя бы алкоголь. Кажется, вы упоминали, что у вас непереносимость.

– Каждый верит в то, во что хочет верить, Адриан. – Я одним глотком осушила стакан с водой, подышала, пережидая бурю внутри.

– Ваш приятель говорил дурные вещи, – толстостенный стакан жалобно звякнув, раскололся в руках бармена. – Я мог бы...

– Это неважно. Просто держи свой рот на замке.

Бармен поднял руки, становясь серьезным.

– Я могила, вы ведь знаете.

Я кивнула. Да, я знала. Адриан скорее откусит свой язык, чем сболтнет лишнее.

Слегка покачиваясь на высоких каблуках от шторма, бушующего внутри, я двинулась к выходу. Пора заканчивать на сегодня. Хоть иногда, но даже мне порой нужны несколько часов сна.

Призрак прошлого, маячивший за плечом, неслышно двинулся следом. Я на него не смотрела.

«Я теперь твой якорь, Кассандра...»

Адриан проводил меня взглядом. Один из посетителей – молодой и наглый – поднялся мне навстречу.

– Ого, какая крошка! Красавица, не хочешь повесели...

Громила-охранник мягко отодвинул его в сторону, зыркнул на остальных. И неслышно пошел следом, пугая посетителей и моего призрака чудовищным видом и чесночным дыханием.

Переглянулся со стражником у дверей «Глотки», распахнул дверь моего железного монстра.

– Хотите, я сяду за руль, госпожа Кассандра? – тихо спросил он. Потом не выдержал и все-таки обернулся, пытаюсь увидеть за спиной того, на кого я смотрела.

Но это было невозможно. Ведь его не существовало.

Я покачала головой.

Полынный шторм стихал, успокаивая разум и сердце. Стылое умиротворение наполняло душу. И призрак прошлого таял, сметенный усилившимся снегопадом. Я больше не видела его темных как грех глаз и не слышала его голос.

Без него стало пусто.

– Будьте осторожны, госпожа Кассандра, – смущаясь, выдавил охранник. Кончики его многократно сломанных на ринге ушей покраснели, как бывало всегда, когда он говорил со мной. – Дороги заледенели. Обещают снегопад. Вы уверены, что вам не нужна помощь?

Не отвечая, я завела мотор и нажала на педаль, заставляя железного зверя сорваться с места.

Глава 8. Душевный разговор

– Кассандра, давайте поговорим о ваших снах.

– Не знаю, что вам о них сказать. Разве что – мне их катастрофически не хватает. Может, я посплю вместо нашей неувлекательной и ненужной беседы? Поверьте, от этого будет гораздо больше пользы.

Анна Левкой, менталист с золотым браслетом на руке, понимающе улыбнулась. Поправила очки в дорогой черепаховой оправе, провела рукой по вельветовой юбке, обтягивающей колени и тяжелой волной расходящейся у лодыжек. И снова посмотрела на меня.

Синие стекла в вытянутых, как кошачий глаз, очках мигнули бликом света.

Я демонстративно зевнула.

Анна улыбнулась.

– На последней...мм... проверке вы говорили, что вас мучают кошмары. Что в них вы видите того парня. Разрушителя, которого не смогли нейтрализовать пять лет назад. Он все еще снится вам?

Пальцы вмиг заledenели. Мне захотелось сунуть их под бархатную подушку кушетки, на которой я сидела, или хотя бы размять, но я не позволила себе этого выдающего нервозность движения.

– Нет.

– Но вы жаловались, что кошмары преследуют вас.

Да, жаловалась. Тогда я была слишком неопытна и слишком разрушена произошедшим, чтобы соображать здраво. Тогда мне казалось, что мне помогут.

– Я больше не вижу кошмаров. И не думаю о прошлом. Я ведь уже сказала – у меня все в порядке. Не понимаю, зачем трачу ваше время.

– И все же давайте поговорим о тех снах, Кассандра, – не поддавалась на провокацию Анна, и я подумала, не швырнуть ли в нее этой самой подушкой. Хотя лучше – кушеткой. – Вы рассказывали, что

видите его, погибшего парня. И слышите его голос. Что именно вы видели?

От застывшей на лице маски безмятежности болели скулы.

Мне нужна пауза. Это не будет выглядеть...странным.

Медленно обвела взглядом роскошную комнату в башне Академии Миротворства. Две стены в модном стиле лофт – натуральный камень и кирпич. Одна – бежевая, так густо увешенная дипломами и золотыми наградами миссис Левкой в области менталистики, что рассмотреть цвет было почти невозможно. Последняя – выкрашена в светло-зеленый и украшена пейзажем. В углу изящные подставки с живыми цветами, там же столик, на котором высится резная клетка. Внутри прыгает по жердочкам канарейка. За спиной Анны – широкий и основательный дубовый стол, призванный внушать уважение каждому, кто посетит этот кабинет. На нем между тяжелой подставкой с карандашами и бронзовой статуэткой журчит декоративный фонтанчик. Сама госпожа менталист расположилась в удобном кресле напротив меня.

И еще здесь есть окно. Большое и круглое, увитое снаружи морозостойким краснолистным плющом. В стекле тает зимнее солнце, видно заснеженные крыши Старограда и главное здание Аннонквирхе.

Академии, из которой я вылечу уже завтра, если неправильно отвечу на вопросы проклятой Анны.

А мне необходимо здесь остаться!

Медленно выдохнув, я повернула голову к терпеливо ожидающей женщине.

– Все мои кошмары зафиксированы в отчетах, – съязвила я. Все-таки Кассандра Вэйлинг имеет определенную репутацию. Не стоит ее менять. Да и слишком явная незаинтересованность может мне навредить, это будет выглядеть подозрительно. – Ладно. Мне снилось, что... он находится где-то. Странное место. Пугающее. Что-то вроде подземелья. На нем нет одежды, кроме рваных штанов. Там холодно. И еще цепь. Да, на нем была цепь. На левой руке. Поверх...поверх нейро-панели. Его длинные волосы сваялись от грязи и превратились в паклю. И у него была борода на лице. Но я узнала его. Сразу. Его глаза...Я не могла их не узнать. А еще...

Я задохнулась, не в силах продолжать. Еще на его теле были раны.

Анна кивнула с профессиональным сочувствием.

– Что он делал? В те моменты, когда вы его видели?

Я набрала в легкие ускользящий воздух.

– Он... молился.

Анна мелко качнула головой. Верх-вниз. Блик света волной прокатился по синим стеклам очков.

– Всегда молился?

– Иногда спал. Или ел. Ужасную еду. Это больше походило на помой.

– В ваших снах этот парень как-то реагировал на ваше присутствие? Видел вас?

– Нет.

– Вы понимаете, почему видели эти кошмары, Кассандра?

– Да. – Мне все подробно объяснили. Несколько раз. – Мой разум не мог освободиться от чувства вины и потому создал иллюзию, в которой... тот парень продолжал существовать. Но это выдуманное существование было ужасным. Я придумала его, чтобы наказать себя.

– Верно. И ваши кошмары прекратились, как только вы смогли принять его смерть как свершившийся факт. Как только смирились с этим и сумели простить себя. Не так ли?

Снова легкий кивок. Завораживающий блик света. Расслабляющее журчание водопада. И движение канарейки с жердочки на жердочку.

Прыг-скок.

Прыг-скок.

Прыг.

Скок.

Птица зависла в воздухе на одно мгновение дольше положенного. Потерянная секунда времени, которую не может заметить человек без браслета. Да и в браслете, пожалуй, тоже...

Замершее время, означающее, что госпожа менталист применила силу своего Духа. И теперь каждая ложь, которую я произнесу, будет звенеть для нее сиреной.

Академия Миротворства Старограда всегда славилась выдающимися специалистами. И Анна Левкой, несомненно, была одной из них. Гениальный менталист, консультирующий самых высокопоставленных людей Империи. Соврать ей невозможно.

– Кассандра, вы не ответили, – мягко поторопила меня Анна. – Вы больше не видите сны с тем парнем?

Я откинулась на бархатную спинку кушетки.

– Нет, не вижу. Эти сны прекратились.

– Возможно, вы видите его как-то иначе? Видения? Галлюцинации? Образ? – вкрадчиво продолжила она.

– Нет. Никаких снов и никаких видений. Я ведь не сумасшедшая.

– Иногда разум создает ловушку. Показывает образ того, кого не хватает, – мягко напомнила Анна.

Меня ее мягкость не обманула.

– Я ничего не вижу. Ну то есть... сны мне снятся. Иногда. И парни там тоже бывают. Вот вчера приснились близнецы с моего курса, Адам и Виктор. Такие красавчики, скажу я вам! И оба голые в моей постели, представляете? Поворачиваю голову влево и вижу Адама. Потом вправо – а там Виктор! И оба одинаковые! А потом Адам мне говорит: давай развлечемся, детка? Или это был Виктор... все-таки я так и не научилась их различать!

Анна не сумела удержать профессионально-отстраненную мину, поморщилась и сдернула с лица очки, показав водянисто-голубые глаза с короткими белесыми ресницами.

– Мне продолжать? – невинно поинтересовалась я.

– Давайте поговорим о ваших друзьях.

– Друзьях? – искренне удивилась я. Когда это они успели у меня завестись?

– Дамир Норингтон и Джема Ржаник. В Нью-Касле вы обучались в одном колледже, к тому же Дамир был вашим парнем. Но из-за произошедшего в день выпуска вы не смогли поступить в Академию в том же году, а они – да. Вы целый год провели в закрытом учреждении, а ваши бывшие сокурсники обогнали вас и в учебе, и в практике. Сейчас они оба являются полноценными членами домена миротворцев.

– Не вижу в этом никакой проблемы.

– Кстати, они оба обладают выдающейся Силой Духа, которую уже не раз продемонстрировали. Эту пару заслуженно называют гордостью Аннонквирхе. Практически королем и королевой академии. Вас это задевает, Кассандра?

– Нисколько.

– В характеристике из колледжа в Нью-Касле говорится, что вы желали быть в центре внимания. Что это было для вас важно.

– Я пересмотрела свои взгляды. Некоторые.

– Многие из ваших нынешних сокурсников открыто заявляют, что вы незаслуженно носите свой золотой браслет, Кассандра. Ведь испытания показывают, что сила вашего Духа довольно незначительна. Слишком незначительна. Вам ведь удалось овладеть только метаморфизмом, верно? Проще говоря, вы освоили лишь изменение внешности, именуемое Маской?

– Да.

– И никаких других способностей?

– Нет.

– Влияние на неживую материю? Парение-левитация? Прорицание? Ментальные практики?

С каждым вопросом синий блик прокатывался по стеклам в такт кивкам госпожи Левкой.

Я тоже с удовольствием покивала.

– Нет. Нет. Нет. Нет.

– Хм...Значит, вы достигли лишь второго уровня. Весьма печально, если учитывать, кто ваши родители.

Я шумно выдохнула и опустила взгляд, надеясь, что выгляжу достаточно расстроенной.

А вы, оказывается, любите говорить людям гадости, госпожа Анна!

– Жестоко напоминать мне об этом, госпожа Левкой. Вы ведь видели заключение врачей. Моя Сила Духа пострадала из-за того трагического происшествия. Мой Дух более не прогрессирует. Я никогда не смогу достигнуть Совершенства, мне придется развиваться на том уровне, который уже у меня есть. Так порой происходит с теми, кто попадает в разрушительную воронку.

Менталист некоторое время меня рассматривала.

– Преподаватели из вашего колледжа в Нью-Касле отмечают, что во время обучения вы не слишком стремились к знаниям.

Я пожалала плечами. Просто лекции и занудные уроки мне скучны. А я терпеть не могу скуку!

– Однако решающим фактором в вопросе вашего поступления в Академию стала характеристика Катерины Вольц.

Я внутренне сжалась, хотя и пыталась сохранять невозмутимый вид. Что написала обо мне Верховный миротворец? Наверняка, ничего

хорошего. Еще одно унижение, которое придется проглотить.

Анна потрясла бумагами, на ее лице возникло недоумение.

– Катерина Вольц в своей характеристике указала, что вы сделали все от вас зависящее, чтобы нейтрализовать опасность. Что проявили отвагу и истинное бесстрашие, достойное настоящего миротворца. Что до последнего пытались нейтрализовать разрушителя, рискуя собственной жизнью и здоровьем. Что в отличии от других молодых специалистов стойко держались до самого...финала.

Что? Я моргнула. Опустила взгляд на свои руки. На пальцах все еще виднелись тонкие белые штрихи шрамов. Моя нейро-панель усилила регенерацию и залечила порезанные руки, так что сейчас рубцы почти не заметны. Но я всегда их вижу.

Неожиданная похвала Катерины Вольц дернула внутри невидимые струны, и я снова моргнула. Я давно не слышала в свой адрес хороших слов. А ведь Дамир, как мой куратор, наверняка знал, что Катерина дала мне такую характеристику. Но он ни разу об этом не обмолвился.

Не хотел напоминать о том дне?

Или... дело в чем-то другом?

Сам Дамир в тот день просто отключился, ударившись головой о край стола, а Джема... Джема сбежала. Ее никто не обвинял, мало кто знал, что она вообще там была.

Я знала.

– Катерина указала, что виноваты трагическое стечение обстоятельств, непредсказуемость динамического разрушителя и человеческий фактор. А вашим действиям присвоила наивысшую оценку. Признаться, именно это и стало вашим пропуском в Аннонквирхе.

Анна перебрала бумаги.

– Но похоже, вы не оправдали надежд госпожи Вольц. Преподаватели академии отмечают вашу незаинтересованность в обучении и низкий уровень силы.

– Я уже говорила, что побывала в разрушительной воронке. Потому развитие моего Духа остановилось. И это еще не худший вариант. Не будь на моей руке браслета, последствия оказались бы куда ужаснее. Вы ведь знаете, что случилось с остальными людьми. Кем они стали. Все они.

Анна свела брови, глядя на меня. Некоторое время мы обе молчали.

Тот день назвали величайшей трагедией Нью-Касла, кое-кто даже поговаривает, что он войдет в историю Империи. Я думаю – вряд ли, потому что после того, как новости о событии в чайной всколыхнули страну, о нем говорить перестали. Приехавшие из северной столицы инквизиторы довольно быстро засекретили все данные о произошедшем.

Но я-то знала правду.

Потенциал разрушителя оказался динамическим, чего никто не ожидал. Подобное случилось лишь раз за всю историю Империи, и тот человек едва не погубил наш мир.

К тому же в несчастливом «Клевере и розе» одновременно оказалось несколько молодых миротворцев с только что установленными нейро-панелями. И в очень дурном расположении духа. Дамир в тот день узнал о смертельной болезни матери и получил отставку у девушки, с которой собирался связать свою жизнь. Джема кипела от ненависти ко мне и неразделенной любви.

А я... я просто была собой. Самоуверенной и избалованной Кассандрой Вэйлинг. Виновницей трагедии в Касле, его проклятием.

В тот день погибло или изменилось несколько десятков человек. Все, кто был в чайной, солдаты и случайные прохожие. Выпускники колледжей и влюбленные парочки, гуляющие поблизости. Все они стали жертвами разрушительной воронки. Те, кто остался жив изменились так, что их отправили в место, о котором не говорят – в Пески. От меня это скрывали, но я давно научилась подслушивать. Потенциал разрушения на Алее цветущей вишни в Касле достиг восьмого уровня. Невероятно. И ужасно...

Аллеи больше не существует. Осталось лишь пепелище и искорёженные черные деревья.

– Вернемся в тот травмирующий день.

Как будто я из него выходила.

– День происшествия с разрушителем. Дамир Норингтон и Джема Ржаник тоже были в той печально известной чайной. И вы говорили, – пошелестела записями Анна. – Говорили, что просили Джему о помощи. Когда поняли, что не сумеете нейтрализовать низкочастотную волну. Но Джема Ржаник вам не помогла. Вы злитесь на нее за это?

– Нет, – медленно ответила я. – Джема растерялась и испугалась. Ее можно понять.

– Либо она осознанно не захотела вам помогать. После происшествия вы утверждали именно это. И еще грозились убить и госпожу Ржаник, и господина Дамира, который усугубил конфликт. Вы грозились убить всех, кто там был. Даже вашего отца.

Я тяжело втянула воздух. Пальцы заледенели настолько, что я их не чувствовала. В висках стучало.

– Тогда я была не в себе. Но это в прошлом. Я все осознала и никого не виню. Я совершила ошибку, но я была совсем юной, мне едва исполнилось семнадцать. Я многое не понимала. Это все в прошлом, госпожа Левкой.

– И даже то, что Джема и Дамир теперь вместе, вас не беспокоит?

– Я за них рада, – проникновенно ответила я.

– Рады?

– Да. Они сумели выстроить свою жизнь, несмотря на то, что произошло в Касле. Надеюсь, они будут счастливы.

– А что насчет вас, Кассандра? Вы счастливы?

Я подняла голову, твердо встречая взгляд менталиста.

– Еще нет. Но я стремлюсь к этому, миссис Левкой. И уверена, однажды у меня это получится. Конечно, если вы дадите мне шанс и оставите в Академии. Я знаю, что у меня ничтожная Сила Духа, всего второй уровень. И из меня не получится сильный миротворец. Но я буду стараться.

– Пока вы не слишком усердны в учебе, Кассандра, предпочитая предаваться развлечениям.

– Да, – я встретила взгляд Анны, гася внутри раздражение. Искренность подкупает. А признание собственного несовершенства – вдвойне. Особенно перед теми, кто себя-то точно считает непогрешимыми и безупречными. Кто целую стену в своем кабинете посвятил собственным наградам и достижениям. Просто алтарь, а не стена! О да, такие, как Анна, втайне считают себя почти божествами. Или не почти? И снисходительность к неудачникам типа меня дает им ощущение собственной важности и исключительности. Так почему бы этим не воспользоваться? – Это так. Возможно, я слишком избалована и не люблю учиться. К тому же... я почти лишена Силы Духа. Но Академия стала моим домом. Это мой шанс на достойное будущее.

Анна слегка поморщилась.

– Что ж... Думаю, я услышала все, что хотела, наш сеанс окончен, Кассандра. Свой отчет я направлю ректору и вашему куратору. Это ведь Дамир Норингтон, не так ли?

Я кивнула, и госпожа менталист слегка улыбнулась. Наверное, ее веселил этот факт.

– Да, удивительно способный молодой человек. Очень перспективный. Ну что ж, Кассандра, вы можете идти.

Я встала и оправила юбку скромного серого платья с круглым воротничком и рядом костяных пуговиц. Пришлось перерыть весь гардероб, чтобы отыскать подобную безвкусицу. Понятия не имею, зачем и когда я вообще его купила. Двинулась к двери – и тут в спину ударил еще один вопрос.

– Ах да, Кассандра. Тот разрушитель. Вы так и не произнесли его имени. Как его звали?

Канарейка зависла над жердочкой. Капля воды застыла над водопадом. И блик на очках остановился в точке сожранной Силой секунды.

Я обернулась с извиняющейся улыбкой.

– Увы, я не помню его имени, госпожа Левкой. Мне говорили, что мой разум предпочел избавиться от этого травмирующего воспоминания. Я забыла это имя.

Анна кивнула, принимая ответ.

И я наконец покинула ее кабинет. Из башни вниз вела узкая винтовая лестница, стертые тысячами ног ступени блестели в желтом свете ламп. Но я предпочла двинуться не вниз, а вверх, и уже через несколько минут оказалась на круглой открытой площадке, окольцованной низким каменным парапетом.

Ученики Академии называли это место Башней самоубийц, пересказывая страшную легенду о десятке несчастных, сбросившихся отсюда вниз. Кто-то утверждал, что дело в неразделённой любви, иные верили в проклятие, тяготеющее над башней и манящее каждого, кто сунется сюда, чтобы познакомиться с бездной. Зимней ночью, сидя в общей гостиной Академии и грея пальцы о горячий облепиховый сбитень, каждый ученик с удовольствием слушал рассказы о невинных девах, летящих в пропасть. И всегда находились те, кто утверждал, что видел тех призраков собственными глазами.

Что ж, такие древние здания, как Аннонквирхе, всегда полны тайн, призраков и загадок. А еще глупых рассказней.

Так что, возможно, сегодня кто-то снова увидит неприкаянное приведение.

Я ступила на край парапета и посмотрела на линию горизонта, уже почти погасшую. Снег падал крупными пушистыми хлопьями, оседая на моих волосах и ресницах. Студёная зимняя ночь обняла город, и я поежилась, жалея, что пришла без шубы. Двор внизу радовал безлюдностью, в такую погоду никто не пожелал прогуляться.

Окно госпожи менталиста было прямо подо мной.

Я качнулась на краю.

Интересно, Анна Левкой верит в проклятие этой башни?

Солнце погасло.

Я произнесла имя.

А потом упала вниз, прямиком в объятия бездны.

«Август», – тихо прошелестело мне вслед эхо. И стихло, унесенное холодным ветром.

Покрытый снегом двор качнулся навстречу. И остался внизу, когда я зависла за круглым окном прославленного менталиста Анны Левкой.

Глава 9. Посиделки у камина

Хозяйка кабинета сидела за своим роскошным столом и торопливо писала. Ручка с золотым пером поскрипывала, оставляя на бумаге чернильный след. Я поймала воздушный поток, поднимаясь чуть выше, чтобы заглянуть через плечо Анны. Если бы менталист обернулась, думаю, ей самой понадобилась бы помощь мозгоправа. Мысль меня развеселила, и я тихонько хихикнула.

Черт, почему у этой проклятой Левкой такой неразборчивый почерк? Оказывается, менталист не так безупречна, как хочет казаться! Ей точно не помешали бы курсы каллиграфии!

Я прищурилась, вчитываясь в отчет.

Канарейка в клетке застыла с поднятой лапкой, глядя на оконное стекло. А потом заверещала, прыгая на своей жердочке.

– Сахарок, что с тобой? Что ты там увидела? – Анна все-таки заметила странное поведение птицы и обернулась.

Я шмыгнула в сторону, распласталась на холодной стене. Силуэт женщины заслонил свет, когда менталист приблизилась, всматриваясь в ночную тьму.

– Это просто снег, глупая птица. Перестань верещать! Ну же, сейчас дам тебе кусочек твоего любимого яблока...

Остаток фразы утонул в вое усилившегося ветра. Я кувыркнулась через голову и плавно приземлилась на брусчатку. Поднялась, отряхнула ладони и платье. Осмотрелась, но вокруг было по-прежнему безлюдно, а окна Академии располагались слишком далеко, чтобы бояться случайных наблюдателей. К тому же, я все-таки успела рассмотреть то, что написала в отчете Анна. И, довольно улыбаясь, я двинулась к главному зданию Аннонквирхе.

Темная тень скользила рядом, но я не оборачивалась. Я размышляла о словах отчета.

«...Сила Духа около двух единиц. Легко поддается ментальному воздействию... Травмирующее событие в Касле наложило отпечаток и повлияло на формирование ее личности... Дерзит и проявляет своеволие, легкомысленна... Однако... Не представляет опасности для окружающих. Не способна на реальную агрессию или поступок,

угрожающий людям и материи. Стабильна. Легко поддается внушению и управлению более сильной личностью. Во время сеанса говорила чистую правду, что указывает на приемлемый уровень раскаяния...

По результатам сеанса разрешаю дальнейшее обучение Кассандры Вэйлинг под кураторством Дамира Норингтона. Даю допуск на ее практические задания начального уровня и выбор соответствующей ее уровню специализации».

– Неплохой отчет, госпожа менталист, – улыбаясь, пробормотала я, толкая дверь и с удовольствием погружаясь в тепло Аннонквирхе. Я успела замерзнуть, пока пересекала двор. – Весьма неплохой. Хорошо, что вы все сделали правильно и не заставили меня принимать иные меры. Это могло бы стать для вас...мм...травмирующим событием!

Я тихо рассмеялась. Выруливший из-за угла Адам Громов помахал мне рукой.

– О, привет, Кассандра! Кажется, у тебя сегодня хорошее настроение?

– Отличное.

– Правда? Тогда, может, присоединишься к нам в синем зале? У нас сегодня праздник, все-таки большое событие – лекции наконец-то закончились! Теперь только практика. Хотим это отметить. Мы с Виктором будем очень рады тебя видеть. Очень!

Я снова рассмеялась, а парень покраснел, не понимая причин моего веселья. Не рассказывать же о выдуманном сне с участием двух братьев, которым я совсем недавно смущала мозгоправа!

– Так ты придешь?

– Я подумаю.

– Будет здорово, обещаю! И кстати... милое платье. Непривычно видеть тебя в таком. Решила сменить стиль?

– Решила примерить образ хорошей девочки. Мне не понравилось.

– О... вот как. Так тебя ждать? Ты ведь придешь, правда?

Адам покраснел еще сильнее, а я усмехнулась. Конечно, я не собиралась присутствовать на никчёмном сборище сокурсников, но почему бы не подразнить симпатичного парня?

Не ответив, я ступила на одну из трех десятков академических лестниц. Эта вела в корпус привилегированных студентов, которые могли позволить себе подобные апартаменты. Мои располагались

почти на самом верху, и необходимость каждый раз преодолевать множество ступеней с лихвой компенсировалась комфортом комнаты. А еще шикарным видом с высоты башни.

Поднявшись, я сбросила у порога туфли на высоких каблуках и опостылевшее платье, с наслаждением потянулась и босиком пошла по пушистому белоснежному ковру. Мои апартаменты в Аннонквирхе состояли из небольшой гостиной с камином, уютной спальни и белоснежной ванной комнаты. А еще у меня имелась узкая терраса, выходить на которую было строгойше запрещено. И на которую я, конечно, выходила с первого дня заселения.

Вот и сейчас распахнула высокое стрельчатое окно и помахала черному ангелу.

– Привет, Люций!

Конечно, он не ответил, ведь он был всего лишь изваянием, одним из сотен ангелов, украшавших город. Ну или, возможно, Люций до сих пор обижался, что я выкрасила его чудесные белые крылья в черный цвет. Случилось это на первом курсе под покровом ночи и после очередного выматывающего душу сна, когда я балансировала между желанием прыгнуть с парапета или сделать что-нибудь гадкое. Конечно, я выбрала второй вариант и покрасила ангела, решив, что мою комнату может охранять только падший посланник небес. Получилось, на мой взгляд, отлично. Акриловая краска красиво поблескивала в свете звезд, и ее не смог отодрать никто из представителей орущего руководства Академии.

Несколько дней они совещались, что делать с двумя отступниками – варварски разукрашенной статуей и радостно улыбающейся ученицей, ничего дельного не придумали и решили махнуть на нас обоим рукой. В конце концов, я была той самой «Кассандрой из Касла», так что дегтярные мраморные перья и потеки черноты на лице статуи – это не худшие неприятности, которые я могла принести этому месту. Мне вlepили парочку штрафов и оставили в покое.

Зато Люций с тех пор радуется мой взор смоляными крыльями, которые на мой взгляд выглядят просто божественно!

– Ладно, можешь не разговаривать со мной, – милостиво разрешила я молчащей статуе. – Но не ври, что тебе не нравится новый образ! Тебе так гораздо лучше, уж поверь! У меня, между прочим,

идеальный вкус! Или тебя не устраивает имя Люций? Брось, это имя лучшего их худших. Ну или наоборот. И тебе идет черный!

Довольная состоявшейся беседой, я вернулась обратно в тепло. Поджимая озябшие ноги в шелковых чулках, прошлась по комнате, размышляя, чем лучше заняться: сразу отправиться в пенную ванну, чтобы расслабиться в ней, умасливая тело маслами и жемчужной пудрой, или сначала перекусить. Аппетита снова не было, поэтому я решила ограничиться расслабляющим водным массажем. Может, сегодня он поможет мне уснуть.

Конечно, Анне Левкой я наврала с три короба, но не насчет своих снов, Август мне действительно больше не снился. Спустя год кошмары оборвались, словно их и не было вовсе. Мозгоправы и душеведы утверждали, что это хороший знак. Я с ними не спорила, потому что быстро поняла, что толку от споров нет. Как и от самих мозгоправов и душеведов.

Сбросив на пол дурацкое платье и оставшись лишь в тонкой шелковой сорочке, я взяла со столика свежую газету с новостями империи и пробежалась взглядом по заголовкам.

«Ассоциация продавцов подала иск на Раменское садоводство, которое доставило партию «сонных» яблок. Хранитель-миротворец яблоневого сада перестарался с умиротворением, отчего плоды приобрели усыпляющие свойства. Партию испорченных яблок выкупила известная аптечная сеть «Беспечный век» для изготовления снотворных пастилок...»

«Всемирно известный художник Герман Дино на выставке в императорской галерее представил новую коллекцию своих работ, названных «Внутри». По отзывам критиков и зрителей, портреты поражают воображение и вызывают непередаваемые эмоции. В первый же день выставки несколько особо впечатлительных зрительниц были доставлены в больницу в шоковом состоянии. Как утверждает сам Герман, Сила его Духа позволила запечатлеть на холстах не лица, а души натурщиков... Сообщество натурщиков требует компенсацию за несанкционированное изображение душ...»

«Магистр неживой материи господин Лист представил новый ручной определитель погоды, реагирующий на малейшие изменения...»

«Научное сообщество снова подвергло критике еретические и антинаучные высказывания Альберта Хакала и его резонансную работу «Разорванные линии». Владислав Огневой обратился к Святой Инквизиции, требуя проверки ученого Хакала на предмет его лояльности Святому учению и Пантеону Совершенных...»

Я с досадой отшвырнула новостной листок и принялась мерять шагами комнату. Альберт Хакал, Альберт Хакал – рефреном звучало в голове. Неуловимый и влиятельный Совершенный. Я написала в академию, где он числился профессором, с десятком писем и просьб, но так и не получила ответа. Это и неудивительно. Пантеон Совершенных недостижим для обычной студентки, пусть даже и обучающейся в Аннонквирхе.

Мне снова не удалось найти адрес Хакала. Возможно, отец мог бы помочь, у генерала Вэйлинга, наверняка, оставались связи и возможности дотянуться даже до Пантеона, но поморщившись, я отбросила мысль обратиться к нему.

И тут я услышала отвратительный звук, каждый раз вызывающий у меня приступ злости.

Кар-кар-кар!

И снова.

– Нет, пожалуйста! Только не сегодня! – сквозь зубы прошипела я, оборачиваясь к столу. Там лежал и каркал мой мобильник, оповещая о сообщении от абонента, которого я ненавидела.

Некоторое время я просто стояла и смотрела на него. Что, если не читать? Сделать вид, что меня нет дома? Что я не услышала? Что мне чертовски все надоело?

Не открывать это чёртово сообщение – и плевать, что будет дальше! Пусть делает, что хочет!

Не послание, конечно, а тот, кто его отправил. Проклятый кукловод, возомнивший меня своей марионеткой! Пусть убирается в ад!

Кар-кар!

Выругавшись, я схватила плоский серебристый телефон и разблокировала дисплей.

Переступила ногами, косясь на сообщение. Наверное, так же я смотрела бы на гремучую змею, оказавшуюся внезапно в моей

постели. Со злостью и ненавистью. Но еще почему-то с почти болезненным ожиданием.

Что я буду делать, если однажды в нем окажется приказ утопиться в заливе, огибающем город?

«Тебе надо больше общаться с друзьями, Кассандра. Проведи этот вечер с сокурсниками».

– Что? Да какого черта? – Я выронила мобильник, но он, к счастью, приземлился на мягкий ковер. Хотя сейчас мне хотелось расколотить серебристый корпус в осколки! А когда я его подняла, сообщение исчезло. Так случалось всегда после прочтения. Таинственный кукловод не оставлял никаких следов.

– Я хочу принять ванну, а не сидеть в толпе скучных идиотов! – рывкнула я в пустоту. – А, чтоб тебя...

Конечно, мне никто не ответил. Послание растворилось, а невидимый хозяин остался за пеленой тьмы, неизвестный и неумолимый. Но точно знающий, что я буду делать дальше.

Ненавидя его за это знание и себя за то, что подчиняюсь, я распахнула дверцу шкафа, выдернула платье и прищурилась.

– Значит, пообщаться с гребаными сокурсниками? Будет тебе общение!

Выдернув синее и блестящее, как чешуя змеи, платье, я натянула его на себя, дополнив наряд провокационными туфлями с золотыми пряжками и высокими каблуками.

«Сила Духа едва достигает двух единиц», – вспомнила я слова из отчета и фыркнула.

Две единицы – это уровень метаморфизма. В официальных отчетах пишут цифры, но большинство называют по-простому – Маска. Она означает способность к гармонизации пространства, а самое главное – умение менять собственную внешность. Незначительно, в основном на уровне цвета масти, но именно эта способность всегда казалась мне невероятно привлекательной! К тому же ее можно было освоить практически без учебы.

Миротворцев с таким уровнем обычно отправляют на легкие задания: развести в стороны расшалившихся детишек, гармонизировать пространство в местах скопления людей, или погасить зарождающийся конфликт. По сути – просто попридти там, где возможно проявление агрессии. Конечно,

этот уровень считается стыдным для тех, кто обучается в Аннонквирхе. Но даже такие умения высоко ценятся среди людей. Среди обычных людей. Тех, у кого никогда не будет на руке ни золотого, ни белого браслета.

Я развернулась к зеркалу и прищурилась, всматриваясь в свое отражение.

– Пожалуй, добавлю небольших изменений, – протянула я.

Мои серебряные волосы медленно окрасились сначала в голубой цвет, а потом потемнели до глубокого индиго. Радужки глаз налились ярко-синим, губы – вишневым, на щеки легли мазки румянца.

Черты лица остались прежними, ведь второй уровень предполагает лишь начальную трансформацию. Впрочем, и на высоких уровнях Маска лишь дополняет исходные черты, но не меняет их полностью. И все же даже так, лишь изменив цвета, я стала выглядеть иначе. Ярко и вызывающе- то, что мне сейчас нужно!

Довольная, я кивнула своему отражению и пошла обратно – к ненавистой лестнице.

Синяя гостиная на втором этаже Академии считалась самой красивой в Аннонквирхе. Благодаря огромному, обложенному голубыми изразцами камину, здесь всегда было тепло, даже за дальними столами, придвинутыми почти вплотную к высоким стрельчатым окнам. Шкафы с книгами разделяли помещение на несколько зон, пол устилал вытертый, но все еще мягкий ковер, а под торшерами в углах стояли кресла, так и манящие в них устроиться. Здесь традиционно собирались ученики старшего курса, чтобы подготовиться к занятиям, почитать, поговорить или сыграть партию в Квардак.

Когда я подошла и толкнула двери гостиной, оказалось, что внутри уже собралось около десяти человек. Смех и разговоры стихли, и все головы повернулись в мою сторону. Повисла изумленная тишина.

Что ж, я определенно произвела фурор!

Стуча каблуками, я поплыла в сторону самого роскошного дивана, стоящего рядом с камином. Длинный подол платья волочился за мной и шуршал, словно хвост гремучей рептилии.

Не обращая внимания на многозначительное молчание, я уселась и царственно кивнула застывшему со стопкой учебников Адаму.

А потом обвела старшекурсников прищуренным взглядом. Большинство по-прежнему были в академической форме, парни – в брюках, рубашках и синих пиджаках с нашивкой Аннонквирхе, девушки в блузках, жилетах и скромных юбках по колению. Я среди них выглядела как павлин в стае невзрачных воробьев.

– Кажется, ты перепутала эту гостиную с клубом на Сайт-сквер, Кассандра? – сказала кудрявая толстушка, и я снисходительно улыбнулась.

– Неужели ты знаешь, где находятся клубы, Бригитта? А я думала, за годы обучения ты выучила только дорогу в столовую и в продуктовую лавку.

Адам, не удержавшись, хмыкнул. Бригитта поджала губы.

– Миротворцы не используют Маску в личных целях! – ткнула в мои волосы курносовая Вероника. – Это... аморально! Наша сила должна служить на благо Империи!

Я презрительно хмыкнула, решив оставить эту глупость без внимания.

– А твой наряд – вызывающий! – закончила девушка.

– Он соответствует Уставу Аннонквирхе, зануда, – легко отбила я. – Он – синий.

Вероника открыла рот и... закрыла. В Уставе Академии, написанном почти двести лет назад, действительно, был лишь один пункт, посвященный одежде студентов. И этот пункт оговаривал лишь ее цвет.

Так что во время обучения в моем гардеробе появилось множество нарядов цвета моря и ночи, а у руководства Аннонквирхе – серьезное желание дописать Устав и добавить туда не только цвет формы, но и ее подробное изображение во всех ракурсах. Во избежание свободомыслия такими субъектами, как я!

Ну а пока Устав оставался прежним, и я всю этим пользовалась.

Худенькая невысокая Агния – брюнетка со стрижкой каре и длинным носом – кинула на Адама возмущенный и обиженный взгляд.

– Что она здесь делает?

– Я позвал Кассандру посидеть с нами, – слегка покраснел парень.

– Ты с ума сошел? – Длинноносая язва даже не попыталась понизить голос.

– Вообще-то ты обещал мне вечеринку, а не собрание зануд, – я решила тоже оскорбиться. Лицо Адама вытянулось.

– Ты что, не знаешь, кто она? – прошипела Агния растерянному парню. – И что о ней говорят?

– И что же обо мне говорят? – оживилась я, и девчонка обернулась.

– Да много всего! Что ты стихийное бедствие, от которого стоит держаться подальше! – едва не выкрикнула Агния. – Что ты приносишь одни несчастья. И что... что...

– И что?

– Что ты... из-за тебя...

– Что из-за меня погибли десятки человек в Касле? Ну же, не стесняйся, продолжай. – Я подняла брови, в упор глядя на Агнию.

Та все-таки не выдержала моего взгляда и отвернулась. Кто-то из студентов пораженно охнул, кто-то откашлялся, остальные смущенно потупились, не ожидая, что я громогласно объявлю то, о чем они шепчутся за спиной.

И хоть внутри меня от этих слов все заледенело, я лишь выше вздернула подбородок.

В конце концов, мне не привыкать к роли поверженной королевы. За годы в Аннонквирхе я испытала разное. От тотального игнорирования до откровенной агрессии. Второе мне нравилось больше, потому что с ним было проще бороться. На первом курсе только ленивый не прошипел мне вслед проклятие, а кое-кто не гнушался говорить это вслух. Несколько раз мне в спину летели комки грязи и даже камни, а мой обед каждый раз оказывался начинен личинками или мусором. Однажды после тренировки по бегу я обнаружила в своих ботинках битое стекло, но высоко подняла голову и прошла мимо изумленных недоброжелателей, снисходительно улыбаясь. И пусть мои ноги потом напоминали фарш, но я предпочитала сдохнуть, чем показать кому-то свою слабость.

Даже в изгнании королевы остается королевами!

Спустя два года сражений со мной ученики Аннонквирхе воевать устали – и активные боевые действия переросли в напряженный нейтралитет. Правда, это не означало, что я забыла тех, кто меня травил или сыпал стекло. Моя память бережно хранила каждое имя. А

рука с удовольствием вычеркивала после – когда я считала себя отомщенной.

О, мстить я умела отменно! Ведь тайны имелись и у студентов Академии, причем были они еще веселее и занятнее тех, что я собирала в Касле.

Только в отличие от Кассандры из Касла, Кассандра из Аннонквирихе знала, что месть стоит подавать холодной и хорошо приготовленной!

Я улыбнулась, размышляя, добавить ли мелкую длинноносую выскочку в свой список, или пока просто развлечься.

– Да, – упрямо выпятила подбородок Агния. – Чума из Касла, так тебя называют!

– Банально. Могли бы придумать что-нибудь поинтереснее. А ты, видимо, претендуешь на звание «Безупречная и непогрешимая Агния», – скучающим голосом протянула я. – Одежды святой нигде не дают? Безупречностью особенно легко похвалиться тем, кто сидит за стенами Академии и ни разу не встречался с реальной опасностью.

К чести девушки, она все-таки осознала сказанное и смутилась.

– Я... я уверена, что смогла бы... что сумела бы нейтрализовать!

Я демонстративно зевнула.

– Перестань, Агния, Кассандра права, – сказала темноволосая, строгая и скучная, как вареная треска, Мириам. Она слыла на моем курсе лучшей ученицей – и к ее мнению прислушивались.

Я осталась сидеть с отстранённым видом, хотя и удивилась словам девушки. Правильная до зубного скрежета Мириам никогда не числилась в числе моих подружек. Впрочем, там никто не числился.

– Ни один из нас пока не встречался с реальной угрозой. Тем более – с разрушителем, – продолжила она. – И ты не знаешь, сумеешь ли отразить его атаку. Разрушитель из Нью-Касла обладал потенциалом восьмого уровня, подумай, что это значит. Говорят... говорят, даже сама Катерина Вольц не сумела пробить образовавшуюся воронку. Низкочастотный шторм едва ее не убил.

– Восьмерка? – присвистнул кто-то из парней. – Невероятно! Но это же сравнимо с цунами! Мне говорили, что он был не больше тройки...

– Восьмерка, Гектор, – невозмутимо уточнила Мириам. – Я знаю точно.

Щуплый ушастый Гектор снова присвистнул и почесал затылок. Словам Мириам поверили, ведь ее родители входили в состав домена военных миротворцев. А это самая страшная сила Империи. Ну, почти самая страшная. Об инквизиторах большинство старались и вовсе не думать.

– Кассандра, но почему ты никогда об этом не говорила? – растерянно спросил Адам. Остальные придвинулись ближе, чтобы не пропустить не единого слова. – Официальные источники не разглашали уровень того гада, что разнес твой город. Но намекали на цифры меньше пяти...

– Ага, а потом и вовсе замолчали, – буркнул другой парень – длинноволосый красавчик Эйтан. – Мой отец сразу сказал, что дело нечисто.

– Твой отец в прошлую субботу утверждал, что видел чертей в розовых чепчиках, которые танцевали джигу на столе в гостиной, – проворчал его лучший друг Марк, вызвав сдавленные смешки.

– Это потому что твой папаша притащил черный ром, от которого даже святой увидит чертей! – огрызнулся Эйтан. – Но даже после этого мой отец остается главным Архивариусом Старограда! И в разрушителях смыслит точно больше тебя, Марк! Потому что он видел самого ужасного из них!

– Ох, еще снова напомни, что твой достопочтимый батюшка лично участвовал в бое при Равилоне!

– И напомню! – выкрикнул оскорбленный Эйтан. – Он был там еще совсем новобранцем, но хорошо запомнил ужас, который испытал! У Эзры Кросмана уровень разрушения достиг десятки, и вспомни, чем все закончилось!

Марк отшатнулся, остальные помрачнели. Черная страница в истории Империи носит имя Эзра Кросман. Разрушитель, едва не погубивший наш мир, тот, кого называют «второй после дьявола».

– Кассандра, ты никогда ничего не рассказывала о трагедии в Нью-Касле, – негромко сказала Мириам. – Каким он был? Тот убийца?

«Самым лучшим», – едва не ляпнула я и прикусила язык. Пальцы вмиг заледенели, стоило вспомнить темные как ночь глаза и губы, едва не сложившиеся в улыбку.

«Он был похож на грех, которому хочется предаваться вечно. И в то же время он был чист, словно самое первое, самое прекрасное утро

нового мира...»

– Кассандра?

Два десятка напряженных взглядов сошлись на мне.

– Я не помню, – сказала я.

– Как это?

– Низкочастотная воронка повредила мою память и остановила развитие Силы Духа, – отчеканила я уже привычную ложь.

– Ужас какой... – выдохнул кто-то. – Так вот почему у тебя теперь всего две единицы Силы... Я бы повесился...

– С такими показателями отправят успокаивать детишек или коров на фермах, – поморщилась Агния.

– А я всегда хотела работать гармонизатором в детском саду, по моему, работа с малышами – самая лучшая, – смутилась толстушка Бригитта. – Но мне теперь не позволят...

– Куда угодно, только не в юдоль или в больницы... ненавижу вибрации горя и скорби...

– Ну уж нет, я хочу в домен военных миротворцев! Только к ним!

– Не боишься, что отправят на границу? Или Пески охранять... Тебя там живо слопают монстры, вот увидишь!

– Ладно, давайте разольем глинтвейн, – несколько нервно произнесла Агнес, косясь на меня. – И, может, поговорим о чем-нибудь другом, наконец? Мириам, разве ты не хотела чем-то поделиться?

Студенты загомонили, придвигая кресла к камину и столу, на котором рядом с яблочным пирогом и тарелками с сэндвичами чудесным образом появилось несколько увесистых кожаных бурдюков. Внутри плескалась пряная багровая жидкость. Стоило налить ее в подставленный стакан, и комната тут же наполнилась одуряющим запахом корицы, специй, апельсинов и вина.

– Оно что, крепленое? – округлила глаза Агнесс, а Марк, притащивший напиток, рассмеялся и подмигнул.

– Не знаю. Купил в лавке Марго за углом, видели ее?

– Старуха Марго? Говорят, она торгует запрещенными вещами, – нервно выдохнул Гектор. – Берет товар у всяких ренегатов. Веселящие конфеты, бодрящие напитки... И разные предметы, изготовленные порченными. Как ожерелье, которое нашли у Ванессы, помните?

Студенты замолчали, переглянувшись. Я вопросительно подняла брови.

– Что за ожерелье? И кто такая Ванесса?

– На втором курсе, ты что, не помнишь? – Удивился Адам. Я пожала плечами, потому что в то время разбиралась с собственными проблемами и мне было плевать на какую-то там Ванессу.

– Ванесса Аркетт. Она носила ожерелье с пятью жемчужинами. Четыре были обычными, речными, а вот пятая... Когда соседка Ванессы всерьез заболела и стали искать причину, обнаружили, что в пятой жемчужине Ванессы под слоем перламутра скрывается бусина. И она же создает вибрацию, вредящую другим людям. Это была работа мастера по неживой материи, но страшная, запрещенная...

– Бусина была атмэ? – удивилась я. – Часть чужого Духа?

– Темное атмэ, – уточнил Виктор. – И часть порченого Духа. Разорванного. Ожерелье создал деструкт. Оно тянуло жизненные силы из всех, кто окружал Ванессу.

Студенты снова переглянулись.

– Сама Ванесса утверждала, что просто купила безделицу в одной из лавок на старом рынке. Скандал был жуткий! Даже инквизиторы приезжали... Ванессу проверяли, но с ее линиями Духа все оказалось в порядке, она не могла создать подобную мерзость. Однако девушку из Анноквирхе исключили. Ты не помнишь? Все только об этом и говорили!

Я снова пожала плечами. Да, что-то такое память все-таки сохранила, но лишь в виде смутных образов. Когда за спиной стоит тень умершего человека, как-то становится не до всяких там Ванесс!

Гектор опасливо понюхал свой стакан.

– Мы точно не отравимся и не испортим этим пойлом свои линии? Ну, вы ведь слышали: можно глотнуть воды, в которой помыл руки деструкт, и – все, прощай Сила Духа! Останешься без ничего! Круглый ноль! Хуже и не придумаешь.

– В мире полно людей без панелей и с низким уровнем Силы Духа, Гектор.

– Ну уж нет. Это судьба для неудачников! Так это точно можно пить?

– А меня старуха Марго всегда пугала... Может, она и сама деструкт? Говорят, они могут выталкивать Дух из тела без всякого обучения, а еще – формировать из него чудовищ... Вы видели

облезлую кошку на стойке в ее лавке? Может, это и не кошка вовсе, а часть самой старухи?

– Ерунда! – фыркнул Виктор. – Будь Марго деструктом, ее бы давно повязали инквизиторы. В городе нет порченных.

– Много ты знаешь...

– Да брось, Гектор, все эти истории, как и байки о мертвой воде – сказки для малышей. – Марк успокаивающе похлопал приятеля по плечу. – Мертвой водицы не существует. А то, что Марго водится с преступниками – вранье ее конкурентов. Если старуха и добавляет что-то в свой глинтвейн, то всего лишь крепленое вино и пряные травы! И кстати, получается отличная штука! Попробуй.

Парни заулыбались, девушки дружно закатили глаза. Марк поставил передо мной горячую кружку, и остальные сделали вид, что этого не увидели. Но промолчали.

В отношении меня наступил очередной нейтралитет. Не дружба, конечно, но ее я и не искала. Однако сегодняшний вечер обойдется без сражения.

Я даже слегка расстроилась, все-таки битва с этими занудами могла бы меня взбодрить!

Заскучав, я обвела взглядом гостиную. Но для чего мой проклятый кукловод отправил меня сюда? Уж точно не для общения с сокурсниками! Что я должна здесь увидеть? Или услышать?

А может, кого?

Вдруг... вдруг этот чертов пупенмейстер сейчас здесь? Рядом со мной?

От этой мысли спина занемела, а руки снова стали ледяными настолько, что почти не ощущали жар кружки.

Первое послание прилетело еще на первом курсе. И все это время я пытаюсь вычислить того, кто отдает приказы. Но пока это бесполезно. У меня нет никаких зацепок. Задания бывают самые разные, и я не могу уловить их закономерность. Я даже не понимаю, чего добивается таинственный мучитель. Может, его цель – просто поиздеваться надо мной? Ведь его задания порой совершенно нелепые, в них нет логики! Иногда кукловод посылает меня в какие-то места, где я торчу часами, не понимая, что делаю и зачем. Несколько раз я получала задание просто посидеть на городской площади и мокла под дождем, проклиная неведомого гада. Иногда заходила в какие-то

лавочки и магазины, брала там сладости и невкусный чай, глазела на прохожих. Поначалу я дергалась от каждого чужого взгляда, ожидая, что мой враг покажется и выдаст себя. Но ничего не происходило. Выполнив очередное нелепое действие, я возвращалась в Академию и все стихало. До следующего раза.

Правда, были в этих непонятных блужданиях по городу и плюсы. Во-первых, я неплохо изучила Староград, а во-вторых, познакомилась с Адрианом из Глотки.

Поначалу я думала, что сообщения прилетают от того, кто не имеет отношения к Аннонквирхе, но вдруг этот человек всегда был рядом? Что, если он тоже находится в Академии? Один из преподавателей? Или даже... студент?

Но как студент может знать мою тайну? Откуда?

И чего, сожри его бездна, этот мерзавец добивается? За прошедшие годы я так и не смогла этого понять.

– Кассандра, попробуй глинтвейн. Ты наверняка знаешь толк в таких напитках, – подмигнул Марк, прерывая мои размышления и бесцеремонно усаживаясь рядом. Адам обескураженно потоптался у дивана, обжег Марка злым взглядом и сел с другой стороны от меня.

На диване стало неожиданно тесно.

– Да это пойло крепче рисовой водки! Марк, ты сдурел? – возмутилась Мириам, а я внимательнее присмотрелась к поставщику запрещённого алкоголя. Все-таки я всегда уважала бунтарей. Марк – голубоглазый блондин, высокий, крепкий и весьма симпатичный. На уроках он сидел в первых рядах и, кажется, за пять лет не сказал мне ни слова. Но и ни кинул вслед ни одного камня.

Поймав мой изучающий взгляд, Марк залихватски улыбнулся, с намеком кивая на кружку в моих руках. На поверхности плавали звездочки аниса, гвоздика и клюква. Ядрёное пойло маскировалось под безобидный зимний напиток. Усмехнувшись, я сделала осторожный глоток.

– Если ректор узнает, нам всем крышка, – мрачно объявила Агния. – Пить в стенах Аннонквирхе запрещено.

Я хмыкнула за своей кружкой. Если бы добропорядочная малышка Агния знала, сколько спиртного выпито в этих стенах! И, кстати, подсунуть кому-нибудь запрещенное пойло, а потом заставить наставников его обнаружить под кроватью студента – неплохой способ

отомстить. Не самый изящный, конечно, но действенный. Первокурсников за такое отчисляют быстрее, чем тот успевает вспомнить свое имя!

– Если ты не расскажешь, то никто и не узнает, – пробубнил Адам, приюхиваясь к своему стакану. – Брось, Агния, мы ведь почти выпускники! Да и в эту гостиную никогда не заходят наставники. Пей, ну же. Скоро начнутся практические занятия, так что это последняя возможность расслабиться.

Парни дружно кивнули. Все знают, что алкоголь может блокировать Силу Духа, и потому запрещен для практикующих миротворцев.

– Ладно, но только сегодня! – строго объявила Мириам, и Агния сдалась. – Повод и правда есть, мы все почти закончили обучение! Осталась лишь практика! А я...я достигла нового уровня и освоила угасание! Смотрите!

Она присела у горящего камина, выдохнула и повернула к огню раскрытые ладони. Некоторое время ничего не происходило, а потом пламя зашипело и погасло, словно на горящие угли плеснули холодной водой.

Все заплодировали.

– Выглядит круто! – не скрывая зависти, произнёс Эйтан. – Это не больно? У меня вот угасание никак не выходит.

– Щекотно немного, но совсем не больно, – просияла от всеобщего внимания девушка. – Надо сосредоточиться и охладить свою энергию Духа, а потом расширить ее границы, выводя из тела. Растянуть ее на предмет, который хочешь погасить. Просто чаще тренируйся, Эйтан, и все получится!

– Я слышал, Дамир Норингтон так наловчился управлять своим Духом, что может не просто погасить камин, но даже охладить пылающий дом! Представляете?

– Дамир очень способный, – с восхищением протянул Виктор. Остальные снова закивали. – Думаете, он станет Совершенным?

– Не сомневаюсь, – с придыханием произнесла Мириам, и я скривилась. Покорять женские сердца Дамир продолжил и в Аннонквирхе. Хотя надо признать, никому из студенток он никогда не раздавал авансов. Он просто был... безупречным идеалом. – В прошлом году он закончил академию с седьмым уровнем! И при этом

овладел почти всеми навыками на каждой ступени. Думаю, он достигнет Совершенства еще до тридцати лет.

– Вранье! Никто не становится Совершенным так рано!

– Еще как становятся...

– На Возвышение может уйти два десятка лет... и не факт, что выживешь...

– Норингтон точно справится. Магистры им очень гордились.

– Невероятно!

– Вот бы и мне так...

– Джема Ржаник ни в чем ему не уступает!

– Говорят, летом они поженятся...

– Они такие краси-и-ивые...

– Я слышала от По... А она от Валерии... У Джемы будет розовое платье и юбки из тафты, украшенные турмалинами и жемчугом. Дамир заказал у самого Жан-Поля. Хотела бы я увидеть этот наряд... Будет истинный шедевр...

– Ох, нашим девчонкам лишь бы обсудить чью-то свадьбу, сейчас же прекратите!

– Глинтвейн остался?

Последняя фраза принадлежала мне. Я посмотрела в свою опустевшую кружку, не понимая, когда успела все выпить. Но желание согреться оказалось сильнее опасений напиться.

Марк, блестя веселыми голубыми глазами, понимающе рассмеялся и плеснул мне добавки.

– На дне самый смак, – ухмыльнулся он и придвинулся ближе.

Я сделала вид, что маневра не заметила.

– А Эзра Кросман мог одним прикосновением спалить целую Академию! – выпалил заметно захмелевший Эйтан. – Мне отец рассказывал! Интересно, как он это делал? Разогревал свой Дух? Ну, как мы делаем с угасанием, только наоборот?

– Способности к возгоранию признаны разрушительными и слишком опасными, Эйтан, ты прекрасно это знаешь. – Агния опасно покосилась на закрытую дверь. – Это ведь самое настоящее духовное оружие. А все, что можно классифицировать как оружие – преступно. Вероятно, отступник Эзра и делал так же, но за попытку узнать подобное светят Пески, откуда не возвращаются.

Студенты притихли, нервно переглянувшись.

– Да я же просто... любопытно ведь. Я же не собираюсь это пробовать! – сконфузился Эйтан, прячась за свою кружку.

– О таком не говорят вслух, – тихо произнесла Мириам. Она глинтвейн так и не попробовала. – Это...незаконно. А у инквизиции везде есть уши. Тебе стоит поменьше болтать о том, что говорил твой отец. Как бы чего не вышло.

Парень окончательно скис и вжался в спинку дивана, словно пытаясь в нем раствориться.

– К тому же рассуждать о подобном совершенно аморально! – встряла зануда Агния. – Приличные люди не спрашивают о том, что может разрушить гармонию или причинить вред окружающим! Это низко и отвратительно! Миротворцы – гарант мира на земле, наши помыслы и поступки должны быть чисты, как и наш Дух!

Несколько парней кивнули с самым серьёзным видом. Я зевнула.

– Бригитта! – надеясь спасти настроение и вечер, Мириам обернулась к подруге. – А ты почему молчишь? Как твои успехи в прорицании? Увидела что-нибудь стоящее?

Я оглянулась на краснеющую толстушку. Прорицание, серьезно? То есть эта любительница пончиков освоила шестой уровень? Основной деятельностью миротворцев является гармонизация Духа. Но еще первые военные нейтрализаторы заметили, что чем сильнее становится эта энергия, тем вероятнее открытие новых способностей. Таких, как начальная левитация за счет изменения массы тела или вот – прорицание. Эти новые способности назвали сопутствующим эффектом возвышения Духа, но большинство именовали их попростому – таланами. Поначалу на них даже не обращали особого внимания, но со временем таланы стали важной частью нашего обучения. Все-таки, они открывались не всем. В истории полно миротворцев, достигших Совершенства по силе своего Духа, но так и не получивших ярких сопутствующих эффектов. Впрочем, вру. Маска давалась почти каждому.

А вот прорицание в последние годы стало большой редкостью.

Этот талант считается одним из самых сложных, потому что не дается людям с рациональным мышлением. Да и измерить результаты довольно трудно. В народе его именуют Око, а студенты морщатся при его упоминании. Большинство миротворцев практикуют Око лишь на начальной стадии в качестве усиленной интуиции или попросту –

чутья. Залезть в глубинные слои предвидения мало кому удастся. К тому же, специализируясь в этой области, нельзя стать Совершенным. Любой миротворец, выдавший более-менее достоверный прогноз событий, тут же направляется на специальное обучение в закрытую часть Аннонквирхе или сразу переводится в восточную столицу Лушхан. И в дальнейшем этот студент практикует только развитие таланта прорицания.

– Наша Бригитта надеется заменить в императорском дворце Блаженную Анастасию. У тебя уже есть платок, расшитый под хохлому? – захихикал Виктор, и Адам стукнул брата по темечку, но тоже улыбнулся. Мы все слышали о знаменитой прорицательнице, почитаемой и монархом, и его заместителями. На публике Анастасия всегда появлялась в ярком цветастом платке, покрывающем ее голову и плечи.

– Перестаньте ее дразнить! – помахала руками Мириам и снова повернулась к Бригитте, уже красной как рак. – Учиться видениям – это сложно!

– Ита, предскажи, каким будет мое первое задание! Куда меня отправят? – по-свойски спросил Марк.

– За добавкой к старухе Марго! – вытаращив глаза, провыл страшным голосом Виктор, и студенты дружно захохотали.

– Хватит вам! Это не смешно!

– Предскажи мне, с кем я пойду на Выпускной Бал?

– Лучше скажи, с кем я проведу эту ночь? – подмигнул Марк, и все снова рассмеялись.

Я обвела хохочущих студентов взглядом. От выпитого глинтвейна слегка кружилась голова, и холод уже не резал пальцы. Вот только я ощущала себя здесь совершенно... чужеродной. Я вдруг осознала, что у меня так и не случилось той самой студенческой жизни, о которой я когда-то мечтала. Новые поклонники и свита, которую я соберу, посиделки у каминов, разговоры, смех и балы, где я буду царить и блистать... За пять лет я не посетила ни одного. Это сражение со своей смелостью я все-таки проиграла. Быть на балу отверженной, а не королевой – не моя роль.

А вот у тех, кто собрался сейчас в синей гостиной, все получилось как надо. Несмотря на подначивания и подколки, с первого взгляда ощущалось, что эти студенты по-настоящему дружны. Возможно, они

даже сумеют сохранить эту теплоту и потом, когда каждый из них пойдет новым путем, за стенами Академии...

Мне вдруг до одури захотелось швырнуть свою опустевшую кружку в камин и уйти, бросив напоследок что-нибудь гадкое. От хохота заломило виски. Или все дело в проклятом глинтвейне?

И зачем я вообще сижу здесь и слушаю все эти глупости?

Я оставила кружку и потерла лоб, надеясь, что темнота перед глазами отступит. Все, чего я хотела – это оказаться в своей комнате. Поговорить с молчаливым Люцием и забраться в холодную постель. Если повезет, мне сегодня ничего не приснится.

– Хватит смеяться! Вы ведь знаете, что у меня пока редко получаются видения! – жалобно прогудела Бригитта.

– Не скромничай, госпожа Орнелла уверяет, что прорицание – истинный талант твоего Духа! Ну же, предскажи нам что-нибудь!

– Да не получится...

– Мы можем создать соты, – благородно предложил Адам. И обвел взглядом удивленных друзей. – Соты, вы что, забыли? Нам об этом рассказывали. Устаревшая практика, ее редко используют. Но в теории соединение в соты может увеличить Силу Духа одного человека. Всего на пару секунд, поэтому для чего-то существенного это бесполезно. Но может сработать для прорицателя.

– И что надо делать?

– Соединить руки. Чтобы наша энергия протекала сквозь всех участников сот. – Адам положил ладонь на запястье брата, тот пожал плечами и притянул руку Мириам.

Улыбаясь, студенты объединились в круг. Когда Марк раскрыл передо мной ладонь, я едва не отшатнулась.

– У меня маленький уровень, – хмуро процедила я.

– Может, именно его и не хватает нашим сотам. – Парень широко улыбнулся. Остальные смотрели выжидающе. Кто-то по-прежнему недоволен, кто-то уже дружелюбно. Правда, последнее, вероятнее всего, вызвано хмелем, а не моим обаянием. Я опустила взгляд на руку Марка, не зная, как поступить, и категорически не желая ее принимать.

Ладно, это всего лишь бесполезная забава. А ощутить чужой Дух через прикосновение невозможно. Я ничем не рискую.

Медленно положила пальцы правой руки в ладонь Марка и вздрогнула, когда он их сжал.

– Холодные, – прошептал парень, глядя мне в глаза.

Я отвернулась.

– Так, все должны сосредоточиться! – скомандовал Адам, недовольно покосился на Марка и аккуратно обхватил мою левую руку. – Бригитта, делай все, как тебя учили. А остальные закройте глаза и направьте Силу своего Духа к Ите. Раз, два, начали!

Студенты дружно смежили веки. Я же даже не подумала это сделать и лишь откинулась на спинку дивана, рассматривая начинающих миротворцев.

Виктор сосредоточенно шевелил губами, его брат свел брови, отчего на лбу залегла глубокая складка. Агнесс надувала щеки, и я едва не рассмеялась, увидев это. Эйтан слегка покачивался, словно собирался впасть в транс или запеть.

Мириам сидела неподвижно, и даже ее ресницы не дрожали.

Не знаю, что делали остальные, но я направлять куда-либо свою силу точно не собиралась.

– Не выходит, – прошептала Бригитта, не открывая глаз. – Ничего не вижу.

– Сосредоточься, – строго приказал Адам.

А Марк со шкодливой улыбкой погладил большим пальцем кожу внутри моей ладони. Медленно и довольно... интимно!

Ах ты, гад! Нашел повод!

Я возмущенно глянула на парня, но он сидел с закрытыми глазами и делал вид, что совершенно тут ни при чем.

Адам с своей стороны нежно сжал мои пальцы.

Я прищурилась, переводя взгляд с одного парня на другого. Похоже, вся эта затея с сотами всего лишь повод, чтобы прикоснуться ко мне! Только у меня совершенно нет настроения для таких развлечений!

Марк снова погладил мою левую руку. Адам – правую. Я беззвучно зашипела и, направив свою Силу, уколола обоих! Марк подевчоночьи ойкнул, Адам пискнул и хотел что-то сказать, но тут...

– Черный песок так мягок... – прошептала Бригитта.

Я изумленно посмотрела на девушку. Черты ее лица исказились, щеки ввалились, словно кожа обтягивала чужой череп. Потом голова ее дернулась и откинулась назад так, что хрустнула шея.

– Так мягко... Змеи тянутся по следу, стервятники ждут, когда я упаду... Огонь горит в башне, словно кровавый маяк. Уже рядом... Где трон, которым ты славен, Вавилон?

Название южной столицы, ставшее синонимом проклятия, прозвучало в гостиной, и студенты, испуганно охнув, разомкнули ладони. В воздухе разлился запах жаркой пустыни. Камин, который погасила Мириам, вспыхнул сам собой, заставив Агнес вскрикнуть и отшатнуться.

Бригитта, белая как снег за окном, медленно подняла ладони, и сквозь пухлые пальцы на пол посыпался черный песок.

– Твою ж мать! – выкрикнул Эйтан.

Остальные вскочили, изумленно рассматривая темнеющие на ковре песчинки. Я посмотрела на толстушку с невольным уважением. Вытянуть из видения нечто материальное может лишь очень сильный прорицатель. Однако... Не ожидала подобного от безобидной Бригитты!

– Она сказала: Вавилон? Вы слышали, что она сказала? Бригитта, ты увидела его? Проклятый город?

Толстушка озиралась так, словно не понимала, где находится. В широко распахнутых глазах плескалась паника.

– Я не помню... я не знаю... что я говорила? Я шла где-то... но я была не собой! Это была не я!

– Так, успокоились все! – скомандовал Адам. – Кажется, наши соты все-таки сработали! Ите пришло видение! Но... Но судя по сказанному, она провалилась не в будущее, а в прошлое, ведь Вавилон давно разрушен. Истинный Дух! Что она сказала про трон? Она что же... Ох! Она была Эзрой Кросманом?

– Я? – изумилась провидица и свалилась в обморок. Агния завизжала, Мириам бросилась приводить подругу в чувство. Остальные столпились вокруг, вереща, толкаясь и мешая друг другу.

Я осталась на месте, глядя на воцарившийся кавардак. Сидела неподвижно, ощущая, как леденеют ладони.

Неужели меня послали в гостиную для этого? Ради видения Бригитты? Но образ из прошлого не имеет никакого значения! Какая разница, что случилось в проклятой и давно разрушенной столице?

– Какого черта здесь происходит? – раздался у двери возглас, и я обернулась. У входа в гостиную стояли Дамир и Джема, и оба с

нескрываемым изумлением смотрели на собравшихся. На волосах и кашемировом пальто Норингтона таяли снежинки, отблески каминного огня золотом плясали на лисьем манто Джемы. Девушка цеплялась за локоть своего жениха и выглядела недовольной.

– Кассандра? – чуть хрипло спросил Дамир, впиваясь меня жадным взглядом.

Мягко снял с себя руку Джемы и шагнул в мою сторону.

Ну все. С меня хватит!

Поднявшись с дивана и не попрощавшись, я рванула в коридор. Длинный блестящий хвост моего платья угрожающе прошелестел мимо ошарашенных студентов и скрылся за дверью.

Вместе со мной.

Глава 10. Сны сладки

– Кэсс!

Увы, едва я успела скрыться в своих комнатах, как снаружи раздался настойчивый стук.

– Кассандра, открой, нам надо поговорить!

– Провались ты к чертям, Дамир, – мрачно пожелала я, размышляя, что теперь делать. Видеть, а тем более болтать с бывшим сокурсником мне совершенно не хотелось. От выпитого спиртного болела голова и слегла плыло пространство.

– Кэсси!

Стук прекратился. Но обрадовалась я рано, потому что из дверной створки «выстрелили» клубы пыли, словно дверь была старым ковром, по которому изо всех сил ударили веником. Пыль завертелась, собираясь воедино и формируясь в человеческую фигуру. И уже через миг Дамир сделал вдох в моей комнате, миновав запертую дверь.

– Ого. Кратковременное расщепление собственного тела для преодоления материальных препятствий. По-простому – Пыль. Впечатляет. И возможно лишь при достижении восьмого уровня, – сухо произнесла я, встречая взгляд его суженных и лихорадочных глаз. – Ты действительно очень способный.

Дамир повел головой, не отвечая. Сделал несколько мягких шагов, приближаясь.

– Вот только, кажется, забыл, что применять «Пыль», дабы вломиться в чужое жилище – это серьезное преступление. Мне стоит написать жалобу в домен миротворцев, Дамир?

– Пиши. – Он сделал еще шаг, не сводя с меня взгляда, который мне очень не нравился.

Кажется, Норингтон осознал, что ведет себя странно. Остановившись, он тяжело втянул воздух.

– Я просто... просто... я не ожидал тебя увидеть. В этом платье. И... такую. Тебе идет синий.

Я опустила взгляд на довольно высокий разрез в блестящей ткани, открывающий правую ногу до бедра. Да уж, я тоже не ожидала.

– Мне все идет, Дамир, – так же сухо отбила я, и он усмехнулся.

– К сожалению, да.

Он потер переносицу, пытаясь сосредоточиться. Я осторожно сделала шаг назад. Мне не нравилось поведение Дамира. Раньше он никогда не вламывался в мою комнату. Пытаясь казаться беззаботной, я отступила еще.

– Что ты делаешь в Академии? Кажется, ты ее благополучно закончил. Еще в прошлом году.

– Я получил отчет Анны Левкой, она дала разрешение на твою практику.

– И ты примчался, чтобы мне об этом сообщить? Ого, кажется, ты удивлен, Дамир? Ожидал, что меня отчислят?

– Был уверен, что на приеме у Анны ты соврешь, и это станет твоим концом. Ее никто не может обмануть, но для тебя правила всегда не имели значения.

– Ты не слишком высокого обо мне мнения.

– Просто я тебя знаю.

Я опустила взгляд. Ничего ты не знаешь, Дамир. Хотя в этом не ошибся– я наврала с три короба и даже больше. И лишь благодаря этому вранью получу диплом Аннонквирхе. Скажи я правду, и уже сейчас собирала бы вещи.

А то и хуже...

– Анна считает, что ты образумилась и раскаялась. Ее отчет довольно лояльный. Я удивлен.

– Считай – сюрприз.

Дамир не спускал с меня прищуренного взгляда, и я вновь ощутила неловкость. Какого черта он так на меня смотрит? Мы ведь уже все выяснили! Мне пришлось приложить усилия, чтобы Норингтон навсегда вычеркнул меня из своих планов. И казалось, мои уловки сработали. Так почему он стоит здесь и смотрит так, что хочется сбежать?

Не подавая вида, я пожала плечами и, отвернувшись, подошла к невысокой стойке, налила себе стакан воды. И ощутила жар между лопатками. Черт, я совсем забыла, что у этого платья не только высокий разрез на боку, но и довольно глубокий вырез на спине. А я так опрометчиво перекинула волосы на плечо. Взгляд Дамира почти ощутимо касался моей кожи.

В темном стекле напротив отражалось мое лицо. И фигура Дамира, стоящего ближе, чем мне казалось.

– Да, я примчался, чтобы тебе сказать, – с горечью произнёс он за моей спиной. – Сразу же. Нелепо, правда? Хотел тебя обрадовать.

– Я рада.

– Врешь! Тебе наплевать. Как и на все вокруг.

Дамир слегка покачнулся, и я потянула носом и уловила слабый запах рома.

– Не предложишь мне... чая?

– Кажется, чая с тебя уже достаточно. И не чая-тоже. Помнится, совсем недавно кто-то корил меня за любовь к спиртному.

– Точно, – усмехнулся Норингтон. – Думал, это поможет. Но оказалось, что я совсем не умею пить. Черный ром не помогает, Кэсс. После двух стаканов то, что так хочется забыть, делается лишь ярче. Понимаешь?

– Дамир, тебе лучше уйти, – твердо сказала я, не поворачиваясь.

– Кэсси...

– Тебя ждет невеста. Надеюсь, ты не забыл, что скоро женишься. Джеме не понравится твой визит ко мне.

В отражении я увидела, как Дамир поднял руку и посмотрел на кольцо обета. Еще не свадьба, но уже обещание. Сжал руку в кулак. Медленно поднял голову, и наши взгляды встретились в темноте стекла.

– Невеста... Сегодня мы праздновали годовщину. Два года вместе.

– Поздравляю, – буркнула я.

– Тебя это задевает? – Вскинул он голову.

– Ты знаешь, что нет.

Дамир в отражении стекла сжал зубы, дернул головой. Пряди волос упали ему на лицо.

– Все говорят, что мы идеальная пара, – процедил он, глядя на меня. – Что Джема безупречна. Ни одной ошибки, ни единой промашки... Почти совершенство.

Я промолчала. Джема действительно хороша, сильный миротворец и до тоски правильная девушка. Ну а то, что она сбежала, когда была нужна ее помощь – так ведь этого никто не знает. Я никогда и никому об этом не рассказывала. А вот сама Ржаник не постеснялась

болтать о Кассандре Вэйлинг, не сумевшей справиться с разрушителем.

Теперь Дজেма – кумир и всеобщий образец для подражания, а я – изгой.

Что ж, пусть так.

Я встретила в стекле мужской взгляд. Ночь за окном стирала краски и глаза Дамира казались темными. Или так виделось из-за расширенных до предела зрачков. А ведь мой идеальный куратор умолчал о похвале Катерины Вольц. И я не стала спрашивать почему.

– Вы с Джемой действительно идеальная пара. Два безупречных миротворца и кристально честные люди, – не скрывая насмешки, ответила я.

Дамир озадаченно нахмурился, не понимая моего тона. Провел рукой по волосам, убирая отросшие прядки.

– Безупречные, да...– слегка неуверенно повторил он. – Так все говорят. И Дজেма... У нее так много достоинств...

– Очень рада. За вас обоих.

Он дернул головой, с силой втянул воздух.

– Издеваешься, да? – рявкнул Норингтон. – Ты ведь знаешь правду. Ты все знаешь, Кэсс! Знаешь, что я никогда не любил Джемму. Я всегда...

– Не надо, Дамир.

– Я...

– Дамир, уходи. Не говори того, о чем пожалеешь.

– А если я хочу это сказать?

– Ты пьян. – Я посмотрела на стакан в своей руке, из которого так и не отпила.

– Не так, как хотелось бы! Впрочем, не я один, да, Кассандра? Зачем ты пришла к этим студентам? Решила совратить и их?

– Может, я хотела просто посидеть у огня? По-дружески?

– У Кассандры Вэйлинг нет друзей, – скривились губы Дамира в зеркальной темноте. – У нее лишь те, кого она желает использовать. Пешки. Оставь этих студентов в покое, слышишь? Не портить им жизнь.

Злость – темная и густая, как недавний глинтвейн, растеклась по жилам. Да, Дамир невысокого мнения обо мне. Хотя... разве он не прав? Или все же нет? Я уже и сама запуталась...

Но только кто он такой, чтобы говорить мне все это?

Со стуком поставив стакан на место, я резко обернулась, хлестнув волосами по мужскому лицу.

– Убирайся из моей комнаты и не лезь в мою жизнь, – прошипела я. – Катись к своей высоконравственной невесте, Дамир. А меня оставь наедине со всеми моими пороками!

Он рвано выдохнул. И вдруг схватил меня за талию, притянул к себе.

– Я не хочу. Не хочу идти к ней. Не хочу ее видеть. Я хочу тебя. Всегда только тебя, моя проклятая Кэсс...

Губы – сухие и жесткие – прижались к моим, раздвигая, сминая. Терзая в горячечном поцелуе, торопливо и жадно, как вор, пытающийся побыстрее присвоить чужое и понимающий, что вырванное силой – это единственное, что он получит... Обрисовав языком контур моих губ, Дамир попытался смягчить лаской это лихорадочное прикосновение. Положил ладонь на мою обнаженную спину, погладил кожу – от поясницы до затылка и обратно, обхватил шею. И задышал отрывисто, рвано.

А я застыла в его руках. Меня словно парализовало. Не закрывая глаз, я смотрела на сомкнутые веки Дамира, на его дрожащие светлые ресницы. Ощущала его губы, целующие снова и снова, уже опять быстро и жадно, хоть он и пытался сдержать свое нетерпение.

Я смотрела на мужчину, который так откровенно, так страстно, так болезненно желал меня. И изумлялась своей глупости, ведь я до сих пор видела в нем лишь мальчишку, когда-то выбранного в верные пажы для меня – восьмилетней королевы. Но Дамир уже не тот мальчик из Нью-Касла. Он мужчина. Один из лучших миротворцев Империи. Будущий Совершенный. Мой невыносимый куратор, не сдержавший сегодня свое желание.

Только вот я в его руках превратилась в ледяную статую. Мои эмоции и чувства словно покрылись коркой льда, а внутри стало темно и холодно, как за стенами Аннонквирхе.

Пытаясь хоть что-то почувствовать, выбраться из этой ледяной пустоши, я осторожно прикоснулась языком к его губам, провела медленно, прислушиваясь к ощущениям. Желая найти внутри себя отклик. Дамир вздрогнул, а потом издал выдох-стон, и его объятие стало крепче. Левая рука опустилась к разрезу на моей ноге, сминая в кулак блестящую синюю ткань, дергая и едва не разрывая ее.

– Кэсси... – от радости в его голосе мне стало еще хуже. – Я прекращу помолвку... Сегодня же. Сейчас! Моя Кэсси...

Я закрыла глаза. Разорвет помолвку? Неплохой способ отомстить Джеме. Нанести ей удар, который мигом поставит Ржаник на место. Удар, который обрушит мерзавку в такую бездну, из которой она выберется нескоро. Или никогда?

Я снова вспомнила как молила Джемму о помощи, вспомнила злое торжество в ее глазах. Отомстить? Сказать Дамиру «да»? Я ведь точно знаю, что для Джеммы значит Норингтон... Такой ход королевы поставит шах и мат в игре Джеммы Ржаник.

Соблазн...

Дамир потянул платье с моего плеча, покрывая жадными поцелуями мою шею. Его хриплое дыхание пахло ромом... А ледяная пустошь внутри меня разрослась до размеров целого мира.

Ощутить желание так и не получилось. Ничего у меня не получилось!

И нет, я не буду с мужчиной ради мести. К черту и Норингтона, и Джемму!

– Хватит! – открыв глаза, я резко выдохнула и оттолкнула Дамира. Он поднял голову. В зеленых глазах клубился дурман желания. – Уходи. Убирайся немедленно! Ты пьян и завтра пожалеешь обо всем, что сделал.

Он снова качнулся, пытаясь обнять, и, схватив стакан, я плеснула воду в мужское лицо. Он оскалился, втянул воздух и некоторое время стоял, пораженно хлопая мокрыми ресницами и хватая ртом воздух.

Я ткнула пальцем в его взъерошенные волосы и сбившуюся рубашку.

– Приведи себя в порядок, – мрачно посоветовала я. – И убирайся. Завтра же я напишу прошение о том, чтобы мне предоставили нового куратора.

Дамир потряс головой, разбрызгивая капли.

– Прогоняешь? – Его губа дернулась, отчего он вдруг напомнил мне промокшего под дождем рычащего пса. – Значит, я не настолько хорош, чтобы оказаться в постели той, кто тащит в нее всякую шваль? Кто не видит разницы между миротворцем и каким-нибудь бродягой? Кто тащит в свою кровать любого, на ком есть штаны?

Моя рука зачесалась от желания вlepить Дамиру знатную пощечину. А еще лучше – приставить к его шее нож и посмотреть, как хмель исчезает из зелени глаз.

Но глянула в суженные зрачки и поняла – делать этого не стоит. Все-таки, я действительно хорошо знала Дамира. И видела в его глазах хмельное, порочное ожидание. Любое мое прикосновение лишь подстегнет его желание.

Дамир хотел, чтобы я его ударила.

Не позволяя себе отступить, я высоко задрала подбородок и презрительно скривилась.

– Верно. Не настолько хорош, – протянула я.

Норингтон отшатнулся. Усмехнулся криво, потер переносицу, как пробуждающийся ото сна человек. Окинул меня еще одним взглядом – медленным, жадным. И оценивающим. Коснулся своих губ, глядя на меня.

– Ну что ж... Хороших снов, Кэсс.

А потом развернулся и пошел к двери.

– Отлично. И тебе провалиться ко всем чертям, – прошептала я закрывшейся створке. Ушел Дамир по-человечески, просто повернув замок и дернув за ручку.

Желая хоть немного остудить пылающий лоб, я открыла стрельчатое окно и вышла на каменную террасу. Верхние этажи Анноквирхе, где располагались личные комнаты студентов и преподавателей, мягко светились во тьме ночи, нижние – учебные – тонули во мраке. Морозный воздух холодом окатил мою спину и ноги, лизнул лицо. Я прошла взглядом по открытой террасе, соединяющей два крыла здания. Зимой ею никто не пользовался, ведь в ненастный день порыв ветра запросто мог перекинуть человека через невысокий бортик.

Но сейчас снежная круговерть обрисовывала силуэт. Во тьме кто-то стоял и смотрел на мои окна. Я замерла, жадно всматриваясь во тьму. Неужели это мой таинственный кукловод? Тот, кто посылает мне сообщения с приказами? Тот, кто угрожает тайной, пугающей даже меня?

Падающий снег застилал двор пеленой, и я несколько раз моргнула, стряхивая с ресниц снежинки.

Тяжелая туча на миг треснула, показывая тонкий рог серебристого месяца. И луч света пробежал по галерее и фигуре быстро уходящего с галереи человека. Это длилось лишь миг, а потом небо снова стало темным, а туча, словно в отместку, выплюнула такую порцию снега, что стены Аннонквирхе утонули за белой завесой.

Но светлого мига мне хватило, чтобы увидеть распахнутую лисью шубу и косу, откинутую на плечо.

Джема. Именно она наблюдала за тем, что происходит в моей комнате. Интересно, как много она смогла рассмотреть?

Привалившись спиной к опущенному крылу каменного изваяния, я сообщила:

– Похоже, я снова влипла, Люций.

Выкрашенный в черное ангел ответил мне скорбным взглядом.

Бросив на кровать мрачный взгляд и от души зевнув, я села к столу и потянулась к своему мобильнику. Как бы мне ни хотелось плюнуть на все и лечь спать, прежде необходимо отправить отчет. Это было правило!

Скривившись, я провела по экрану, находя абонента.

За три года приказов как я только не записывала неведомого гада! От банального «мерзавец» до самых длинных, вычурных и грязных ругательств. Слыша каркающий звук и видя на экране надпись вроде «сволочь, которому я однажды отрежу все, что можно отрезать», мне становилось хоть немного легче.

Правда, однажды эту надпись заметил Дамир, и пришлось соврать о случайном ухажере.

Единственное имя, которое я никогда не писала, хоть и произносила мысленно, это кукловод. Будто слово, высветившись на экране, означало признание. Того, что у меня есть хозяин.

Вот с этим я смириться точно не могла! Но сколько ни пыталась найти того, кто отправляет эти проклятые приказы, ничего не получилось. Послания таяли, стоило их прочесть, а номер отправителя оказался зашифрованным. К тому же, когда я начала поиски, мне пришел недвусмысленный приказ остановиться. Иначе... иначе то, что я так тщательно скрываю, станет известно всем. И то, что за этим последует, мне не понравится.

Так что все, что мне оставалось – это жалкое утешение в виде ругательств в моем телефоне.

Спустя два года я устала и от этого. И теперь ненавистный абонент с исчезающими сообщениями значился просто знаком вопроса. Вопрос, на который однажды я обязательно найду ответ!

И стоило подумать о неведомом мерзавце, как экран мобильного вспыхнул от сообщения:

«Как прошел вечер, Кассандра?»

С трудом удержавшись от желания написать гадость, я быстро вбила в строку прорицание Бригитты. И зачем мерзавцу видение из прошлого? Неужели он послал меня в синюю гостиную ради него?

«Черный песок так мягок... Змеи тянутся по следу, стервятники ждут, когда я упаду... Огонь горит в башне, словно маяк. Где трон, которым ты славен, Вавилон?»

На последних словах по спине пробежал озноб. Вавилон... Древний и прекрасный город среди черных песков, некогда – южная столица Империи, символ свободы и процветания, а сейчас – почти оскорбление. Название, которое не произносят в приличном обществе, так же, как и имя Эзры Кросмана. Я вспомнила черные песчинки, мерцающие на ковре гостиной. То, что Бригитта сумела вытянуть их из видения – настоящее чудо. И даже крошечные частицы Вавилона, оказавшиеся рядом, вызывали дрожь. Все знают, что подобный песок водится лишь в одном месте Империи – у границы с проклятым городом.

Я посмотрела на свое сообщение. Нахмурилась – что-то в нем было не так. Память у меня отменная, конечно, если я даю себе труд что-то запоминать.

«Черный песок так мягок... Змеи тянутся по следу... Огонь горит в башне, словно маяк. Где трон, которым ты славен, Вавилон?»

Нет, не так. Бригитта сказала еще одно слово. Кровавый. Кровавый маяк. Да, точно.

Ощущая непонятный озноб, я положила телефон на стол, встала и вытащила из шкафа книгу. Историю войны с Кросманом изучают поверхностно, в основном концентрируясь на бедах и ужасах, которые он принес нашему миру. Я никогда не увлекалась рассказами о всяких древностях, но тогда почему видение толстушки кажется мне каким-то... неправильным?

Пролистав учебник, а потом еще два, и не найдя в них ничего интересного, я с досадой поставила талмуды обратно на полку. Глянула на манящую кровать.

Вернулась к столу, взяла телефон и медленно нажала на значок «Отправить».

Сообщение доставлено и прочитано. А потом буквы растаяли, как не было. Некоторое время телефон молчал, а потом появился и растаял новый вопрос:

«Это все? Больше ничего не случилось?»

Я нахмурилась. Что еще этот мерзавец хочет узнать?

«Нет», – отбила я.

Дисплей мигнул новой надписью.

«Ты расстроена, Кассандра?»

«Да! Вместо того, что отправиться спать, я вынуждена общаться с поганим шантажистом, который даже не соизволил представиться! Хватит играть в прятки, скажи, кто ты!»

Телефон сожрал мое послание и некоторое время молчал, словно переваривающий кролика удав. После вспышки ярости пришло запоздалое осознание. Что я наделала! А если чертов кукловод разозлится и решит все-таки осуществить свою угрозу?

Но видимо таинственный визави привык к моим выпадам или просто не обращал на них внимания. Потому что телефон снова мигнул сообщением: «Хороших снов, Кассандра».

Я швырнула телефон на кровать. Как я не пыталась вывести кукловода из себя и заставить хоть немного раскрыться, ничего у меня не получилось. Кажется, проклятый абонент вовсе не испытывал эмоций, словно был и не человеком вовсе, а бездушным куском гранита!

– А теперь просто ложись спать, Кассандра! – посоветовала я сама себе. Но вместо этого с досадой накинула на плечи меховой палантин и вышла из комнаты.

Усилим воли выкинув из головы кукловода, я снова вспомнила предсказание Бригитты. Что-то в нем не давало мне покоя, а значит, я не усну, пока не разрешу свои сомнения. Возможно, дать ответ на мой вопрос могла бы та, кто с детства увлекалась историей, но я знала лишь одну подобную зануду. Джема – вот кто любил проводить время за книгами. Она, наверняка, могла бы рассказать больше о Великом

Разрушители и падении Вавилона. Но, конечно, я не стану к ней обращаться.

Что ж, придется справиться самостоятельно.

Ругая свое неутомимое любопытство, я пересекла коридор.

Здание Анноквирхе, когда-то бывшее храмом, погрузилось в дремоту. Основатели первых учебных заведений для миротворцев быстро сообразили, что гармонизировать свой Дух проще всего там, где годами звучали звуки молитв и священных песнопений. Такие места обладали собственной силой, и в них юным студентам было проще концентрироваться на своей пробуждающейся Силе. Потому-то церковь и сейчас считается фундаментом, на котором стоит наша Империя, а святые отцы любят подчеркивать, что вера всегда была главным способом привести Дух к балансу.

Я шла, трогая шершавые стены и размышляя.

Студенты и наставники разошлись по своим комнатам. Паркет тихо скрипел, когда я проходила мимо, ковры заглушали шаги. В дымоходах и на галереях завывал ветер усилившейся непогоды. Я миновала коридор, поднялась по лестнице на два пролета. До библиотеки я дошла, так никого и не встретив. Конечно, даже в Академии Миротворства нет безумцев, шатающихся по зданию после полуночи.

Кроме меня.

К счастью, сам книжный архив оказался открытым. В кресле под грибком-торшером сладко посапывала госпожа Пэйдж – хранительница библиотеки.

Я посмотрела на нее и стащила туфли, чтобы не цокать каблуками. А потом прокралась в самую глубину огромной комнаты, заставленной шкафами и полками. Там находилась еще одна дверца, почти незаметная. Запертая, конечно. Но я лишь хмыкнула, доставая ключ. Я ведь говорила, что люблю секреты? Когда-то меня очень заинтересовал этот тайник, я надеялась найти внутри какую-нибудь ценность, скрытую от глаз студентов. И конечно, сделала все, чтобы добыть ключ! Мне это удалось, но увы, внутри оказались лишь пыльные книги и подшивки газет, предназначенные для повернутых на истории профессоров.

Пару раз чихнув и с тоской осмотрев фронт работы, я снова подумала, для чего притащилась в этот чулан и что пытаюсь тут найти.

А потом со вздохом взяла первую попавшуюся книгу, открыла...

Спустя несколько часов и пару десятков чихов я все-таки обнаружила то, что искала. Стопка сшитых бечёвкой и пожелтевших от времени газет семидесятилетней давности. В одной из них была плохо пропечатанная статья «Падение Вавилона». И даже прилагалось выцветшее от времени фото. На нем виднелись руины зданий, тонущих в черном песке, как в бурлящем море, и бегущие по улицам люди, объятые пламенем. А сбоку – покосившаяся пятигранная башня, некогда белая, а теперь – обугленная и закопченная. Эта башня, криво стоящая на песке и готовая рухнуть в любой момент – единственное, что осталось от некогда великого города Империи. Но на тусклом изображении был виден цвет огня в башне – самый обычный желтый.

Я вчиталась в мутные строки.

«...черные пески Вавилона стали братской могилой для десятков тысяч его жителей. Песчаная буря, уничтожившая все живое, бушевала еще десять дней и лишь на одиннадцатый небо очистилось. От города ничего не осталось, кроме башни, безмолвным укором призывающей небеса. ... Спустя шесть лет Благословенный Доминик, чудом уцелевший вавилонец, уничтожил свой страдающий Дух, чтобы зажечь в чаше башни вечный огонь, багровый, как кровь людей, невинно погибших в городе по воле ужасающего разрушителя...»

Отложив газету, я снова со вкусом чихнула.

Вот что показалось мне странным.

В детстве вместо нянюшек, дружно сбегających от проказливой девчонки, меня частенько поручали заботам вояк, которые приезжали к отставному генералу Вэйлингу и порой задерживались на долгие месяцы. Я особенно запомнила Брэма – коренастого и усатого, любящего рассказывать малышке с серебряными косичками страшные сказки. Брэм уехал довольно быстро, но его истории остались в памяти. Например, о пятиугольной башне, в которой горит вечное пламя невыносимо красного, кровавого цвета.

А ведь в официальных учебниках нет ничего подобного. Упоминание Вавилона стерто, как и подлинная биография Эзры Кросмана. Кстати, и о Доминике, зажегшем тот огонь, я тоже никогда не читала в учебниках.

Добровольно сожжённый Дух невозможно погасить, ведь он становится атмэ, хоть и пугающим, противоестественным.

Но если Бригитта в своем видении увидела кровавое пламя, то человек, шедший через черные пески, был не Эзра Кросман. Ведь красный огонь загорелся уже после его казни. Тогда кто направлялся к утерянному трону Вавилона? Что все это значит?

Я потёрла глаза, которые от бессонной ночи тоже казались пересохшей пустыней.

– Это значит, что мне давно пора спать, – пробормотала я.

Госпожа Пэйдж вздрогнула, когда я проходила мимо, и открыла глаза.

– А, что? – Она подслеповато прищурилась и захлопала ладонью по груди, ища свисающие на цепочке очки. – Кто здесь? Кассандра? Что ты тут делаешь ночью?

Я качнулась, склоняясь над пожилой женщиной, пытающейся выбраться из бархатных объятий кресла. Прошептала имя и произнесла нараспев, глядя в глаза хранительницы книг:

– Ночь темна. А сны так сладки. Хотя порой и непонятны. Но глубоки, как омут вод... И я – лишь сон.

Рука, так и не нашедшая очки, безвольно повисла, дыхание женщины выровнялось. Она даже улыбнулась новой грезе, посетившей ее. А я по опыту знала, что утром она не вспомнит о незваной гостье.

Улыбнувшись и надев свои туфли, я покинула библиотеку.

А сон в ту ночь мне действительно приснился. Только не знаю, можно ли назвать его хорошим. Я видела его в тысячный раз и даже зная концовку, испытывала трепет предвкушения. В розовом сумраке вишневого шторма, я заходила в чайную «Клевер и роза», шла по проходу, а потом оборачивалась и видела парня в темно-синей парадной сутане с золотым узором на подоле. Наши взгляды встречались и все начиналось заново.

До самого утра.

Глава 11. Лёд

После неприятного инцидента в моей комнате Норингтон не появлялся и даже не удосужился прислать письменное извинение. Я решила, что в ту ночь он просто напился до такой степени, что все забыл напрочь. Пожалуй, это было бы лучшим решением вопроса.

Но вот когда я получила сухой приказ на заре быть готовой отправиться на свое первое практическое занятие, а потом автомобиль академии доставил меня в пригород к длинному забору, из-за которого остро несло навозом, я осознала, что с памятью у Дамира все в порядке. С совестью вот плохо, а с памятью – отлично! Потому что чертов куратор назначил мне отработку не где-нибудь, а в коровнике! Мне! В коровнике!

Конечно, первым порывом было набрать его номер и высказать все, что я думаю о подобной мстительности. Я даже достала из сумочки телефон, кстати, запрещенный во время практики.

Но потом вспомнила, как Дамир меня целовал, как шептал что-то нежное и горячее, как признавался в чувствах... И медленно сунула телефон обратно в сумку.

Не буду я ему звонить. В коровник – так в коровник!

Чтобы посмотреть на мой наряд – ярко-красное платье под белой шубкой, сапоги на высоченных золотых шпильках и изящную шляпку с загнутой тульей – сбежались не только все работники, но и местные собаки, кошки и даже козы. Коровы, кстати, были настолько шокированы моим внешним видом, что успокоились сами собой, так что ферму я покидала вполне довольная, хотя одежда и пропиталась стойким вонючим запахом.

На следующий день я уже ждала подвоха и потому не удивилась, когда меня привезли к теплицам, стеклянными куполами расстилающимися в южной части города. Здесь выращивали все – от морковки до сочных ананасов, и после остро пахнущих ферм, теплицы показались почти курортом. Местного главу – пузатого и лысого, словно бильярдный мяч, – удалось очаровать за пять минут, так что день я провела, сидя в плетеном кресле среди грядок и деревьев, попивая ароматный травяной чай и благосклонно слушая рассказы об

особых ягодных культурах, которые скоро, несомненно, перевернут мир садоводства.

В общем, день прошел неплохо, и я даже подумывала, а не согласиться ли на подобную специализацию в будущем. Конечно, стать «садовницей» для выпускницы Аннонквирихе – негласный позор, но когда меня беспокоило чужое мнение? Зато можно проводить время среди зелени, жуя апельсины и делая вид, что рядом со мной плоды созревают быстрее и становятся слаще.

Правда, мои любимые туфли из синего бархата оказались безнадежно испорченными влажной землей, а подол небесно-голубой юбки украсился несмываемыми пятнами. К тому же болтаться целый день среди брюквы и тыкв оказалось невыносимо скучно.

Домой я возвращалась с целой сумкой персиков – подарком главы садоводства для «несравненной госпожи Кассандры». А вечером получила злое сообщение от куратора, видимо, Норингтону не понравилось слишком настойчивое желание главы увидеть меня снова.

На сообщение я не ответила, съела на ужин сладкий фрукт, и довольная отправилась спать.

Увы, фантазия Дамира на этом не закончилась, как и его жажда мести. Следующий день я скрипела зубами, отправляясь на новое задание. В этот раз никакой зелени и никаких мужчин, потому что Норингтон отправил меня в женскую обитель старости, гармонизировать пространство, до самого потолка наполненное вибрациями немощности и увядания. Цокот моих каблучков казался единственным живым звуком в этом ужасающем доме престарелых. Лица старушек, похожие на печенные яблоки и их подслеповатые глаза едва не заставили меня сбежать. Но стоило представить, как обрадует подобная слабость Дамира, и мои ладони сжались в кулаки, а губы растянулись в проказливой улыбке.

Ждет, что я сдамся? Да ни за что!

Быстро набрав вбитый в сотовый номер главы садоводства, я пропела:

– Господин Тамариз? Да-да, это Кассандра... Да, тоже очень жаль, что сегодня меня отправили не к вам... Увы, у меня слишком строгий куратор... Ужин с вами? Почему бы и нет... Но прежде у меня будет просьба... Все, что угодно для самой очаровательной госпожи? Ах, как приятно...

Уже через час спертый запах обители наполнили ароматы спелых фруктов, сочных трав и ярких цветов, привезенных из садоводства. Старушки, собравшиеся в общей гостиной, оживились и умирать явно передумали, по крайней мере решили сделать это не сегодня. Жуткие вибрации тоски сменились тихой радостью и светлой ностальгией, а день прошел за воспоминаниями и обсуждением нынешней моды.

Так что и за это задание я получила высший бал, чем явно удивила куратора.

А утром от Дамира пришло новое задание: «Оденься скромнее, отправляешься на площадь Святой Луизы». Видимо, сегодня наставник решил, что хватит мне отсиживаться в тепле.

– Зануда, – фыркнула я, выбирая наряд.

«Никаких мехов, шелков и драгоценностей!».

И следом гневное: «И никаких каблуков!»

– Зануда и мерзавец, – сообщила я прекрасным ботильонам на высоченных шпильках. Горестно вздохнула и вытащила вязаную зеленую юбку. К ней отлично подошли сапоги на плоской подошве, кашемировый свитер с высоким горлом и короткая дубленка из овчины.

Применить Маску я тоже не забыла, так что на площадь Святой Луизы отправилась не бледная сероглазая блондинка, а знойная рыжеволосая красотка с буйными кудрями и дерзкими изумрудными глазами.

Почему-то в этот раз вместо водителя и казенного экипажа куратор приехал лично и скривился, когда я уселась на переднее сидение автомобиля.

– Кажется, я просил выглядеть скромнее, – процедил он, рассматривая мои кудри.

Я демонстративно достала из кармана вязаную шапочку с меховым помпоном и натянула на голову. Дамир моргнул.

– Кассандра, ты надо мной издеваешься?

– И в мыслях не было. – Я изобразила самую невинную из своих улыбок. – А ты надо мной? Видимо, завтра я отправлюсь на задание в какую-нибудь юдоль? Мне приготовить черный наряд?

Дамир – как всегда элегантно безупречный в пальто и костюм-тройке, – дернул шарф на шее, словно ему нечем было дышать.

– Нет. Только не туда. – Он кинул на меня быстрый взгляд. – Нет ты.

Я мрачно глянула в ответ и отвернулась.

До площади, на которой зимой располагался каток и ряды торговых павильончиков, где продавали горячие напитки и булочки, мы доехали в молчании. К счастью, ехать оказалось совсем недалеко.

Возле арки входа, светящейся сотней фонариков, автомобиль мягко остановился.

– Сегодня здесь проходит выступление учеников ледовой школы, – не глядя на меня, бросил куратор. – Соберутся подростки и их близкие, а это большая и взбудораженная толпа. Городской совет запросил присутствие гражданского миротворца. Все просто-постой в толпе, успокой фон, если волнение и напряжение покажутся значительными. В общем, ничего сложного. И еще... с тобой будет Марк Колхун.

Я подняла свои рыжие брови и усмехнулась.

– Уверен, что я не справлюсь, и ученики вместо праздника устроят ледовое побоище?

– Просто решил поставить на это задание двух человек, – сквозь зубы произнес Дамир. – Не делай мою работу сложнее, чем она есть, Кассандра.

Я фыркнула и дернула дверную ручку, открывая.

– Кэсс... – Неуверенность в голосе моего куратора удивила, и я обернулась.

Дамир смотрел на свои руки в черных перчатках, лежащие на руле.

– Я много думал. О том, что произошло.

Я поморщилась. Все-таки жаль, что ему не отшибло память.

– Я не хочу об этом...

– А я хочу. – Он дернул головой и посмотрел на меня. – Ты говорила, что я пожалею о своих словах и... поступках. Но я не пожалел, Кэсс. Ни одной минуты сожаления.

Я распахнула дверцу и полезла наружу, но слова Норингтона заставили меня замереть.

– И еще я все думаю... Почему столь развратная особа, как ты, так неумело целуется. Скажи мне, Кэсс? Ты словно делала это впервые в жизни. И ты испугалась поцелуя. Странно, правда?

– Ты был пьян...

– Не настолько. Я все отлично помню. И я постоянно об этом думаю. Наш поцелуй...

Я развернулась так резко, что шапка едва не слетела с головы.

– Я с тобой не целовалась, Дамир. Я лишь хотела, чтобы ты провалился к чертям и оставил меня в покое!

– Кэсс!

Выскочила из автомобиля и двинулась туда, где сиял лед, подсвеченный тысячью огней.

Марк нашелся возле уличного столика. В косматой шубе до самых пят и намотанном на шею вязаном шарфе он напоминал только что вылезшего из берлоги медведя. Голубые глаза парня весело поблескивали из-под шапки-ушанки.

– Ого, ты панируешь сегодня ночевать в сугробе? – восхитилась я.

Марк пару секунд недоуменно тарачился на мое лицо, а потом подпрыгнул.

– Вау, Кассандра! А я тебя не узнал. – Он отсалютовал бумажным стаканчиком, с интересом рассматривая мой новый образ. – Почему ты так любишь надевать Маску? Ты ведь и без нее красивая!

– Все девушки это любят. – Я пожала плечами и, потянувшись к его стакану, принялась. – Неужели обычный чай?

– В виде исключения. – Марк рассмеялся. Он кивнул на каток, куда под веселую музыку уже выкатывались участники ледовой школы. У бортиков толпились взволнованные родители и друзья. – Хотя сегодня не задание, а ерунда. Не понимаю, зачем нас прислали вдвоем, тут бы и первокурсник справился.

Я пожала плечами, а Марк помахал рукой, призывая разносчицу напитков и сладостей.

– Зато это можно считать почти свиданием, да, Кассандра? – Парень подмигнул, когда румяная девушка поставила передо мной картонный стаканчик с пряным напитком.

– А ты наглый, – сказала я, но не удержала улыбку. Марк, закутанный по самые брови, мне нравился. Рядом с ним было спокойно и весело.

– А то. Девушки от этого в восторге! – Парень рассмеялся, неловко обхватывая руками в толстых варежках стаканчик с чаем.

Напиток выплеснулся, и Марк зашипел.

– Ненавижу холод, – пожаловался он. – Там, где я вырос, всегда тепло. И почему знаменитая Академия Аннонквирихе расположена в самом замороженном городе Империи? Ужасная несправедливость! Лучше бы меня отправили нести караул в теплицах!

– Ого, – осторожно попробовала я свой чай. Оказалось весьма недурно. – Кто-то уже растрепал, что я побывала в царстве удобрений и ботвы?

– А еще – в королевстве навоза. Говорят, твой куратор жутко на тебя злится. Чем ты сумела так насолить Всеблагодому Дамиру?

Я вспомнила губы, лихорадочно целующие мои, и руки, комкающие ткань синего платья. И пожала плечами.

– Понятия не имею. Как ты сказал? Всеблагодом Дамир?

– Так о нем говорят, – хохотнул Марк. – Девчонки едва не подрались, надеясь попасть в его группу. К девушкам куратор Норингтон очень лоялен.

– Видимо, я исключение, – рассеянно пробормотала я.

– Кстати, куда ты пропала в прошлый раз? Мы откачали Бригитту, оглянулись – а тебя уже нет!

– Решила, что вечеринка перестала быть веселой, и отправилась спать.

– Да уж, повеселились. Бедняга Бригитта полночи тряслась и переживала. Хотя она даже не помнит, что говорила.

– Часто с ней такое?

– Впервые. Она сильно испугалась.

– Думаешь, у Бригитты действительно было видение?

– Может, она все придумала. – Марк хмыкнул и потер варежкой замерзший покрасневший нос. Похоже, парень и правда с трудом переносил холод. – Мы решили, что лучше никому не говорить о случившемся. А Норингтону сказали, что Бригитте поплохело из-за прокисшего пирога с капустой.

Я кивнула, одобряя. Вот только черный песок... Видел ли его Дамир? Или Джема? Кто вообще обратил внимания на крупички в руках толстушки?

– Смотри, здорово у них получается, – восхитился Марк кружащимися на льду подростками. – Одного не пойму... Как они не мерзнут в этих блестящих костюмах? Они ведь даже не миротворцы!

– Ты – миротворец, а стоишь, укутанный в мех с ног до головы, – рассмеялась я. – Тебе не говорили, что наш Дух должен нас согреть?

– Мой на обогрев не работает, – прошипел Марк и натянул ушанку еще сильнее. – Я серьезно, не смейся! Мерзну так, что кажется – уши отвалятся!

Толпа у бортиков катка взорвалась криками и аплодисментами. Марк, недовольно морщась, вытащил из кармана кругляш фонового измерителя, подышал на дисплей.

– Пока в норме. Но если скакнет еще на деление, применим волну. Нам тут не нужны расшалившиеся детишки с лезвиями на ногах, да?

Я кивнула, думая о том, что мне Дамир даже измерителя не дал. Похоже, куратор вообще не рассчитывал на мое участие.

Танцоры на льду выполнили сложный переворот, и зрители разразились криками одобрения. Поневоле я тоже засмотрелась на выступление. Тонкие девочки в белых платьях и юноши в костюмах кружили в брызгах света и льда. Изящные па сменялись переворотами и поддержками, словно над танцорами не довлела сила тяготения. Это было изумительно красиво и сложно, особенно если учесть, что выступали обычные люди, без нейро-панелей.

Музыка взлетела, ускораясь, и один из юношей подпрыгнул, выполняя тройной тулуп. Вот только приземлился неудачно – конек соскользнул, и парень со всего размаха рухнул на лед.

Толпа ахнула.

– Страх и паника...Негативный фон подскочил! Сразу на пять делений. Вот черт! – Марк бросил датчик на заснеженный столик и, кривясь от холода, стянул варежки.

Опытным миротворцам нет нужды освобождать начальные точки Духа – ладони, но Марк опытным не был. Бросив рукавицы к датчику, он снова глянул на экран.

– Твою ж мать. Еще два деления!

Две девочки-снежинки поскользнулись, упали и прокатились под испуганные крики зрителей.

Я застыла. Жуткое, кошмарное дежавю накрыло с головой. В один миг меня выкинуло в прошлое, на Аллею цветущих вишен, в сумрачную чайную с нарисованными на ширмах павлинами. Озноб мурашками пробежал по спине, и волоски на моем теле встали дыбом, словно я попала в зону электромагнитного излучения.

Это чувство было таким пугающим. И таким знакомым.

– Кэсс, ты куда? Ты что?..

Не слушая Марка, я бросилась вперед, расталкивая толпу. На льду снова кто-то упал... Кто-то завопил, перекрикивая гвалт и требуя срочно позвать врача... А кто-то принялся целоваться – так жадно, словно рядом не было посторонних!

Агрессия и похоть, вожделение и гнев...

Или мне лишь кажется?

Я неслась, расталкивая людей и всматриваясь в испуганные и возбужденные лица.

Мне показалось. Конечно же, показалось. Это не могло быть... узнавание. Это все совпадение. Страшное и пугающее совпадение.

– Милостивый Пантелей! Да остановите же это ужасное представление! – завопила рядом со мной дородная женщина в шапке, напоминающей воронье гнездо.

За ее спиной мелькнула высокая фигура молодого мужчины. Синие джинсы, грубые ботинки. Серая куртка, слишком тонкая для зимы. Шарф, скрывающий лицо, непокрытая голова. Черные волосы. Руки в перчатках. Мужчина поднял ладонь, поправил шарф, опуская лицо еще ниже.

Длинные тонкие пальцы, изящное, но сильное запястье, мелькнувшее в кожаном отвороте.

Я замерла, глядя в спину быстро удаляющегося парня. Я задыхалась. Шапка слетела с головы, и ветер дергал за рыжие кудри, гладил мокрые щеки. Но я этого не чувствовала.

Это не он. Это не может быть он.

Потому что ОН уже пять лет как мертв.

Мне просто показалось. Показалось!

– Кассандра, с тобой все в порядке?

Я вскрикнула, когда меня потянула чья-то рука, и обзор заслонило лицо Марка.

– Эй... ты что... плачешь? Ну ты чего? Все в порядке, фон нормализовался, люди успокоились! На льду иногда падают, ничего страшного не случилось! Истиннодух! А говорят, что Кассандра Вэйлинг – бесчувственная стерва!

– Так и есть, – слабым голосом произнесла я, все еще таращась туда, где тьма поглотила фигуру незнакомца.

– Куда ты смотришь? – Марк тоже посмотрел, но не найдя ничего интересного, снова повернулся ко мне. – Кассандра, все хорошо. Не надо так волноваться. Смотри, праздник продолжается. У того мальчишки, что упал первым, треснул конек, представляешь? Бракованный оказался... Но все хорошо, он не сильно ушибся! И... и у тебя Маска слетела.

Я медленно опустила взгляд на прямые серебристые пряди, лежащие поверх воротника. Рыжие кудри исчезли, как и остальные атрибуты ненастоящей внешности. Я самый хреновый миротворец, который не смог удержать даже простейшую Маску.

– Я никому не скажу, – тихо пообещал Марк, и я заторможенно кивнула.

Остаток праздника и дорога в академию прошли как в тумане. Марк что-то говорил, я даже отвечала, но вот попроси меня пересказать тот разговор – не смогла бы вспомнить ни слова.

В коридоре Аннонквирхе я что-то пробормотала своему озадаченному напарнику и понеслась в свою комнату.

– Отчет я сам напишу, – крикнул он мне в спину. – Так уж и быть...

Ворвавшись в свои апартаменты, я схватила со стола телефон. Молодым миротворцам запрещено брать на задания мобильники, говорят, радиоволна не сочетается с Силой Духа. Ну или все проще – стажер может отвлечься на звонок или сообщение и пропустить критический уровень негативного фона.

Сейчас я схватила мобильник как вожаделенную добычу, быстро пролистала список контактов. Он был совсем небольшим... Нашла тот, который я не набирала уже несколько лет. Ни разу за время обучения в академии.

Гудок ударил в ухо. И сразу оборвался, будто абонент держал свой телефон в руках.

– Кассандра?

Голос оказался сиплым, словно со сна. Черт, я даже не подумала, что на улице уже ночь, а в Нью-Касле ложатся довольно рано...

– Здравствуй, папа.

– Что-то случилось? Тебе нужна помощь?

Я невольно усмехнулась. Генерал Ричард Вэйлинг в полной боевой готовности. Даже посреди ночи.

Я набрала воздуха, словно собиралась нырнуть в глубокие воды.

– Папа, я знаю, что мы с тобой не слишком ладили, – сказала я внимательно слушающей трубке. – Наверное, я оказалась не той дочерью, которую ты хотел бы. Наверное, ты вообще не хотел дочь...

– Кассандра...

– Дослушай, пожалуйста. Между нами не все было... гладко. И мы давно не общались. И... да, все непросто. Но я все-таки твоя дочь. И сейчас... сейчас я прошу тебя об одном. Пожалуйста! Я прошу ответить на мой вопрос. Прошу сказать правду.

– Вот как. Ты хочешь спросить о маме? – Все так же сипло, но четко произнес отец.

– О маме? – удивилась я. И даже обернулась, не возник ли на стене портрет с суровым нарисованным взглядом. Зачем мне о ней спрашивать? – Нет, не о маме.

Мне показалось, что тишина в трубке стала чуть менее напряженной.

– Говори, Кассандра.

– Поклянись, что скажешь правду.

– Послушай...

Я почти видела гримасу досады на красивом лице отца.

– Поклянись, – мне давно плевать на его гримасы. – Поклянись памятью дяди. Твоего брата Джеймса.

Джеймс Вэйлинг – младший брат моего отца – погиб на границе, когда мне едва исполнилось два года. Я его совершенно не помнила. Но знала, что отец бережно хранит память о нем. Если и было у генерала Вэйлинга что-то нерушимое и почти святое, так это образ его брата.

– Поклянись, папа!

– Хорошо, – недовольно произнесла трубка и вздохнула. – Я клянусь памятью Джеймса, что скажу тебе правду.

Я облизала пересохшие губы. И выдавила:

– Август мертв?

Отец не стал переспрашивать или делать вид, что не понимает, о каком Августе я спрашиваю.

– Да. Август мертв, Кассандра. Уже пять лет.

Я медленно подняла голову и посмотрела в незашторенное окно. Темное стекло отразило мое бледное лицо.

Вспомнились стрельбища, на которые отец возил меня в детстве. Ряды мишеней и аккуратные дырочки в центре каждой после «выступления» Ричарда Вэйлинга. Генерал всегда был невероятно метким стрелком. Он не мог промахнуться.

– Кассандра, почему ты спрашиваешь? Что случилось?

– Ничего, папа. Я увидела плохой сон.

– Твои кошмары вернулись? – теперь голос отца звучал деловито и собранно. – Ты обратилась к врачам? Я попрошу, чтобы тебя осмотрели ...

– Нет, – торопливо оборвала я. – Не надо никаких осмотров. Это просто плохой сон. Ничего страшного. Прости, что разбудила.

Он помолчал немного. И сказал:

– Я рад, что ты позвонила, Кассандра.

– Да. Я тоже рада. Спасибо, что сказал правду. – Я подумала, не зная, что еще добавить. – Передавай привет Марии. И...пока, пап.

И не дожидаясь ответа, я нажала на сброс. Села на край кресла. Трубка вывалилась из ладони, но я не обратила внимания.

Значит, мне действительно показалось. Просто что-то похожее в фигуре, в повороте головы. В руке, поправляющей шарф. Я ведь даже не могу сказать, что волосы парня в толпе были черными! Они могли быть каштановыми или русыми, намокшими от снега... в темноте не разобрать. А может, в нем вообще не было никакого сходства, и все дело в моей паранойе?

Тихо застонав, я закрыла лицо руками и сидела так некоторое время. Потом встала, достала из шкафа закрытую бутылку виски, налила себе почти стакан и выпила, давясь крепким пойлом. Вернулась в кресло, свернулась на нем и закрыла глаза.

Глава 12. Ловчий

Проснулась я от того, что в неудобной позе затекли шея и спина, под щекой воняло мокрой псиной, во рту было гадко, а где-то рядом выл телефон, оповещая, что пришло сообщение от куратора. Разлепила глаза. Комнату заливал яркий солнечный свет, похоже, снегопад закончился.

Минуту я рассматривала свою подсохшую шубу и сапоги, которые так и не сняла. Потом застонала, вывалилась из кресла и подняла с пола телефон.

«В девять у меня в кабинете. Машину пришлю. За опоздание – получишь штраф».

– Чтоб ты провалился, – простонала я, щурясь на часы. Жесткие цифры сообщали, что на сборы у меня осталось около получаса. Не то чтобы я боялась штрафа или Дамира, но было интересно, с чего это куратор вызвал меня с самого утра.

Спустя назначенное время я села на заднее сидение автомобиля с эмблемой гражданского подразделения Миротворства. Плюс такого транспорта в том, что у него приоритет на дорогах и никакие заторы ему не страшны. Потому довольно скоро мы оказались у кованых ворот старинного здания, в котором теперь работал Дамир и мечтали оказаться многие студенты с моего курса.

Молчаливый водитель даже не кивнул, когда я открыла дверцу, выходя. Такой же молчаливый стажер проводил меня к кабинету Дамира. Я толкнула тяжелую дверь и вошла. Мой куратор сидел за широким столом и что-то торопливо писал. Увидев меня, отложил ручку и поднялся. И я поняла, что впервые вижу Дамира в строгой зеленой форме с погонами. Признаться, она ему очень шла, подчеркивая цвет глаз и широту плеч. Глядя на куратора, я поняла, почему девушки моего курса едва не подрались, чтобы попасть под его попечительство.

Дамир окинул быстрым взглядом мой наряд и светлые волосы. Сегодня на мне не было Маски, зато яркими оттенками радовали оранжевое меховое пальто и шляпка со стразами.

Оранжевый мне не шел, может, поэтому сегодня я выбрала именно его.

– Я надеялся снова увидеть тебя в синем, – чуть улыбнувшись, сказал Дамир.

Я промолчала, и куратор помрачнел.

– Ты не предоставила отчет о вчерашнем задании.

– Разве Марк не отправил его?

– Отчет предоставляет каждый участник.

– Ладно, сейчас напишу. И лишь ради этого ты прислал за мной машину? Я могла отправить отчет по почте.

Дамир сделал мягкий шаг ко мне и неожиданно взял за руку. Я удивленно вскинула брови.

– Марк сказал, что ты вчера... почувствовала себя плохо.

Предатель!

– Он волновался. Тебя что-то расстроило?

– Нет.

– Вчера у катка зафиксировали низкочастотный фон, который вы нейтрализовали.

– Ну да. Для этого нас туда и отправили, ведь так?

Дамир мягко улыбнулся.

– Может, ты увидела что-то, испугавшее тебя, Кассандра? Или... кого-то?

Я открыла рот, чтобы возразить. Золотая ресница упала на щеку Дамира. Зависла на миг, а потом плавно опустилась на кожу. Исчезнувшая частица секунды, которую сожрала Сила. А это значит, Дамир не из сочувствия держит мою ладонь. Он применил свои способности. Пытается меня прощупать и уловить ложь? У моего куратора высокий уровень, а вот о своих талантах он умалчивает. Но вполне вероятно, один из открывшихся даров – умение воздействовать ментально. Конечно, чтобы стать полноценным менталистом, необходимо долго учиться и много практиковаться, но кто сказал, что Дамир не способен услышать вранье, пусть и на начальном уровне? Не просто так он держит мою ладонь. Ох, не просто так!

Все это пронеслось в голове за мгновение, почти равное мигу, за которое падает с века ресница.

Я не стала вырываться и сосредоточилась.

– Увидела? Да... – сказала и физически ощутила, как подобрался куратор. – Мальчишку. Он упал на льду, треснулся спиной и затылком. Конек оказался бракованным, представляешь? Надо пожаловаться изготовителям коньков! Он же мог разбиться! Ты напишешь жалобу?

– Что? Ах, жалобу. Обязательно. Ты так нервничала из-за упавшего мальчика?

Все-таки Марк предатель. Мог бы и соврать.

– Да. А еще ты запретил мне надевать каблуки. Я чувствовала себя подавленной.

Дамир сжал мою руку, внимательно глядя в глаза.

– Но почему ты побежала в толпу? Ты словно увидела кого-то!

Мне стало не по себе. А может, это не Марк доложил? Может, у катка был наблюдатель? Или сам Дамир, стоящий в стороне? Но зачем ему это? Наблюдать за мной?

– Нейро-волна расходится от носителя как круг по воде после камня, брошенного в озеро, – отчеканила я. – Неопытному миротворцу, не умеющему направлять гармонизирующую частоту, лучше всего оказаться в центре толпы, чтобы накрыть волной все пространство негативного выброса! Я действовала по инструкции.

– И почему мне кажется, что ты водишь меня за нос, Кэсс? – задумчиво произнес куратор.

Потому что ты знаешь меня с восьми лет. И потому что твое чутье работает как надо, хотя ты и не находишь этому подтверждения.

Я сделала обиженное лицо и выдернула ладонь из руки Дамира.

– Снова придирки? Ты просто мстишь мне! Хлев, навозные кучи... Куда еще ты меня отправишь? Наверняка жалеешь, что город не присылает заявку на охрану канализаций, иначе я уже была бы там по твоему приказу!

– Ладно, допустим. – Увы, на провокацию Дамир не поддался и тему не перевел. Он все еще стоял слишком близко, и мне не нравился его напряженный взгляд. После неприятного разговора в моей комнате Дамир как-то изменился. Теперь он иначе смотрел на меня. Иначе двигался рядом со мной. Иначе думал.

И мне все это «иначе» ужасно не нравилось!

– Я рад, что ты позвонила отцу.

– То есть он сказал тебе? – опешила я. – Прямо с утра?

– Ночью. После твоего звонка. Ричард беспокоится о тебе, Кэсс. Он лишь хотел знать, что с тобой ничего не случилось. Но я заверил генерала, что ты находишься в своих комнатах и совершенно здорова.

Я ощутила желание треснуть чем-нибудь тяжелым по красивому мужскому лицу. Наорать. Разбить парочку бокалов! Но я промолчала.

И почему я ощущаю себя преданной? Я ведь и раньше знала, что отец общается с Дамиром. Возможно, в нем он увидел наследника, о котором всегда мечтал. Но думать о том, что сразу после разговора со мной отец позвонил ему, оказалось неприятно.

– Это все, что ты хотел узнать? – резко спросила я. – Можешь передать папочке, что со мной все в порядке! Дочурка жива, здорова и собирается отправиться в какой-нибудь бар, чтобы выпить пару-тройку коктейлей. Предоставишь мне автомобиль с водителем, Дамир? Только найди кого-нибудь посимпатичнее и помоложе!

– Иногда ты настолько невыносима, что это кажется неестественным, – все так же задумчиво протянул куратор, и я осеклась.

Вот черт, кажется, переиграла. Не стоит забывать, что Дамир действительно хорошо меня знает.

Не отвечая, я развернулась и пошла к двери.

– Тебе лучше воздержаться от спиртного, Кассандра. Вечером мы с тобой идем в оперу.

– Что? – Я обернулась.

– Люпьянский театр, ложа.

– Не пойду я с тобой никуда.

– Пойдешь. – Он не двинулся с места, но я ощутила чужую Силу. Словно в кабинете увеличилось давление, а воздуха стало меньше. Но длилось это лишь миг и тут же исчезло. Дамир вздохнул и потёр лоб, устав со мной спорить. – Кэсс, почему ты такая упрямая? Хорошо, если тебе так проще... В театр мы идем на задание. Вечером на большой сцене состоится премьера «Гликерии», приедут Совершенные: супруги Бергут, Альберт Хакал и Юций Наратуйя...

– Я лишь стажер. Это не мой уровень!

– Зато мой. И мне нужна спутница.

– У тебя есть Джема.

– Со мной идешь ты.

Я открыла рот, чтобы послать Дамира куда подальше, но осеклась, поняв, что он сказал.

– Ты сказал: Альберт Хакал? Основатель теории разорванных линий? Профессор Хакал? – переспросила я.

– Вообще-то это не разглашается, – помолчав, ответил Дамир. – Но да, профессор придет на премьеру. Говорят, он большой поклонник постановки... Вижу, ты заинтересовалась.

– Совершенные, – пробормотала я, думая о своем. – Редкая возможность увидеть столь выдающихся людей. Да, я пойду.

– Вот как. Ну что же... Тогда будь готова к семи, пожалуйста. И еще... Надень синее платье, Кассандра. И синюю Маску.

Не прощаясь, я покинула кабинет. Пронеслась два этажа и остановилась в каком-то закутке, переводя дыхание. Показное негодование слетело с меня как шелуха, я прижалась к стене и нахмурилась. И снова прокрутила в голове тот момент, когда Дамир держал меня за руку и спрашивал, кого я увидела в толпе.

Когда я ощутила страх.

Рядом с человеком, которого знаю большую часть своей жизни. Над которым я смеялась, издевалась, подтрунивала. Которого использовала и никогда не воспринимала всерьез. Дамир, влюбленный и благородный, как чертов сказочный принц, никогда не причинит мне вред, что бы я ни натворила!

Так я всегда думала.

Так почему в кабинете, глядя в такие знакомые зеленые глаза, я вдруг испытала ужас, а мой инстинкт самосохранения завопил как сирена?

Все-таки и у меня имелось чутье.

Если бы куратор усомнился в моих словах... что бы он сделал?

Хмурясь и стараясь не бежать, стремясь поскорее покинуть стены этого красивого, но пугающего здания, я двинулась к выходу.

К черту Дамира. Мимолетный страх ничего не значит, это все последствие дурно проведенной ночи. Главное, что судьба дала мне шанс увидеться с профессором Хакалом, одним из Совершенных. И я не упущу возможности подобраться к нему поближе и выпытать все, что меня интересует!

До «Глотки» я решила пройти пешком, благо день радовал солнечным светом, а свежий воздух пригонял муть, поселившуюся в

голове после выпитого натошак стакана виски. Так что шла я с удовольствием, бодро цокая каблуками и рассматривая яркие витрины. Я даже почти успокоилась, пока мелькнувшая в отражении стекол фигура не заставила меня насторожиться. Слежка? Дамир приставил ко мне соглядатая? Я повернула за угол, миновала оживленный проспект и обернулась. Но никого пугающего за спиной не было. Лишь разношёрстная толпа, спешащая по своим делам.

Показалось...

Страж «Глотки» окинул меня быстрым взглядом и кивнул, открывая дверь.

Внутри оказалось почти пусто, только за угловым столиком двое мужчин тянули пиво, уставившись на экран со спортивным каналом. Зато бармен Адриан был на месте, стоял за стойкой и меланхолично натирал полотенцем стаканы. Я уселась на высокий стул и подняла два пальца, что означало «как обычно».

Обернулась на дверь. Но следом так никто и не вошел.

Адриан, отбросив свою тряпку, шустро поставил передо мной непрозрачный бокал с темной жидкостью. Рядом легла салфетка с нацарапанными буквами.

Я медленно сделала два глотка, рассматривая написанный адрес.

– Задание для Ловчего, – тихо сказал Адриан, снова поднимая уже чистый стакан.

Я качнула головой.

– Не сегодня.

– Заказчик предлагает хорошие деньги. Даже за то, что Ловчий просто посмотрит место происшествия.

Я перевернула салфетку, глянула на цифры и хмыкнула. Что ж, действительно щедро.

– Пропал мальчик. – Бармен не повысил тона, его ладони снова принялись тереть стекло. – Вчера он упал и получил небольшую травму, его отвезли в больницу, дали обезболивающее и снотворное. А утром не нашли в палате. Исчез, как в воду канул.

– Может, он просто ушел? Из больницы? Почувствовал себя лучше и свалил.

– Пацану тринадцать. Мальчик из хорошей семьи, отец – владеет строительной компанией. Мать – знаменитая танцовщица на льду. И мальчишка такой же. Еще и на скрипке играет.

Я снова хмыкнула. Да, такие мальчики не сбегают из больницы. Они сидят смиренно и ждут, когда придут взрослые, чтобы накормить сладкой кашей и погладить по голове.

– К тому же дома мальчик так и не появился. А на кровати в больнице остались капли крови.

– В полицию обратились?

– Нет.

Я подняла брови. А вот это уже интересно. И подозрительно.

– И почему же?

Адриан выразительно подвигал бровями.

– У матери мальчика появились... вопросы. Может, она заметила нечто странное.

– Вот как.

Есть лишь одна причина, по которой законопослушные горожане не вызвали представителей власти. Лишь одна.

– Ловчий не связывается с такими вещами, Адриан. Ему не нужны проблемы.

– Да, госпожа Кассандра. Но мать мальчика в панике. И это надежный заказчик, она никому ничего не скажет.

– Нет, – отрезала я. Еще не хватало проблем со Святой Инквизицией!

– Пацан не мог просто так исчезнуть. Может, его похитили и держат в плену? – сделал еще одну попытку убедить меня бармен. Вероятно, связной дополнительно ему приплатил... – Хотя требований о выкупе не поступало. С площади Святой Луизы мальчишку отвезли напрямиком в частную клинику, а оттуда...

– Мальчик был вчера на площади Святой Луизы? – нахмурилась я, и Адриан кивнул.

– Верно. Я так и сказал. Он выступал на катке на празднике. Я же говорю – примерный мальчик, скрипка и коньки вот... Дурость всякая. Ну так о чем я? Конек у него и треснул, представляете? Редкое дело. Лезвие треснуло, и пацан тоже треснулся – об лед, значит. Его на носилки и в больничку. А утром – нету пацана. Все обыскали. Куда делся – неясно.

Я нахмурилась, размышляя. Заказ мне не нравился, хотя ничего особенного в нем не было. Еще один потеряшка – один из многих. Даже то, что мать не обратилась в полицию, ни о чем не говорит. И все

же я привыкла верить своему чутью. Хотела снова сказать «нет», но... Но останавливал факт, что мальчик пострадал именно на площади Святой Луизы.

Надо проверить.

Я допила противный напиток и отодвинула бокал.

– Так вы передадите Ловчему заказ? – не меняя тона, спросил Адриан.

– Родители мальчика знают условия?

Адриан кивнул. И добавил:

– Надежные люди. И состоятельные. Щедро заплатят.

– Хорошо. Я передам, – сказала я. – Пусть ждут через час.

И не прощаясь, ушла.

Недалеко от «Глотки» высились торговые ряды – шумные, многолюдные, тесные, со множеством входов и выходов. Туда я и направилась. Нырнула во вход на центральной аллее, прошла вдоль груд овощей и фруктов и свернула в один из многочисленных коридоров. Здесь, за неприметной дверцей подсобного помещения, среди швабр, ящиков и ведер, стояла сумка с вещами. Морщась от прохладного воздуха, я быстро переоделась. Штаны, ботинки на рифлёной подошве, черный свитер с высоким горлом и неприметная коричневая куртка. В такой одежде ходит большая часть горожан, и в ней никто не сможет опознать яркую, как тропическая птица, Кассандру Вэйлинг. Но лишь нарядом я не ограничилась. Глянула в маленькое зеркальце на стене, ведь даже самый сильный миротворец не способен надеть Маску без отражающей поверхности. Подчиняясь силе Духа, мои черты поплыли, а потом глаза и волосы потемнели, подбородок стал тверже и шире, лоб уже, а брови гуще. Один лишь миг – и в осколке стекла показался хмурый юноша, в чертах которого угадывались предки из восточных земель.

Нет, я не стала кардинально иной. Никто не может полностью изменить лицо, Маска всегда рисуется поверх основы. Но наставники Аннонквирихе сильно удивились бы, увидев мой результат. О, я с полным правом могла бы хвастаться своими успехами! Хотя, конечно, никогда этого не сделаю. И пусть мои плечи и бедра оставались такими же узкими, но теперь я выглядела как subtilный юноша. Да у меня даже кадык появился! Выдающееся во всех смыслах достижение!

Конечно, все остальные части моего тела не изменились, но преобразованием я заслуженно гордилась.

Натянув на голову вязаную шапку и спрятав в ящик свой приметный наряд, я покинула тайник.

Частная клиника, в которую увезли Питера Тато – как значилось на салфетке, – высилась красивым белым зданием возле памятника Святому Мирадию. В холле под золотой люстрой меня уже ждала взволнованная мать мальчика.

– Это вы?.. Вы так молоды...– Она осеклась, наткнувшись на мой предупреждающий взгляд. Прикрыла рот рукой и потёрла красные от слез глаза. – Ох, что я говорю! Простите, сама не своя. Что от меня требуется?

– Проводите меня в палату, где лежал Питер.

В красивой комнате, совершенно не похожей на больничную палату, госпожа Тато застыла у двери и дрожащей рукой указала на кровать.

– Мы старались ничего не трогать...

Я кивнула, откинула покрывало. Внутри действительно виднелась кровь. Немного, лишь несколько капель. И еще – клочок одежды. Я подняла его, рассматривая. Похоже, это клочок от пижамы Питера. С мягкого лоскута на меня смотрела смешная кошачья мордочка, перепачканная красным.

А еще простыни и матрас были мокрыми, словно на них вылили ведро воды. Интересно...

Спрашивать ничего не стала, слезливые причитания испуганной матери мне лишь помешают, просто смяла лоскут в ладони, прищуриваясь и склоняя голову набок. Контур появился почти сразу, значит, родители Питера и правда почти не прикасались к кровати и не успели испортить след. Что ж, похвально. Слабо мерцающий силуэт шевельнулся на постели и вдруг переместился к двери. Я бросилась следом, кинув госпоже Тато, чтобы она оставалась на месте.

Энергетический след линий Духа вильнул в коридоре и понесся к лестнице. Я устремилась за ним, надеясь, что персонал лечебницы не станет задавать вопросов или останавливать меня. Но мимо прошла лишь одна медсестра с каталкой, бросила на меня незаинтересованный взгляд и скрылась за поворотом. След Питера мерцал уже на верхних этажах, порой исчезая, а порой появляясь совсем рядом. Поводив меня

по коридорам, след дрогнул, а когда я добралась до крыши – исчез. Но мне уже и не нужен был проводник, стоило толкнуть дверь и выбраться на воздух, как обнаружилась пропажа.

Никто и не подумал, что мальчик в пижаме и носках может несколько часов провести на крыше, прячась за печной трубой.

Питер сидел на узком карнизе, сгорбившись и опасно свесив вниз длинные худые ноги. Козырек над входом в лечебницу закрывал мальчишку, так что никто не мог увидеть потеряшку. По крайней мере, до тех пор, как он сиганет вниз.

Я перемахнула через парапет и тоже уселась на карниз, рассматривая верхушки заснеженных деревьев и проспект, виднеющийся вдалеке.

Питер вздрогнул, увидев меня.

– Ты кто?

– Ловчий.

– Тот самый? – Парнишка широко раскрыл синие глаза с длинными ресницами. Кончики побелели от инея. Но, похоже, холода он не чувствовал, раз сидел тут уже несколько часов, да еще и в одной пижаме. Плохой признак. Зря я сюда сунулась.

Впрочем, признаки мне уже были и не нужны, я увидела линии его Духа, поврежденные с левой стороны. Крошечный, почти незаметный взгляду разрыв, маленькое пятнышко. Пока всего лишь точка, но она станет черной дырой, в которую может провалиться вся жизнь маленького фигуриста.

Я нервно обернулась, почти ожидая увидеть на крыше инквизиторов и проклиная себя за то, что согласилась взять заказ. Ведь чуяла, что дело неладно! Если сюда нагрянут «кровавые тени» придется убегать, не оглядываясь на мальчишку. Мне не нужны проблемы.

Но пока все было тихо, и я снова посмотрела на съёжившегося паренька.

– Какой тот самый? – пытаюсь выглядеть беспечной, спросила я.

– О котором все говорят, – с придыханием произнес Питер. – Ловчий может найти даже стекляшку на дне моря! И любого человека, стоит лишь понюхать его вещь.

– Насчет стекляшки не знаю, а вот человека найти могу.

– По нюху?

– По следу Духа.

– Это как?

– Линии Духа – это энергия, разве ты не знаешь? Особая духовная энергия, заполняющая наше тело и текущая по линиям. И у каждого человека эти линии свои, особенные.

Мальчишка восторженно охнул, рассматривая меня.

– И многих ты уже нашел?

– Достаточно, – хмыкнула я. Первой была сбежавшая из дома и попавшая в неприятности сестрёнка бармена из Глотки – Адриана. Тот поиск я выполнила бесплатно, просто чтобы отвлечься от невеселых размышлений. И еще не зная, куда это меня приведет.

– И что, ты их видишь – линии Духа? Разве это возможно? Никогда о таком не слышал.

– Похоже, что так, – протянула я. – Раньше не видел. Но потом со мной кое-что произошло.

– И на что они похожи?

Я задумалась, представляя то, что вижу. Как мир темнеет, а тени становятся глубже. Краски сгущаются, словно в каждую кто-то невидимый добавляет ультрамарин и фиолет, а углы и контуры обретают особую острую резкость.

Люди стираются. Их лица, наряды, тела. Все это становится неважным. Словно слетают пустые маски. Люди становятся призраками, бесплотными силуэтами, внутри которых...

– Линии Духа похожи на созвездия. У каждого – свое. Несколько основных звезд и тонкие штрихи соединений. У кого-то этих ярких точек всего три или четыре – на ладонях, у сердца и лба. А у некоторых больше десятка. Понятия не имею, отчего это зависит... Да. Я вижу это как россыпь звезд на темном небе. Каждый носит внутри свое собственное созвездие, Питер, удивительное и неповторимое. Твое напоминает снежинку. Снежинку из звезд.

– Ух ты, – восхитился мальчик. – А папа говорит, что линии – они как кровеносные сосуды или нервная система. Просто черточки – от одной руки до другой. Никаких звезд.

– Похоже, твой отец – ужасно скучный тип, – буркнула я, уже жалея, что рассказала Питеру о своих видениях. Все дело в том, что я не могла смотреть на черную точку у его сердца. И в то же время она притягивала меня.

– Точно, – вздохнул потеряшка. – Мама говорит, у папы вместо линий Духа – финансовые расчеты и биржевые сводки. – Он снова покосился на меня. – Только ведь рассказывали, что Ловчий старый, ему уже лет сорок!

– Ну прости, что разочаровал.

– И еще что у Ловчего огромный нос, которым он может учуять любой запах, – сообщил Питер, рассматривая мой нос, совершенно обычный.

А потом поджал губы, сообразив, зачем я здесь.

– Тебя позвали мои родители? Я к ним не пойду. Я никуда не пойду! Я... прыгну! И не подходи ко мне!

Я пожала плечами.

– Тебе что, все равно? – возмутился мальчик.

– Точно. Мне заплатят в любом случае. Даже если я найду тебя в виде кровавой лепешки на мостовой.

Пухлые губы и длинные девчоночьи ресницы задрожали.

– И что, ты не будешь меня останавливать?

Я демонстративно зевнула, не потрудившись прикрыть рот рукой.

– Это твой выбор. Я не могу заставить тебя жить, если ты этого не хочешь. Но пока ты все еще целый, можешь рассказать мне, почему решил стать фаршем. Перескажу потом твоим убитым горем родителям. Твоя мама места себе не находит, извелась вся, пока ты тут прячешься.

Питер уставился во все глаза.

– Ты это... не понимаешь!

Я снова пожала плечами.

– Со мной что-то случилось. Вчера! На ледовом празднике. Мы показывали постановку «Лесная история», когда я упал. Я упал! Да я катаюсь с трех лет! На коньках стою лучше, чем без них! А тут грохнулся как новичок!

– Все иногда падают.

– Я... я как-то неправильно упал!

– Ты что-то почувствовал? – Я повернула голову, цепко всматриваясь в лицо парнишки. – Перед тем, как свалиться на лед? Страх, злость, панику?

– Я испугался, – неуверенно произнес Питер. – Только сам не знаю, чего... Все шло как обычно. Ханна снова запорола либелу, вот

глупая девчонка... А я...вдруг испугался. И тут лезвие на левой ноге треснуло, и я грохнулся.

– Ты видел кого-нибудь? Заметил что-то необычное?

– Что? Нет, говорю же, все как всегда... Я же с пяти лет выступаю! Только внутри как-то сжалось...Словно воздух исчез. Но лишь на миг. Может, мне это лишь привиделось...

– А люди? Успел кого-то разглядеть?

Мальчик глянул на меня с неким превосходством.

– Танцоры не замечают зрителей.

– Что, совсем никого? Может, хоть кто-то запомнился?

– Ну...– Мальчик задумался. – Тетка там стояла, в шапке такой, как гнездо. У бортика была девушка в лисьей шубе, подальше – мужчина в черном пальто...Старик дымил трубкой. Ребята из другой школы, зачем только притазились... Еще парень в серой куртке, но тот в стороне был, он, кажется, и не смотрел вовсе...

– Ясно. – Похоже, ничего толкового он рассказать не сможет. Хотя на что я надеялась? Он всего лишь подросток. – У тебя раньше ломались коньки?

– Да никогда! Их же проверяют! Сказали, брак какой-то...

– И тебя отвезли в больницу. Ты чувствовал себя нормально, только жар и озноб не проходили. И, наверное, пока ты спал, твоя мама увидела нечто необычное. Так?

– Да... Откуда ты знаешь? Но я уснул. А потом... потом...

– Утром проснулся. Водички захотел?

– В туалет, – смутился мальчишка. – Ну я откинул одеяло и тут.. бац!

Я подняла брови.

– Я не смог встать! – едва не плача прошептал Питер. – И даже пошевелиться! Испугался жутко... Лишь одна шея и поворачивалась. Кое-как присмотрелся, а мое тело примерзло к матрасу! Целиком покрылось коркой льда! От пяток до подбородка! Я сначала не понял, хотел закричать, а потом... потом...

– Потом понял, – закончила я.

– Ага, – ссутулился он так, что лоб почти уткнулся в колени. – Мои линии Духа повредились. Я стал... стал...

– Деструктом, – подсказала я.

– Порченным!

– Ну если тебе так больше нравится. Что было дальше?

– Я попытался выбраться из ледяной корки, да только руки ободрал. А потом бац – и лед растаял. Просто растекся лужей. И вот странность – все промокло, а я остался сухой...

– Покажешь?

– Я не знаю, как этим управлять!

Я мотнула в его сторону головой и сказала: «Бу!».

Питер ойкнул и удивленно посмотрел на свой сжатый кулак. Медленно раскрыл ладонь, на которой лежала горсть снега и льда.

Придержав парнишку за шиворот пижамы с котятами, чтобы и правда не свалился со скользкого карниза, я с интересом осмотрела его руку.

– А как это ты тут? – не понял мальчик, тараща изумленные глаза. – Ты же там сидел! Далеко! А потом раз – и хватя меня!

Я потыкала в лед пальцем, и он растаял, словно испугавшись. Питер брезгливо потряс ладонью, смахивая капли.

– Я стал монстром! – патетически выкрикнул он. – Чудовищем! Меня казнят?

– В Империи действует мораторий на смертную казнь.

– Значит, упекут в Пески, а это еще хуже! Там живут демоны! О Истинный Дух, я обречён! Я боюсь! Что мне делать?

– Ну для начала, не надо так орать. Конечно, если не хочешь привлечь чужое внимание.

– Но инквизиторы...

– Инквизиторов здесь нет, только я, – со значением произнесла я. —Твоя мама оказалась разумной женщиной. Похоже, она заметила неладное еще вчера. Или увидела лед на твоём теле и сообразила, в чем тут дело. Вот и не стала обращаться в полицию. Думаю, с персоналом клиники она сумеет договориться, чтобы твое исчезновение посчитали лишь глупой мальчишеской проказой. Никто не узнает, Питер.

– Но...

– Этим, – кивнула я на его руку, уже снова самую обыкновенную, с мозолью у большого пальца и следом от чернил. – Можно управлять. И с этим можно жить. Если ты захочешь.

– Что? – Теперь Питер даже рот открыл от изумления. Похоже, такая кощунственная мысль даже не приходила в его голову. – Жить?

То есть... скрывать?

Я кивнула.

– Но как? Разве это возможно? Скрыть ото всех, что я – деструкт?

– Маме можешь сказать. Она поможет. Она и так уже знает.

– Но этот лед... Он вылезает, понимаешь? На руках, ногах, даже животе! Ужасно!

– Научишься контролировать.

– Это невозможно!

– Да что ты, – насмешливо усмехнулась я.

– Я не смогу!

– Ну как знаешь, – пожала я плечами.

Прыгать на мостовую Питер явно передумал и уже не пытался от меня отодвинуться. В его глазах лихорадочно бились мысли. Это и понятно, никто не хочет умирать в тринадцать лет. Останавливало парня лишь одно:

– Но это ведь... незаконно? Я должен доложить... сказать!

Я хмыкнула. Ох и трудно с этими примерными мальчиками. С бунтарями куда проще, те сразу ищут лишь одну возможность – выжить.

– Если хочешь и дальше жить с мамой и папой, ходить в школу и кататься на коньках – научись себя контролировать. И да – молчать.

– Но я стал чудовищем!

Вбитые в голову устои сражались в его душе с нежеланием умирать. Разум боролся с инстинктом самосохранения, требующим сделать так, как я предлагаю.

Питер боялся, а я не мешала ему выбирать. Это его путь, пусть решает сам.

– Говорят, деструкты со временем делаются совершенно безумными, – едва слышно прошептал Питер. – Разорванная линия Духа гниет внутри и разрушает тело. Кожа и волосы выцветают и делаются темно-серыми, а глаза багровыми, как у демонов преисподнии. А еще у деструктов появляется жажда человеческой крови и мяса. Потому их и отправляют в Пески. Чтобы они не навредили нормальным людям.

– И кто тебе все это сказал?

– Святой отец из нашей церкви... Да все это знают! И в газетах пишут...

– А может, все это вранье, – оборвала я. – Теперь у тебя есть шанс узнать правду.

– Но почему? – Мальчишка все-таки заплакал. – Почему это случилось? Почему со мной?

Увы, я могла сказать лишь то, что пишут в учебниках. Вряд ли Питер узнал от меня что-то новое, но слушал внимательно.

– Все дело в низкочастотных вибрациях, – негромко произнесла я, задумчиво рассматривая окутанные серебряной дымкой кроны деревьев и темные силуэты ангелов, застывшие на постаментах у изгибающейся вдали реки. Когда-то люди верили, что они охраняют от сил зла. Пока не поняли, что зло – сами люди. – Наше тело изначально создано безупречным, но эти вибрации его разрушают. А создают вибрации не злые демоны, а мы сами. Своими мыслями, эмоциями и поступками. По сути, мы сами вырабатываем то, что разрывает человеческий Дух и заставляет болеть или изменяться тело. Темные колебания провоцируют разрывы на линиях Духа. А разрыв... разрыв имеет последствия.

– Я знаю про темное эхо! Но ведь на празднике все было в порядке! Люди веселились!

Все верно. Есть то, что укрепляет линии Духа, а есть то, что провоцирует разрыв. Темное эхо – это темные эмоции, пороки и преступления, которые разрушают человеческие линии силы.

– И все же это случилось, – вздохнула я. – Да, все знают о разрушительных эмоциях, которые могут создавать опасный фон. Злость и ненависть, гнев и обида, тоска и сильное горе... Теневая девятка, описанная еще в первой «Книге Духа». Ты прав, на праздниках редко появляется темное эхо, но ведь дело не только в нем, Питер. Низкие частоты почти всегда присутствуют в людской толпе, увы, чтобы избежать их, надо переделать человеческую природу. Но пока лишь Совершенные достигли нужного уровня Возвышения. Возможно, твои линии Духа оказались слабее, чем у других. А может, ты попал в блуждающий вихрь или яму скверны. Может, когда-то на месте этого катка случилось нечто страшное, и остался темный вибрационный след. Такое тоже иногда случается. И даже миротворцы не всегда могут это отследить и предотвратить, – медленно произнесла я.

Когда ученые выяснили правду о линиях Духа, то обнаружили вихри и ямы. Первые существуют недолго, но могут перемещаться, вторые долговечны и образуются в местах гибели людей, особенно если эта гибель была массовой и насильственной. Потому рядом с городами, отмеченными в прошлом сражениями и битвами, веерами стали вырастать новые поселения с теми же названиями, но с приставкой «Нью». Потому никому не пришло в голову восстанавливать уничтоженный Вавилон.

Но увы, на землях Империи давно не осталось безупречно чистых мест, везде ученые обнаруживали и ямы, и блуждающие вихри, и темное эхо.

Исследователи до сих пор спорят о низких частотах, природе разорванных линий, их причинах и последствиях. Несомненно одно – люди своими чувствами, мыслями и поступками оставляют в пространстве следы. И они поражают других людей. Потому так важна работа миротворцев – тех, кто способен усмирить негативные выбросы.

Я на миг прикрыла глаза, вспоминая падающий на мои губы снег и высокий силуэт быстро уходящего мужчины.

– А еще порой рождаются разрушители, – едва слышно пробормотала я. И это особенная категория опасности. Та, которая не поддается логике, но представляет смертельную угрозу для всего мира.

– Но мама говорила, что на празднике будут миротворцы! – вернул меня на крышу испуганный мальчик.

– Даже они не всеильны. Мне жаль, Питер.

– Но что же мне делать?

– Питер, послушай меня. Сейчас твой разрыв похож на крошечную черную точку. Да, он будет разрастаться. Но на это уйдут годы. Я скажу тебе большой секрет, но на самом деле у человечества нет прибора, чтобы увидеть разрыв.

– Что? Но я думал...

– Все так думают. А на самом деле зафиксировать линии Духа совсем не просто. К тому же это порицается святыми отцами и даже незаконно.

И за это большая хвала верховному понтифику церкви Истинного Духа, который уже несколько десятков лет противится созданию подобных инструментов и считает их кощунством!

– Но инквизиторы ловят порченных!

– Чаще всего деструкты просто себя выдают. Как ты. Они пугаются, злятся, не понимают. Убегают и ведут себя странно. Некоторые заболевают, а другие...меняются. А еще у них проявляются необычные способности. Именно это их и губит, Питер. Но если выучить правила, то можно выжить.

– Правила?

– Будь осторожен. Не привлекай лишнего внимания. Никому не рассказывай. Научись управлять своими способностями. Научись их скрывать. Держись подальше от инквизиторов.

Некоторое время мальчик молчал, переваривая мои слова.

– И... что со мной будет дальше?

– Тебе всего тринадцать, может, уже завтра кто-нибудь из Совершенных сделает открытие – и твой разрыв исцелят. Надо просто подождать.

– Правда?

Я кивнула, надеясь, что выгляжу достаточно убедительно.

– А пока этого не случилось...Есть один напиток, он позволяет временно залатать прореху. Не соединить, нет. Заштопать белой ниткой, на время. К тому же он помогает совладать со своими изменениями и утихомирить бунтующий Дух.

– Волшебный напиток? – оживился мальчик. – Но где его взять?

– Я зову это пойло «зельем». На вкус жуткая гадость, как и все взрослые напитки. Твоя мама сможет покупать его там же, где искала Ловчего, в баре «Глотка».

– И это зелье мне поможет?

– Не узнаешь, пока не попробуешь.

Подмигнув Питеру, я легко выпрямилась и, оперевшись одной рукой на карниз, запрыгнула на крышу. Мальчик изумленно крикнул, увидев это.

Кто-то сказал бы, что нечестно продавать «зелье» за деньги, но я бы на это лишь рассмеялась. В конце концов, мне пришлось пережить немало неприятных моментов, доводя лекарство до нужного состава. Ну и потом зелье стоит ничуть не дороже бесполезных для деструкта уроков скрипки, а у меня никогда не было тяги к альтруизму.

– Если ты передумал лишать себя жизни, Питер, то идем. Твое тело перестраивается, поэтому сейчас ты не чувствуешь холода. А вот

я уже основательно замерз.

Кряхтя, мальчик начал выпрямляться, но одеревеневшее тело не слушалось, кренилось вперед и соскальзывало в пропасть. Питер ахнул, падая, схватился за крышу и застыл. Его ладони покрылись толстой коркой льда, приковавшей мальчика к карнизу и не дающей рухнуть вниз.

Я торжествующе улыбнулась. Конечно, был риск, что Питер действительно грохнетя, но первое, что должен ощутить в такой ситуации человек – это желание жить. И раз юный фигурист цепляется за крышу даже с помощью пугающих его способностей, значит, все с ним будет в порядке.

– Вот видишь. Уже неплохо!

Спустя десять минут всхлипывающая госпожа Тато обнимала сына. На ее руке блестел белый браслет. Я, отмахнувшись от потока материнских благодарностей, написала на бумажке номер счета, куда следует перевести внушительную оплату, и ушла. Мальчик догнал меня уже у выхода.

– Постой!

Я обернулась. Питер – все еще в пижаме, рваной на рукаве, взлохмаченный и серьезный, – мялся с ноги на ногу.

– Я хотел сказать «спасибо»... И вот еще...

Он подался ко мне, всматриваясь в лицо.

– Я, кажется, понял. Ты... ты такой же, да? Такой же, как я? – страшным шепотом произнес он, косясь на редких посетителей клиники.

Я насмешливо подняла брови.

– Понятия не имею, о чем ты. Прощай Питер.

Глава 13. Представление начинается

Конечно, я проигнорировала пожелание Дамира явиться в синем. Села в его автомобиль, и несколько минут куратор рассматривал мои темно-каштановые, почти черные волосы, уложенные холодной волной и сколотые у виска, орехово-карие глаза и луком изогнутые губы. А еще – снежно-белое платье с корсетом и атласной юбкой, тяжелые хрустальные серьги и короткую серебристую шубку, накинутую на плечи. Последним штрихом моей новой Маски стала приметная родинка над верхней губой.

Ну и конечно – ни капли синего цвета.

– Порой мне кажется, что тебе нравится меня злить, Кассандра, – протянул он, улыбаясь.

– Порой мне кажется, что тебе нравится на меня злиться.

Коротко рассмеявшись, Дамир кивнул.

– Что ж, должен признать: белое платье тебе безумно идет. Ты кажешься такой... чистой.

– Потому я и люблю маски. Люди всегда видят лишь то, что я хочу им показать.

Дамир моргнул удивленно. Потом протянул руку и вытащил роскошную плоскую коробочку с золотым логотипом самого дорогого ювелирного магазина Старограда

– У меня для тебя подарок, Кэсс.

Я не пошевелилась, и Дамир сам откинул крышку. В бархатном гнезде лежала подвеска – темно-синее граненое сердце на тонкой цепочке. Я не смогла сдержать восхищения. Все-таки я всегда любила украшения.

– Я его не возьму, – отказаться было сложнее, чем я думала!

– Это мои извинения. – Дамир смущенно опустил взгляд. Его скулы слегка порозовели. – Позволь мне принести их. Я... виноват и вел себя неподобающе. Но ты очень дорога мне, Кэсс. Не хочу, чтобы ты считала меня врагом. Я твой друг и всегда буду заботиться о тебе. Позволь мне загладить свою вину?

– Лишь извинения?

– Будь это чем-то большим, я бы купил цветы, – улыбнулся он. – Самый роскошный букет в оранжерее экзотических цветов! Твои любимые лунные орхидеи. Но это лишь извинения, Кэсс. Прошу, прими их.

Я нахмурилась, стараясь не смотреть на сапфир. Ну почему, почему он такой красивый! Чертов камень просто притягивал мой взгляд и пленил душу! У меня даже руки задрожали от желания взять его! Проклятый Дамир знал мои слабости.

– На мне уже надеты серьги, – сделала я еще одну попытку устоять перед искушением. – А надевать сразу и серьги, и подвеску – признак дурного вкуса!

– Тогда мы оставим серьги здесь.

Дамир, смущенно улыбувшись, потянулся и осторожно вытащил из моей левой мочки петельку. Его пальцы задели мою щеку, и я заметила, как дернулось мужское горло. Сняв серьги, он положил их в коробку и достал подвеску. Протянул руки, чтобы надеть, но я забрала украшение и сделала это сама. Замочек щелкнул на шее, и синий камень расположился в ложбинке груди.

Безумно красиво!

– Спасибо, Кэсс.

Дамир выглядел таким довольным, словно это он получил подарок. Что ж, если мой куратор решил таким образом восстановить мир между нами, то не буду противиться. Вкус у Дамира всегда был отменным, и он точно знал, чем меня порадовать.

Все еще улыбаясь, Дамир завел мотор и медленно выехал за ворота Аннонквирхе.

За годы проведенные в Старограде я так и не удосужилась посетить знаменитый Люпьянский театр. Монументальное строение располагалось в центре города и напоминало одновременно древний храм, таинственный замок и роскошный дворец. Перед центральной лестницей высилась высеченная из мрамора десятиметровая статуя Святой Агапены – покровительницы искусства.

Мы поднялись в фойе, и услужливый камердинер с поклоном забрал мою шубу и пальто Дамира. Зеркальные стены отразили наши фигуры, и на мгновение мелькнула мысль – как хорошо мы смотримся вместе. Высокий и широкоплечий молодой мужчина в смокинге – и тонкая девушка, облаченная в белое, с синим сердцем на груди...

Я отвернулась. Зеркала, как и Маски, тоже показывают лишь внешнее и зачастую – ненастоящее.

Фойе и лестницы, устланные дорожками, сияли и переливались от света многочисленных хрустальных люстр, а еще – драгоценных нарядов и украшений гостей. Из-за красного и золотого убранства театр напоминал роскошную бархатную шкатулку столичной модницы, до верха набитую блестящими камушками.

Многочисленные гости уже прогуливались по искусно украшенным коридорам и собирались в залах. Вышколенный дворецкий сопровождал нас с Дамиром в гостиную для особо важных гостей, миротворцев и Совершенных. Здесь за бокалом игристого вина можно было насладиться звуками арфы и дожждаться начала представления.

Но меня великолепное убранство театра не волновало, я вертела головой, высматривая среди парчовых сюртуков и бархатных камзолов профессора Хакала. Больше всего я боялась, что прославленный ученый окажется нелюдимым затворником и проследует в свою ложу по тайному коридору, минуя остальных гостей. Но к счастью, мои опасения оказались напрасными. Альберт Хакал топтался в кругу почитателей, поблескивая огромными круглыми очками в черепаховой оправе. На вид ему было около пятидесяти, но выглядел он бодрым и совершенно здоровым, хотя я точно знала, что возраст профессора уже перевалил за сотню лет. Но Совершенство означает не только выдающиеся способности, но и долголетие. Дух Совершенного исцеляет тело, раз за разом обновляет органы, ткани и нервную систему. Дух латает любые прорехи организма. Потому что именно Дух – основа всего.

Профессор Хакал при желании мог бы выглядеть и юношей, но вероятно, считал подобный образ слишком легкомысленным. Или, как и многим ученым, ему было плевать на внешнюю красоту, а тело он воспринимал просто оболочкой и требовал от него лишь удобства и выносливости.

На миг я застыла, рассматривая Совершенного. Прищурилась, пытаюсь увидеть линии его Духа, но ничего не получилось. То ли с теми, кто достиг столь высоко уровня развития, мои приемчики не работали, то ли здесь было слишком много людей, мешающих сосредоточиться.

На другой стороне гостиной толпа собралась вокруг четы Бергут и Юция Наратуйя – известного парфюмера, прибывшего их восточной столицы. Юций – subtilный и щуплый, как подросток, был облачен в жесткую, стоящую колом золотую тогу, открывающую худые загорелые руки, выпирающие птичьи ключицы, тонкую шею и абсолютно лысую голову. Его грудь украшали ряды нанизанных на нить драгоценных камней, бусин и колбочек, а череп усыпала перламутровая пыльца. Я порылась в памяти и вспомнила газетные заголовки, кричащие о новой коллекции невероятных духов Дома Наратуйя. Ароматная вода, созданная Совершенным, меняла не только запах счастливого обладателя крошечного пузырька, но и управляла его настроением. Делала несчастных – радостными, а раздраженных – спокойными. Дарила уверенность тем, кто сомневался в себе, и говорят – даже приманивала удачу.

На груди Юция поблёскивал его воплощенный Дух – матовый пион, висящий на тонкой цепочке.

На миг мое сердце кольнуло. Я вспомнила другой цветок – лотос, разбившийся от неловкого движения. Но тот бутон был слишком хрупким, чтобы пережить даже дуновение ветерка.

Пион Юция, несмотря на лунную прозрачность, был тверже железа.

Рядом с невозмутимым, застывшим, словно золотой божок, королем ароматов улыбались Вилли и Луиза Бергут. Супруги проектируют и возводят удивительные фонтаны – как одиночные, так и огромные комплексы. Они даже работали над оформлением янтарного дворца, построенного в западной столице. Говорят, водные струи вокруг здания сплетаются в сверкающую сеть и складываются в живые картины – каждый день новые.

Сегодня чета Бергут оделась в белое, как и золото – это был традиционный цвет Совершенных. Вилли выбрал для выхода роскошный смокинг, а шикарное платье его супруги, сплошь усыпанное жемчугом и бриллиантами, поражало воображение и вызывало восторженные аплодисменты. Вилли принимал овации со снисходительным безразличием, а сама Луиза – удивительно юная и похожая на прекрасную русалку, улыбалась, стоя в кругу рассыпающихся от платья искр.

Руки супругов обвивали одинаковые парные браслеты, созданные из воплощённого Духа и показывающие принадлежность к Пантеону. Предмет Духа – атмэ, нельзя спутать ни с чем другим, нельзя подделать или украсть, ведь это не что иное, как часть самого Совершенного. И первое, что делает миледи или милорд, достигая Возвышения, это создает атмэ. У каждого он свой, но всегда представляет собой изысканное украшение. Даже герб нашей Империи состоит из трех символов: корон-атмэ, созданных императором Константином, проживающим в северном Неварбурге и его наместниками из восточной и западной столиц.

Говорят, раньше корон было четыре, но падение Равилона изменило даже герб.

На миг я представила, что создала бы, доведись мне войти в Пантеон.

Может, изящную диадему, как у известной светской красавицы Софии Бенуа? Или массивное литое ожерелье, что носит на шее императорский советник Гафур? А может, скромное матовое кольцо, подобное тому, что поблескивает на пальце верховного понтифика Густава?

А может, слезовидную подвеску, которая украшала шею Аманды Вэйлинг?

Я усмехнулась своим мыслям. В любом случае, вряд ли это было бы нечто скромное!

Впрочем, какая разница? Мне никогда не попасть в Пантеон.

Я снова оглянулась на чету Бергут, которая однажды приезжала к моему отцу в Нью-Касл. В моих детских воспоминаниях остались засахаренные яблоки в руках смеющейся Луизы, и полные обожания взгляды Вилли, которые он дарил супруге.

Сейчас муж и жена смотрели в разные стороны, но выглядели вполне довольными собой и жизнью.

Впрочем, так выглядят все Совершенные. Красивые до мурашек, юные и немного отстранённые. Боги нашего мира, милорды и миледи с атмэ.

Если бы судьба оказалась ко мне добрее, сейчас и я была бы рядом с Луизой, улыбаясь и поддерживая ни к чему не обязывающий разговор о прекрасных нарядах и жемчугах...

На миг я ощутила злость ко всем этим людям, смеющимся и попивающим дорогое вино рядом с Совершенными. Я могла бы быть одной из них, я мечтала об этом. Но судьба распорядилась иначе.

Я мотнула головой, отворачиваясь. Ничего, у меня все получится! Может, не так легко, как я планировала, но свой кусочек счастья я точно заполучу! Иначе я не Кассандра Вэйлинг!

Распрямив плечи, я снова посмотрела на профессора. Вот он как раз мало походил на Совершенного. Одетый в старомодный бордовый сюртук и замшевые штаны, вытертые на коленях, с нелепой бабочкой, заколотой дешевой булавкой, в которой я лишь со второго взгляда распознала атмэ, растрепанный и слегка неопрятный, он выглядел обыкновенным человеком. Ничего особенного. Правда, если не считать охватившую рядом с ним дрожь воодушевления.

Полководец, достигший Совершенства, может повести за собой тысячи солдат, и они с радостью отправятся за ним даже на смерть. Художник способен создать полотно, заставляющее исцеляться больное тело, а музыкант – написать гениальную музыку, утешающую душу. Ну а Совершенный ученый может не только сделать выдающееся открытие, но и заразить жаждой познания других исследователей. Потому любая академия Империи мечтает заполучить хоть кого-нибудь из Пантеона в ряды своих преподавателей, пусть и временных.

Пантеон – это мечта каждого в нашем мире. Совершенные – наши идолы и кумиры, стоящие на пьедестале. Каждый шаг и слово таких людей ценится выше десятков других. А самое невероятное, что достичь Пантеона – не безумная мечта, а шанс, который может предоставиться каждому. За выдающиеся заслуги каждый житель Империи может получить нейро-браслет, а с ним дойти до Возвышения собственного Духа.

Так что неудивительно, что даже вокруг скандального ученого в старомодном сюртуке уже собралась толпа почитателей и просто любопытствующих. Но у меня были свои планы на профессора, поэтому схватила с подноса проходящего официанта бокал и не обращая внимания на удивление Дамира, я пересекла зал.

– Милорд! Профессор Хакал! Неужели это вы?! Какое счастье увидеть самого Альберта Хакала, я большая поклонница ваших изысканий в области Линий Духа!

– В самом деле? – Ученый поднял седые кустистые брови, рассматривая меня. – Приятно увидеть столь очаровательную юную ученую...

– Ну что вы, я всего лишь студентка Аннонквирхе, кафедра Миротворства. – Я снова ослепительно улыбнулась и протянула руку, которую профессор осторожно пожал. – Кассандра Вэйлинг.

– Вэйлинг? Неужели? Вы дочь Аманды?

Я кивнула, и взгляд мужчины стал внимательнее. Впрочем, так происходило всегда. Кто не слышал о Несравненной Аманде? И кто не пытался увидеть во мне ее черты?

– Вижу семейное сходство. Вы действительно похожи, – подтвердил мои мысли Альберт и, увидев мое удивление, улыбнулся. – Ах, вы думаете о вашей Маске... Не забывайте, милая, я все-таки Совершенный. А еще я стар. – Он осторожно тронул прядь моих темно-каштановых волос. – Вы и правда похожи на вашу матушку...

Я привычно изобразила вселенскую скорбь.

– Мне это говорили. Но не будем портить столь прекрасную встречу грустными разговорами. Профессор! – Я мягко прихватила профессора за локоть, беззастенчиво уводя от толпы почитателей. – Полгода назад вы опубликовали удивительную статью о Линиях Духа. Признаться, я была в восторге, читая ваши исследования.

– Неужели вы их читали?

– Конечно! И с большим удовольствием! Вы гений, милорд. Хотя ваши выводы и вызвали жаркие споры в Ассамблее ученых.

– Ах, эти консервативные ретрограды! – Альберт сердито сверкнул очками, а я скрыла довольную улыбку. Эмоции всегда помогают разговорить человека. Даже – Совершенного. – Они усомнились в моих исследованиях! Назвали их ересью и даже кощунством!

– Просто ваши выводы о Линиях Духа кажутся невероятными, – успокоила я. В толпе мелькнуло мрачное лицо приближающегося Дамира, и я заговорила быстрее. – Но они поистине чудесны, профессор. И лично я считаю, что они достойны всестороннего изучения и поддержки самого императора. Вы написали, что разорванные Линии Духа можно восстановить. У вас это действительно получилось? Но как?

– О, вижу пытливым ум, – просиял Хакал. – Признаться, удивлен... Красивые девы нынче не торопятся изучать науку...

– Как вы получили результат? Какие использовали ингредиенты? А оборудование? Это что-то инновационное? – не сдержалась я, и профессор удивленно заморгал.

Над толпой прозвучал звонок, призывающий в зрительный зал. И мой собеседник с извиняющейся улыбкой пожал мою руку.

– Думаю, нам стоит поговорить позже, юная госпожа Вэйлинг. Я вижу ваше рвение, но сейчас самое время настроиться на прекрасное. Сегодня выступает Сладкоголосая Амалия, я знал ее еще крохой... Изумительный, невероятный голос. Колоратурное сопрано и прекрасное бельканто.

– Но...

Прозвенел второй звонок.

– Между прочим, у милой Амалии – золотой браслет, — подмигнул старик. – Кое-кто из ее завистников даже писал Святой Инквизиции кляузы с требованием причислить голос Амалии к оружию, ведь она способна оглушать подобно мифической банши! И даже – ранить... Ах, какой был скандал! К счастью, все обошлось. Тридцать лет прошло, а все как вчера...

– Но милорд...

– Я буду рад обсудить с вами мои работы завтра, милая Кассандра. За обедом. Моя кухарка готовит великолепного ягнёнка с бататом и баклажанами. Навестите меня? Я пришлю за вами своего поверенного. Ваша мама – выдающаяся личность, и я буду рад пообщаться с ее наследницей... Но сейчас нам пора в зал, не будем задерживать представление.

Понимая, что больше ничего не узнаю, я выдавила неловкую улыбку.

– Конечно, милорд Хакал. Я буду счастлива навестить вас!

Профессора перехватила дородная дама в алом платье и повела его к императорским ложам. А мою талию обвила рука Дамира.

– Не знал, что ты интересуешься наукой, – протянул он.

Я хотела огрызнуться: ты многого обо мне не знаешь, но все-таки сдержалась и промолчала.

– Ладно, где там эта сладкоголосая банши? – проворчала я. – Неужели придется три часа слушать ее завывания?

– Не будь столь невыносимой, – улыбнулся Дамир, сжимая мою талию. – Нам сюда. Конечно, не императорская ложа, как у Совершенных, но тоже вполне удобная.

За бархатными занавесями и светлыми дверьми располагались наши места – удобный диванчик на две персоны. Внизу лежал зрительный зал, изогнутый как подкова и уже полностью заполненный зрителями. Сцена из оникса медленно светлела под разгорающимся лучом, а шумная толпа, сверкающая и сияющая, затихала. Я бросила еще один расстроенный взгляд в сторону профессора. С моего места было хорошо видно и его, и мужеподобную женщину в алом, которая сейчас что-то шептала Альберту на ухо. Слева в соседней ложе восседал Юций Наратуйя, за его спиной стояли сразу три юные девы, едва прикрытые крошечными кусочками ткани, и мальчик с подносом, полным нарезанных фруктов.

Я снова перевела взгляд на профессора. Уже завтра я смогу с ним побеседовать! И на этот раз никто не помешает мне выведать все тайны ученого! Полгода я искала способ увидеться с Хакалом, но найти Совершенного оказалось не так-то просто. И вот наконец повезло! Пожалуй, за это даже стоит сказать Дамиру спасибо.

Взгляд скользнул вправо от профессора, и я удивленно нахмурилась. Там, прячась в тенях бархатных занавесей, сидел старик. Среди миротворцев и уж тем более – Совершенных – не найти человека, столь откровенно отмеченного печатью времени. Старость Хакала выглядит респектабельной и по-своему красивой. Но мужчина, в одиночестве сидящий в императорской ложе, выглядел настоящей развалиной. Я видела лысый череп, туго обтянутый желтоватой пергаментной кожей, худой горбатый нос, руки, сложенные на набалдашнике трости и усыпанные коричневыми пятнами. Прикрытые морщинистыми веками глаза. Похоже, старик просто дремал, забыв, где находится.

Среди толпы безусловно красивых людей, одетых в шелк и парчу, сияющих свежестью юности и драгоценностями, дряхлость этого мужчины казалась почти... аморальной. Отталкивающе неправильной. Но кто он? Неужели в императорской ложе сидит обычный человек, неспособный улучшить собственную внешность? Тогда как он попал туда?

– Кто это? – повернулась я к Дамиру.

Тот мазнул взглядом по императорской ложе и отвернулся.

– Я... не знаю.

– Ты так и не сказал, зачем мы здесь? И какое задание должны выполнить?

– Представление начинается, Кэсс.

Поняв, что Дамир ничего не скажет, я перевела взгляд на сцену. Декорации изображали маленькую рыбацкую деревушку, на фоновой картине шумело море. Такое реальное, что я чувствовала бриз, ласкающий щеки, и соленые капли. Конечно, самую прославленную сцену Империи украшали художники с нейро-панелью на руках. Эти работы создавали удивительный эффект присутствия.

– И о чем эта опера?

Дамир тихо рассмеялся.

– Ты очаровательно необразованна, Кэсс. «Гликерию» изучают еще в школе, но ты, вероятно, предпочитала заткнуть уши наушниками с какой-нибудь непозволительной историей.

Моргнув, я повернулась к Дамиру, и тот улыбнулся.

– Конечно, я знал о твоих милых шалостях. Я всегда очень внимательно смотрел на тебя, Кэсс. Признаться, тогда меня поразила твоя дерзость. Ты была единственной ученицей, способной на подобное своеволие. И часами гадал, что именно звучит в твоих ушах. А потом не выдержал и стащил твои наушники вместе с проигрывателем.

– Так вот куда они пропали! – возмутилась я.

– Прости, – развел он руками. – Не удержался. И был очень удивлен тому, что услышал. Удивлен и...обескуражен.

– И что, – задрала я нос, не испытывая ни капли смущения. – Я всегда была очень любознательной!

– И любила делать то, что тебе запрещают. Кстати, об удивительном. – Дамир вдруг взял мою ладонь, мягко провел пальцем по коже – там, где она соприкасалась с золотым браслетом.

За прошедшие пять лет я так свыклась со своей панелью, что совершенно перестала ее замечать. Словно она всегда была частью моей руки.

– Ричард вчера сказал одну странную вещь... Что ты не прикасаешься к деньгам, которые он тебе переводит. Счет не тронут ни

разу за годы обучения в Аннонквирхе. Но тогда откуда твои наряды, украшения, автомобиль? Откуда все это, Кэсс?

Я обожгла куратора злым взглядом, попыталась вырвать ладонь, но он не отпустил. Держал мягко, но сильно. Словно нежные кандалы, из которых не выбраться.

– Хочешь узнать, кто оплачивает мои счета? Тебе назвать все имена?

– Имена? Вот как... – Мужские пальцы сжались крепче. – Да, я хочу их услышать. Все имена. Потому что есть еще одна странность. В академии все знают, что у тебя куча любовников, но никто не может назвать конкретные фамилии. Удивительно.

Его пальцы погладили кожу у запястья. Я задержала дыхание, надеясь, что пульс не начал частить. Дамир улыбался ласково, но что-то в последнее время я перестала верить его улыбкам. Да и в глазах застыло настороженное внимание.

– Тебе-то какая разница, с кем я сплю? – огрызнулась я.

– Мне начинает казаться, что я позволил тебе водить себя за нос, Кэсс... – задумчиво протянул Дамир, продолжая держать мою руку. – И мне есть разница. Я хочу знать имена...

Я приблизила свое лицо к его, заглядывая в расширенные зрачки зелёных глаз.

– А не пойти ли тебе к черту, Дамир? Ты мой куратор, а не мой муж или брат. Ты забываешься.

Он посмотрел на мои губы. И я ощутила учатившийся ток его крови в наших соединенных руках.

– Ты права. – Дамир медленно разжал пальцы. На его лице появилось странное сосредоточенное выражение. – Я не твой муж. Я забываюсь. Не злись на меня.

Я выдохнула, гася вспышку раздражения. И толику прокатившегося по спине страха. Дамир подобрался слишком близко к правде. Но я снова оказалась умнее и предусмотрительнее и давно придумала ответ даже на этот вопрос. Дамир ничего не узнает. Никто ничего не узнает.

На сцену, купающуюся в медовом свете искусственного рассвета, высыпали босоногие девушки в хитонах. Закружили в танце, раскидывая лепестки роз.

Луч света собрался в центре, и в его столбе появилась прима Амалия, медленно опускающаяся сверху. Зависнув в воздухе, певица сделала оборот, и шелка ее платья разлетелись подобно раскрывающемуся цветку.

Очень красиво.

Амалия запела, и даже меня – совершенно далекую от искусства – поразил ее чистый голос. Зал почтительно замер, восторженно внимая божественному голосу.

– О чем она поет? – прошептала я Дамиру. – Я ничего не понимаю.

– Гликерия была дочерью рыбака и жила на берегу моря, – обрадовался тот и склонился ниже, почти к самому моему уху. – Купалась в волнах, ловила рыбу, плела сети и венки из морских цветов. Она была счастлива. Но когда девушке исполнилось пятнадцать, к их берегам пристал корабль местного короля. Жители деревни встретили правителя со всеми почестями, поселили в лучшей хижине, накормили самыми вкусными яствами. Король провел семь дней, гуляя по берегу и общаясь с жителями деревни.

Декорации сменились, теперь там приближался огромный фрегат. Ветер рвал паруса, на палубе виднелись загорелые дочерна моряки. Веселая песня обретала тревожные ноты. На берегу все еще царит оживление.

Актер с короной на голове ступил на берег, и танцоры закружили вокруг него. Прима Амалия, изображающая Гликерию, поднесла правителю венки из морских лилий.

– Спустя семь дней король собрался в обратный путь. Но не один. Он решил забрать с собой юную красавицу Гликерию. Увезти в свой город среди песков и сделать своей королевой. Вот только... прекрасная дева не оценила такой щедрый дар судьбы. Ведь она уже была влюблена. Ее единственной любовью стало море. И она не желала покидать своего возлюбленного даже ради того, чтобы править вместе с королем.

Я нахмурилась, глядя на разворачивающуюся на сцене драму. Актер в короне прижимал к себе приму, и ее песня становилась все пронзительнее. Танцоры кружили и взлетали к потолку, нарисованное море потемнело, а рассвет сменился закатом.

Я прикусила губу, поневоле увлеченная происходящим. Я все-таки вспомнила, чем заканчивается эта история. Голос Амалии дрожал у меня внутри, дергал невидимые струны души. Будил скрытое, то, что даже я не хотела вытаскивать на свет. Когда Амалия-Гликерия бросилась к морю, умоляя ей помочь, спасти от нелюбимого и оставить на берегу, я заморгала, сдерживая подступившие слезы. И тут же разозлилась. Да какого черта! Я не хочу все это испытывать! Не хочу рыдать, глядя как актриса умоляет бездушную стихию помочь ей!

Сюжет набирал обороты, декорации менялись, музыка звенела, и песня вилась под куполом театра серебряной нитью.

Несчастную Гликерию, влюбленную в море, связали золотыми путами и понесли на корабль. Король торжествовал. Его голос – сочный бас – оглушал властной силой. Жители деревушки заламывали руки и прощались с Гликерией.

«Возьми мою жизнь и душу, потребуй любую плату, но позволь остаться с тобой, о море!» – взывала юная дева.

И море ответило на мольбу. Забушевало набегающей волной, потемнело надвигающимся штормом.

Песня стала криком ужаса и плачем. Потому что бездушное и жестокое море услышало деву и пришло ей на помощь. Разбитый о скалы корабль короля пошел ко дну. А рыбацкую деревушку смыло волной, оставив лишь голый песчаный берег.

Жестокое море взяло свою плату.

На миг музыка оборвалась. В полной тишине на дно погружались актёры, дома и сама Гликерия.

В соседней ложе кто-то отчетливо всхлипнул.

Море выполнило просьбу девы и забрало все, что ей было дорого, сделав саму просительницу бессердечной русалкой, обреченной вечно топить корабли и людей.

У этой пьесы был и второй акт, но его содержание я помнила довольно смутно.

В зале, окаменевшем от эмоций, погас свет.

Некоторое время все поражено молчали, потом сбоку, там, откуда неслись всхлипы, послышался удивленный голос:

- Так и должно быть – без света? Интересное видение пьесы...
- Милый, что-то мне не по себе...
- Тише, Люси, это просто спектакль...

Дамир вдруг сжал мою руку.

– Кэсс, оставайся на месте.

– Что происходит?

– Не знаю. Надо проверить.

Дамир выскользнул за бархатную портьеру.

Негромкий женский вскрик нарушил напряженную тишину, и внизу вспыхнули крошечные огоньки телефонов. Их было совсем мало, использование мобильного плохо влияет на Дух, мало кто решает пользоваться этими устройствами...

Я перегнулась через бортик ложи.

В скудном освещении было видно столпившихся на сцене испуганных актеров и... размытые тени, движущиеся по проходу. И самое странное... сидящие в креслах зрители, кажется, их не видели! Никто не оборачивался вслед этим странным теням, никто не кричал!

Я прищурилась, пытаюсь рассмотреть больше. Одна из фигур остановилась и резко закинула голову, глядя наверх, и я увидела... череп. Жуткие белые кости, глядящие на меня! Череп в провале капюшона, а ниже – размытый, практически невидимый силуэт! И их было много. Тьма дробилась и размывалась, не давая понять, сколько именно внизу незваных гостей. Десять? Или несколько десятков?

Тот, кто смотрел наверх, махнул рукой, и тени устремились к императорским ложам.

«Череп» взмыл в воздух, словно и правда был лишь призраком.

– Это просто технические неполадки, Люси, – монотонно бубнил сбоку мужской голос. Он звучал приглушенно, словно человек говорил сквозь пыльное одеяло. Почему все кажется таким... глухим? И каким-то заторможенным? – Сейчас все наладится...

«Ничего не наладится!» – едва не крикнула я. Это нападение. Нападение деструктов! В смазанных тенях я улавливала тонкие Линии Духа и точки разрывов в них. Черные дыры, меняющие дух и тело. Эти деструкты были не чета мальчику Питеру... Эти были взрослыми. Сильными. И опасными!

Но зачем они пришли? Что им нужно? Деньги? Драгоценности? Люди?

Я хотела закричать, предупредить, но закрыла себе рот рукой. Я не могу закричать. Потому что я тоже не должна видеть этих призраков. Внизу теней почти не осталось, все они собирались у лож.

Вернее – у одной ложи! Той, где медленно поворачивал голову ничего не понимающий профессор Хакал.

Так вот за кем они пришли! За ним! Еще немного – и отступники утащат профессора!

Надо просто закричать. Потом сделаю вид, что испытала приступ женской истерики!

Но осуществить задуманное я не успела, потому что старик по соседству с Альбертом Хакалом выпрямился во весь рост, оказавшийся немалым, и ударил своей тяжелой тростью об пол.

Большинство людей не смогли рассмотреть того, что случилось дальше, но на мне была нейро-панель. И мои глаза обожгла вспышка белого света. Она начиналась у тела старика и росла-росла, пока не заполнила собой весь театр!

От изумления я едва не завопила. Я слышала о подобном, но не думала, что доведется увидеть! Древний старик не просто вынес Дух за пределы своего тела, он накрыл им все здание целиком! Да так мощно, что всех вокруг пригнуло к полу, не давая двигаться.

Белая ослепляющая волна хлынула потоком и сдернула мутную пелену, по чьей-то воле окутавшей театр. Тьму разорвало на клочья, и я увидела, что черепа – всего лишь алебастровые маски в провалах капюшонов.

Правда, от этого они не делались менее страшными.

– Нападение на Совершенных! – заорал кто-то.

Люди словно очнулись, начали озираться и конечно, сразу же завопили. Толпа внизу всколыхнулась, словно то самое нарисованное море, и понеслась к дверям. Женщины орала, мужчины ругались.

– Никакой паники! Выходим постепенно, дамы вперед... – Волна спокойствия и уверенности хлынула на перепуганных людей. Значит, миротворцы тоже очнулись от странного забытья и приступили к работе.

В ложе профессора визжала женщина в алом. Один из деструктов пробежал по стене, качнулся на занавесях, перевернулся и оказался перед лицом орущей. Один взмах рукой, на которой темнели кривые черные когти, и щеки жертвы расцвели кровавыми линиями. Крик оборвался, а женщина упала. Деструкт дернул головой, капюшон слетел, показав длинную черную косу. Неужели это девушка? Она двигалась настолько ловко и быстро, что это даже завораживало.

За дверью ложи слышались удары и крики, похоже, в коридоре шел настоящий бой.

Девушка с косой и еще один деструкт схватили упирающегося профессора и потащили его к выходу. Они что же, собираются тянуть его, словно пауки – несчастную мошку? Еще немного – и профессора уведут, а я так и не узнаю подробности его исследований!

Ну уж нет! Это мой профессор! Не отдам!

Скинув туфли на высоких каблуках и проклиная длинное платье, я запрыгнула на бортик перил, пробежала мимо изумленных и орущих людей, перепрыгнула на перила следующей ложи. Еще прыжок – и я повисла на декоративных парчовых драпировках. Раскачалась, оттолкнулась ногами, перевернулась в воздухе, приземлилась на узкий край нужной ложи. Альберт Хакал таращил перепуганные глаза и дрожал, дергаясь в разные стороны.

– Анна, Анна упала... ей надо помочь... Прошу, помогите Анне... прошу!

– Заткнись. – Мерзавка в маске с черепом мотнула головой, и ее коса живой змеей обвила шею профессора, придушив его.

– Осторожнее, Игла! – зашипел второй гад. Судя по голосу, это был молодой мужчина. – Он нужен живым!

Я разжала руки и спрыгнула в ложу.

– А ты еще кто? – удивился деструкт.

Та, кого называли Иглой, без слов махнула рукой с нечеловеческими когтями. Я успела прогнуться назад, опасно откидываясь на краю и едва не вывалившись вниз. Гади́на рассмеялась, и этот смех показался слегка безумным.

Второй деструкт пока не вмешивался, он пытался вытащить в коридор упирающегося профессора. Тот проявил неожиданное упорство, не желая этого делать.

– Отпустите его, – рывкнула я, молясь, чтобы двери распахнулись и там оказались военные миротворцы с оружием. Или хотя бы один Дами́р! Но увы, пока здесь была только я – в атласном платье, босая и не знающая, что делать дальше.

– Проваливай с дороги, гребанная кукла! – зашипела Игла, снова ударяя когтями. Она двигалась с такой нечеловеческой скоростью, что я едва успела прокатиться по бортику, чтобы избежать удара. Мерзавка

снова ударила, я подпрыгнула, зацепившись за штору, перевернулась в воздухе и приземлилась на пол.

– А она неплоха, – хрипло рассмеялся деструкт-парень. – Миротворец, видать.

– Отпустите профессора!

– Пляши. – Игле надоело махать руками, и она вытащила из-под черной куртки короткий и кривой нож.

Дверь распахнулась, останавливая бросок. Но обрадовалась я рано, вместо военных там показались очередные маски с костями.

– Тащите его, живо! Что вы там возитесь? – заорали от входа. – Здание окружают, мы в ловушке! Уходим, быстро!

Игла зашипела, швырнув в меня нож. Я поймала его за кончик древка и вернула одним движением. Лезвие вонзилось в стену, оцарапав мерзавке плечо.

– Гадина!

Она схватила нож, вытаскивая его из дерева.

Я же дернула на себя почти бездыханного профессора. Парень, держащий его, глянул на меня как на помешанную. Даже сквозь прорези маски я видела изумление в насмешливых голубых глазах.

– Кукла, тебе жить надоело? – как-то беззлобно спросил он.

Я, сцепив зубы и не отвечая, попыталась отобрать у него ученого. Жить-то мне как раз не надоело. И чтобы продолжить, мне позарез нужен Альберт Хакал! Не отдам! Надо лишь выдернуть Хакала из рук негодяев и перевалиться за ботик ложи. Рухнем вниз, а у пола я сумею замедлить падение, чтобы сохранить нам обоим жизни.

С минуту мы тащили беднягу каждый в свою сторону, словно детишки, перетягивающие канат. Хватка деструкта немного ослабла, может, он просто пребывал в шоке от моей наглости.

Я не заметила, как в ложе появился кто-то еще. Но я его почувствовала. Силу, давящую на тело и выбивающую из груди воздух. Нечто необъяснимое, но страшное.

Я хотела обернуться, хотела посмотреть на того, кто вошел, но рядом возникла маска и черная коса, а потом что-то тяжелое опустилось на мою голову. Игла все-таки до меня добралась.

Глава 14. Ренегаты

Голова раскалывалась. Жутко хотелось пить. Руки затекли, и я их почти не чувствовала.

Я медленно разлепила глаза, поморгала, прогоняя мутную пелену.

Я лежала в каком-то углу, привалившись к стене. Босая, все в том же уже грязном и разорванном по боковому шву белом платье. Не помню, когда я сделала такой разрез... может, когда бежала по перилам императорских лож?

Левую щеку и губы стянуло коркой запекшейся крови, видимо, меня хорошенько огрели. И кажется, что-то дали, потому что во рту ощущался противный горьковатый вкус.

Опустив взгляд, я увидела пряди своих растрепавшихся темных волос. Значит, Маску мне удалось удержать. Что ж, хоть что-то радует.

Руки стягивала веревка. Я пошевелила пальцами и едва не застонала от вернувшейся чувствительности.

Передо мной возвышались кособокие ящики, закрывая обзор. За ними слышался голос, и я узнала ненавистную Иглу.

– ... кто знал, что там окажется гребанный инквизитор? Да не какой-нибудь рядовой викарий или даже епископ, а кто-то из высших! Возможно, даже сам кардинал!

– От силы кардинала тебя бы расплющило на месте.

– Так почти и расплющило! Я едва не ослепла от его силы! Он сдернул твою мглу, целиком! Проклятый инквизитор! Ублюдок нейтрализовал почти все деструктивные способности! На несколько минут, но этого хватило для нашего провала! И все-таки даже эта престарелая инквизиторская мумия не сумела нам помешать! Сегодня я испробую самый старый виски, который найду!

– Все целы? – Глухой голос заставил меня поднять голову.

– Пауку знатно разодрали щеку. Багу прострелили ногу, а Мор едва не остался без руки. Они оба решили как следует надраться по такому случаю. Да, все целы. Нам несказанно повезло. – А вот это уже произнес тот голубоглазый, с которым мы делили профессора.

– А ведь Ворона обещала, что все пройдет гладко! – процедила Игла. – Толку от неё никакого...

– И еще она говорила о рубеже хаоса, который может возникнуть, – возразил голубоглазый. – Рубеж, изменяющий сценарий событий. Кто-то принял решение, которого не должен был принять, и оказался в этом проклятом театре!

– О, хватит с меня этой ужасной вороньей мути! Все ее предсказания – сплошная чушь! Если бы не куклы, которыми мы прикрылись как щитами, этой ночью мы все познакомились бы с допросными гребанной Инквизиции!

Куклы? То есть заложники? Значит, я тут не одна?

Скосила глаза и рассмотрела за ящиком ноги в дорогих туфлях. Похоже, еще одна несчастная, которой не повезло оказаться на пути мерзавцев.

– Брюнеточка не похожа на куклу, – задумчиво произнес голубоглазый деструкт, и я напряглась. Похоже, речь обо мне. – Видела, как эта девчонка двигалась? Она поймала твой нож! Прямо в воздухе. Даже ты так не умеешь, Игла.

– Я не умею? Да я...

– Замолчите, – снова тот глухой и пугающий меня голос.

Почему меня кидает в дрожь от слов человека, которого я даже не вижу? Почему внутри меня все трясется? Я вытянула шею, пытаюсь рассмотреть больше, но обзор закрывали ящики.

– Надо еще раз поговорить с профессором. Того, что он сказал, недостаточно. Надо узнать подробный алгоритм. Проследи. И...не трогай заложников.

Последнее явно относилось к злобной Игле.

Я не услышала ни шагов, ни стука открывающейся двери. Некоторое время напряженно прислушивалась к тишине. Все ушли? Тогда самое время попытаться сбежать из этого места!

Осторожно перевалилась на бок, потом на колени. Доползла до торчащих ног и обнаружила там женщину в роскошном зеленом платье и массивных золотых украшениях. В ложах я ее не видела, вероятно, заложницу прихватили уже в коридоре. Я прижала палец к шее незнакомки и ощутила ток крови. Жива, но то ли без сознания, то ли спит, одурманенная каким-то пойлом. Из растрепавшегося пучка волос торчала короткая декоративная спица с жемчужной головкой. Я вытащила ее из волос незнакомки и засунула за корсаж своего платья – хоть какое-то оружие.

Стоя на коленях, я повертела головой, ища, чем можно перерезать стягивающие запястья путы. За ящиками мелькнула ножка стола, может, там найдется канцелярский нож?

Путаясь в подоле платья, я поползла вперед. Но едва достигла вожделенного столика, как путь мне преградили ноги в ботинках.

– Кукла надеется сбежа-ать? – насмешливо растягивая слова, протянула Игла. – Вот глупышка!

Я сдержала вздох разочарования и вскинула голову, глядя на мерзавку. Преступница все еще была в маске, длинная черная коса извивалась на ее груди, словно живая гадюка. Признаться, это вызывало оторопь.

Игла склонилась, рассматривая меня сквозь прорези маски.

– Я не глупышка и не кукла, – буркнула я, сдерживая неприязнь. От этой девушки веяло тем, с чем по слухам однажды сталкиваются все деструкты. Безумием.

– Ку-у-кла, – нараспев протянула Игла. – Глупая кукла с ненастоящим лицом! Ты носишь маску, чтобы скрыть что? Крошечную морщинку на лбу? Родимое пятнышко у глаза? Все вы одинаковые дуры! – с нескрываемым презрением выплонула она. По-мальчишески присела на корточки и склонила голову набок, рассматривая меня.

Я хотела сказать, что сама она дура, но промолчала, решив экономить силы.

– Ненавижу кукол! – Игла растопырила перед моим лицом пальцы, показывая кривые черные когти. Как у дикого зверя. Девушка рассмеялась, когда я отшатнулась. – Ненавижу. Каждую из вас я бы с удовольствием отметила своими ноготками. Один лишь взмах по твоему лицу, и ты поймешь разницу между мнимым несовершенством и истинным. Поверь... истинное покажет тебе, кто ты.

Она снова рассмеялась и протянула руку. На кончиках ее жутких когтей дрожали капли. Ужас какой! Она что же... ядовитая?

– Один взмах по твоему красивому приукрашенному личику, и ты узнаешь цену красоте, – с наслаждением безумца пропела Игла. – И уродству. Или оставить тебя без глаз? Такие прекрасные карие глаза, глубокие и влажные, как глазурь на сладкой конфетке. Сплошной обман! Все твое лицо – обман! Ты носишь маску, которая тебе не нужна. Вы все. Хорошее прикрываете красивым, красивое –

безупречным. В твоём мире нет изъянов, правда, кукла? А на самом деле, ты просто подделка!

Она махнула рукой, и я поневоле дернулась назад. Стукнулась многострадальной головой о ножку стола и едва не застонала. Но сдержалась, лишь зубы сжала. Ещё не хватало показывать этой ненормальной свой страх!

Чёрные когти снова оказались перед моим лицом, а потом опустились ниже. И почему-то я испугалась, что безумица увидит спрятанную в корсаже спицу.

Но она подцепила пальцем сапфировое сердце, дернула с ухмылкой.

– Красивая безделушка. Наверное, подарок от какого-то смазливового дурня? Такого же ненастоящего, как и ты сама? А вот мне никто не дарит украшения, представляешь? Никто, никто, никто!

Она захохотала, раскачиваясь и выкрикивая одно слово. Я поежилась, когда когти царапнули мне кожу, срывая подвеску.

– Можешь оставить себе, – прохрипела я.

– Ах, ты мне разрешаешь? Неужели. Какая ты щедрая, милашка ку-у-кла. Я возьму все, что захочу. Сама! В том числе и твою никчёмную жизнь!

– Твой хозяин велел не трогать заложников, – выдохнула я.

Игла недоуменно замерла.

– Кто? Хозяин? Он мне не хозяин. И поверь, тебе лучше держаться от него подальше. Если ты бы знала... О-о, ты предпочтешь общество меня и моих когтей, чем общение с ним!

Жуткая маска с черепом приблизилась.

– Хочешь, я расскажу тебе о нём? Так слушай. – Она не говорила – шептала. Жутко, почти прикасаясь к моей щеке маской. Мне хотелось отодвинуться, сбежать, но бежать было некуда. И оставалось лишь сдерживать дрожь, слушая змеиный шепот Иглы. – Когда он смотрит, люди мечтают служить ему. Вывернуться на изнанку, выдрать сердце, чтобы ему отдать. Когда он доволен, они испытывают наслаждение, равного которому не знали. А ещё – похоть и желание, от которых его тошнит. А когда он злится, люди мечтают о ноже, которым можно вспороть себе горло. Он заглянет в твою душу, увидит её целиком, а потом поглотит. И от тебя ничего не останется. Ничего, ничего, ничего! – Её голос упал до злобного шепота, продирая до

костей холодом. – Ты сойдешь с ума рядом с ним. Так что молись, чтобы он попозже обратил на тебя внимание.

Мерзавка захохотала, так что и не понять было – говорила она правду или это все лишь бред ее ненормального сознания.

– Он заберет твою душу, ку-укла. Но прежде я все же разукрашу твое личико. Левый глаз. Мне нравится твой левый глаз. Я возьму его.

– Меня будут искать! – Ужас все-таки скрыть не удалось. – Тебя казнят, когда поймают!

– Каз-нят? – Безумная рассмеялась так, словно услышала самую смешную шутку в мире. – Правда-правда? Думаешь, я боюсь смерти, глупая кукла? Хочешь узнать разницу между маской настоящей и мнимой? Между милым несовершенством живого человеческого лица и... мной?

Я не хотела ничего узнавать. Я хотела оказаться где угодно, но только подальше от этой ненормальной. Но все, что мне оставалось – это молча смотреть, как Игла медленно поднимает руку и снимает свою маску.

Я дёрнулась, с ужасом глядя в ее настоящее лицо. Хотя разве можно было назвать это – лицом? Багровые рубцы змеились от ее глаз до самой шеи, сползали под воротник. словно эта девушка когда-то плакала навзрыд, но слезы превратились в кислоту и прожгли на коже борозды, оставшись вечными отметинами. Их было так много, что они покрыли лицо кровавыми рытвинами. Губы – некогда красивые, стали черными, словно дёготь, и когда Игла издевательски улыбнулась, показалось, что это не рот, а открывшаяся рана. Это выглядело тем более страшно по контрасту с высоким, чистым лбом и блестящими черными глазами, осененными по-девичьи пушистыми ресницами.

Глядя на это кошмарное лицо, я поняла, что разговаривать с Иглой бесполезно. Она безумна, и она не боится смерти. И еще... я понимаю почему.

Наверное, все мои эмоции отразились в глазах, потому что деструкт снова захохотала. Выглядело это отвратительно.

– Нет, пожалуй, я заберу правый глаз. В нем есть крошечная светлая точка, словно ванильный сахар на пудинге... Да, правый мне нравится больше...

Когти оказались у моего лица, и я едва не заорала. Ужас сковал по рукам и ногам, я уже почти видела, как мой несчастный глаз болтается

рядом с сапфировым сердцем на трофейном поясе этой гадины. Но тут в поле зрения оказались еще одни ноги – в грязноватых штанах и сапогах, и, вскинув голову, я увидела мрачного и вполне обычного парня. Тот самый, из театра, – я узнала его голос и веселые голубые глаза.

– Развлекаешься? – беззлобно спросил он Иглу, и та пожала плечами.

– Почему бы и нет?

– Он велел привести девчонку. Хочет поговорить.

– О чем говорить с глупой куклой? – недовольно буркнула Игла, но к моему удивлению, послушно встала. И к счастью, надела свою маску. – Сам ее тащи, Вулкан.

Она плюнула на пол и ушла. Черная коса покачивалась и шевелилась за спиной, кончик приподнялся, словно живая змея все еще следила за мной.

Бррр!

– Я развяжу тебе руки, если пообещаешь не убегать, – со вздохом сказал парень, и я истово закивала.

Конечно, пообещаю! Верь мне, деструкт!

Он осторожно, чтобы не зацепить кожу, провел ножом. Веревки упали, и я поразилась остроте лезвия.

– Вулкан? Ты что, умеешь извергать пламя? – Я потёрла покрасневшие запястья, косясь на парня. Выглядел он обычным. Лопухий и конопатый, с широкой щербинкой между передними зубами. На макушке топорщились рыжие вихры. Парень казался простаком, не слишком умным, но и не злым, на меня он поглядывал с сочувствием. И я воодушевилась. Может, удастся найти в нем союзника, который поможет сбежать?

И кстати, где мы?

Я встала, опираясь на руку парня. Могла бы и сама, конечно, но лучше прикинуться совершенно беспомощной.

Парень коротко хохотнул и, кажется, слегка смутился:

– Пламя? Шутишь? Просто имя понравилось. Дойдешь сама? Прости за то, что двинули тебе. – Он показал на мою голову.

– Больно, между прочим, – пожаловалась я, осторожно осматриваясь. Небольшое помещение напоминало склад – сгруженные ящики с вещами, нагромождение мебели... Все окна забиты досками,

так что внутрь не пробивался ни один луч света. Интересно, сколько сейчас времени?

– Давай посмотрю, может, принести тебе мазь от ушибов? У меня есть хорошая...

Я мотнула головой. Рана уже затянулась, моя нейро-панель обнаружила повреждение и направила ресурсы организма, чтобы все залатать. Но говорить об этом я не буду, конечно.

– Как долго я была без сознания?

Парень сделал неопределенный жест рукой.

– Сколько-то... На вот, попей лучше.

Передо мной возник стакан с водой, который я с жадностью осушила. А потом еще один – обновленному организму требовалась жидкость. В голове слегка прояснилось.

– Вы дали мне какой-то наркотик?

– Иди за мной, – отвечать на мои вопросы тут явно не собирались.

– Куда?

Он хмыкнул и помедлил, увидев мои босые ноги.

– Погоди-ка.

Порывшись в ближайшем ящике, Вулкан откопал там розовые пушистые домашние тапочки на войлочной подошве и сунул мне.

– На вот, полы тут холодные. Теперь идем.

Мы вышли в коридор, но и тут смотреть было не на что. Длинный и узкий, местами обшарпанный. Дошли до лестницы, завёрнутой крендельком, и поднялись на второй этаж. По дороге никто нам с Вулканом не встретился, да и вообще в этом странном доме царил тишина.

– Ваш главарь хочет со мной поговорить? Но о чем? Я ведь ничего не знаю... Кстати, кто он? Тоже деструкт?

Вулкан хмыкнул, не отвечая. Я подошла ближе, заглянула в его глаза.

– Слушай, ты кажешься нормальным парнем. Тебя затащили в эту банду обманом? Пообещали хороший и легкий заработок, да? Я слышала, что так и работают преступники... Но ты ведь понимаешь, что вас все равно поймают? И уже довольно скоро! Нападение на Люмпенский театр, похищение людей, подумать только... Но если отпустишь меня прямо сейчас, я поговорю с полицией, чтобы тебе

сделали снисхождение. Тебя помилуют! Поверь, у меня есть нужные связи...

Вулкан казался заинтересованным, и я воодушевилась. Понижила голос, придвинулась еще ближе, преданно заглядывая в глаза. Похоже, очаровать рыжего не составит труда, даже ментальное воздействие не понадобится! К тому же, я не была уверена, что смогу его применить, голова все еще кружилась.

– Возможно, тебя даже устроят на какую-нибудь работу, – я изобразила заботу. – Хорошую! Я обещаю!.. Просто отпусти меня. Тебе даже не надо ничего делать, я сама найду выход! Договорились?

Вулкан улыбнулся и вдруг посмотрел за мою спину, а я обернулась. И вздрогнула. Оказывается, мы стояли у открытой двери, за которой были люди. Но почему я их не услышала? Ни того, как распахнулась створка, ни шагов... Что за демон притаился внутри и сожрал все звуки? Сердце подпрыгнуло от невольного страха.

– Тебя ждут. – Вулкан с улыбкой кивнул на проем.

А я сжала кулаки, внезапно поняв, что все это время парень просто слушал мои обещания! Слушал и ухмылялся! Ни одного мгновения он не собирался помочь мне.

Развернувшись, я выпрямила спину и вошла в комнату.

Здесь было чисто и строго. В отличие от склада, где я очнулась, это помещение выглядело обжитым, хотя и здесь окна закрывали доски. У дальней стены мягко тлели дрова в камине. Рядом стояла кушетка с витыми спинками, потертые кресла, слегка поцарапанный стол, возле которого, склонив голову, заваривал чай темноволосый прислужник. Оттуда пахло чабрецом и розмарином, так что я невольно потянула носом. К запаху трав примешивался слабый и уже знакомый горьковатый аромат, который я ощутила, едва придя в себя. Лампа была всего одна – древняя и масляная, с алым язычком пламени внутри, потому большая часть комнаты тонула во мраке. Но я туда уже не смотрела, сосредоточив внимание на человеке в центре – мужчине лет пятидесяти, в строгом, но слегка потертом клетчатом пиджаке, белой рубашке и брюках со стрелками.

Я сделала несколько решительных шагов, входя в круг света. Выпятила подбородок, с вызовом рассматривая карие глаза и седые виски главаря отщепенцев.

– Я тебя не боюсь, мерзавец! – бросила ему в лицо. – И тебе меня не запугать. Даже не надейся! Говори, что вам от меня нужно? Зачем вы притащили меня в этот сарай? Вас всех отправят в Лабиринт, если вы немедленно меня не отпустите!

Мужчина поднял брови, и в его глазах мелькнуло веселье. Я несколько опешила. Что смешного в моих словах?

– Прикажи своим людям выпустить меня!

– Я не могу им приказать, – мягко сказал главарь, с интересом рассматривая меня. – Хотя бы потому, что не я отдаю здесь приказы.

Он отвернулся от меня и, сделав несколько шагов в сумрак, взял из рук прислужника чашку чая.

– Благодарю, господин. Вы снова спасли меня, – глухо уронил седовласый. Его руки задрожали, и я задумалась о том, что за чай был в этой кружке.

Седой сделал несколько медленных глотков, шумно выдохнул. И, еще раз поклонившись... ушел!

А прислужник обернулся и посмотрел на меня из тьмы.

Я задохнулась, словно из груди выбили весь воздух. Открыла рот, но не смогла произнести ни звука. Четко вылепленные черты лица, мужественный подбородок и острые скулы. Широкий разлет бровей. И глаза – темные как ночь... Призрак, преследующий меня пять лет. Мучающий кошмарами и тенью улыбки, которая никогда не возникает на красивых губах. Мертвец, чья плоть уже сгнила в земле.

Август.

От ужаса перед глазами поплыло. Я все-таки сошла с ума, раз вижу того, кого нет. Я безумна так же, как ненормальная Игла!

А самое страшное, что вместе с паникой я вдруг ощутила... счастье? Дикую, неконтролируемую радость! Август жив? Август жив! Он стоит во мраке, настоящий! Мне захотелось заорать. Заплакать. Рассмеяться! Захотелось броситься к стоящему во мраке мужчине и повиснуть на его шее!

Август жив!

Или...нет?

Радость схлынула, оставив колотящую меня дрожь.

Он не может быть жив.

Это всего лишь иллюзия. Маска. Образ, который меня заставляет видеть проклятый деструкт! Или мой собственный терзающий разум?

Но зачем? Зачем?

На негнущихся ногах, едва дыша, я сделала несколько шагов. Вытянула руку, желая коснуться призрака с равнодушным лицом.

Но мою ладонь перехватили и сжали – довольно крепко. Вулкан – оказывается, он все это время был где-то за спиной, – придержал мое запястье.

– Господина нельзя касаться. – Слова прозвучали с явной угрозой, и я удивленно взглянула на парня, которого посчитала безобидным щенком и простаком. Но милый домашний песик вдруг оскалился и превратился в дикого волка, готового разорвать за своего хозяина.

Я отстранилась. Короткая пауза все-таки привела меня в чувство. Эмоции отступили. И я снова смогла посмотреть на мужчину, шагнувшего на свет.

О, Истиннодух!

Конечно, это был не Август.

Совсем-совсем другой человек.

А я изумленно моргнула. Святые, помогите мне! Все-таки я сбрендил! Волосы молодого мужчины оказались вовсе не черными, а пепельно-серыми, нос длинный, губы сухие и тонкие, скулы впавшие, как у голодающего. А еще был шрам, перечеркнувший бровь и часть левого глаза. Некрасивое, даже пугающее лицо главаря было совсем не похоже на лицо из моих кошмаров! Но почему, почему я увидела Августа? Неужели удар по голове повредил мой разум? Или он повредился в проклятой чайной «Клевер и роза», да так и остался сломанным?

Или все дело в глазах этого мужчины. Они были такие же черные, как в моих снах. Глаза падшего ангела...

Но мало ли на земле похожих глаз?

Новая волна паники заставила меня задохнуться и отступить. Я не понимала, что происходит, не понимала, кого вижу перед собой. Прошлое и настоящее путались, раз за разом окуная меня в бездну.

Медленно опустив взгляд, я осмотрела одежду главаря. Простые темно-серые штаны и плотная черная рубашка с двойным рядом пуговиц, похожая на униформу. Он заваривал чай, а это в моем доме всегда делали прислужники... Поэтому я и перепутала. В одежде ничего примечательного, разве что перчатки на обеих руках. Словно он действительно не желал к кому-то прикоснуться, даже случайно.

Он выглядел старше парня, оставшегося на Вишневой аллее Касла.

И даже старше того, кем тот парень мог бы стать.

Черный взгляд главаря прошелся сверху-вниз, изучая мое ненастоящее лицо и фигуру, ноги в пушистых тапочках и разорванное платье, слишком тонкое, чтобы согреть. Наверное, поэтому я и дрожала.

Или дрожала я все-таки от нахлынувших эмоций?

Ренегат кивнул стоящему за моей спиной Вулкану, и на мои плечи опустился шерстяной плед. Я вцепилась в него обеими руками, кутаясь в теплый кокон.

– Что тебе от меня нужно? – не выдержала я напряженного молчания. – Денег? Выкуп? Я могу...

– Как тебя зовут?

Я вздрогнула, жадно вслушиваясь в мужской голос. Я все еще помнила бархат, услышанный однажды в чайной «Клевер и роза». Но в этом голосе никакого бархата не было, лишь надсадное хрипение, словно человек слишком долго кричал и повредил голосовые связки.

– Что? Ах... Имя. Некрасиво спрашивать у девушки имя, не назвав свое.

Дерзкие слова вырвались по привычке, хотя никакого желания дерзить я сейчас не ощущала.

Главарь не улыбнулся. Он вообще никак не отреагировал. Просто застыл, словно статуя, не сводя с меня взгляда.

– Меня называют Рэй.

– Рэй?

– Тебя что-то удивляет? – Он даже бровь не поднял.

– Нет, я... Ладно, Рэй.

Я подумала, что есть разница между фразами «Меня называют» и «Мое имя...»

– Ванда, – соврала я. – Так что тебе от меня нужно, Рэй? Моя семья заплатит выкуп, если ты...

– Поговори с профессором Хакалом.

Что?

– Поговорить с профессором? – тупо переспросила я. Ясность мысли никак не желала возвращаться, словно человек, стоящий во мраке, каким-то образом влиял на мой разум.

– Да. – Главварь медленно сделал шаг назад, отступая еще дальше от круга света.– Он отказывается разговаривать с нами. Успокой его. Скажи, что ему ничего не грозит.

– Почему я должна это делать? – Я вскинула голову.

– Сделаешь, что я сказал, и сможешь вернуться домой.

Я сжала в кулаках плед, пахнувший пылью и почему-то ладаном.

– Думаешь, я поверю в твои обещания? Да вы прирежете меня при первой же возможности!

Главварь вдруг сделал два мягких, плавных шага и оказался передо мной. Высокий, худой. Пугающий до дрожи, хотя в чертах его лица не было ничего чрезмерно отталкивающего, а в теле – угрожающего. Но теперь я понимала слова Иглы. Я бы предпочла общаться с этой безумной, а не смотреть сейчас в лицо темноглазого мужчины.

– Зачем мне убивать тебя? – тихо спросил он.

– Преступники всегда так делают, – слабым голосом произнесла я. Потрясла головой, надеясь, что мои извилины сложатся в нужный узор. – Устраняют свидетелей.

– И все же я тебя отпущу. И не причиню вреда. Обещаю. Просто помощи нам. Поговори с профессором, вы знакомы, и тебе он поверит.

Знакомы? Вот так дела! Похоже, кто-то из отступников наблюдал мою беседу с Хакалом.

– Убеди его принять наши условия. Профессору ничего не грозит, он всего лишь должен выполнить то, о чем я его прошу. В ответ я гарантирую господину Хакалу безопасность и обеспечу всем, что ему понадобится.

– То есть его вы тоже отпустите? – не поверила я.

– Если он выполнит условия. Мы не хотим никого... убивать.

– Тогда чего же вы хотите? – не сдержалась я.

– А вот это тебе знать не обязательно. Просто убеди профессора сотрудничать.

Я переступила ногами, размышляя и не зная, как поступить. Все-таки я еще ни разу не оказывалась в плену, меня никогда не били по голове и не связывали. Пока преступники вели себя прилично, но стоило вспомнить безумную Иглу и хотелось бежать куда угодно, лишь бы оказаться подальше от этого места.

Останавливало лишь одно – мне тоже нужно увидеться с профессором. Да и другого выхода я пока не видела.

– Хорошо, я поговорю с милордом. Где вы его держите?

Главарь повернулся и пошел вглубь комнаты, я двинулась следом, стараясь высоко держать голову.

В темноте оказалась дверь, а за ней еще один плохо освещенный коридор. Ренегат, не оглядываясь шел вперед, а я сверлила взглядом его спину, размышляя, кто он и на что способен. Мужчина выглядел худым, но был ли он слабым? И чего стоит его обещание не вредить мне?

Может, стоит попытаться сбежать? Сейчас, пока мы одни в темном коридоре? Рядом никого...

Я осторожно достала из-за корсажа спицу, проверила пальцем острие и посмотрела на шею главаря. Если вонзить сбоку, используя эффект неожиданности, можно попытаться сбежать. К тому же, прямая провокация лучше всего показывает суть человека, а яркая эмоция помогает сбросить Маску – в прямом смысле слова. Если главарь прикрывается чужим лицом, есть шанс это увидеть.

Я поковыряла ногтем верхушку спицы, отламывая жемчужину и лихорадочно продумывая свои действия. Перед глазами пронеслась картинка: вот жемчужина летит вперед и мягко ударяется об пол. Ренегат поворачивает голову, непроизвольно реагируя на движение и звук. Я кидаюсь к нему и бью спицей в его шею. Не убью, но давление на точку у сгиба с плечом на некоторое время парализует преступника. У меня будет несколько минут, чтобы добраться до двери, мимо которой мы проходили. От нее отчетливо тянуло сквозняком, а значит, за ней должен быть выход...

Я швырнула жемчужину.

Перламутровый шарик матово блеснул в тусклом свете настенной лампы.

И завис в воздухе.

Время сожрала чужая Сила.

А меня прижала к стене мужская рука в перчатке. Я задохнулась от ужаса и изумления, не понимая, как проклятый преступник это сделал! Он просто исчез со своего места – и вот я уже втягиваю воздух, а мою шею охватывают чужие пальцы. Это даже не Пыль, это что-то совершенно иное! Что-то...инородное. Противоестественное!

Мужчина склонился и темные глаза оказались близко-близко к моим.

Жемчужина со стуком упала на пол.

– Не стоит, – мягко сказал Рэй.

Я тяжело дышала, совершенно дезориентированная. Как? Как он это сделал?

Это невозможно!

– Кто. Ты. Такой? – чуть ли не простонала я.

Он не отвечал, рассматривая мое лицо. Пальцы в коже перчаток все еще лежали на шее – не сдавливая, лишь намекая на то, что он мог бы сделать.

Я замерла, сбитая с толка, обескураженная. Втянула воздух и ощутила слабый запах ветивера и благовоний, исходящий от рубашки мужчины. Аромат едва уловимый, легкий как дым погашенной свечи, но у меня закружилась голова. Что там говорила безумная Игла? Что это человек может свести с ума? И почему слова, произнесенные змеиным шепотом, больше не кажутся мне бредом?

Рэй опустил руку, и на миг я снова задохнулась, почему-то подумав о том, что он коснется моих бедер. Но он лишь забрал спицу и отодвинулся. Лицо осталось безучастным, словно ничего не случилось.

– Идем.

Он снова повернулся ко мне спиной, но теперь я знала, как наивно было нападать на него. Короткая демонстрация чужой силы полностью лишила меня желаний сопротивляться. Я никогда не видела подобного. Проходя мимо жемчужины, поблескивающей на полу, я окинула ее ошарашенным взглядом.

Мы остановились перед обычной дверью, Рэй повернул ручку и сделал приглашающий жест. Я снова глянула в его темные глаза и вошла.

Глава 15. Скажите, милорд...

Некоторое время я стояла, пытаюсь собраться. Произошедшее в коридоре почему-то испугало меня сильнее, чем угрозы безумицы Иглы.

Я подышала, восстанавливая подобие спокойствия.

– Профессор?

Комната оказалась теплой и даже красивой. В углу под балдахином пряталась кровать, сбоку стояли удобные кресла. А еще здесь были шторы с кисточками, к которым я бросилась, едва за спиной закрылась дверь. Но увы – занавеси оказались обманом. За ними тоже были доски, наглухо приколотенные к стенам.

Ренегаты позаботились, чтобы пленник не сбежал.

Сам профессор полулежал в одном из кресел и, оставив в покое шторы, я подошла к нему.

– Господин Хакал? Вы меня слышите? Что с вами?

Мужчина медленно открыл глаза. Удивительно, но сейчас девяностолетний Альберт Хакал выглядел моложе, чем в театре. Даже седина, добавляющая импозантности, исчезла с его висков! Он выглядел как сын или даже внук, который мог бы быть у профессора. Но насколько я знала, у милорда не имелось семьи. Если бы не дурацкая бабочка с булавкой-атмэ, я бы и вовсе подумала, что в кресле сидит незнакомый мужчина.

– Милорд?

Он моргнул, но взгляд его остался мутным. Я принялась. От Хакала несло чем-то тягучим и горьковатым, а еще – дымным... Знакомым. Осмотревшись, я обнаружила на столике у кресла широкую глиняную плошку, накрытую стеклянным колпаком. Внутри все еще клубился дым и темнел серый налет. Я осторожно втянула запах, исходящий из круглых отверстий. Миротворцев учат распознавать разную отраву, вот почему аромат показался мне знакомым. Опиум! Точно. Профессора окурили опиумом в надежде, что он разговорится и ответит на все вопросы. Это могло бы сработать, не будь ученый Совершенным. Но люди, причисленные к Пантеону, почти невосприимчивы к ядам и наркотикам! И все же мужчина выглядел

одурманенным. Возможно, помимо опиума, ренегаты использовали что-то еще. Дым повлиял на старика, но все-таки не заставил открыть правду. Потому-то меня и позвали!

– Профессор, вы меня слышите? Понимаете? Знаете, где вы?

– Я пока не выжил из ума, – протянул ученый и сел ровнее. Речь звучала заторможено и рвано. – Деструкты. Они нашли меня. Похитили.

– Вы знаете, чего они хотят? – осторожно спросила я, и Альберт кивнул.

– Нетрудно догадаться...ох, зачем... Зачем! – Он прижал ладони к вискам. – Ох, Анна... Моя Анна! Надеюсь, с ней все в порядке! Эти монстры ударили ее!

– Так что от вас нужно преступникам?

– Они этого не получают. – Губы мужчины сжались в тонкую полосу.

– Но... они обещают освободить вас. Если вы согласитесь!

– Согласиться? – Хакал дернул головой, приподнимаясь. Его взгляд беспомощно метался по комнате, словно никак не мог сфокусироваться. – Зачем вы говорите мне это? Вы ведь знаете, что я не соглашусь. Я слишком стар, чтобы нарушать закон, Аманда!

Я отшатнулась. Аманда? О мой бог... похоже, в опиумном тумане профессор увидел не Кассандру Вэйлинг, а ее мать! Он ведь говорил, что мы похожи. И теперь путает настоящее и прошлое, как и я недавно!

– Все дело в вашей статье, – сказала я. – Вы написали, что нашли способ восстановить линии Духа. А значит, вернуть деструктам нормальную полноценную жизнь. Снова сделать их людьми. Этого они хотят! Но... вы действительно на это способны?

– Слышу сомнение в вашем голосе, Аманда, – сухо отчеканил Совершенный. – И оно оскорбляет меня. Впрочем, я уже привык к подобному скепсису... Мои изыскания назвали антинаучной ересью! Оболгали меня, профессора Арвадорского Университета, лауреата императорской премии и...

– Я вам верю, – быстро произнесла я, прерывая перечисление многочисленных регалий ученого. – И те, кто вас пленил – тоже. Но как? Как вы этого добились? Я читала вашу статью, но там все

довольно туманно. Вы упоминаете некий эликсир, но что именно имеете в виду?

Профессор прищурился, глядя на меня. Вытянул руку, погрозил пальцем.

– Вы считаете меня выжившим из ума дураком, ведь так? Думаете, Хакал утратил разум? Думаете, я глупец с возмутительными идеями, как пишут обо мне грязные газетенки? Пишут с подачи таких, как вы! – Он скривился. – Думаете, я не понимаю? Не вижу ваши уловки? Вы забыли, что я не какой-нибудь Герман Дино! Я умею думать, а не только лишь малевать на холстах всяческую гадость! Вам меня не подловить.

Хакал выставил вперед палец и покачал им перед моим носом.

– Нет-нет, вам тут пожить нечем... Я ничего не скажу. Уходите!

– Но ваша статья! Профессор! Вы действительно сумели восстановить разорванные линии?

– В теории, – сложились в ироничную усмешку губы Хакала.

– В теории? – Я помолчала, размышляя. И продолжила уверенно: – Вы мне врете. Ученые, подобные вам, не публикуют статьи без практических опытов. Без успешных опытов! Вы сделали это. На самом деле сделали, ведь так?

– Меня уже спрашивали об этом, Аманда. Мне нечего добавить к сказанному.

Он откинулся на спинку кресла, снова закрывая глаза. А мне захотелось схватить ученого за плечи и трясти до тех пор, пока он все не расскажет!

– Как вы восстановили разорванные линии Духа?

– Низкочастотные вибрации... Все дело в них...

– Да-да, я знаю! Они причина разрыва! Темное эхо, блуждающие вихри, ямы скверны... я все это знаю! Но вы писали про какой-то эликсир! Где его взять?

– Эликсир жизни... Поэтично, правда? Когда-то вы сказали, что в душе я остался романтиком. Смеялись надо мной. Вы уже не смеетесь, Аманда? Я слышал, что нет. Еще вы называли меня старым дураком. За мою позицию. Но я по-прежнему уверен, что мы совершили ошибку, согласившись на выбранный путь. Возвышение – это истинное проклятие! Я жалею, что был так глуп... То, что мы

приобретаем, несоизмеримо с тем, что утрачиваем. Вы заблуждаетесь. О, как же заблуждаетесь! Но довольно. У вас ничего не получится. Таким, как вы, не суждено познать мои тайны, Аманда... Я ничего вам не скажу! Оставьте меня в покое! – Слова звучали бессмысленным бредом, похоже, профессор плавал в опиумном бреду и видел лишь ему доступные образы.

Он заговаривался и явно не понимал, где находится, он все еще видел перед собой мою мать. Интересно, когда они встречались? До моего рождения или позже?

Хакал вдруг махнул рукой, едва не залепив мне пощечину, и пробормотал:

– Кто ты такая, поди прочь... Позови Анну. Скажи, пусть принесет мне теплое молоко с медом. И мою грелку...

Веки профессора сомкнулись, и он засопел.

Некоторое время я смотрела на него, осмысливая услышанное. Потом подняла упавший с моих плеч плед и прикрыла им колени старика с молодым лицом.

– Он согласился?

Вздвогнув, я обернулась и посмотрела на Рэя. Когда он вошел? Что успел увидеть? Я не слышала ни звука шагов, ни стука двери...

– Он даже не понял, с кем говорит. Ему нужно несколько часов сна без опиума или другой отравы!

– Ты сказала, что мы выполним все его условия? Предоставим любые материалы?

– Любые? А если профессор потребует принести ему алмаз из императорской сокровищницы? Для создания реактива?

Рэй моргнул.

– Ему нужен алмаз?

Я закатила глаза. Похоже, этот парень не знаком с чувством юмора.

– Пока ему было нужно лишь сладкое молоко. Он спит. И он не в себе. Он даже не услышал меня! Не стоило окуривать его отравой.

Рэй склонил голову. Ни смущенным, ни обескураженным он не выглядел. По правде, он выглядел отстранённым – как одна из статуй Старограда.

– Поговоришь с ним утром.

– Ты обещал меня отпустить.

– Когда профессор согласится сотрудничать. – Ренегат пошел к двери, словно потерял ко мне интерес. Толкнув створку, обернулся. – Если не согласится по-хорошему, будем тебя пытаться. У него на глазах. В большинстве случаев это срабатывает.

Я ошарашенно уставилась на спину негодяя, но тот даже не обернулся.

Пытаться? Надеюсь, он это не всерьез? Хотя я ведь только что установила, что у главаря преступников отсутствует чувство юмора.

Рэй открыл дверь и двинулся к лестнице. Мне ничего не оставалось, как следовать за ним.

– Твоя комната, – кивнул ренегат, останавливаясь. – Можешь отдохнуть. Утром снова поговоришь с профессором. В конце коридора есть ванная комната и горячая вода.

Он открыл передо мной дверь и застыл, ожидая, когда я войду. Я так и сделала, заметив, что Рэй вжался в створку, словно опасаясь даже случайного прикосновения.

Дверь захлопнулась, и я осталась одна. Бегло осмотрела обстановку. Когда-то здесь было очень красиво, но сейчас на всем лежала печать запустения и времени. Потолок покрывали трещины, часть лепнины отвалилась. Стены, обтянутые красивым зеленым шелком, выцвели и местами зияли дырами. Мебель выглядела старой, хотя чья-то заботливая рука явно старалась привести ее в порядок. Но здесь было чисто. Кровать под балдахином оказалась застелена свежим бельем, а полы начищены до блеска.

Неслышно ступая, я потянула дверную ручку и высунулась наружу. И подпрыгнула, почти нос к носу столкнувшись с Вулканом.

– Ну вот, я из-за тебя десятку продул! – расстроено сообщил парень. Он снова производил впечатление лопухового простака, но я хорошо запомнила звериный взгляд, которым он одарил меня совсем недавно.

– Я-то здесь при чем?

– Мы с Рэем поспорили, сколько ты продержишься в комнате, прежде чем решишь сбежать. Я ставил на десять минут. Рэй сказал, что ты не выдержишь и пяти. Я продул! Но я не в обиде, если что. На вот, одежда тебе, девчонки дали.

Вулкан сунул мне сверток.

– У тебя кровь на лице. В ванную комнату принесли горячую воду, можешь помыться и переодеться. Тут есть полотенца. Если захочешь есть, столовая налево по коридору.

– Вы не станете меня запереть? – удивилась я, и Вулкан задумался.

– Может, и станем. Потом. Но пока тебе все равно надо перекусить, так ведь? Чтобы были силы перед пытками. Рэй сказал, начнем с отрезания пальцев.

Наверное, я изменилась в лице, потому что лопухий раскатисто захохотал. Отсмеявшись, вытер выступившие слезы.

– Вот это тебя перекосило! Ладно, ладно, не трусь. Сломаем пальцы для начала. Потомотрежем!

Хохоча, Вулкан махнул мне рукой и ушел. Я мрачно посмотрела ему в след. Иногда лучше вообще не иметь чувства юмора, чем иметь... такое!

Несколько минут я топталась в пустом коридоре, сжимая сверток. А потом... потом пошла искать, где можно помыться. Нужная комната в конце коридора оказалась такой же древней, как и все в этом доме. Но в ее центре стояла на звериных лапах ванна из зеленой меди, почти доверху заполненная горячей водой. Рядом пристроились еще два ведра.

Я повертела старинный вентиль, но он отозвался пустым шипением. Ну что за дикость! Неужели в этом доме нет нормального водопровода? И судя по всему – электричества, потому что комнаты освещали масляные лампы, а то и свечи.

Странно. Куда же меня притащили?

Вздохнув, я покосилась на дверь, удерживаемую лишь ненадежным крючком, подумала и стащила с себя испорченное белое платье. Пару мгновений размышляла, снимать ли белье. Вдруг кто-то ввалится, пока я буду мыться? Но потом решила, что я слишком устала для таких переживаний, пожала плечами, разделась и со стоном наслаждения залезла в горячую воду.

Закрыв глаза, некоторое время я просто лежала, согреваясь. Но потом разум снова начал метаться, обдумывая все, что произошло. В голове пронеслась череда сцен из театра, и, конечно, они не имели отношения к постановке. Видел ли кто-то, что произошло в ложе профессора Хакала? А Дамир? Что с ним? Несмотря на то, что куратор

частенько меня злил, я не хотела, чтобы Норингтон пострадал. Вдруг ренегаты его ранили? Или даже...убили?

Я поежилась, решив отбросить тревожные мысли, все равно от них никакой пользы.

Преступники думают, что моя главная цель – сбежать отсюда, но они ошибаются. И надеюсь, никогда не поймут, что я сама хочу задержаться. Ненадолго, конечно. Лишь пока милорд Совершенный не очнется, чтобы рассказать мне все свои тайны. А после... после я найду выход!

Стоило лишь вспомнить безумную Иглу, как становилось не по себе. Не хотелось признавать, что девушка в маске меня по-настоящему испугала. И неизвестно, сколько в этом доме похожих негодяев. Отщепенцы и отбросы общества, порченные. Деструкты. Те, чье место в Песках. Однажды все они там и окажутся. И лопоухий рыжий Вулкан, и ужасная Игла, и седовласый господин, любящий особый чай. И Рэй, которого под опиумными парами я приняла за Августа...

Я вздрогнула, открывая глаза.

Да, их всех ждут Пески, место, откуда не возвращаются. Ведь считается, что Святая Инквизиция обязательно найдет каждого деструкта. Кровавые тени Империи вездесущи и неуловимы, а их пугающей силе невозможно противостоять. По крайней мере, так говорят. А еще говорят, что в Старограде нет ни одного порченного.

Врут.

Я снова мысленно вернулась в театр, вспоминая старика в ложе и ослепительную вспышку его Духа, разорвавшую накинутый на зрителей дурман. Неужели это и правда был сам кардинал Инквизиции? Человек, при жизни ставший легендой. Как и несравненная Аманда.

Слова профессора отозвались во мне глухим, но болезненным эхо. Маму я почти не помнила. Странно, но моя память сохранила совсем немного: красивое лицо в обрамлении светло-серебристых волос, мягкую улыбку и песенку, которую мама напевала мне перед сном.

Я поежилась от внезапного озноба, удивительного в горячей воде. Воспоминания были мутными, невесомыми. Похожими на утренний сон, который хочется удержать, изо всех сил всматриваясь в

ускользающие образы. Но ничего не выходит. А потом просто просыпаешься и понимаешь, что видел грезу. Не более того...

Нахмурившись, я передернула плечами и потянулась к душистому мылу.

Неудивительно, что профессор Хакал знал мою мать. Они оба были Совершенными, входили в ближний круг императора и блистали на одних и тех же закрытых приемах для самых важных людей Империи. Отец никогда не рассказывал мне об этом, но я и сама смогла догадаться, когда подросла. Ричард Вэйлинг не прошел Возвышения и остался пусть выдающимся, но всего лишь военным миротворцем. А вот маме повезло больше. Она не только обладала уникальными способностями, но и сумела стать Совершенной.

Правда, это не помогло ей остаться в живых.

Шестнадцать лет назад деструкты подняли бунт в северной столице. Пытались захватить императора и его наследника, каким-то невероятным образом пробились сквозь стражу и взяли в заложники Совершенных... Мама со своим отрядом первой прибыла к пылающему дворцу, внутри которого держали пленных. Время играло против миротворцев и защитников города. И Аманда Вэйлинг пошла на штурм дворца, не дожидаясь массивной поддержки военных.

Что ж, ей это удалось. Аманда действительно была мощью, с которой невозможно спорить. Она сумела отбить императора Константина и малолетнего принца, сумела освободить пленников. Но сгорела сама. Не успела покинуть пылающее здание. Говорят, она создала холодный коридор, благодаря которому все Совершенные остались живы.

А несравненная Аманда навсегда стала частью руин, которые так и не восстановили. На холме напротив воздвигли новый дворец – в два раза больше прежнего, а развалины оставили в назидание потомкам.

Всех участников бунта, названного «Снежным» из-за бушевавшего над Неварбургом бурана, поймали и казнили в Песках, второй раз после Эзры Кросмана нарушив мораторий на смертную казнь.

Все это я узнала уже позже, когда мы переехали в Нью-Касл и я подросла. Отец рассказал сухо и сжато, а подробности я нашла сама – в газетах и исторических энциклопедиях.

«Аманда Вэйлинг – героиня, спасшая императорскую семью во время Снежного бунта. Благодаря ее воле, выдержке и силе Духа монаршие особы выжили, чтобы и дальше сохранять мир в Империи. Вечная память несравненной Аманде!»

Для меня мама осталась туманным воспоминанием, детской песенкой и портретом на стене. Отец повесил его, чтобы я не забыла ее лицо, но я так и не сумела совместить нарисованные черты с образом из моего детства. Словно они принадлежали разным женщинам...

Ах, да. Еще мне достался сундучок с мамиными украшениями, которые я забрала, уезжая из Касла. «Она хотела, чтобы ты их носила, Кассандра», – сказал как-то отец.

Что ж, мамино наследство стало отличным подспорьем, когда мне понадобилось обосноваться в Старограде.

А вот Альберт Хакал знал Аманду как обычного человека, говорил с ней, даже, кажется, спорил. Удивительно.

Встряхнувшись, я отжала воду с волос и вылезла из ванны. Хватит предаваться глупой рефлексии, это совсем не в моем характере! Прошлого не вернешь, а мне надо заняться своим будущим, так что всем ненужным эмоциям самое время указать на дверь!

Завернувшись в огромное полотенце, я вернулась в комнату, так никого и не встретив. Коридор, освещенный тусклым светом масляных ламп, тонул в полумраке, все окна первого этажа закрывали надежно прибитые доски. Что ж, самое время примерить наряд, который мне принесли и узнать больше об этом месте.

Но когда я открыла сверток, то не сдержала возмущенного вопля.
– Вот же... мерзавцы!

Или скорее – мерзавка. Потому что наряд для меня явно выбирала девушка. Может, Игла? Или другая стерва, желающая досадить незваной гостье!

Коричневое платье внутри свертка напоминало огромный мешок для картошки, такое плотное, широкое и длинное оно было. Ворот стягивала разлохмаченная веревка, рукава висели до самых колен, а подол волочился по полу, когда я пыталась сделать хоть один шаг. Это было самое безобразное одеяние, которое я когда-либо видела!

Вот только мне все равно придется в него облачиться. Белое платье, превратившееся в грязную тряпку, я отправила в мусорное ведро и теперь из одежды у меня имелись лишь трусики. Так что,

шипя ругательства, я все-таки натянула этот коричневый ужас и глянула в старинное, покрытое патиной, зеркало. В стекле показалась нелепая девица в коричневом балахоне, которое невозможно было назвать платьем. И это гадкое отражение почему-то сильно подрывало мой воинствующий дух. Не этого ли добивались те, кто преподнёс такой «подарок»? Надеялись, что я выйду в этой безвкусице, вызывая улыбку своим нелепым видом?

– Не на ту напали! – процедила я, оглядывая комнату. Спустя пятнадцать минут я обрадованно вытащила из ящика комода оставленные там ножницы, и прищурившись осмотрела синий балдахин над кроватью, украшенный лентами и золотыми шнурами.

– Придется проявить фантазию, – пробормотала я, щелкая лезвиями и обновляя безобразный наряд.

Подсыхающие волосы легли на спину темными волнами. Я глянула в зеркало, убедилась, что Маска по-прежнему при мне. А потом сунула ноги в пушистые тапочки, потому что другой обуви мне не принесли, решительно вздернула подбородок и устремила к двери.

Время действовать.

Глава 16. Прогулки по краю

Как и сказал Вулкан, налево по коридору располагалась гостиная-столовая, в центре которой стоял один длинный стол. В углу пыхла древняя печь, рядом с ней крутилась, переставляя кастрюли, невысокая женщина.

На старинных стульях с резными ножками и вытертыми бархатными спинками устроились трое парней и две девушки, по виду – самые обыкновенные. Я могла бы учиться с ними в Аннонквирхе или пройти мимо на улице, не заподозрив в этих людях преступников. И уж тем более – деструктов. К счастью, Иглы за столом не было.

Я присела рядом с коротко стриженной светловолосой девушкой в круглых очках. Ее подруга с пучком темных косичек на макушке отложила спицы, клубок и что-то вытянутое, похожее на желтый носок, чтобы взглянуть на меня.

– Привет, – сказала я.

– И тебе не хворать, кукла, – весело рассмеялся Вулкан. – Выглядишь отлично. И не сказать, что Игла приложила тебя по голове стулом!

Все рассмеялись, словно это показалось им забавным. Я скривилась. Ну спасибо, теперь буду знать, чем меня огрели.

– А мы думали, станешь сидеть в своей комнате до скончания века!

– Уже отдохнула, хватит, – тронула я голову, намекая на забытье после удара, и парни снова рассмеялись. Но, похоже, ирония пришлась им по вкусу, взгляды немного потеплели.

– Я – Мишель, это Фиби, Паук и Демьян. А с этим рыжим ты уже познакомилась, – улыбнулась блондинка, протягивая мне руку. На ее лице показались две очаровательные ямочки.

Симпатичная девушка с виду нечем не отличалась от обычных людей. Неужели она тоже деструкт? Глядя в улыбочивое лицо с ореховыми глазами, прячущимися за стеклами очков, в это верилось с трудом. Ее подруга буркнула что-то неразборчивое и снова уткнулась в свое нелепое вязание.

– Ты, наверное, ненавидишь нас, Ванда. Но на самом деле здесь никто не желает тебе зла.

– Я вас не ненавижу, – пробормотала я, рассматривая компанию. Выглядели они довольно дружелюбными. – Но трудно радоваться тому, что меня похитили.

– Не переживай, сделаешь все, как хочет Рэй, и вернешься домой, – Вулкан сунул в рот кусок мяса, принявшись жевать и говорить одновременно. – Глафное, не пытайся сфэфать, это все равно бефполефно!

– Фу, прожуй сначала! – воскликнула Мишель.

– Почему бесполезно? – заинтересовалась я, но остальные лишь снова рассмеялись.

– Этот дом нельзя найти, – сжалилась надо мной Мишель.

Она развела руками.

– То есть как это?

Демьян – голубоглазый красавчик глянул на меня из-под длинной косой челки и снова уткнулся в книгу, которую читал. На потрепанном переплете темнело название старинной поэмы в стихах, и я едва не закатила глаза. Истиннодух, неужели он по доброй воле читает подобную тягомотину? Однако сильнее дурного вкуса этого умника удивило то, что рот парня был крест накрест заклеен пластырем.

Остальные снова рассмеялись, и я отвела взгляд от своеобразного украшения Демьяна.

– Можешь попытаться покинуть дом, – хохотнул второй парень, названный Пауком – тощий и смуглый, с изрядно разодранной щекой. Лицо парня опухло и покраснело, глаз заплыл, но похоже, это не испортило его настроения.

Я озадачено нахмурилась. Это что, проверка? Но чего они ожидают? Как я должна поступить? Или наоборот – не должна?

– Попытаться?

– Ну да, – пожал худыми плечами Паук. – Выйти из дома, сбежать. Ты ведь все равно попробуешь, так?

– Наверное, – честно сказала я, и деструкты обменялись хитрыми взглядами. Мне это совершенно не понравилось, и я добавила: – Но не сейчас.

– Нет? Жаль, – вздохнул Паук и потянулся к булочке, чтобы намазать ее маслом и медом. – Мы надеялись, ты нас развлечешь.

Я прищурилась, пытаюсь сообразить, что кроется за его словами. Фиби тихо рассмеялась, не отрывая взгляд от желтого носка и быстро-быстро работая стучащими спицами.

– Хватит дразнить Ванду, – одернула Мишель. Похоже, эта девушка числилась местным примирителем.

– Так мы, почти любя, – снова хохотнул рыжий Вулкан. – Ты здорово двигаешься, Ванда, я видел, как ты прыгнула на перила в театре. Где научилась?

– Папа хотел сына, – пожала я плечами. – Тренировал...немного.

У генерала Вэйлинга было две крайности – в первой он, мечтая о наследнике, таскал меня по полигонам и стрельбищам, учил разбираться в оружии и драться. Так могло продолжаться месяцами, пока отец не вспоминал, что я все-таки девочка. На генерала накатывало раскаяние, и от чувства вины он скупал мне все платья и игрушки Нью-Касла, нанимал няnek и учителей музыки. Моим капризам нещадно потакали, а мои требования выполняли так быстро, что я не успевала их придумывать.

Переход от жесткой солдатской муштры к полнейшему попустительству мог случаться по несколько раз в год, иногда вызывая у меня головокружение и непонимание, кто я.

Правда, обе стадии длились ровно до тех пор, пока в наш дом не являлся очередной папин сослуживец. И тут начиналась стадия третья, которую я именовала «забвение». В ней папа вообще забывал, что у него есть ребенок. Няньки и учителя сбегали, устав от моих выходов и проказ, и я оставалась одна, предоставленная собственным мыслям и развлечениям. В такие дни у меня и возникла привычка прятаться в отцовском кабинете, подслушивая взрослые разговоры и собирая чужие тайны.

Возможно, я хотела, чтобы отец меня поймал и даже отругал.

Но этого так и не случилось...

А вот когда в моей жизни появился Староград и маска Ловчего, я вспомнила отцовские тренировки. Как оказалось, в большом городе частенько теряются люди, и обеспеченные горожане готовы отдать любые деньги, чтобы найти пропажу. Вот только для такой деятельности требовались смелость и выносливость. Первого у меня было с избытком, а вторым пришлось заняться, и я начала уделять особое внимание своей физической подготовке и навыкам.

Но все это я, конечно, не стала говорить Вулкану, лишь улыбнулась.

– Отец утверждал, что у меня от природы идеальный баланс. Повезло.

Ну и еще с некоторых пор я не боюсь упасть. Но об этом я тоже промолчала.

Рыжий недоверчиво хмыкнул, но допрашивать не стал.

Фиби оторвала взгляд от своих спиц, окинула меня внимательным взглядом и округлила глаза.

– Ой, какое у тебя платье! Кажется, оно было несколько иным, когда я доставала его из шкафа.

– А, так это ты его выбрала? – Я так же внимательно осмотрела покрасневшие щеки девушки. В отличии от подруги, Фиби не отличалась ни красотой, ни дружелюбием. Но ей хватило совести отвести взгляд и снова уткнуться в вязание.

– Вулкан просил платье для пленницы, я и дала, – мрачно буркнула она. – Какое было, такое и дала. Я думала, ты крупнее.

– Ну да. Примерно, как паровоз.

– Просто ты слишком красивая, Ванда, – понимающе протянул Вулкан. – Девчонкам это не понравилось. Боятся, что тебе перепадет слишком много внимания.

– Чьего? – не поняла я.

– Да уж не нашего. Здесь всех волнует внимание лишь одного человека. А некоторых оно волнует особенно сильно, – заметил Паук и Мишель подавилась чаем.

– Замолчи сейчас же, – Фиби яростно блеснула глазами и подняла спицы, показывая острые кончики. – А не то я тебя...

– Ой, испугала, – буркнул парень с разодранной щекой, но примирительно поднял ладони. – Все-все, молчу. Не надо меня вязать!

Вязать? Я не поняла смысла перепалки, и лишь переводила взгляд с парней на девушек. О ком шла речь? За чье внимание они так отчаянно сражаются?

Впрочем, кажется, я догадывалась...

– А что это у тебя на поясе? Золотой шнур от балдахина? От синего балдахина со звездами? – неожиданно спросила Мишель, явно пытаясь перевести неудобную тему.

Я кивнула, а девушка неожиданно охнула и прижала ладонь ко рту. Ее глаза за стеклами очков стали круглыми, как блюдца.

Даже мрачная Фиби глянула на меня с неожиданным сочувствием, смысл которого я не поняла. Остальные переглянулись. Парень с заклеенным ртом встал и сел на другой конец стола – подальше от меня. Я проводила его недоумевающим взглядом.

– Ладно, забудь, – непонятно пробормотал Вулкан. – Так-то мы ребята мирные, если нас не злить.

– И что же вы делаете с теми, кто вас злит?

– Ну как что? – Вулкан наколол на вилку сочащийся соком кусок мяса и поднял его, задумчиво рассматривая. – Едим, кукла, что же еще. Зачем добру пропадать. Вот ты сидишь тут и улыбаешься, а вторая заложница хотела сбежать. И вот... Я попросил зажарить с кровью, вышло неплохо. Попробуешь кусочек?

Я уставилась на жирный мясной шмат, с которого капала томатная подливка, и ощутила, как к горлу подкатывает комок. Перед глазами встала лежащая за ящиком женщина в изумрудном платье и ее нога, виднеющаяся в разрезе ткани. Это они ее что же?..

Наверное, я побледнела, потому что Вулкан не выдержал, булькнул горлом и принялся хохотать, хлопая себя по колену.

– Поверила! Смотрите на нее, поверила? Позеленела вся! Ладно тебе, не едим мы людей! Индейку предпочитаем! А тетка эта на втором этаже дрыхнет, дали ей успокоительное, вот и дрыхнет! Храпит, между прочим!

Паук присоединился к хохоту, а Мишель укоризненно покачала головой.

– Не обращай внимания, они всегда такие, – доверительно сказала она мне. – Сами дураки, и шутки дурацкие! Не бойся, Рэй справедливый человек. И благородный. Просто сделай все, что он хочет. И тебя никто не обидит.

Я покосилась на девушку. Судя по ее тону, сама она готова была хоть сейчас прыгнуть в костер, если того пожелает ненаглядный Рэй. Впрочем, все остальные тоже закивали, даже Демьян, сидящий в стороне.

Словно услышав, дверь тихо открылась, впуская главаря банды. И все головы как по команде повернулись в его сторону, а в глазах

деструктов появилось такое восторженное выражение, будто в старинную гостиную вошло божество.

Ни на кого ни глядя, божество прошло в дальний угол столовой и село за небольшой столик.

– Он предпочитает одиночество. Всегда ест один, – прошептала Мишель, хотя я ничего не спрашивала.

Кухарка поставила перед главарем кружку чая и молча ушла.

А я встала, не обращая внимания на недовольные и даже шокированные взгляды деструктов, пересекла комнату, со скрежетом подтянула к столу еще один стул и села напротив Рэя. Боком, закинув ногу на ногу. Он поднял голову, и я снова вздрогнула, увидев его глаза.

За спиной вырос Вулкан, явно готовый оттащить меня от хозяина, но Рэй глянул коротко и рыжий испарился.

– Наглая, – констатировал Рэй, рассматривая меня. – Миротворцы все такие?

– С чего ты взял, что я миротворец?

– Разве нет?

– Я еще учусь.

– Вот как. И какая у тебя специализация?

– Пока не выбрала. – Я посмотрела на кружку в руках Рэя, на перчатки. И неожиданно призналась: – У меня неплохо выходит ладить с коровами. Может, в этом мое призвание.

– С коровами? – в его глазах что-то дрогнуло, словно лед треснул с одного края. Крошечный, совсем незначительный скол.

– Да. Я бы сказала, что им нравится мой безупречный вкус в одежде. А мне нравится, что они мычат и не задают вопросов. Если бы эти создания не производили так много навоза, я сочла бы их милейшими существами на земле.

Рэй моргнул. Потом еще раз. Похоже, я поставила его в тупик.

– Ты не похожа на миротворца.

– Почему же?

– Эмоций много. Жизни. А вот умиротворения ни на грош.

– Да, с последним мне не повезло. При раздаче почти не досталось, – огрызнулась я.

Уголок его губ дернулся. Не улыбка, конечно, но хоть что-то.

Рэй посмотрел на мой браслет, блеснувший в разрезе коричневого рукава. И мне неожиданно захотелось натянуть манжет и спрятать

золото, словно стыдную улику.

Чувство было новым. И странным. С чего бы мне его прятать? Я мечтала о браслете с тех пор, как впервые осознала, что это такое!

Взгляд Рэя скользнул к расстёгнутым пуговицам у ключиц и витому шнуру, несколько раз опоясывающему талию, чтобы подчеркнуть мою хрупкость, а потом опустился к голым коленям, едва прикрытым тканью. И напоследок мужской взгляд задержался на розовых ноготках моих стоп и пушистых тапочках.

И снова его губы слегка дрогнули.

– Говоришь, безупречный вкус?

– Несомненно. Поэтому платье пришлось усовершенствовать.

Ножницами.

– Теми, что сейчас лежат в твоём кармане?

Я подняла брови.

– У тебя что, рентгеновское зрение?

– Они оттягивают ткань.

Наши взгляды встретились, и я едва не опустила глаза первой. Но выдержала.

– Точно. Ими.

– Готовила очередную провокацию?

– Думаешь?

Быстро же он меня раскусил...

– Да, – спокойно определил он. – Как и в коридоре, ты пытаешься понять, насколько далеко можешь зайти. И что тебе здесь на самом деле грозит. Но ты боишься, поэтому и ножницы прихватила. Так, Ванда?

Имя он произнес странно, с паузой.

Отрицать было бессмысленно, и я кивнула, соглашаясь.

– Ты умен.

Уголок его рта снова дернулся. Была в этом какая-то тревожащая неправильность...

– Или у меня часто бывают пленники.

Бархатная нотка скользнула в хриповатом голосе. И я застыла, напряженно всматриваясь в знакомые глаза на чужом лице.

– Я тебе кого-то напоминаю? – бесцветно спросил Рэй, поднося ко рту свою кружку. Пить не стал, словно держал ее лишь для того, чтобы

согреть пальцы, обтянутые черной кожей перчаток. Или чтобы заслониться от меня? – Ты смотришь так, словно видишь знакомого.

Или просто схожу с ума. Или сошла давно...

– Вряд ли его можно назвать знакомым, – медленно сказала я, не отрывая глаз от мужского лица со шрамом. – Но да. Ты напоминаешь мне... кое-кого. Только того человека давно нет в живых.

– Что же с ним случилось? – в голосе Рэя не прозвучало ни капли интереса.

Я мотнула головой, все-таки опустила глаза и пробормотала:

– Неважно.

Кухарка поставила передо мной большую тарелку с горячим отварным картофелем, щедро сдобренным сметаной и тертым сыром, а рядом – огромную кружку со сладким чаем, пышную булочку и блюдо с маслом и вареньем. И даже улыбнулась мельком, словно ободряя.

– Ты срезала шнур прикроватного балдахина? Синего балдахина со звездами? – вдруг спросил Рэй, и я кивнула, совершенно сбитая с толку. Сдался им всем этот шнур!

На губах главаря мелькнула странная усмешка.

– Зря ты это сделала. Ему не понравится.

– Кому – ему? – не поняла я.

Да в чем дело-то? Мишель вон тоже о балдахине спрашивала... Что в нем такого особенного? Но Рэй лишь указал на тарелку.

– Поешь, Ванда. И можешь выпустить из ладони ножницы, здесь тебе ничто не угрожает. Конечно, если ты все сделаешь правильно.

– А если нет, ты будешь меня пытаться? – Я глянула на другой конец столовой, где остались деструкты. На нас они поглядывали искоса, но, казалось, снова были заняты своими разговорами. По крайней мере в открытую никто не тарацился. Лишь Мишель теперь недовольно качала головой, сокрушаясь, что я посмела нарушить уединение ее ненаглядного Рэя.

– Это зависит от тебя, – любезно сообщил главарь.

От картофеля шел умопомрачительный аромат, и я все-таки взяла вилку, поняв, что жутко проголодалась. Последний раз я ела в академии, перед тем как отправиться в театр. А восстановление организма требует не только жидкости, но и обильной еды.

– Сколько времени я у вас в плену? – сунула в рот кусочек сладкого клубня и медленно прожевала. Вку-у-усно! – Или это тайна?

– Почему же, – пожал плечами Рэй. – Пошли вторые сутки. Считай, что ты у нас в гостях, Ванда.

Ну да, конечно! В гости волоком не тащат и по голове не бьют!

– Игла сожалеет, что ударила тебя. – Рэй догадался, о чем я думаю.

Вот уж сомневаюсь, что эта безумная испытывает хоть каплю раскаяния!

– Нам был нужен лишь профессор, мы не хотели причинять вред другим.

– Правда? – Я решила сделать вид, что верю. – Ну раз я гостя, мы можем поговорить...по-дружески?

– И что же ты хочешь узнать? – Рэй откинулся на спинку стула. Его черные глаза гипнотизировали, смотреть в них становилось все сложнее. Словно человек напротив видел не просто меня. Словно он смотрел в мою душу. Признаться, это ощущение нервировало.

– Для начала – где мы? Этот дом стоит в Старограде?

И снова эта непонятная улыбка, словно вопрос его развеселил.

– На его окраине.

– Северной или южной?

– Второе.

– О, это там, где остались развалины старой башни с часами? – невинно поинтересовалась, я и Рэй качнул головой, поражаясь моей наглости.

– Этот дом невозможно найти. Так что не старайся.

– В этом доме живут деструкты?

– И они тоже.

– Значит, вы скрываетесь от закона? От инквизиторов?

– Мы пытаемся выжить. Просто выжить.

– И сколько вас здесь?

– Сейчас немного. Каждый приходит тогда, когда захочет.

– Ты тоже деструкт?

– Не злоупотребляй моим гостеприимством, Ванда.

Я выдохнула и поднесла ко рту чашку с чаем. Картошка закончилась, я и не заметила, как слопала целую тарелку и закусила

булочкой. Зато голова перестала болеть и внутри стало теплее, ресурс организма, израсходованный нейро-панелью, восстановился.

– Чего вы хотите от профессора Хакала? Думаете, он может вернуть вам нормальную жизнь, так? Ты в это веришь?

– А ты? – Он вдруг наклонился вперед и оказался ближе, чем я хотела бы. Чем могла вынести. Все-таки Рэй как-то странно действовал на меня. Я не могла оторвать от него глаз. Он притягивал меня как огонь – мотылька. И в то же время мне хотелось сбежать так далеко, как я только смогу...

«Он вывернет твою душу наизнанку, и ты сойдешь с ума...», – змеиный шепот Иглы наполнил уши. Я прикусила щеку, чтобы от него избавиться.

– Я?

– Ты говорила с ним в театре. И тоже спрашивала о разорванных линиях.

– Это неудивительно, – попыталась я выкрутиться. – Его статья вызвала большой резонанс в обществе. Как и всем, мне любопытно. Неужели профессор действительно сумел восстановить линии? Ведь считается, что это невозможно. Разрывы в линии Духа лишь увеличиваются со временем, но никогда не соединяются вновь! Это основа основ, фундамент всего учения о линиях! Профессор хочет опровергнуть то, что считается аксиомой.

Рэй молчал. Кажется, он даже не дышал, словно и не человек вовсе.

Я сделала глоток чая. И сосредоточилась.

Темнота сгустилась. Углы обозначились резче, мир потерял объем и стал двухмерным, будто вырезанным из бумаги... я посмотрела на мужчину, сидящего напротив.

И отшатнулась, едва не перевернув стул. Чай выплеснулся из кружки, обжигая голые колени.

– Что с тобой?

Что? Я задыхалась. И кажется, все-таки ослепла. Словно безо всякой защиты шагнула на орбиту планеты и широко распахнутыми глазами взглянула на млечный путь. Он отпечатался на сетчатке моих глаз и выжег внутри меня рисунок собственных звезд.

Я зажмурилась изо всех сил, но не смогла удержать катящиеся из-под ресниц слезы.

– Ванда, тебе плохо? Позвать врача?

Очень осторожно я приоткрыла один глаз. Потом второй. Истинный Дух, вроде я все еще вижу! Благодарю!

– Да что с тобой?

Я увидела твою душу, Рэй. И она ослепила меня.

Я никогда не видела ничего подобного. Я даже не сумела понять, есть ли в этой звездной системе черная дыра разрыва.

И вряд ли в ближайшее время я решусь еще раз попытаться это увидеть.

Медленно стряхнула с колен капли и допила чай.

– Ты не деструкт.

– С чего ты взяла? – дернулся он.

Похоже, я все-таки смогла пробить ледяную броню этого парня.

– Всего лишь предположение. – Я наконец пришла в себя и смогла восстановить дыхание и способность видеть. Правда, мир вокруг все еще казался слишком блеклым. Так бывает, если по глупости взглянуть на солнце широко открытыми глазами.

– Мой дух разорван сильнее, чем у многих из них, – глядя в одну точку, произнес Рэй. – Деструктами стали те, кого я люблю.

– Что с ними произошло?

– Они изменились.

Лицо Рэя стало замкнутым и пустым, а глаза совершенно темными, словно внутри него выключили весь свет.

– А если профессор ошибается? Или и вовсе – врет? Если соединить линии невозможно?

– Это должно быть правдой! – Рэй почти не повысил голос, но я подпрыгнула на своем стуле, словно меня подбросило потусторонней силой. Что-то в этом человеке было не так... Да что там! В нем все было не так! Начиная от млечного пути, который он носил внутри вместо линий Духа, и заканчивая чужим лицом с глазами мертвеца. Все не так, заberi его бездна!

Компания деструктов вскочила, настороженно глядя в нашу сторону. Рэй обернулся и качнул головой, показывая, что все в порядке. А потом снова качнул, и отступники торопливо покинули столовую, оставляя нас с Рэем наедине. Я едва не присвистнула: вот это дисциплина! Такой мог бы позавидовать и сам генерал Вэйлинг!

Минуту мы молчали, рассматривая друг друга. Я не выдержала первой.

– Э-м... почему ты так смотришь?

– У тебя красивые глаза, – сказал он, глядя на меня в упор.

Я задохнулась. И вдруг показалось, что маска слезла с моего лица, и я осталась неприкрытой и беззащитной. Что странный парень каким-то невероятным образом мог увидеть меня такой, какой я предпочитала не быть. Настоящей.

Я поежилась, внезапно испугавшись и пожалев, что обрезала платье. Я вдруг остро ощутила, что мы остались вдвоем, что он на меня смотрит, и что у меня голые колени. Словно глупая девочка, решившая подергать за усы игрушечного тигра, вдруг обнаруживает, что тигр настоящий и голодный, а вокруг непроходимые дикие джунгли.

Воздуха стало меньше. Темное и густое притяжение разлилось в крови ядом. Нежеланное, опасное. И такое сладкое... С ужасом я ощутила, как внутри медленно разгорается пламя, течет лавой от пересохшего горла до низа живота.

Рэй уставился в свою кружку, из которой не выпил ни глотка. И вдруг тихо спросил:

– Хочешь, покажу тебе дом?

Нет, нет и нет.

Беги, Кассандра. Запрись в своей комнате, подтяни к двери самый тяжелый шкаф и сиди там, пока не придут миротворцы, чтобы тебя спасти. И даже не думай идти за ним...

– Конечно, – сказала я, проигнорировав голос разума.

Мы вышли в коридор и остановились. Рэй на меня не смотрел, он рассматривал пол под своими ногами и все больше мрачнел, словно не понимал, зачем вообще стоит рядом со мной.

– Дом выглядит очень старым, – заметила я, потому что, судя по виду моего спутника, он собирался не только отказаться от показа, но и запретить меня в ближайшем подвале.

– Ему почти три сотни лет, – хмуро ответил Рэй. В его голосе не было ни малейшего намека на желание что-то рассказывать.

– Он принадлежал твоим предкам?

– Семье моего близкого человека. – Рэй посмотрел на меня и тяжело вздохнул, сообразив, что я никуда не исчезну. – Моего

духовного наставника. Ладно. Иди за мной.

Мы прошли до лестницы и поднявшись выше, оказались в сквозной портретной галерее. Большинство рам на обветшалом шелке обоев пустовало, но из некоторых все еще смотрели дамы в кокетливых шляпках и господа в старинных камзолах.

– Похоже, эта семья не бедствовала, – заметила я, рассматривая портрет пожилой матроны в бриллиантовой диадеме.

– Похоже, – по губам Рэя скользнула тень улыбки. Он слегка расслабился, словно нарисованные люди, окружающие нас, создали видимость чужого присутствия и разрушили тревожащее уединение. – В доме было больше ста комнат. Есть каминные залы, библиотека, салон для карточной игры и бывший птичник. А еще когда-то имелась оранжерея, Мишель мечтает ее восстановить. Если нам удастся провести здесь электричество и водопровод, конечно.

– Состоятельная семья. – Я осторожно потрогала выцветший узор на шелке обоев.

– Наставник не любит о них говорить. В юности семья от него отказалась, их судьбы пошли разными дорогами. Но справедливость восторжествовала, и спустя много лет он остался единственным наследником семейного состояния.

– Твой наставник сделал что-то предосудительное? Совершил преступление?

– Он решил служить богу, а не людям. – Рэй остановился у портрета сурового мужчины в бордовом плаще. – Это господин Клаус, основатель династии. Занимался торговлей, владел судами, перевозившими пряности и шелка. А еще – юношей и девушек, которых здесь, на севере, покупали богатые горожане. В качестве развлечения или рабочей силы. К сожалению, потомки господина Клауса продолжили этот путь. Согласись, их методы наживы нельзя назвать благородными. Моему наставнику было невыносимо смотреть на это, и в возрасте восемнадцати лет он сбежал. А вернулся сюда лишь десятилетия спустя.

– Похоже, вы близки? С твоим наставником.

– Он заменил мне отца. Да и мать, пожалуй. И многим пожертвовал ради меня.

– Тогда тебе повезло. Встретить столь преданного человека – большая удача.

Рэй повернул ко мне голову.

– В твоих словах звучит сожаление. Неужели у тебя нет таких близких?

– Конечно, есть, – соврала я, отворачиваясь. – Целая куча.

Краем глаза я видела, что он на меня смотрит, но решила сделать вид, что заинтересовалась портретами, и с преувеличенным вниманием всмотрелась в лицо торговца с поджатыми губами и сурово сведёнными кустистыми бровями. Его голову покрывал белый парик с кудельками, а шею оттягивала толстенная золотая цепь со знаком торговой гильдии. Лицо показалось мне смутно знакомым, но я так и не смогла понять, кого именно напоминает работорговец.

– Удивительно, что дом, который построил фактически преступник, стал приютом для таких, как вы.

– Как мы?

– Деструктов, – тихо сказала я и кивнула на портрет. – Пожалуй, в этом есть какая-то ирония, не находишь? И справедливость.

Он постоял, рассматривая меня. И почему каждый раз, когда взгляд черных глаз останавливался на мне, у меня перехватывало дыхание?

– Пожалуй.

– Значит, твой наставник создал убежище для отверженных? Мишель сказала, что этот дом нельзя покинуть без твоего разрешения. Но почему? Здесь какие-то особые замки?

– Надеешься выведать все мои тайны?

– А получится? – улыбнулась я.

Он отвернулся, но я успела увидеть, как дрогнули его губы.

За портретом основателя висели пустые рамы, еще несколько изображений были настолько старыми, что рассмотреть лица на них оказалось невозможно. Мы двинулись к выходу с галереи и вышли в круглый зал с витражным окном, давно потухшим камином и роялем, укрытым старой пожелтевшей тканью. Похоже, именно здесь когда-то собирались гости работорговца, чтобы выпить пару бокалов дорогого вина и обсудить предстоящие сделки. Сейчас часть витража была заклеена черной пленкой, а старинный инструмент покрылся пылью.

– Здесь давно не убирали. – Рэй оглядывался, словно впервые увидел грязь. – Сюда редко заходят. Мы обитаем в северной части дома, она лучше сохранилась. Что ты делаешь?

Я откинула обветшалую от времени ткань и провела кончиками пальцев по золотой птице на красном дереве рояля.

– Работа самого Эмилия Йонхера, видишь его знак? Говорят, в каждый изготовленный инструмент он вкладывал частицу своего Духа. Хотел таким образом достичь бессмертия. Так и растратил весь свой Дух, до последней капли. Но струны роялей, отмеченных золотой птицей, никогда не ржавеют. Йонхер жил за сто лет до создания нейропанелей и первых Совершенных.

Я нажала на клавишу, и она отозвалась тихим звоном.

– Как думаешь, у него получилось?

Еще одно прикосновение – и звон. Пальцы пробежали по клавишам, и старинный музыкальный салон наполнили звуки. Тихие, нежные, словно задумчивые. Будто инструмент просыпался под моими руками, медленно сбрасывая пыльную грезу. Вспоминал, как звучать. Распевался, набирая силу. И неожиданно для себя самой, я увлеклась. Мелодия «Летнего вальса» нарастала, волной эха перекатываясь в воздухе. И я улыбалась, вспоминая уроки музыки у госпожи Франчески. Пожалуй, единственные, которые я посещала с удовольствием.

– Довольно. – Рука в перчатке легла поверх моей, останавливая музыку. Легла и тут же исчезла, почти не прикоснувшись.

Я повернулась на пыльной банкетке, вскинула голову на Рэя.

– Надеешься звуками привлечь внимание полиции? – спросил он, нависая надо мной.

Я лукаво улыбнулась.

– Ты подозреваешь меня во всех грехах, а мне просто захотелось сыграть. Тебе не понравилось?

Его взгляд упал на мои руки и пальцы. Потом переместился на плечи, шею, лицо. Прошелся по губам и мое дыхание прервалось. Между нами происходило что-то странное. То, что невозможно не чувствовать. И невозможно отрицать.

Черные ресницы Рэя опустились, словно ему хотелось зажмуриться.

– Понравилось.

– Я могу сыграть еще...

– Хватит! – оборвал он. – Даже если бить в барабаны, снаружи тебя никто не услышит. Так что – зря стараешься.

– Я ведь говорю...

– Пожалуй, легче тебе показать, ты ведь не успокоишься. Иди за мной.

– Что показать?

Рэй не ответил, отвернулся и пошел к витражному окну. Нижняя часть окна поворачивалась на шарнирах, открывая проход на широкую заснеженную террасу. Когда-то здесь открывали окно, чтобы дамы в диадемах и господа с сигарами могли освежиться и полюбоваться аккуратно подстриженными газонами и фонтанами внизу. Ежась от ветра и не понимая, с чего бы Рэй решил вытащить меня на мороз, я тоже вышла.

И застыла в изумлении.

Горизонт закрывали горы. Огромные, величественные, со снежными шапками, подпирающими тяжелое небо. Слева от нас блестел бок скалы с застывшим ледяным водопадом. Над ним в невыносимой бездонной синеве парил орел. Справа виднелось ущелье, отвесной стеной уходящее вниз.

Дом ютился на клочке каменистого уступа между небом и пропастью.

Но как? Рэй сказал, что со времени моего похищения прошли всего сутки! Ближайшие горы находятся на западе от Старограда, и путь туда совсем неблизкий! Как мы оказались здесь? Все мы?

Я помотала головой. Нет, что-то не сходится. Неужели деструкты тащили через всю Империю и меня, и профессора, и заложницу в зеленом платье? Зачем? Да и как они могли это проделать незаметно для полиции и инквизиторов? Да еще и так быстро?

– Это что... иллюзия?

Рэй посмотрел одобритительно.

– Ты быстро соображаешь. Но горы самые настоящие. Я вырос в этих местах, видишь, вон там, за ущельем? Вниз по склону ведет тропа к городу. Но сейчас спуска тут нет, как и подъёма, впрочем. А когда-то там был подвесной мост, его строили мои предки. А на этом месте стояла охотничья сторожка. Мы с отцом ночевали в ней, когда я был маленький. Мост и лачугу завалило камнями во время сильного камнепада. Много лет назад.

Загребая тапочками снег, я подошла к краю террасы и, закинув голову, посмотрела на дом. Он весь был здесь. Очень характерная для

Старограда постройка – три этажа, треугольная крыша, лепнина и декоративные колонны на фасаде, витражные сюжетные окна, полукруглые балкончики с чугунными оградами в форме лозы и цветов...

Да, этот дом определенно построили в городе каменных мостов, скорбных ангелов и величайших университетов. Но тогда почему он лепится боком к заснеженной скале где-то на другом конце Империи? Стоит неудобно, частично нависая над пропастью, потому что не помещается на слишком узком для него каменном уступе.

– Как это возможно? – выдохнула я. – Как вы перенесли сюда дом? И нас всех?

Я опустила голову и посмотрела в черные глаза Рэя.

– Это сделал ты. Ты! Но... Истинный Дух! Это невозможно!

Неудивительно, что деструкты говорили об этом человеке, понижая голос. Осознание, что кто-то может обладать подобной способностью, впечатляло и ужасало одновременно. Бог мой, да я даже никогда не слышала о подобном!

– Ты можешь перенести все что угодно и куда угодно? – разволновалась я.

Рэй качнул головой.

– Нет. Только этот дом и только сюда. Но говоря технически, я ничего не перенес. Понимаешь... – Он задумался. – Этот дом по-прежнему стоит в Старограде. Зброшенный, пустой, почти развалившийся дом. И в то же время – он здесь.

У меня в прямом смысле отвисла челюсть. В голове возникли отголоски лекции, где нам рассказывали о...

– Ты расщепил пространство? Да на это не способны даже Совершенные!

– Никто из нас не знает, на что способны Совершенные, – нахмурился он. – Я не могу объяснить, как сделал это. Когда мой наставник принес... привел меня в дом своих предков, я был... был ранен. И не в себе. Я бредил и видел кошмары. А однажды в полусне увидел себя в прошлом, в той сторожке, которой уже давно нет. Утром мой наставник хотел сходить в лавку за молоком и хлебом, и понял, что это вряд ли получится, ведь дом стоял над ущельем.

Рэй усмехнулся, провел ладонью по каменному бортику, собирая снег. Сжал его в кулаке.

– Мы едва не умерли от голода, прежде чем я понял, как это контролировать и вернуться в Староград.

Разжал ладонь, и комок снега упал к моим ногам.

– Невероятно, – честно призналась я. Пушистая снежинка медленно упала на лицо Рэя, качнулась на его ресницах.

Я проследила ее путь.

А потом, по-прежнему глядя на мужчину, подтянулась и села на край каменных перилл. Покачала ногами в пушистых тапках.

– Тут высоко, – Рэй поднял брови, рассматривая меня. – Не боишься упасть?

– А ты? Боишься, что я упаду?

Он качнулся ко мне, но остался на месте. Взгляд прилип к моему лицу.

– Зачем ты постоянно меня провоцируешь, Ванда? – и снова эта едва уловимая пауза перед моим именем.

Почему он делает ее? Не верит в то, что я сказала правду, и это действительно мое имя? Правильно, что не верит, конечно.

– Может, дело не во мне? – беспечно улыбнулась я и одним движением встала на скользкий бортик между террасой и пропастью. – А может, я не умею иначе. Или все-таки надеюсь выведать все твои секреты. На что еще ты способен...Рэй. Расскажешь, что еще ты умеешь? Может, читать мои мысли? Или летать? Говорят, над бездной монстры снимают маски. Так ты носишь маску, Рэй?

Пару мгновений он смотрел, как я балансирую на краю. А потом вдруг рассмеялся и одним движением оказался на заснеженном парапете рядом со мной. Танцуя, я сделала шаг назад. Он – шаг ко мне. Где-то наверху скатился по склону камушек. Может – предвестник камнепада, такого же, что много лет назад погубил стоящую тут охотничью лачугу.

– А ты, Ванда?

Я покачала головой, неспешно отодвигаясь на скользком бортике. Увы, Рэй настиг меня слишком легко и быстро. Он вообще не смотрел вниз. Мы замерли на крохотном пятачке, после которого перила обрывались, потому что часть кладки оказалась разрушена. На миг мелькнула мысль, что я все-таки доигралась и сейчас меня просто толкнут вниз...

Не спуская с меня темных глаз, Рэй снял свою куртку и накинул мне на плечи.

А я вздрогнула, испугавшись этого заботливого жеста.

– Не замерзни...Ванда. Я попрошу ребят найти для тебя обувь, более подходящую для прогулок по краю. Ты ведь их любишь. Думаю, экскурсия закончена. И спасибо за «Летний вальс», я давно его не слышал.

Легко прыгнув, он, не оборачиваясь, скрылся в музыкальной гостиной. Я закинула голову, с силой втягивая горный воздух. Поежилась от холода. И тоже пошла в тепло, размышляя о том, что поразило меня больше. То, что отступник способен расщепить пространство? То, что узнал малоизвестную мелодию вальса? Или то, как рассмеялся, запрыгивая вслед за мной на парапет?

– Кто же ты? – прошептала я.

Теперь стало понятно, почему комната, в которой я очнулась, напоминала склад с едой и всевозможными вещами. Наверняка там были даже снегоступы или лыжи. Возможно, Рэй все еще не уверен в том, что однажды не застрянет в этих горах снова.

И возвращаясь в свою комнату, я вдруг поймала себя на мысли, что совсем не против тут застрять.

И эта мысль меня испугала.

Глава 17. Финариум

Добыча в виде куртки с плеча Рэя оказалась пустышкой. Я проверила ее вдоль и поперек, исследовала швы и карманы, но все что мне досталось – лишь клочок салфетки и фантик от конфеты. Я понюхала его – мятная.

Может, это вообще не куртка Рэя. Может, он стянул ее с кого-то в Люпьевском театре. Или взял в одном из ящиков, набитых всякой всячиной.

Подумав, я решила идти другим путем – исследовать дом. Образ сумасбродной куклы для этого оказался вполне удобным. Почти два часа я бродила по коридорам и лестницам, заглядывала в комнаты, которые были открыты, и пыталась вскрыть те, что оказались закрыты. Иногда за дверьми попадались местные обитатели, но на меня они реагировали вполне доброжелательно. Похоже, все уже были осведомлены о новой жительнице этого дома, хоть и временной.

Как и сказал Рэй, обитаемой оказалась северная часть поместья. Блуждая по ней, я насчитала два десятка жителей, по большей части – парней. Девушек было всего несколько, включая доброжелательную Мишель и вредную Фиби, подруги делили одну комнату. Когда я заглянула, делая вид, что заблудилась, Фиби лишь что-то буркнула, снова поглощённая своим вязанием, а Мишель обрадовалась гостье и тут же попытались пристроить меня к уборке дома. Я сбежала так быстро, что не успела даже услышать, где именно должна вымыть и убрать.

На первом этаже дома располагались хозяйственные помещения: склад, кухня со столовой, несколько чуланов, набитых всяким хламом, и несколько закрытых комнат, замки в которых не поддавались моим ножницам. Ну и еще комната, выделенная для меня. На втором этаже я увидела кабинет с поцарапанным, но еще крепким дубовым столом, остатки большой, но сейчас почти полностью уничтоженной библиотеки и остальные жилые комнаты. А еще здесь была галерея с картинами, соединяющая две части здания. Лестница на третий этаж местами обвалилась, и я решила, что наверху нет ничего интересного –

кто захочет каждый день подниматься по шатающимся ступенькам, рискуя свалиться вниз и свернуть себе шею?

Где живет Рэй, я так и не поняла.

Может, его комната была одной из тех, куда я не смогла попасть?

Или... или он делил помещение и кровать с одной из девушек? Например, с красивой белокурой Ванессой, проживающей над кухней. Болтать со мной блондинка не пожелала, похоже, она, как и Игла, не жаловала бесцеремонных незнакомок.

Кстати, саму Иглу я тоже не нашла, но это обстоятельство меня лишь порадовало.

А вот что огорчило и вызвало недоумение – так это происходящие вокруг странности. И исходили они не от жителей, а от самого... дома! Пока рядом был Рэй, ничего особенного я не замечала, но чем дольше я шаталась по коридорам, тем больше становилось непонятностей.

Паркетные доски вдруг ломались, образуя ямы, в которые проваливались мои ноги. Ступени натужно скрипели, словно решив оповестить о моих шагах всю империю, а двери комнат и чуланов хлопали, норовя прищемить мне нос. В одной из пустующих комнат с полки свалился глиняный горшок, я едва успела отпрыгнуть, чтобы спасти от удара голову. Списала падение на кривую полку и сквозняк, но недоумение осталось. А когда из каменной кладки стены стали вываливаться камушки, да прямиком на мои плечи, к недоумению добавилась еще и злость.

Да какого черта? Это не дом, а развалюха!

Пока я блуждала, составляя мысленный план здания, наступила ночь. Окна на первом этаже были заколочены досками, и теперь я знала почему. Чтобы в старое здание, стоящее на окраине Старограда, не забрались бездомные или бродячие псы... В окнах первого этажа давно не было стекол. Зато выше стекла все-таки имелись, пропуская солнечный свет, которого хватало и на коридоры.

Но стоило солнцу скрыться за скалами, как дом погрузился в ночной сумрак. Освещение, конечно же, не включилось, здесь пользовались свечами и древними масляными лампами.

Бродить в потемках по дырявым доскам мне совершенно не нравилось. Во тьме стало казаться, что тени следят за мной злыми настороженными глазами, а за каждым поворотом поджидает монстр.

К тому же я банально устала и проголодалась.

Этот день меня окончательно вымотал.

Так что я решила вернуться в свою комнату и немного отдохнуть, чтобы набраться сил перед новым боем.

Но стоило открыть дверь, и я нос к носу столкнулась с Вулканом, едва не взвизгнув от неожиданности. Парень широко улыбнулся, показав впечатляющую щербинку между зубов.

Я ответила хмурым взглядом.

– Ты что это тут делаешь?

– Принес тебе ужин, свечи и спички. Ну и одежду еще. А ты где была?

– Гуляла. Ты знаешь, что этот дом разваливается прямо на глазах! – гневно выдала я. – Неужели нельзя лучше смотреть за этими дурацкими стенами и лестницами! Пару раз мне на голову едва не свалился булыжник!

Вулкан как-то придушенно хрюкнул и покосился на мое платье, подпоясанное шнуром с кисточкой.

– Ага, разваливается. Иногда. Ты того... ходи осторожно. А лучше сиди в комнате, Ванда.

– Ты пришел запереть меня?

– Нет... Но если не переоденешься – запрю. Рэй сказал найти для тебя штаны, чтобы ты не расхаживала с голыми коленями.

– А ваш Рэй не любит женские колени? – невинно поинтересовалась я, и Вулкан поперхнулся. Глянул на меня как-то странно, почесал огненную макушку.

– Он велел найти тебе одежду, потому что к ночи сильно холодает, отопления тут нет, как видишь. И отдать, когда ты закончишь шарить по дому и вынюхивать наши страшные тайны, конечно.

– Кто тут шарит? – притворно возмутилась я.

– Ну ты. Рэй сказал как-то по-другому, но суть-то одна. На вот, я нашел, что есть.

Мне в руки опустился увесистый сверток.

– Ночью тут и правда довольно холодно. Я тебе там еще одеяло на кровать положил.

– Тоже Рэй велел? – почему-то внутри стало тепло.

– Ну. Замерзнешь и что? Кого пытаться будем?

– Ой, ври больше, – буркнула я. – Что-то не верится, что кто-то из вас способен на пытки. Особенно Рэй.

Вулкан наклонился ко мне и заговорщически подмигнул.

– Так думали все, на чьих костях нынче пируют в темнице крысы, – могильным голосом провыл этот клоун. – А забота Рэя – это тактика такая. Усыпляет бдительность. А потом – кляц!

Вулкан щелкнул зубами перед моим носом.

– И все. Труп!

Я внимательно посмотрела на конопатое лицо и заинтересовалась:

– У вас есть темницы?

Вулкан тоже посмотрел на меня очень внимательно.

– С тобой вообще неинтересно, – пожаловался он. – Ты что, совсем не боишься?

– Конечно, боюсь, – ободрила я. – Так темницы покажешь?

– Ничего я тебе не покажу. Никакого... понимания! – расстроился парень. – Держи вот свои тряпки, сама тут выберешь. И не ходи в темноте, это опасно. Споткнёшься еще... Мы здесь рано ложимся спать, свечи экономим. Завтрак в семь утра! Кто опоздал, тот до обеда голодный! И хватит просто так шататься, утром найду тебе полезное дело.

– Я тут вообще-то пленница, – напомнила я.

– Точно. Значит, отправишься разбирать кладовую. Наши уже полгода переключивают эту работенку друг на друга, а ты-то – пленница! Вот и наведешь порядок в старых сундуках.

Ну да, делать мне больше нечего.

– Все, я пошел. – Вулкан широко зевнул, не прикрывая рот.

– Эй, а где комната Рэя? – крикнула я вслед уходящему парню.

Тот повернул голову и хитро подмигнул.

– А Рэй велел тебе не говорить!

– Что... – опешила я. – То есть он знал, что я спрошу?

– Утром переоденься, милашка! Не надо Рэя злить.

– А то что? – крикнула я в след рыжему, но он только хмыкнул и не ответил.

Я хотела кинуть ему вслед что-нибудь тяжелое, но, увы, под рукой ничего не оказалось. Пришлось довольствоваться гневными взглядами, которых Вулкан даже не заметил.

– Ну и чем проклятого Рэя не устроили мои колени? – пробормотала я, входя в комнату. Но решила все-таки не спорить. Пожалуй, достаточно на сегодня провокаций. Правда, не могу сказать,

что мне они помогли разобраться в характере главаря банды. Все, что я пока могла сказать об этом человеке – он держит в узде любые свои эмоции. Мне не удалось разозлить его или заставить кричать, выдавая истинные намерения и чувства. Я увидела лишь то, что он мне показал. То есть ровным счетом ничего!

Хотя...

Он велел мне переодеться. Это можно считать подсказкой? Почему хладнокровный Рэй не желает видеть голые женские ноги? Я припомнила одежду Мишель и Фиби – свободные штаны и свитера. Они одеваются так по приказу главаря или в подобном виде просто удобнее?

– Занятно, – воодушевилась я. Завтра попробую узнать больше, а пока... пока у меня начали слипаться глаза. Дом погрузился в сонную дрему. Крохотный язычок свечи освещал такое же крохотное пространство вокруг стола, на котором стоял стакан молока и лежала булочка.

Я скинула тапочки и дурацкое платье, которое и мне самой уже порядком надоело, залезла на кровать, укуталась в пахнущее травами одеяло. Сидя в теплом коконе, медленно сжевала свой ужин, размышляя о Мишель и Фиби, о жуткой Игле и Пауке, наглom Вулкане, высокомерной Ванессе и парне с пластырем на губах. Обо всех, кого успела увидеть в столовой или заметить в комнатах наверху. А особенно о парне с некрасивым лицом и красивыми глазами...

Я не заметила, как уплыла в дрему.

Проснувшись как от толчка и некоторое время лежала, пытаюсь сообразить, где нахожусь. На столе медленно оплывала свеча, огненный лепесток почти добрался до медного подсвечника. Вулкан приказал свечу экономить, но я, конечно же, об этом забыла и без надобности истратила почти всю. Отсутствие часов и окон не давало понять, который час, но судя по сгоревшему воску – все еще глубокая ночь. Я смежила веки, намереваясь еще поспать. Как вдруг на потолке зашуршало, заскрежетало. И прямо на кровать, в сантиметре от моей головы, шлепнулся кусок штукатурки! Я подпрыгнула на матрасе, мигом растеряв остатки дремы. Второй кусок некогда красивой лепнины, украшающей потолок, откололся и свалился прямо на мою ногу, оставив синяк!

– Проклятый дом! Ты решил развалиться именно сейчас? – едва не завопила я.

Скатившись с кровати, я потянулась за одеждой. Дверца шкафа распахнулась и треснула меня по лбу.

– Да какого черта тут творится? – Я отпрыгнула в сторону, потирая то ушибленную голову, то раненую ногу, и с подозрением осматривая потолок и мебель. Комната молчала, но эта тишина сильно смахивала на затаившегося в засаде врага.

Смахнув с одеяла куски лепнины, я некоторое время стояла, ожидая новых пакостей. Но ничего не происходило. Я покосилась на теплые объятия постели, размышляя, стоит ли им отдаться.

И тут где-то в глубине дома раздался жуткий вой. Приглушенный, словно зверя накрыло подушкой, но в то же время слышимый и невыносимый. Что здесь происходит? Может, волк попал в капкан? В горах полно зверей...

Вот только звук идет не снаружи. Волк забрался в дом? Ужас какой...

Новый рык-вой заставил меня подпрыгнуть, торопливо натянуть узкие джинсы, белый свитер и ботинки, найденные в свертке Вулкана, а потом выглянуть в коридор.

Правда, сначала пришлось повоевать с дверью – ручку заклинило, и она никак не желала поддаваться!

– Не дом, а лачуга, что не тронь – ничего не работает, – разозлилась я, едва не оторвав проклятую штуковину.

Ручка болезненно щелкнула по пальцам, но все-таки поддалась и дверь открылась.

Я высунулась наружу.

Коридор тонул во мраке. Лишь в самом конце тускло блестел зеркальный светильник с огарком внутри. Его света хватало лишь на то, чтобы не наткнуться на стены.

Новый вой прозвучал тише и глуше, но в нем отчетливо слышалась невыносимая боль. Похоже, все-таки капкан...

Я сжала в кулаке ножницы – свое единственное оружие. Инстинкт самосохранения подсказывал, что лучше бы мне спрятаться в своей комнате, а не блуждать во тьме, но я знала, что этот путь не для меня. Я не смогу сидеть в неведении, вслушиваясь в жуткие звуки.

Волк? Нет... не похоже. Но тогда кто может издавать подобное завывание?

И странно, но в коридорах дома никого нет. Неужели никто ничего не слышит?

Я нахмурилась, гадая, не послышались ли мне звуки. Все-таки порой я не была уверена в правдивости того, что вижу.

Обойдя первый этаж, я остановилась, прислушиваясь. Новый вой звучал где-то внизу. Тише, глуше, болезненнее. Словно у того, кто выл, больше не было сил! Я встала на колени и прижалась ухом к полу. Точно! Звук идет снизу! Обвела взглядом стены: где-то должна быть еще одна дверь. В старых домах полно тайных ходов. Вспомнилась карта Аннонквирхе, которую я шантажом и подкупом раздобыла у одного из выпускников еще на первом курсе и которая пять лет помогала мне избегать нежелательных встреч в узких коридорах академии.

Снова осмотрелась. На стене темнели заржавевшие кольца для факелов. Я подергала каждый и когда часть стены неохотно поддалась, приоткрывая узкую щель и каменную лестницу, хмыкнула.

– Дилетанты, – пробормотала я.

Постояла, всматриваясь в лаз. Куда он ведет? Может, к тем самым темницам?

Ладно, не спущусь – не узнаю. И не успокоюсь!

Узкий спуск со стертymi каменными ступенями вел вниз так долго, что я начала волноваться. Освещения не было, и двигаться пришлось в полнейшей темноте, на ощупь.

Я спускалась, размышляя, кто и зачем построил в этом доме тайное подземелье, да еще и такое глубокое. Впрочем, Староград называют не только городом знаний, но и памятью предков. Знаний – потому что в городе расположены самые известные академии и университеты империи, а памятью из-за сотен вековых дворцов и зданий – обитаемых и разрушенных, хранящих свои мрачные тайны.

Тьма оборвалась внезапно. Еще один поворот и мрак рассеялся.

На бронзовых подставках оплывали и плакали воском свечи. Немного – всего три штуки. Лепестки огоньков освещали стену со старой фреской Истиннодуха, аккуратно подправленной чей-то заботливой рукой.

Перед изображением стояла клетка, в которой билось... нечто.

Поначалу мне почудилось, что об прутья ударяется действительно зверь – страшный, изломанный, жуткий. Но потом я заметила одежду. Вернее, лоскуты – то, во что превратились штаны и рубашка. Мужчина... существо было мужчиной. Но не человеком. Ощущая, как подкатывают к горлу тошнота и ужас, я рассмотрела согнувшегося монстра – тощие, сложенные назад, как у кузнечика, ноги. Неестественно согнутую спину, с частоклом кривого позвоночника. Худые и длинные – слишком длинные – руки с черными когтями, совсем не похожими на ногти человека. Эти когти рвали что-то темное в углу клетки, и монстр издавал то чавканье, то тот самый вой, что меня разбудил.

Я сглотнула, поняв, что именно темнеет за прутьями. Оленья туша. Уже наполовину сожранная монстром. Существо запускало в брюхо добычи пальцы с четырьмя суставами, выдирало кусок и тащило ко рту. Рядом в пятнистой оленьей шкуре что-то зашевелилось и из trebuхи высунулась страшная крысиная морда, на которой моргнули два черных глаза. А потом...потом другие два черных глаза!

Видимо, я издала какой-то звук, потому что монстр застыл. Выпрямился. И посмотрел на меня! Не оборачиваясь! Там, где должен быть затылок, оказалось лицо. Почти обычное, мужское, странно знакомое... А потом шея существа с хрустом повернулась, и я увидела, что спереди у него еще одни глаза и рот, измазанный красным.

Двуликое чудовище зарычало, облизываясь. И всем телом бросилось на прутья, которые прогнулись под его весом. Невероятно длинные руки с двумя локтями вытянулись и схватили меня за край свитера. С воплем я воткнула ножницы в жуткую ладонь, пальцы с когтями разжались, и я шарахнулась назад! И наткнулась на что-то живое... кого-то. Еще один монстр!

Ничего не видя от страха, ударила локтем, извернулась в держащих меня лапах, ткнула, не глядя, окровавленными ножницами, пнула ногой... Чудовище охнуло, и я ударила снова, метя в сердце. И свалилась на пол от четкой подсечки врага. Мои руки одним рывком стянули за спиной, а голову прижали к холодным камням подземелья. Я дернулась, взбрыкнулась, заерзала, пытаюсь сбросить тяжёлое тело, навалившееся сверху, но чудовище оказалось сильнее. Гораздо сильнее! Запястье сдавило, и я выпустила из ослабевших пальцев

ножницы. И уже хотела тоже завывать, как сверху раздался знакомый голос.

– Хватит! Ты поранишь нас обоих. Хватит, Ванда.

Заминка перед именем обеспечила мгновенное узнавание.

– Рэй? – выдохнула я, согревая дыханием камни.

– Это я. Успокойся.

– Ты? И почему это должно меня успокоить? – возмутилась я.

Тяжесть чужого тела исчезла, и я рывком откатилась, сгруппировалась, готовая снова биться за свою жизнь. Но передо мной действительно стоял Рэй. Мрачный и злой, но по-прежнему похожий на человека.

– Какого дьявола ты тут делаешь? – процедил он.

Не отвечая, я перевела взгляд на клетку. Существо сидело на корточках в тёмном углу клетки, почти спрятавшись за остатками оленя. Рядом вертела головой крыса с двумя хвостами и четырьмя глазами.

– Что это такое? – прошептала я.

– Иди наверх, – приказал Рэй. И видя, что я не двигаюсь, повысил голос: – Иди, я сказал! Ты его пугаешь.

– Это я-то пугаю? – моему изумлению не было предела.

Под злым взглядом темных глаз я дошла до лестницы и остановилась. Рэй возле клетки что-то сказал, тихо, слов не разобрать, а потом бросил внутрь флягу. Чудовище кинулось к ней, сгребло подношение и, жадно хлюпая, принялось пить. В измазанный красным рот полилось черное пойло, и я уловила запах, смутно знакомый. Где-то я уже его ощущала, совсем недавно...

Но понять не успела, потому что Рэй отошел от клетки и повернулся ко мне. Окинул недовольным взглядом.

– Я ведь велел убираться.

За его плечом на меня смотрели сквозь прутья мужские глаза. И вдруг я поняла.

– Это же тот человек! Седовласый господин, которого я приняла за главаря! Это он? Но что...

– Идем.

Мое плечо сжала рука в перчатке и тут же отпустила.

Я повернулась и пошагала вверх. Рэй бесшумной тенью двигался следом.

Я шла и все не могла выбросить из головы двуликого монстра. Истинный дух! А что если все в этом доме – такие же? Что если улыбки Мишель, подначки Вулкана и зубоскальство Паука – всего лишь маски, чтобы скрыть сущность? Потому никто не откликнулся на вой... Они все знают, что происходит внизу! И все они – такие же! Сидят за дверьми разваливающегося дома, точат клыки и когти...

– Мы не чудовища, – резко сказал за спиной Рэй, и я резко обернулась. Но вопреки ожиданиям, он не наткнулся на меня, а остановился на ступеньку ниже.

Он что же, мысли читает?

– Нетрудно догадаться, о чем ты думаешь, – глухо произнес мужчина. Мутные потоки света снизу обрисовывали его силуэт и острыми гранями расчерчивали лицо.

– Не чудовища? Поэтому это... этот человек сидит в клетке?

Меня все еще лихорадило от пережитого страха. Рэй хмуро указал вверх, не желая разговаривать на лестнице. Возможно, существо внизу могло нас услышать.

Я снова отвернулась и решительно пошла вперед. Присутствие Рэя ощущалось легким, едва уловимым дыханием позади и тихими шагами. Мелькнула мысль, что он тоже может быть монстром, причем самым страшным из всех, не зря ведь его тут слушаются...

В молчании мы покинули тесный лаз, прошли коридором и свернули в пустую столовую. Рэй зажег фитилек лампы, похоже, он отлично ориентировался во тьме этого дома. Потом поставил чайник на старую плиту, достал кружки. Чай он тоже заваривал в молчании.

Я села у стола, напряженно наблюдая точные, скупые движения молодого мужчины. В нем не было никакой суеты, никакого беспокойства. Отточенная размеренность и плавность, похожая на танец.

Моргнула, когда Рэй поставил передо мной кружку, наполненную ароматным сладким чаем. Я хотела сказать, что не пью сладкий чай и не люблю травы, но почему-то молча сделала осторожный глоток. На губах остался вкус дикого меда, липовых соцветий и мяты. Вкусно... Подняла голову и сразу наткнулась на темный взгляд, в котором плясало отражение огня. Эти блики во тьме завораживали, и я потрянула головой, не желая поддаваться странной магии этого человека.

– Человек внизу – деструкт, – резко сказала я. – На последней стадии. Финариум.

– Их двое: Брэдди и Нейл, – сипловато ответил Рэй. – Но в обычном состоянии он предпочитает просто Нейл. Брэдди уже все равно, вряд ли он помнит свое имя.

– Двое? Значит, он...двоедушник? Нам рассказывали о подобных случаях...

– Когда-то они были братьями. Попали в низкочастотную воронку у нижнего Лэндариума. Там большая яма скверны, ты знаешь? Потому и живут одни бедняки, те, кто не может позволить себе более чистое жилье. Это давно было... Братья сражаются уже много лет. Но разрыв Духа разрастается, меняет тело и поглощает разум. Нейл еще держится.

Я сжала пальцы на горячей кружке, не ощущая ее жара, и Рэй опустил взгляд, очень внимательно рассматривая мои запястья и пальцы. Так внимательно, что мои щеки, наверняка, покраснели.

– Мне жаль, что ты...испугалась. Я думал, миротворцы знают, как выглядят такие деструкты.

– Я еще не закончила обучение, – качнула головой, стараясь не думать о том, что мы здесь вдвоем. Одни. – Да и потом, ловить порченных – дело Святой Инквизиции, а не миротворцев. Студентам Аннонквирхе лишь рассказывают о безумных чудовищах, которые милостью Империи доживают свой век в Песках.

– Милость? – Рэй усмехнулся. – Думаешь, можно применить это слово?

– В Песках о деструктах заботятся, – не слишком уверенно произнесла я. Все же, слухи о страшном месте ходили разные... – Говорят, даже лечат. Пытаются лечить.

Рэй снова усмехнулся, и я осеклась. Никто не вернулся из Песков, чтобы поведать о чудесном исцелении от разрыва.

– Деструктов не казнят лишь потому, что убийство может образовать блуждающий вихрь, опасный и для других людей. Но не считай это милостью, Ванда.

Тьма в его глазах словно стала глубже и острее, и пламя огня задергалось, задрожало. Но длилось это лишь миг. Рэй сделал глоток чая, успокаиваясь.

– Когда Нейл ощущает приближение приступа, он сам идет в клетку, которую я запираю. Бредди же давно утратил разум, превратился в зверя. И он требует крови. Но Нейл все еще сражается. Подумай, каково ему видеть то, чем стал его брат. И чем становится он сам.

– Ты даешь ему какое-то лекарство? – вспомнила я черное пойло и булькающее горло.

– Некоторые травы и препараты латают разрыв. Увы, эффект недолговременный, а промежутки между приступами становятся все короче.

Я содрогнулась.

– Что будет, когда лекарство перестанет действовать?

Рэй потер переносицу и не ответил. Да и что он мог сказать? Я и сама все понимала. В этом доме живут молодые деструкты, и если Нейл станет для них смертельно опасен...

Я тоже не стала продолжать, даже в своей голове.

Некоторое время мы молча тянули остывающий липовый чай. Углы кухни тонули во мраке, за окном завывал горный ветер. Но здесь, внутри дома, было тепло и безопасно. Странное ощущение после всего, что я увидела в этом месте. И все же...

– Это Нейл собрал всех, кто проживает здесь. У него был приют для деструктов под Нью-Лимериком, в старом аббатстве. Они жили там, скрываясь, несколько лет. Но аббатство сгорело в прошлом году, инквизиторы все-таки добрались до Нейла и его подопечных. Сбежавшие подались в Староград, надеясь затеряться на севере. Здесь мы и познакомились. Отверженные и проклятые всегда находят друг друга... Этот дом – их последнее убежище, больше идти некуда. А эти люди – не чудовища. Они те, кому просто не повезло.

Я прочистила внезапно сжавшееся горло.

– Надеюсь, профессор действительно знает, как восстановить разорванные линии. Утром я поговорю с ним, попытаюсь убедить сотрудничать с вами.

Рэй кивнул, забрал мою пустую кружку, отнес к раковине и снял перчатки. Я подалась вперед, ожидая увидеть нечто ужасное. Шрамы? Увечья? Что-то еще хуже?

Но ничего подобного под перчатками не было. Его руки оказались красивыми. Узкие, но сильные запястья, длинные пальцы с аккуратно

подстриженными овальными ногтями.

Рэй тщательно вымыл две кружки в миске с водой, поставил на сушку и снова спрятал руки под кожей перчаток. Я смотрела на его напряженную спину, обтянутую черной рубашкой, на широкий ремень брюк, на синие джинсы, облегающие рельефную фигуру, и думала совсем не о чудовищах. Подлое воображение сдирало с Рэя одежду, освобождая тело от ткани и являя моему взору скрытое. Фитиль лампы зашипел и едва не угас, словно тьма расширялась и становилась сильнее, пожирая крохотные искры света.

И мне вдруг захотелось, чтобы она победила, чтобы свет сдох окончательно, а Рэй повернулся ко мне, сделал два шага между раковиной и моим стулом, рывком притянул к себе и...

И?

Совершенно неуместно вспомнилась тяжесть его тела, прижимающая меня к полу подzemелья. И темнота кухни вдруг показалась слишком... интимной. Пелена, отрезающая от всего мира, прячущая в своих нежных объятиях. Сумрак, в котором мысли становятся тягучими как дикий мед, а порочные образы оживают... Те самые, где летят сброшенные на пол кружки, и чай выплескивается на старые паркет. Где два тела вжимаются друг в друга, сплетаются пальцы, щекочут кожу разметавшиеся волосы... Где шелестит и рвется торопливо срываемая одежда, где шипит, угасая лампа и сухие губы наконец встречаются, чтобы проникнуть и почувствовать, ощутить чужую сладость...

Внезапная дрожь прокатилась по телу, делая его слабым. Сердце забилось чаще, и я не смогла сдержать рваный вдох. Нервничая, облизала пересохшие губы.

– Ты что-то добавил в напиток? – я поразились хрипловатым ноткам своего голоса.

Рэй тоже втянул воздух.

– Это был обычный чай, – резче чем следовало, сказал он.

– Да? Я ощущаю себя странно...

– Дело не в чае. Прости, мне не стоило... думать.

– Что? – растерялась я.

– Иногда мои мысли влияют на этот мир.

Я оглянулась: лампа затрещала и почти погасла. Темное и сладкое разливалось в воздухе, лишая дыхания.

– И о чем же ты думал, Рэй? – тихо, словно боясь спугнуть эту темноту, сказала я.

Он на миг сжал край раковины.

– Идем. Я провожу тебя в комнату, – все так же резко бросил ренегат, направляясь к двери. На меня он не смотрел.

Странные, совершенно дикие желания потрясли даже сильнее, чем финариум в клетке.

Что сейчас произошло? Почему я об этом думаю? В самом неподходящем месте и с самым неподходящим человеком! Да он же преступник, ренегат, изгой! Он даже не красив!

Эти мысли были ужасными.

Или...нет?

Даже сейчас я почти до одури желала ощутить поцелуй со вкусом липового чая.

А когда Рэй все-таки обернулся и наши взгляды встретились, я увидела лихорадочный блеск в темных глазах и поняла, за какие мысли он просил прощения.

Это желание, как и темноту, мы разделили на двоих.

Глава 18. Новая надежда

Проснувшись я от куска штукатурки, снова плюхнувшись с потолка. И на этот раз весьма удачно, прямым мне на лоб!

Ойкнув, я открыла глаза и выругалась. Да какого черта! Почему мне не дали комнату без неприятных сюрпризов!

Ночью Рэй проводил меня до комнаты и, молча развернувшись, ушел. Даже не пожелал мне спокойной ночи, мерзавец. Да что там, он на меня даже не смотрел, а стоило оказаться возле моей двери, сбежал так быстро, словно я сама была фонариком!

Я ругала его про себя, пока не уснула. Второй раз за эту ночь.

А проснувшись от шлепка по лбу очередным куском лепнины.

Нет, это уже слишком!

Чертыхаясь, я натянула брошенные на пол джинсы, футболку и свитер, влезла в ботинки. Задержалась у зеркала, чтобы расчесать волосы и проверить наличие Маски – все-таки даже на войну стоит отправляться красивой!

И помчалась на кухню, где за столом уже собрались обитатели дома.

– Я требую выделить мне другую комнату! – с порога заявила я, не здороваясь. – Моя разваливается! На меня падает штукатурка, и я уже отбила ноги о половицы! Безобразие какое-то!

Светловолосые братья-близнецы, имен которых я не знала, переглянулись и почему-то усмехнулись. Вулкан низко-низко опустил голову, но я успела заметить щербатую улыбку. Паук и парнишка лет двенадцати с краю как-то странно хрюкнули и закрылись кружками. А Мишель, кажется, смутилась.

– Ванда, понимаешь, тут такое дело... – Она посмотрела на Фиби, ища поддержки подруги, но та лишь пожала плечами. – Боюсь, смена комнаты не поможет.

– Да как это не поможет? – возмутилась я. Даже садиться не стала, так и стояла, едва удерживаясь от того, чтобы не упереть руки в бока, как делала кухарка в родительском доме. – Я же видела, здесь полно комнат! И некоторые вполне приличные. Не люкс, конечно, но штукатурка с потолка не сыпется, а шкафы не хлопают дверцами!

– Ого, и шкаф тоже? – почему-то восхитился Вулкан и светловолосые наглецы рассмеялись в голос.

Да как они смеют?!

– Дело не в комнате, – мягко и смущенно произнесла Мишель. – Дело в тебе, Ванда.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты что-нибудь слышала о корпускулярной остаточной энергии Духа?

Я моргнула с недоумением. Вулкан отсалютовал кружкой.

– Милашка, ты же миротворец, в ваших акадэ-э-миях должны о таком рассказывать. Ну, вспомнила? Четвертый уровень гармонизации Духа и его последствия.

Я нахмурилась. На четвертом уровне у некоторых миротворцев может открыться талант воздействия на неживые предметы и механизмы. Мой *ferrum mostro*, например, сделан с применением подобной технологии. Он замедляется, когда мне это необходимо, и переходит в режим боевой готовности, стоит ощутить мой азарт. Такие механизмы считаются условно живыми, они максимально надёжны и почти никогда не попадают в аварии.

Но при чем тут корпускулярная энергия?

Я нахмурилась еще сильнее, потом вспомнила, что так могут появиться морщины, и расслабилась. Правда, думать не перестала. Почему-то под насмешливыми взглядами этих оборванцев совершенно не хотелось выглядеть неучем.

За спиной едва слышно прошелестели шаги, и мой нос уловил слабый-слабый аромат ладана.

«Остатками корпускулярной духовной энергии называют сгустки Духа, способные оседать на предметах нематериального мира. Такие сгустки, попросту клочки, – не обладают разумом, но способны на первичный инстинкт разряда «свой-чужой» и защиту территории...» – пронеслось в голове.

– В этом доме что, живет приведение? – выпалила я, сообразив, и компания дружно захохотала. Разлапистая железная люстра над головой закачалась и все так же дружно глянули наверх.

– Я бы сказала – сгусток древних эмоций и капля Духа прежнего владельца, который охраняет дом и свою собственность. Мы считаем, что это Дух господина Клауса, его портрет есть в галерее. И господину

Клаусу очень не нравится, когда его собственность разрушают. Ты отрезала шнур и испортила балдахин, Ванда.

– Это всего лишь старый кусок ткани!

– Это его ткань, Ванда. Вероятно, он любил этот балдахин.

– Злобное и мстительное приведение! – припечатала я.

– Корректнее называть это – клочок Духа.

– Гадкий и мерзкий старикашка!

– А милашка знает толк в определениях, – одобрил Вулкан, салютуя кружкой. Крепкий чай выплеснулся на стол и Фиби, которая в ответ гневно фыркнула и ткнула Вулкана спицей. Тот ойкнул и отодвинулся от нее подальше.

– Смотри, клочок услышит – и тебе достанется! – пригрозила девушка.

Вулкан заметно сник и испуганно оглянулся.

– Дурак, – буркнула Фиби. – Клочки не обладают слухом или разумом. Они реагируют только на действия.

– Много ты знаешь, чем они обладают, – насупился парень. – Не хочу, чтобы мне на голову упал шкаф. Ну как Ванде.

Я села на стул. Запах ладана щекотал ноздри, но я заставила себя не оборачиваться.

– И что, мне теперь так и будет сыпаться на голову штукатурка?

– Энергетическое возмущение остановится. Через какое-то время. – Голос за спиной оживил в памяти темную кухню и чай, сладкий от меда...

Не оборачивайся, Кассандра.

Конечно, я обернулась.

И конечно, он смотрел на меня. Стоял за спиной и смотрел.

– Надеюсь, к тому времени меня не прибьёт каким-нибудь сервантом, – сумела выдать я, и Рэй улыбнулся. Едва-едва, но мое сердце подпрыгнуло и забилось чаще.

Вот же демон...

– Я за тобой присмотрю. – А вот это прозвучало так, что в животе потеплело и затрепыхалось. Пока он не добавил: – Ты нам нужна, чтобы поговорить с профессором. Так что серванты пока отменяются.

Люстра снова качнулась. Железная завитушка хрустнула и свалилась мне на голову.

Почти свалилась! Потому что Рэй протянул руку и схватил железяку прямо у моей макушки. Я даже испугаться не успела. Только изумиться скорости его реакции.

– Ого, – в наступившей тишине выдохнул Вулкан. – Слышь, милашка, похоже, ты стала ходячим бедствием! Пожалуй, стоит держаться от тебя подальше! Ты прямо эпицентр дурных событий...

Я вздрогнула от этих слов. В голове зашумели, зашелестели голоса: «Проклятие из Нью-Касла! Девчонка приносит несчастья! Отойди от нее, вдруг зацепит...» В горле пересохло. Я хотела смочить горло водой, но побоялась протянуть руку к кружке. Побоялась, что она дрогнет, и все увидят, как меня задели слова рыжего. Но тут же разозлилась на себя, схватила кружку и стала пить.

От воды булькнуло горло, но я все пила и пила, пока Вулкан упражнялся в шутках.

– Хватит, Арчи, – негромко произнес Рэй. Даже голоса не повысил, но Вулкан, который оказывается Арчи, тут же заткнулся, а остальные перестали веселиться и как-то разом вспомнили, что у них есть неотложные дела. Несколько минут – и кухня опустела. Мишель, уходя, ободряюще мне улыбнулась, а Фиби глянула злобно, но ее я проигнорировала.

Я осталась сидеть, цедя уже опротивевшую воду.

– Откуда в доме вода? Здесь же нет водопровода.

– Мы топим снег и лед, – ответил Рэй, наливая себе чай.

Я поперхнулась и отставила кружку. Черт, надеюсь, эту воду хотя бы прокипятили!

Рэй сел напротив. На меня он не смотрел, словно не желал сталкиваться взглядами. Почему-то меня это задело.

– Милорд Хакал проснулся? – буркнула я.

– Нет. Пожалуй, мы и правда переборщили с настойками, – задумчиво ответил ренегат. Между нами повисла почти осязаемая тишина.

Еще один кусочек люстры откололся и упал на стол. Я прошипела ругательство. Рэй аккуратно поднял железяку и повертел в пальцах.

– Надо будет поискать клей. Может, удастся починить.

– По-моему, эту рухлядь надо просто отправить в мусорку, – фыркнула я.

– Меня учили сломанное чинить, а не выкидывать, – слегка изогнулись губы Рэя, и мое сердце замерло в ожидании улыбки. Но нет. Не случилось.

– Твои родители? – Мне хотелось узнать о нем больше. Кем были люди, воспитавшие этого парня?

– И они тоже, – рассеянно сказал Рэй. – Там, где я жил большую часть своей жизни, практиковали отказ от... комфорта. У нас было мало вещей. И каждый знал, что если порвет штаны или разобьет тарелку, то рискует ходить в одной рубашке, а есть из кружки.

– В одной рубашке? – изогнула я бровь. – Наверное, занятное зрелище.

– Стыд и позор, – серьезно произнес Рэй, но в глубине темных глаз зажглись и рассыпались искры веселья. – Моего друга так наказали за испорченную одежду, и я видел это в кошмарном сне лет так до пятнадцати. Что иду по городу, а на мне нет штанов. Поэтому научился штопать не хуже опытной швеи.

– Ого, да с такими умениями ты завидный жених, – пошутила я и осеклась.

Искры погасли и воцарилась тьма. Тяжелая, как земля на могиле. Воспоминания о детстве его веселили. Мысли о будущем – нет.

– Почему ты всегда носишь перчатки, Рэй? – тихо спросила я.

Но он не ответил.

Шаркая ногами, в кухню вошел бледный до зелени человек, и я непроизвольно напряглась, завидев его. Тот самый Нейл-двоедушник, разделивший с братом яму скверну. Увидев меня, мужчина ссутулился и опустил голову.

– Простите... я думал, завтрак уже закончился и все ушли. Не хотел... мешать.

– Садись, Нейл. Ты никому не мешаешь.– Рэй указал на стул и, поднявшись, стал накладывать в тарелку омлет. Движения – скупые и точные, уверенные. И я могла дать руку на отсечение, что этот парень умеет не только штопать, но и готовить еду.

Мне такие никогда не нравились.

Я смотрела на него, не отрываясь.

Вторая тарелка с омлетом, овощами и поджаренным тостом, оказалась передо мной. Третью – с одним лишь тостом – Рэй поставил себе. Я опустила взгляд на горку еды перед собой и моргнула.

Я не понимала, какого черта со мной происходит. Почему я так реагирую на каждый поступок этого мужчины. Почему не могу оторвать от него глаз. Почему внутри все дрожит, когда наши взгляды встречаются.

Может, я просто проголодалась.

Как бы я хотела в это верить!

Некоторое время мы молча ели. Нейл – неловко, скованно, словно боялся собственных движений.

– Ночью я напугал вас, Ванда, извините, – глухо сказал он, не поднимая головы, словно в остатках его омлета можно было найти тайну мироздания. – Никто не думал, что вы сунетесь в подвал.

– Кстати, интересно, как ты его нашла, – спросил Рэй. Он резал хлеб на маленькие кусочки и отправлял в рот. Каждый с таким видом, словно вкушал божественную амброзию.

Засмотревшись, я тоже сунула в рот поджаренный кусок и скривилась. Обычный пресный хлеб, даже без масла. Совершенно невкусный. И почему он ест так, словно в жизни не пробовал ничего лучше?

– Вы плохо прятали, – улыбнулась я. – Ну и потом, все черные ходы Старограда одинаковые, те, кто их делал, не отличались особой фантазией. Всего-то и надо найти подходящий рычаг, который необходимо дернуть.

Нейл хмыкнул и многозначительно посмотрел на Рэя. Тот – на меня.

– А я говорил, что девчонка глазастая. Надо будет почистить ей память, чтобы не наболтала лишнего.

– А я почти поверила, что это, – ткнула я в него вилкой, – адекватная половина вашего двоедушного дуэта. Хотите сказать, что вы – менталист?

– Я – финариум. Побочный эффект, – вздохнул Нейл.

Я окинула наглеца внимательным взглядом. Почистить мне память, серьезно? А ведь я почти сочла седовласого приличным человеком! Ну если не брать во внимание то, что он жуткий монстр. Но зачистка воспоминаний – серьезное вмешательство в разум, которое может закончиться тем, что я забуду всю свою жизнь! Конечно, Нейлу вряд ли это удастся, все-таки даже Анна Левкой не сумела

воздействовать на меня, но вдруг этот двоедушник сильнее прославленного менталиста Аннонквира?

– Надеюсь, разрыв сожрет вас раньше, чем вы решите поработать над моей памятью. Возможно, уже сегодня, – с вежливой улыбкой произнесла я, и седовласый подавился омлетом. Я изящно отрезала кусочек омлета и положила в рот все с той же улыбкой.

Седовласый жадно отхлебнул воды. Рэй опустил голову, пряча лицо за кружкой.

– У вас своеобразное чувство юмора, юная госпожа, – отдышавшись, выдал Нэйл.

– О да. Убийственное. Особенно в отношении тех, кто пытается причинить мне вред, – с прежней улыбкой, словно присутствовала на великосветском приеме, промурлыкала я.

– И еще у нее есть портняжные ножницы, – серьезно оповестил Рэй.

– И нож с вилкой, – продемонстрировала я приборы.

Нэйл посмотрел на Рэя, потом на меня. Потом снова на Рэя. Издал какой-то невнятный звук.

– Да вы издеваетесь надо мной!

Рэй насмешливо кивнул, я пожала плечами. И заинтересовалась:

– Разве разрыв дает побочные эффекты? Никогда о таком не слышала.

– О деструктах не говорят, – вздохнул Нэйл. – Тех, кому не повезло, забирают инквизиторы, и больше никто их не видит. И даже страшилки о разорванных линиях люди предпочитают пересказывать шепотом. Но я знаю деструктов, знаю лучше, чем кто-либо.

Я вспомнила чудовище в клетке и ощутила, как холодеют пальцы.

– Разрыв линий может давать разные эффекты. Большую часть жизни я наблюдал за деструктами и пытался вывести определенную закономерность. Но, похоже, все дело в личных способностях человека и... банальной случайности. В этом-то и опасность, юная госпожа. Этого так боятся инквизиторы. Способности миротворцев похожи на математическую формулу – четкую и идеально выверенную. Они все укладываются в общую систему, без каких-либо отклонений. Но вот деструкты – совсем другая история. Их Дух – это разрыв и скверна. Ученые считают, что скверна – не что иное, как антиматерия, пожирающая человека на уровне души. Черная дыра, полное ничто. Но

она же может формироваться и преобразовываться. Во что угодно. Во что-то неизведанное. И страшное, увы. Способности даже проявляются по-разному, а иногда и вовсе спят годами. Первый раз повлиять на чужую память мне удалось лишь спустя шесть лет после ямы скверны. А спусковым крючком стала наша школьная фотография. О, я покажу вам.

Неловко порывшись в кармане, Нэйл вытащил замусоленный кусочек картона. На ней двое мальчишек стояли плечом к плечу и широко улыбались в камеру.

– Это мой спусковой крючок. – Мужчина погладил фото, аккуратно сложил и снова убрал в карман.

– Спусковой крючок? – Я отложила вилку, ощутив, что еда больше не лезет в горло. – Что вы имеете в виду?

– Он есть почти у всех деструктов. Элемент, запускающий изменение и побочные эффекты. Чтобы воздействовать на чужую память, юная госпожа, мне нужно держать в одной руке фото с моим братом. Иначе ничего не получится. У моей знакомой фрау Хельги из Лазго спусковым крючком являлся запах краски, верно, потому что когда-то она работала на лакокрасочном производстве. Запах впечатался в ее память. Но крючком стал лишь один. Горная лазурь 512 фирмы «Бенджамин Свит и сыновья». Краска продавалась в огромных баллонах и быстро засыхала, теряя запах. Но лишь она позволяла Хельге видеть на многие километры. Ее зрение становилось таким удивительным, что позволяло рассматривать западную столицу империи, сидя у окна в восточной. Представляете? Она дышала горной лазурью, открывала створки и отправлялась в путешествие, не сходя со своего места.

Нэйл вздохнул, намазывая на сухой тост толстый слой сливочного масла и малинового варенья. Похоже, двоедушник и ел за двоих.

– Инквизиторы называют это иначе – смысл. Но спусковой крючок кажется мне более верным определением. Моим смыслом стала школьная фотография...

«Август», – прозвучало в моей голове.

Я вздрогнула и обернулась, но тени за спиной не было. Как давно я ее не вижу?

От волнения пальцы стали холодными и внутри забились тревожная мысль: сколько времени я в этом доме? И когда последний

раз пила свое зелье? Я ведь совсем забыла о нем...

– Как вы сказали? – Я вскинула голову, поняв, что Нейл продолжает говорить.

– Что? Ах, вы про инквизиторов... Я вычитал в старом архиве. Конечно, сейчас их почти не найти... Но я был учителем, юная госпожа. До того, как...

– Почему вы остались на свободе? Святая Инквизиция не нашла вас?

– Святая Инквизиция... – Нэйл издал каркающий смешок. – Кровавые тени Империи. Вежливые убийцы в сумрачных масках, тихие и неотвратимые, словно сама смерть. Нашла, еще как нашла, госпожа Ванда. Да, мне довелось говорить с одним с них. И вот что я могу поведать, господи... Не пытайтесь разговаривать с инквизитором. Это бесполезно. И не спрашивайте, что ему от вас надо. Раз явился – то можете быть уверены – ничего хорошего.

– Вас забрали в Пески?

Нэйл кивнул.

– Я сбежал, когда меня везли. Спрыгнул с отходящего поезда и успел затеряться в толпе. Мне повезло. Будь там опытные инквизиторы, меня бы ждал провал. Но мой брат погиб, а я был серьезно ранен, никто не думал, что я способен прийти в себя и дать деру... Сейчас я думаю, что это тоже заслуга разрыва. Но деструкты меняются. И иногда становятся сильнее обычных людей. В Пески меня отправили с лекарем и обычными полицейскими, мне необычайно повезло. Потому что сбежать из Песков невозможно. Никому еще это не удавалось.

Я глянула на Рэя и застыла. Он смотрел в пустоту, и я никогда не видела у живого человека такого мертвого взгляда.

Дверь кухни распахнулась и влетел Вулкан:

– Профессор очнулся! – завопил он.

– Идем, – сказал Рэй, отодвигая недоеденный тост.

В мою тарелку с остатками омлета плюхнулся еще один кусок штукатурки, но я отмахнулась – не до приведения сейчас!

Профессора Хакал восседал в кресле среди подушек и потягивал кофе с молоком. Нас он встретил хмурым, но ясным взглядом, а увидев меня, удивленно поднял брови.

– Я вас помню! Вы говорили со мной в театре. Вы...

Я сделала торопливый шаг и схватила профессора за руку, обрывая фразу.

– Да-да, мы с вами говорили. Я студентка Аннонквирхе, меня зовут Ванда. Как вы себя чувствуете, профессор.

Он поднял кустистые брови, рассматривая меня. Но к счастью, Альберт Хакал оказался сообразительным и не выдал моего настоящего имени.

– Сносно, юная госпожа. Если можно назвать таковым состояние пленника.

– Вы не... – начал было Рэй, но Совершенный поднял руку и досадливо хмыкнул.

– Полноте. У меня было время подумать над своим положением. Пожалуй, меня даже не слишком удивляет похищение. Разве что метод, м-да. Очень жаль, что не удалось дослушать Гликерию, удивительная ария, скажу я вам. Итак.

Профессор сложил руки на груди и обвел меня и Рэя тяжелым взглядом.

– Что вам угодно, господа?

– Исцеление разорванных линий, профессор.

Хакал некоторое время молчал. Я подалась ближе.

– Профессор, разве это не то, чего вы хотели, когда публиковали вашу статью? Реальной помощи реальным людям, а не теоретические дискуссии в Ассамблее ученых? Да, вас похитили. Но вы ведь понимаете, что у этих людей нет другого выбора? В этом доме двадцатка деструктов, милорд. На разной стадии разрыва линий. От начальной до финариума. Эти люди обречены. Вы – их единственная надежда.

– Мой метод не прошел необходимые испытания...

– Ваш метод – их единственный шанс, профессор Хакал.

– Но это незаконно! Преступно!

– Преступно не помочь человеку и пройти мимо его беды, – жестко сказал Рэй, и я удивленно обернулась на него. Я словно видела другого Рэя, не того, кто делал мне чай на темной кухне. Этот был властным и негибачаемым, умеющим добиваться своих целей. Этот был опасен. Я видела острые грани в темноте его глаз.

Не замечая моего удивления, Рэя приоткрыл дверь.

– Юниш, зайди.

Смущаясь и нервничая, боком, в комнату втиснулся смуглый черноволосый мальчик, которого я видела на кухне. Испуганно глянул на меня и профессора и дернулся к Рэю, словно желая спрятаться за него. Но все же остановился и застыл, опустив темные миндалевидные глаза.

– Посмотрите на этого мальчика, профессор. Юниш родился в Хаджу, недалеко от восточной столицы Империи. Жил с мамой, папой и тремя младшими сестрами, ходил в школу. Мечтал стать правоведом. Хорошая жизнь. Пока он не очнулся на ритуальном столе отрезателей. Вы слышали о них?

Я содрогнулась, вспоминая жуткие слухи о культе отрезателей. Профессор отшатнулся, но Рэй не желал его щадить.

– Отрезатели верят, что могу получить чужой Дух и тем усилить свой собственный без всякой нейро-панели. Ритуалы они проводят на кладбищах или в ямах скверны, проливают кровь жертв, тем самым усиливая низкочастотную воронку. Замученный Дух жертвы создает темное атмэ, которое потом питает мучителей. Юниш пострадал от их рук. Его успели спасти, но недостаточно быстро... Он лишился языка. Но самое плохое, на его линиях образовался разрыв.

– Это дело инквизиторов, – слабым голосом произнес профессор. – Они найдут негодяев...

– Да. Но они найдут и Юниша, который стал деструктом. Считаете, это справедливым, милорд?

– Не мне судить о справедливости... Я всего лишь занимаюсь наукой.

– Для чего вы ею занимаетесь, если даже обладая знаниями не желаете помочь? Не желаете спасти жизнь? Вы шанс для этого мальчика! Для тех, кто, как и он, не виноват в собственной судьбе!

– Вы не понимаете! Мой метод опасен и к тому же – незаконен. Я лишь опубликовал теоретические выкладки, для их подтверждения потребуются годы! Конечно, если Ассамблея даст на это свое согласие...

– Вот именно, – резко сказал Рэй, и профессор вздрогнул. – Если. Только пока Ассамблея делает все, чтобы признать вас сумасшедшим дураком. Вот, смотрите.

Рэй протянул газетный выпуск. Я успела увидеть кричащие заголовки о нападении на театр и большой портрет профессора на

развороте.

Совершенный погрузился в чтение, мрачней на каждом новом абзаце.

Я не стала спрашивать, откуда у Рэя свежий выпуск. Вероятно, кто-то из жителей дома утром побывал в Старограде. Дочитав, Хакал издал негодующий стон и обессиленно откинулся на спинку кресла.

– Председатель Ассамблеи Ученых назвал вас утратившим ясность ума пожилым человеком. Попросту говоря – сумасшедшим стариком, – жестко сказал Рэй. – Ваши коллеги выражают надежду на ваше скорейшее возвращение, ну и на то, что вы откажитесь от своих еретических заблуждений. А если вернетесь – то займетесь чем-нибудь полезным, например, садоводством. Вас списали со счетов, профессор. Уже сейчас. Теорию разорванных линий назвали необоснованной и опасной ересью. Я же даю вам возможность доказать вашу правоту. Хотя бы попытаться. В этом доме живут деструкты, и они согласны на любые ваши эксперименты. Люди, которым нечего терять, не боятся, профессор.

Хакал закрыл лицо ладонями. Некоторое время он сидел, раскачиваясь из стороны в сторону.

Рэй молчал. Его лицо ничего не выражало, взгляд был пустым. Но когда Юниш рядом заметно задрожал, рука Рэя легла на его плечо. И мальчик улыбнулся, успокаиваясь.

Профессор убрал руки от лица. Он выглядел в один миг постаревшим.

– Если я откажусь – вы убьете меня?

– Нет, – помолчав, ответил Рэй, и я снова удивилась. – Я вас отпущу. Угроза насилия – плохая мотивация для работы. К тому же, это не поможет Юнишу. Никому из нас.

Альберт Хакал окинул Рэя долгим, внимательным взглядом. И кивнул.

– Вы умеете убеждать, молодой человек, – медленно сказал он. – И я ощущаю ваш Дух. Он...он подавляет мою волю. Но в то же время – нет... Хм. Странное чувство. Не могу объяснить... Я хотел бы узнать, кто вы такой. Но вы ведь не расскажите, так?

– Расскажу. – Рэй склонил голову. – Если вы поможете.

Хакал медленно поднялся и посмотрел на мальчика.

– Как давно это случилось?

– Прошло полгода.

– Деструктивизм первого этапа. Хорошо. Что вы ему даете?

Рэй перечислил травы и препараты, а я наострила уши, запоминая. Неплохой набор! До такого состава я не додумалась, а ведь перерыла все тайники в библиотеке Аннонквирхе. Медицинские трактаты, научные и полунанучные исследования, оккультные методы и даже опасные опыты с ядами – чего я только ни пробовала! Вот область, знаниями в которой я могла бы изрядно удивить своих академических преподавателей! Но увы, такие изыскания приходилось держать в строжайшем секрете.

А вот рецепт Рэя я запомнила и у меня уже чесались руки его применить!

– Что ж... Я попробую, – сдался Совершенный, и Юниш часто-часто заморгал, из его глаз потекли слезы. – Но не ждите чуда! Как я уже сказал, теория требует подтверждений...

– И они у вас будут. – Голос Рэя прозвучал по-прежнему ровно, и я подивилась его выдержке. Мое сердце так стучало в горле, что я едва дышала. – Скажите, что необходимо для работы, и я вам это предоставлю.

– Я напишу, дайте бумагу. Разрыв мальчика совсем свежий, с ним будет легче работать. Линии не успели потемнеть и перейти в стадию теневого изменения. – Профессор принялся заполнять поданный лист торопливыми строчками. – Чем старше разрыв, тем сложнее состав. Для каждого этапа нужны свои ингредиенты. Возможно, даже для каждого деструкта. Что ж. Мы попробуем.

Рэй взял исписанный лист, бросил быстрый взгляд на буквы и кивнул. А потом поднял голову и посмотрел на профессора.

– Благодарю вас, милорд.

Профессор промолчал, остро всматриваясь в лицо мужчины. С трудом оторвав взгляд, Совершенный обратился к Юнишу.

– Побудь здесь, мальчик. Я понял, что ты не говоришь, но мне надо знать подробности того, что с тобой произошло. Ты сможешь написать?

Тот неуверенно кивнул. Рэй снова сжал его плечо и что-то тихо ему сказал.

– Я скоро вернусь, надо отдать распоряжение насчет вашего списка.

Он вышел в коридор. Профессор уже увлекся письменной беседой с деструктом, так что я выскочила следом.

– Постой!

Рэй остановился. Темный коридор оказался совсем безлюдным.

Я подошла ближе, глядя в знакомые темные глаза. Но мало ли на свете одинаковых глаз...

– Думаешь, сработает? – спросила я.

– Другого варианта у нас нет.

– Ты сумел убедить профессора и без моей помощи, – сказала я.

Он застыл, глядя на меня сверху вниз. Между бровей залегла хмурая складка. Бросил резко:

– Да. Я велю Арчи вывести тебя в Староград. Прости, но придется почистить твою память...

– Я хочу остаться, – перебила я.

Рэй качнулся, словно желал... что? Может, тоже положить мне на плечо руку в перчатке? Или что-то иное?

– Почему? – спросил ровно, без эмоций. Но я услышала бархатные нотки.

– Кормят у вас вкусно, – буркнула я. – Люди душевные и приведение милое. Какая разница? Прогонишь?

В его лице что-то изменилось. Он не улыбнулся, но хмурая морщинка исчезла.

– Через час пойдешь за снегом, нам понадобится много воды, – кивнул он. – Оденься потеплее.

Он развернулся и ушел. Я стояла и смотрела ему вслед, почему-то улыбаясь.

Глава 19. Новые знакомства

Через два часа я – мокрая от снега, потерявшая шапку и покрасневшая – сидела верхом на Вулкане и пыталась утопить рыжего в сугробе. Тот орал и извивался, он был сильнее и больше, но у меня за спиной были папины тренировки и академия миротворцев. Поэтому я легко удерживала вопящего парня, заводя ему локти назад.

Началось все довольно мирно. Несколько деструктов и я слезли по веревочной лестнице на нижнюю террасу за снегом. Конечно, я собиралась всего лишь подышать воздухом и размяться, а не заниматься тяжелым физическим трудом. В целом, почти час все шло отлично. Окружающие работали, набивали лед и снег в мешки и ведра, а потом цепляли их на верёвку, чтобы поднять в дом. Я отдыхала и нагуливала румянец и аппетит. Кто первым бросил снежок – я не заметила. Может, это был Вулкан, а может, и скромная Мишель постаралась. Но к первому снежку добавился второй, а потом сразу десяток!

– Кто не работает, тот не ест! – завопила Фиби, тоже слепляя снежный комок. – И получает вражеский залп! Защищайся, Ванда!

Холодный ком стукнул прямоком в мой многострадальный лоб, уже пострадавший от злобного привидения. Ах так! Я охнула, загребла снега, сжала в ладонях и швырнула обратно. И снова!

– Снежная битва! – закричал толстяк, кажется, его звали Джош. Демьян с заклеенным ртом махал руками, выражая то ли радость, то ли ужас. С воплями деструкты разделились на два лагеря и принялись уничтожать противников.

Боевого опыта в снежных баталиях у меня не имелось, все-таки я выросла на берегу теплого моря, к тому же все это было какой-то глупой детской забавой и явно не шло на пользу моей прическе и цвету лица. Я попыталась объяснить эти истины окружающим, но когда в мой несчастный лоб угодил еще один ком, решила временно забыть о своих принципах. Слепила снежок побольше и швырнула в противников. Кто был противником – я пока не понимала, так что решила уничтожать все движущиеся мишени. С хохотом и криками мы принялись лупить друг друга снежками и просто пригоршнями снега.

В какой-то момент за моей спиной оказалась Мишель – ее короткие светлые волосы стояли дыбом, словно иглы у ежа.

– Ну сейчас мы их!– азартно выкрикнула она и подмигнула. Зажмурилась так, что между бровей появилась складка, резко выдохнула и... я увидела, как ее тело раздвоилось. И вторая Мишель – белесая и прозрачная – разлетелась стайей снежных птиц. Взмыла в воздух. А потом обрушилась за ледяные бастионы противника! «Говорят, деструкты способны выталкивать Дух из тела и формировать из него чудовищ...» – пронеслось в моей голове.

Из-за завалов послышались стоны, смех и ругань.

– Мишель, ты опять используешь силу Духа! Так нечестно! Вот вам, получайте! – заорали из-за обломка скалы поверженные враги.

– Держись, Ванда!

Я не поняла, зачем надо держаться, но послушно ухватилась мокрыми варежками за кусок скалы, который служил нам укрытием. Что-то странное и туманное, похожее на огромного двухметрового медведя, вытащило меня из-за обломка и под раскатистый хохот Вулкана макнуло головой в снег. Правда, это нечто тут же и исчезло, похоже, силенок у рыжего было не так уж много!

Вот так и получилось, что когда я выбралась, то уже Арчи жевал снег, а я восседала сверху, с воплем пытаюсь его задушить. Ну или утопить, учитывая то, что мы оба были по шею в сугробе.

– Сдаюсь, сдаюсь, – орал Вулкан. – Слезь с меня, ненормальная!

Я делала вид, что не слышу.

Но потом, вконец обессилив, все-таки сползла с брыкающегося парня и растянулась на снегу. Рядом упали Мишель, толстяк Джош и недобитый рыжий. Снежная битва захлебнулась и сдохла.

– Надо перекусить, – объявил Янис или Унис – один из близнецов, которых я пока не научилась различать. – В следующий раз мы вас размажем!

Кто мы и кого – вас, уточнять не стал. В общем, это было и неважно. Мы валялись на снегу, дышали паром и смотрели в небо. Я приподнялась на локте, лениво размышляя, где моя шапка и какой урон нанесен моей внешности и репутации. И замерла.

На террасе дома стол Рэй и смотрел на нас. Или... на меня? Я не видела его глаз, лишь силуэт, застывший у перилл. Но почему-то

казалось, что его взгляд исследует мое лицо и волосы, рассыпавшиеся по белому. А еще – тело, скрытое теплой курткой и ватными штанами.

И несмотря на мороз, меня кинуло в жар.

Заметив мой взгляд, Рэй отступил и исчез в глубине дома.

Я не знала, как Рэй сумел все так быстро организовать, но уже к вечеру профессору оборудовали кабинет. Деструкты слаженно таскали мебель, освобождая пространство, а потом устанавливая переносной холодильник и морозильную камеру, горячую плиту и стол с ретортами и колбами.

Охваченная всеобщим воодушевлением, я тоже помахала тряпкой над подоконниками, убирая пыль. Правда, на этом мой порыв закончился и тряпку я торжество всучила толстяку Джошу, рассудив, что ему физическая нагрузка гораздо нужнее, чем мне.

К наступлению ночи никто и не думал о сне, а сам Альберт Хакал, облаченный в стерильный халат и маску, колдовал над ретортами и порошками, что-то смешивая и взбалтывая. Мальчик Юниш являлся одновременно и подопытным, и подмастерьем, потому что работающий профессор оказался тем еще деспотом и не подпускал к своим реактивам посторонних. Спать никто не ложился, а дом притих в ожидании результатов его работы. Хотя вернее было сказать – в ожидании чуда.

Милорд заявил, что на изготовление первого ингредиента понадобятся сутки, но это лишь начало пути. Дальше все будет сложнее и дольше. Рэй слушал молча, но я видела решимость в его темном взгляде. И надежду, которая меня ранила.

В ту ночь, засыпая под натянутым балдахином, чтобы на мою голову не падала штукатурка, я впервые пыталась вспомнить хоть одну молитву. Рассматривая вместо небес пыльный и потертый бархат с нарисованными звездами, я просила Истинный Дух о помощи.

Я хотела, чтобы у профессора Хакала получилось. И чтобы надежда в глазах Рэя оказалась не напрасной.

А еще я думала о том, как странно изменилась моя жизнь. Кем я стала? Пленница в доме на скале, девушка, носящая маску. Или та, кто лежит в сугробе и пьет липовый чай на темной кухне в компании пугающего незнакомца?

Здесь мне не нужно было притворяться. Здесь никто не знал, кто такая Кассандра Вэйлинг, и странное дело, это мне тоже нравилось.

Засыпая, я думала о том, что не хочу из этого плена возвращаться.

К вечеру следующего дня уставший от бессонной ночи Альберт Хакал объявил, что первый ингредиент готов. Обитатели дома столпились в углу кабинета, глядя, как профессор дает дрожащему Юнишу стакан с прозрачной жидкостью. Тот выпил, звучно кляца от страха зубами. Некоторое время стоял, прислушиваясь к ощущениям. Потом громко икнул и пожал плечами, словно говоря, что ничего не чувствует.

– У нас есть прибор, милорд, – выступила вперед Фиби. Краснея под взглядом Совершенного, она показала коробочку с плоским экраном. – Увидеть разрыв невозможно, но рядом с деструктами колеблется тонкий слой. Мы проверили перед тем, как Юниш выпил лекарство. И вот теперь... У прибора крошечный радиус захвата, и все же нам всем лучше отойти подальше, а вы произведете замер...

– Не буду спрашивать, как вы заполучили высокочувствительную панель, – махнул рукой тот. – Хорошо, давайте ее сюда, посмотрим.

Я вместе со всеми отступила в сторону и сосредоточилась. Свет померк. Тени вытянулись и стали гранеными, как черный хрусталь. Монохром накатил волной, смывая краски. Я посмотрела на Юниша. Три звезды и тонкие линии его Духа, местами совсем бледные, но целые.

Всмотрелась внимательнее, жадно исследуя линии. Где же черная точка? Ведь еще вчера я ясно видела ее! Вон там, прямо под ключицей мальчика!

Но сейчас разрыва не было, сколько я ни искала.

– Фон нормальный и совершенно стабильный! Ни малейшего колебания слоя, – прошептал профессор, внимательно глядя на экран. Поднял на нас взгляд. И почти закричал: – Совершенно стабильный!

Юниш не выдержал и зарыдал, всхлипывая мигом покрасневшим носом. Мишель подскочила и сжала его в объятиях, глядя по черным вихрам. Потом тоже заплакала и отпустив Юниша, вдруг обняла Вулкана. На лице рыжего возникло ошеломление, которое тут же сменилось счастьем. Он неуверенно положил руки на спину Мишель.

– Нас что же, вылечат? Всех вылечат? Мы сможем вернуться домой? Я снова увижу родителей? – в наступившей тишине шепот Фиби прозвучал словно гром. У девушки покраснел и распух и без того крупный нос, Фиби крепко-крепко зажмурилась, явно пытаясь не разрыдаться.

Смуглый Паук качнулся в ее сторону, но остался стоять, нервно переступая с ноги на ногу.

Близнецы Янис и Унис громогласно объявили, что скоро вернуться на ферму и увидят какую-то Альбину, а потом бросились обнимать Ванессу, и та повисла на шее сначала одного, потом другого брата. Толстяк Джош начал икать и все не мог остановиться, даже зажав себе рот рукой. Демьян тяжело дышал и махал руками, всячески выражая восторг и радость несмотря на заклеенный пластырем рот. Он тыкал в него пальцем и конопатая девушка, стоящая рядом, радостно кивала, повторяя, что скоро он сможет все это снять...

Сквозь толпу я посмотрела на застывшего Рэя. Он стоял, заложив руки за спину и казался безучастным. Лишь темные глаза жили на бледном лице, притягивая мой взгляд.

Альберт Хакал тяжело опустился в кресло. На его уставшем лице расцвела улыбка и некоторое потрясение. Словно он и сам был удивлен успехом.

– У мальчика начальный этап, – бормотал он, словно оправдываясь. — Антиматерии... ну то есть, скверны... почти нет, она не успела разрастись. Надо подождать и перепроверить, это лишь первый опыт, вы понимаете?! И дальше все будет гораздо сложнее. Требуется иное... Ингредиенты не только материальные... Надо проверить... Я думаю... Дайте мне бумагу!...

– Мы все сделаем, – сказал Рэй, и его слова услышали все, несмотря на восторженные вопли и смех сквозь слезы. – Мы все сделаем.

Кто-то заорал, кто-то начал аплодировать. Я прикусила губу, ощущая, как щиплет в носу. И размышляя, может ли никому неизвестная Ванда позволить себе всхлипнуть. Кассандра Вэйлинг, конечно, никогда не допустит подобной слабости, но сейчас ее здесь нет...

Восторженная толпа вывалилась в коридор, таща уже смеющегося Юниша. Профессор Хакал прикрыл глаза, тоже улыбаясь. Рыжий Арчи

быстро сгреб меня в охапку и, хохоча, убежал. Я повернулась ему вслед и наткнулась на Рэя. Я не знала, что он стоит за моей спиной. Так близко. Поддавшись порыву и настроению всеобщего счастья, я приподнялась на носочках и обняла его. На короткий миг ощутила под ладонями ткань его рубашки и напряженные мышцы, а моя щека прикоснулась к его – гладковыбритой и слабо пахнувшей ветивером. Вскинула голову и увидела его глаза, во тьме которых дрожало отражение пламени.

– Поздравляю! Ты был прав, – выдохнула я, улыбаясь.

Рэй застыл, не отвечая и не двигаясь. Он словно превратился в камень, в холодный мрамор, одетый в человеческую одежду. Он не поднял руки, чтобы обнять меня в ответ, как делали все в этой комнате. Не улыбнулся. Он смотрел на меня сверху вниз и во тьме его глаз тлели огни свечей.

Похоже, даже от статуи Люция в Аннонквирихе было бы больше отклика, чем от застывшего Рэя!

Смутившись, я отступила и торопливо выскочила в коридор. Главварь деструктов за мной не пошел. Ощущая себя неимоверно глупо и злясь на свой порыв и этого проклятого мужчину, я двинулась прочь. Из кухни уже разносились не только смех, но и песни, похоже, сегодня в доме на скале до утра будет праздник.

Шипя ругательства, я обернулась на закрытую дверь кабинета. Но... она так и осталась закрытой.

Потолочное панно из разноцветных камушков треснуло над моей головой, и острые осколки посыпались вниз, бомбардируя, словно мелкие снаряды. Половица скрипнула и проломилась под ногой. Я споткнулась, едва не упав, и выругалась уже в голос. Бронзовые держатели для свечей разом сломались и шмякнулись на мои плечи, оставляя на них синяки.

Я взвыла.

Дверь осталась закрытой.

– Да чтоб тебя разорвало! – яростно прошипела я и бросилась к лестнице, прочь от веселого смеха, от праздника и от бесчувственного истукана, который даже не выглянул, дабы убедиться, что чертово привидение меня не прибило!

Некоторое время я бродила по дому, который меня ненавидел. Сейчас я разделяла эти чувства и потому с жаром пинала ступени, в

ответ на меня сыпалась труха и какие-то ошметки. Я с силой стучала по шкафам и получала залпы пыли. Дергала гардины, одну даже почти оборвала, но тут невидимая рука скинула на пол столетний вазон, едва не угодив мне в макушку.

Устав, я села на лестнице отдышаться. И подумала, что пора прекращать бессмысленную войну с неразумным клочком, пока он не придушил меня какой-нибудь занавеской. Пожалуй, погибнуть от невидимых рук привидения – это самая нелепая смерть, которую только можно придумать для Кассандры Вэйлинг!

Темная фигура возникла передо мной так неожиданно и тихо, что я подпрыгнула, решив, что проклятый клочок все-таки смог воплотиться.

– Привет, – вполне по-человечески сказала привидение, и я прижала руку к груди, успокаивая беснующееся сердце.

Судя по тонкой фигуре в длинном балахоне и нежному голосу, передо мной стояла девушка. В руках она держала тарелку с едой, а лица я не видела, так как голову закрывала густая черная вуаль, а сверху – веноч из засохших роз и чертополоха. Такие вуали надевают скорбящие, отправляясь в юдоль. Горе и скорбь тоже относятся к негативным эмоциям, способным вызвать низкочастотные колебания. Поэтому люди, переживающие потерю, должны провести время, необходимое для утешения, вдали от общества. Даже в поездах для них выделяют отдельные, защищённые вагоны, а в пути сопровождают миротворцы. Когда умерла мама, папу тоже отправляли в юдоль под Каслом, правда, он вернулся спустя всего два дня. Молча вошел в дом, зыркнул на сопровождающего его миротворца и сказал, что траур окончен. И больше никогда к этому не возвращался. Правда, и имя мамы он с тех пор не произносил.

Девушка в дверях была одета точь-в точь, как те скорбящие, уезжающие на утешение. От нее пахло тленом, сухоцветом и немного – осенними яблоками. Я поежилась, не зная, как вести себя. Все-таки я никогда не сталкивалась с людьми в траурной вуали.

Пока я раздумывала, девушка вытащила из своей миски кусок хлеба и, слегка приподняв густой полог, сунула еду в рот. И тут же вуаль легла на место, закрывая лицо. Я лишь успела заметить кончик светлой косы, мелькнувший под ней.

– Я знаю, кто ты, – неожиданно произнесла скорбящая. – Ты – рубеж.

– Рубеж?

– Да. Та, кто изменил ход событий. Ты приняла решение и все пошло не так.

– Не так? Ох... Ты – провидица?

– Я – ворона. Так меня называют. Потому что предрекаю события. Но все они – плохие.

Она снова стянула еще кусок и торопливо сунула в рот, отвернувшись.

– Меня здесь боятся. Поэтому я сижу наверху и выхожу лишь ночью. Только сегодня вот не сдержалась, проголодалась... Едва успела убежать до того, как зашел Демьян. Я не контролирую свои видения, могу сказать то, что человек не хочет слышать и знать. Это... неприятно.

Да уж...

Отвернувшись, она принялась торопливо жевать.

– Но тебе бояться не надо, – слегка невнятно из-за набитого едой рта, прошамкала провидица. – Я не вижу судьбу рубежей. Или тех, кто связан с моей. Это милосердно, правда? Нельзя остаться беспристрастной, предсказывая своим близким страдания... Наверное, это могло бы свести меня с ума. Конечно, если бы этого не случилось раньше.

Опасливо оглядываясь, она вытащила из кармана яблоко, подумала и засунула его обратно. И неожиданно предложила:

– Хочешь посмотреть мою комнату?

– А можно? – изумилась я. Похоже, девчонка думает, что я часть этой банды. Кажется, она здесь ни с кем не общается, вот и перепутала.

– Конечно! – от радости провидица едва не запрыгала. – Идем скорее! Познакомлю тебя с опиумом!

Э-э?

Не обращая внимания на мои попытки освободиться, девушка схватила меня за руку и потащила по коридору. За углом нам встретились Паук и Джош, и оба шарахнулись в сторону при виде черной вуали моей новой знакомой. Вмиг забыв, куда шли, парни развернулись и исчезли за ближайшей дверью. Провидица не подала

вида, что заметила этот маневр, похоже, подобное было ей не в новинку. Что ж, теперь понятно, почему она так сильно обрадовалась моему согласию зайти к ней в гости.

Несмотря на явную худобу, девушка тащила меня вперед подобно буксиру. Мы бегом пересекли два коридора и лестницу, взлетели под самую крышу и оказались в пятиугольной мансардной комнате. Тут меня наконец-то выпустили, и я согнулась, делая жадный вдох.

И лишь потом осмотрелась.

Комната оказалась довольно уютной и очень девичьей. На узкой кровати, застеленной пушистым пледом, громоздились плюшевые медведи и коты, пол устлала круглые самодельные коврики, стол почти терялся под горшками с растениями, в углу стояла вышитая картина с силуэтом Истинодуха. И на всех-всех поверхностях громоздились стопки книг. Их было так много, словно сюда стащили целую библиотеку.

– Ты много читаешь, – пробормотала я, пробираясь сквозь книжные коридоры.

– Я люблю книги. Они не предают. Не делают больно, если ты сама того не захочешь. И еще – они не умирают. Те, кто их пишут – да. А сами книги могут жить почти вечно. Если найдется тот, кто захочет их прочитать. – Она заметила мой взгляд и всплеснула руками. Под черной вуалью нельзя было рассмотреть выражение лица. – Думаешь, я веду себя слегка ненормально? Просто я много времени провожу в одиночестве. И в своих видениях. Иногда я путаю их с реальностью. Вот даже сейчас. Я не уверена, что ты стоишь здесь, рядом со мной, Рубеж. Возможно, я это лишь придумала.

– Меня зовут Ванда. И я вполне реальна.

– Ванда? – задумалась она. – Тебе не подходит. Совсем не твое. Рубеж лучше. Или... или как-то иначе. Но я пока не знаю, как.

Я удивленно посмотрела на узкую спину девушки, пока она сталкивала с пути книжную гору, чтобы пробраться к столу. А ведь с именем она угадала! Оно не мое.

– Много предсказаний ты уже сделала?

– К сожалению, да. Сначала ко мне часто приходили, хотели узнать свою судьбу. Так они говорили. Но на самом деле все хотят узнать хорошую судьбу, понимаешь? Получить уверенность в том, что впереди ждет счастье. А узнавать плохое никто не желает. Вот только я

не могу промолчать, если мне зададут вопрос. Это совершенно невозможно, даже если заклеить рот, как Демьян... А иногда я предсказываю будущее, даже когда меня не спрашивают. Да, это случается все чаще.

– Тогда хорошо, что я Рубеж, и ты ничего обо мне не видишь.

– О да! Но я почувствовала, что ты придешь! Я тебя ждала.

– Когда почувствовала?

– Давно. – Девушка вытащила из кармана яблоко и задумалась. – Может, год назад. Или вчера? Извини, я часто путаюсь во времени. Но я знала, что встречу тебя. Однажды. Ох! Иди сюда, покажу тебе Опиума!

– Да я как-то не поклонница дурмана, – пробормотала я, огибая высокую пирамиду из книг. За ней обнаружилась огромная клетка. А внутри...

– Вот. Это мой друг. Опиум. – Провидица открыла дверцу, осторожно достала крысу с длинным розовым хвостом и с гордостью протянула мне. – Правда, он очень красивый?

Отвратительное. Мерзкое. Ужасное существо!

Не просто крыса, а какая-то странная. Может, больная? Белую шерстку местами осыпали черные пятна, неравномерно, больше на голове, меньше – у хвоста. Вокруг левого глаза крысеныша тоже темнело неправильной формы пятно, словно зверька окунули головой в чернильницу. А сами глаза – о, эти ужасные глаза, – были красные, почти багровые.

Истинодух, я ненавижу крыс!

Хотела сказать все что думаю о мерзком создании, но глянула на черную вуаль и промолчала. А ведь я никогда не отличалась особой терпимостью или даже милосердием... Но для этой девушки я почему-то решила сделать исключение.

– Да, – с трудом выдавила я. – Невероятный... красавчик.

– Тебе нравится? О, смотри, ты тоже ему приглянулась! – Крыс зыркал на меня красными бусинами глаз и дергал носом. Наверняка примерялся, как лучше вцепиться в мой палец. – Погладь его!

– Нет-нет! Думаю, это лишнее... – не хватало еще подцепить какую-нибудь заразу! – Оставь эту прелесть себе!

– Он невероятный, да? – Тонкие пальцы с аккуратными розовыми ноготками погладили ужасное существо по голове. – Мой

единственный друг. Он тоже любит книги. Правда, предпочитает их грызть... Погоди, я принесла тебе сыра...

Я незаметно отодвинулась.

И похоже, жуткое создание тоже не жаловало гостей, потому что дернуло носом, втягивая мой запах, а потом начало судорожно извиваться в руках провидицы, открывать пасть и клацать зубами.

Я постаралась не завизжать, уже жалея, что пришла.

– Ай! Опиум, да что с тобой! – Крыса прокусила девушке палец, и та с досадой сунула зверька обратно в клетку. Но даже там крыс продолжал бесноваться, норовя протиснуться сквозь прутья. И все это – не сводя с меня своих жутких глаз!

Ужасное создание!

– В этом доме полно людей. Неужели у тебя совсем нет друзей? Ну, помимо этого мм... чудесного зверя?

– Люди меня боятся. По правде, Опиум не совсем мой. Мне он достался уже взрослым. Я вытащила его из видения.

– Из...пророчества? – изумилась я. Вспомнила Бригитту и черный песок Равилона, текущий сквозь пухлые пальцы. – Но это невозможно! Ну то есть... – Я сбилась от волнения. – Говорят, императорская провидица иногда достает из своих видений материальные предметы. Сейчас они хранятся в сокровищнице дворца. Но я никогда не слышала, что можно вытащить живое существо! Это потрясающе! Ты действительно очень сильная!

Хотя и очевидно, что крыс пострадал от такого вмешательства в собственную судьбу. Выглядел он явно ненормально. Разве бывают пятнистые крысы? Это же не далматинец. Но сам факт безмерно волновал. Кем бы ни была эта девушка – она невероятно сильный пророк. Такие рождаются раз в сто лет, а может, и в тысячу! Да за такую силу сам император отдаст половину своей казны!

Крыс перестал колотиться о прутья и теперь пытался эти прутья перегрызть. Глядя на желтые острые зубы, терзающие железо, я искренне понадеялась, что у него это не получится. Похоже, я чем-то не угодила этой мерзкой зверюге, потому что она не сводила с меня своих ужасных багровых глазенок.

Передернув плечами, я снова повернулась к девушке.

– Ты очень сильная прорицательница, раз сумела вытащить этого...Опиума из видения.

– Да, – принялась она крошить в блюде кусок сыра, – но я не люблю вспоминать то пророчество. Оно было самым страшным из всех.

– Ты увидела что-то плохое? – по правде, мне было наплевать на видения незнакомки, и вопрос я задала, лишь чтобы поддержать разговор. Но прорицательница заметно вздрогнула.

– Плохое... – прошептала она. – Это был единственный раз, когда я увидела Рэя.

– Рэя? – Имя заставило меня встrepенуться и тут же рассердился на себя за это. Да какое мне дело до этого истукана? Как только узнаю все тайны Хакала, вернусь в Аннонквирхе и даже имя его не вспомню!

Точно. Так и будет!

– Так что ты увидела?

– Чудовище. И кровь, – стал едва слышен голос девушки. – Там везде была кровь. Совершенное зло... «Познавший силу тьмы обратится самым страшным ее порождением»... Так сказано в Писании, так увидела я. ... Синяя сталь и белая сталь... Мундир с кровавым аксельбантом, маска из теней. Я думала, вокруг цветут розы, но то была кровь... Даже на ее белых волосах... Она была там, незнакомка в черном. И везде была кровь. Монстр пришел собирать чужие жизни...

Голова провидицы откинулась, и девушка издала жуткий звук – полусмех-полустон.

Я отшатнулась, поневоле радуясь, что у меня никогда не было склонности к предвидению. Видеть чужие судьбы – что может быть хуже?

Несколько минут провидица сидела, раскачиваясь, словно снова провалилась в видение. Я уже подумала, не сбежать ли, пользуясь случаем, но девушка продолжила – совершенно обыденным голосом.

– Опиум принадлежал той незнакомке без лица. Я и не поняла, как схватила зверька. И лишь когда очнулась, увидела его на полу рядом с собой. Несколько дней бедняжка отказывался от еды и воды, бросался на меня и искал свою хозяйку. Я думала, он не выживет. А потом я дала ему имя. Назвала Опиумом, и он... ну ему как будто понравилось. В тот же день он съел немного сыра. Представляешь?

Она тихо рассмеялась, осторожно приоткрыла дверцу и поставила блюдечко внутрь клетки. Крыс встал на задние лапки и замер,

рассматривая то угощение, то меня. Я поморщилась. Конечно, крысы не умирают от горя и тоски по людям, да и вряд ли вообще испытывают хоть какие-то эмоции. Скорее всего, ему просто не понравился запах дурмана, царящий в этой комнате.

– Рэй знает об этом видении?

– Я ему не сказала, – опасно обернулась на дверь девушка. – Я не хочу его...расстраивать.

Я помолчала, размышляя. Похоже, в том видении Рэй кого-то убил, и я пока не понимала, как к этому отношусь. И почему даже сейчас не могу испытать к мужчине хоть немного отвращения. В конце концов, кто сказал, что все видения этой ненормальной сбываются? Может, она просто перебрала с парами опиума?

– Рэй тоже тебя боится?

– Скажешь тоже. Конечно, нет. – Провидица рассеянно гладила корешок растрепанной книги. Похоже, ей было необходимо к чему-то прикасаться. Может, так она пыталась удержать связь с реальностью? – Он никого не боится. Его судьбу я больше не вижу, ведь мы связаны. Это был единственный раз, и я даже не знаю, когда это случилось, в прошлом или будущем. Но я и не хочу знать. Я не хотела бы знать то, что происходило с Рэем.

– А что с ним происходило? – Я понадеялась, что сумела произнести это не слишком заинтересованно.

– Много страшных вещей. Слишком много. И слишком страшно, – едва слышно сказала она. – Знаешь, Рубеж, а ведь Рэй был самым лучшим человеком на свете. Самым честным, самым милосердным. Самым благородным... Порой я сомневаюсь в справедливости Истиннодуха. И это тоже ужасно...

Я промолчала, радуясь, что гадкая крыса отвлекает мое внимание. Иначе мне не удалось бы сдержать гневные слова. Справедливости не существует, уж я-то это точно знаю!

– Давно ты здесь живешь?

– Пару лет. Или недель... я ведь говорила, что часто путаю время...

Я покосилась на широкую плоскую, накрытую стеклянным колпаком, стоящую у кровати. От нее даже сейчас тянуло запахом ладана и опиума. Неудивительно, что провидица путается!

Она заметила мой взгляд.

– Травы помогают мне уснуть. Рэй запрещает... Злитесь из-за этого. Но Игла всегда мне приносит. Она-то меня понимает. Мы не такие сильные, как он. Мы хотим... забыться.

Мне стало не по себе. И снова захотелось уйти от этой девушки, нежно глядящей клетку с тощей крысой и вдыхающей по ночам дурман. Спуститься вниз, к Мишель и Фиби, услышать смех и живые разговоры, выпить липового чая.

– Вот, я уже тебя испугала, – уловила мой порыв провидица. – Прости. Я часто говорю что-то не то, и люди прекращают со мной общаться. Мне от этого грустно.

– Ты меня вовсе не испугала, – беззастенчиво соврала я.

– А я надеялась, что мы сможем немного поговорить. До того, как ты уйдешь.

– Скажи, ты даже в комнате не снимаешь свою вуаль?

Она застыла в пол-оборота, склонив голову, словно черная птица.

– Я снимаю ее лишь в одиночестве... Я ношу траур. По себе. И по всем, кого однажды рассмотрела в клубах опиума. Я давно не видела собственное лицо. Когда-то оно было красивым. А теперь... я не знаю. Возможно, у меня его нет вовсе.

Она осеклась, и я тоже замолчала. Стоило вспомнить то, что скрывала маска Иглы, и желание настаивать тут же исчезло.

– Что с тобой случилось?

– Небесная кара, – скорбно прошептала девушка. – Я возжелала недопустимого. Мои помыслы оказались нечисты и нечестивы.

– Ты мечтала об оргии с тремя мужчинами одновременно? – ляпнула я, и девчонка подпрыгнула. Крыс все-таки принялся жевать сыр, смешно беря его передними лапами. На миг я даже испытала умиление, но потом снова увидела острые желтые зубы и скривилась. Доев, зверь уселся на задние лапы и уставился на меня. Казалось, он тоже прислушивается к беседе.

– Ты смеешься надо мной? Наверняка, смеешься... Иногда я не понимаю, что значит шутка... У меня мало опыта, и я редко разговариваю с живыми людьми. Нет, что ты. Я не мечтала о... том, что ты сказала. – Кажется, она покраснела под своей вуалью. – Но я думала о поцелуе. Одним поцелуем перед тем, как... Это очень нечестивая мысль.

Я разинула рот. Кажется, теперь уже я не могла определить, шутит моя новая знакомая или действительно считает поцелуй страшным грехом?

– Ты это что, серьезно?

– Ты тоже поражена, верно? – ее плечи опустились. – Я всегда знала, что это воистину ужасно...

– Это глупо! Ну то есть... глупо думать, что за мысли о поцелуе тебя могут наказать! Все девушки иногда о них думают. А парни – и подавно! По правде, порой мне кажется, что они думают об этих дурацких поцелуях слишком много! И если бы Истиннодух всех за это наказывал, на земле никого бы и не осталось! Ну разве что ваш этот главарь, Рэй. Вот он как раз не похож на того, кого занимают поцелуи. Дергается даже от прикосновения к щеке!

Сквозь вуаль ничего было не разобрать, но мне показалось, что провидица теперь прожигает меня взглядом.

– Ты что же...прикоснулась к нему?

– Просто обняла. Совсем немного!

– О Истиннодух! – Девушка заметалась по комнате, натыкаясь на книжные пирамиды и не замечая, что обрушивает их. – Зачем ты это сделала! Прикосновение... прикосновение! Прикосновение – искупление. Искупление – боль!

– Да что случилось-то? – с досадой протянула я.

– Еще одна страница Писания, – беспомощно упав на край кресла, она прижала к себе потрепанный томик и принялась раскачиваться из стороны в сторону. – Я могла бы с ним поговорить. Но? Ничего-ничего не выйдет. Ничего у меня не получится. Он не слушает. Он никого не слушает! Это правильно, да. Правильно!

– Объясни мне!

– Рэй дал духовный обет. Он не может прикасаться к другим людям. Любое отступление означает наказание.

– Так это я к нему... Да там и не было ничего...

– Ты не понимаешь!

– Так объясни!

– Ты знаешь, что такое епитимья?

Я мрачно кивнула. О да, я сталкивалась с этой гадостью. Святой отец Нью-Касла однажды все-таки заметил наушники, которые я

скрывала. Тогда-то на меня и наложили эту гадкую епитимью. А папа, к моему негодованию, не возразил!

– Так, поняла. В доме есть святой отец, и он накажет Рэя этой самой епитимьей. За прикосновение? Ваш Рэй не мог просто соврать, что ничего не было?

Девушка, кажется, подавилась. Некоторое время она молчала, переваривая мои слова.

– Соврать? Ох, Истиннодух единый и вездесущий... Ты так и не поняла! Никто не заставляет Рэя. Он сам делает это! И сам наложил на себя обет. Сам!

Теперь уже я подавилась.

– Он что, совсем повернутый? – ляпнула я и осеклась. – Ладно, прости. Просто мне трудно понять человека, который добровольно проделывает подобное.

– Ты не понимаешь, это необходимость, – неожиданно жестко процедила провидица. Под густым слоем вуали я почти увидела недовольно поджатые губы. – Ты не знаешь, кто он и что сделал. В чем виновен. Обеты – его кара и спасение.

Девушка вытащила крысу из клетки и так сильно сжала несчастную тварь, что та пискнула в ее ладонях.

– Мне надо отвлечься... Надо отвлечься... Надо что-то сделать...

– Отставить истерику и отвечать четко! – рявкнула я командным голосом Ричарда Вэйлинга, и провидица послушно застыла. Кажется, даже дышать перестала. – Ты права, я ни черта не понимаю в этих духовных обетах! Но это я прикоснулась к вашему Рэю, значит, мне и исправлять. Говори, где он?

– В святилище Духа, внизу. Но тебя туда не пустят, – беспомощно пролепетала девушка, а я презрительно фыркнула.

Еще никто не смог запретить Кассандре Вэйлинг войти туда, куда она хочет! Хотя бы потому, что у Кассандры Вэйлинг очень изворотливый ум!

– У тебя есть запасная вуаль? – спросила я.

Глава 20. Просто уходи

Вуаль нашлась. Еще длиннее и темнее, чем была на девушке, имени которой я так и не спросила.

Я быстро шла по коридору, укрытая черной тканью до самого пола. То, что выдала мне провидица, больше напоминало плед, а не покров для лица! Идти в нем было неудобно, смотреть – тоже. На уровне глаз ткань оказалась чуть прозрачнее, но обзор все равно оставался ужасным.

Зато встречные деструкты шарахались в сторону и молча уступали мне дорогу, стоило лишь появиться! Никто не пытался со мной заговорить, что тоже радовало. Из-за угла показалась рыжая макушка Вулкана, но скрылась так же быстро, как и все остальные.

Радуюсь этому обстоятельству, я некоторое время блуждала по заброшенному южному крылу, куда меня направила провидица. Если бы она не объяснила, где искать нужную дверь, я бы точно ее не обнаружила. Молчаливый деструкт-охранник, имени которого я не знала, выступил из тьмы, стоило мне приблизиться, но увидев вуаль, так же молча снова скрылся во тьме. На двери светлел знак Истинодуха. Отшвырнув надоевшую вуаль, я осторожно вошла. Похоже, здесь располагалось святилище – обычное дело для таких старых домов. Место, где можно остаться наедине с божественным, помолиться и попросить.

В небольшой комнате горели на канделябрах свечи, озаря старинную фреску. У Истинного Духа нет лица, только белый силуэт, заполненный священными письменами.

Я посмотрела на тщательно отреставрированную фреску, догадываясь, чья ладонь позаботилась о рассыпающемся изображении.

Перед алтарём, склонив голову, на коленях стоял Рэй. Босой и в одних штанах. И я прижала руку к губам, с ужасом рассматривая его обнаженную спину. Шрамы рубцов на ней спорили с черными строчками из святого писания и рисунками, вытатуированными на коже. Самым большим был силуэт скорбного ангела, раскинувший испачканные черным грехом крылья по лопаткам Рэя. Под левым крылом тянулись звенья цепей – черные, блестящие, кажущиеся почти

реальными. Под правым – свернулась кольцом гадюка, напоминающая косу безумной Иглы... Плечи почти сплошным полотном покрывали символы веры, огни и строки Писания, призванные защищать людей от зла.

Рук Рэя я не видела, они были сложены на груди.

Наверное, я все-таки издала какой-то звук, потому что он чуть дернул головой.

– Я просил меня не беспокоить, – не поворачиваясь, произнес он.

Я не ответила. Я просто не знала, что сказать. Увиденное меня шокировало, хотя я никогда не была слабонервной. Но почему-то рисунок рубцов и чернил на красивой мужской спине лишил меня сил. Да, эта спина была очень красивой... в меру широкой, с правильным и четким рельефом мышц и выраженной линией позвоночника. Но сейчас на ней не было живого места и даже ямочки у поясницы скрывали черные буквы.

Удивленный молчанием, Рэй все-таки повернул голову.

– Ты? – Его брови сошлись на переносице. – Что ты здесь делаешь? Как вошла? Впрочем, неважно... Уходи.

– Разве святилище не должно быть открыто для всех, желающих помолиться? – слабым голосом произнесла я.

– Сомневаюсь, что ты знаешь хоть одну молитву, – ровно ответил он. – Но если все же знаешь, можешь прочесть ее чуть позже. Мне надо побыть одному.

Я переступила с ноги на ногу, теряясь. Я пошла сюда, поддавшись порыву и эмоциям, а сейчас не знала, что делать дальше. Да и зачем я вообще вмешиваюсь? Какое мне дело до этого человека с чернотой в глазах и на теле? Почему я думаю о нем? Почему хочу предотвратить то, зачем он пришел к Истиннодуху?

Разве все это не похоже на то, что я всего лишь нашла очередной повод для встречи с ним?

И разве это не ужасно? Отвратительно и ужасно.

Тебя ударили по голове, Кассандра, и ты свихнулась.

Все дело исключительно в этом.

– Уходи, – спокойно и безапелляционно повторил Рэй, не сомневаясь, что я выполню приказ.

Я осталась стоять.

– Слушай, давай я просто извинюсь, а? Я поняла, что ты не любишь прикосновения. Но я не знала, что... настолько! Извини меня, это вышло случайно!

– Тебе не нужно извиняться. Просто уйди.

– А тебе не нужно делать... это! – выпалила я. – Все эти чернила на твоём теле... Это наказание, да? Из-за обета Духа?

Он моргнул.

– Вот как. Кажется, я знаю, кто тебе разболтал. Ты все-таки добралась до мансарды.

Повернулся к фреске, медленно осенил лоб священным знаком и поднялся с колен.

Повернулся.

Я едва сдержала желание зажмуриться. Но к счастью, грудь Рэя оказалась почти чистой. Рисунков не было, только шею обвивали строки из Писания, спускаясь вниз, словно пугающий ворот. А шрамы... шрамы были и здесь.

А потом мой взгляд упал на его левую руку и дыхание в моей груди закончилось. Там темнел безобразный рубец, от которого черными паучьими лапками расползались штрихи обезображенной кожи. Рубец, окольцевавший запястье. На внутренней стороне остался кусок. Когда-то белый. Сейчас полностью почерневший.

– У тебя была нейро-панель, – выдохнула я. – Ее что, срезали? Или... вырвали? Но зачем? Бог мой, зачем?

– Они сказали, что это поможет мне контролировать то... что таится внутри меня, – совершенно безэмоционально произнес парень.

– Но браслет – это лишь видимая часть, все остальное врастает в нервную систему и встраивается в ДНК! Срезать панель бессмысленно! Даже если отрубить руку, это ничего не изменит!

– Тогда я рад, что руку мне не отрубили, – с иронией ответил Рэй.

Я не выдержала и с силой укусила себя за щеку. Глаза щипало. Почему я не могла смотреть на его шрамы, чернила и след от браслета? Почему мне не все равно? Мне, бесчувственной стерве Кассандре Вэйлинг?

– Тебе все-таки стоит уйти, – сухо произнес он. Хотя я видела, что Рэй не так спокоен, как хочет казаться. Жилка на его шее пульсировала от волнения.

– Нет, – упрямо сжала я губы, вкинула голову. – Разве твоему телу недостаточно боли? Зачем наказывать себя за глупое, ничего не значащее прикосновение? Я ведь извинилась! Никто не узнает!

Он почти улыбнулся.

– Ты не понимаешь, что такое духовный обет, – мягко сказал он.

И тут я заметила в его пальцах маленький стеклянный пузырек. Такой же был в руках священника, наказывающего меня за недостойное поведение на службе. Я запомнила этот цвет – бутылочный зеленый, красивый.

Я осеклась, размышляя. Что-то такое рассказывали на одной из служб. Но, конечно, я была увлечена романом, звучащим в моих наушниках, и не особо вслушивалась. Что же там говорили? Обет Духа – древняя практика. Добровольное наказание и искупление болью... Странная защита от сил зла... Но от кого Рэй так яростно защищается?

Может, мне и правда лучше уйти? Это не мой мир. Епитимья и фреска с Истинодухом, молодой мужчина со шрамами и странный дом, существующий в двух местах одновременно. Это все чуждо мне. Надо просто уйти...

Рэй уловил мои сомнения – и его глаза стали совсем пустыми.

– Возвращайся на кухню. Сегодня у всех будет праздник. Вероника приготовила пирог с яблоками.

Я сложила руки на груди и до хруста выпрямила спину, всем своим видом давая понять, что никуда не уйду.

Некоторое время мы смотрели друг на друга. Я первой отвела взгляд.

– Ладно, как хочешь, – как можно безразличнее бросила я. – Пойду есть пирог, а ты тут можешь хоть обпиться этой священной гадостью!

Гордо развернулась на каблуках. А потом еще раз! И, вихрем подлетев к Рэю, выхватила у него из рук пузырек и одним махом опрокинула его содержимое в рот.

– Я виновата, мне и отвечать. Я, знаешь ли, стерва, но не трусиха! И потом. Это всего лишь небольшая бо...

БООООЛЬ!

Все мои нервные окончания вспыхнули разом и завибрировали от невыносимого жжения. Мне показалось, что меня целиком окунули в горящий котел с маслом или подобно мифической ведьме подожгли

заживо. Эта боль была невыносимой. И лишь сейчас я осознала, что выпила не светлую жидкость, которую уже когда-то пробовала, а болотно-зеленую, тягучую. Темную. Темная епитимья, о которой ходили жуткие слухи, и действие которой я испытала на собственной шкуре.

Внутри прокатилось пламя, обожгло невыносимой болью и вспыхнуло слева у ребер. Не в силах терпеть, я дернула вверх свитер. От боли хотелось содрать кожу, сделать хоть что-то, чтобы от этого избавиться! Я дернула край свитера и опустила взгляд. На коже у ребер медленно проступила черная точка, разрастающаяся в линии и буквы.

Так вот как это работает! Светлая епитимья всего лишь дарит неприятные ощущения, а вот темная не только заживо сжигает тело, но и оставляет напоминание.

– Твою ж мать! – выдохнула я, почти теряя себя в нарастающей боли.

Глаза Рэя стали темнее ночи. А потом сила его Духа выплеснулась из тела, и я оказалась в плену тьмы и звездного сияния. Они окружили меня со всех сторон – мерцающий млечный путь, целая галактика, завораживающая и пугающая одновременно. Сила чужого Духа спеленала меня, и боль притупилась, словно ее смыли холодной водой.

И так же крепко обхватили мужские руки. Его лицо оказалось близко-близко...

– Что ты наделала! Дай посмотрю!

На моей коже медленно проступила строка из Писания: «Бремя мое несу с радостью, ибо бремя Мое есть благо, и бремя Мое легко».

Он разжал руки, чужая сила схлынула, и я медленно сползла по стене на пол. Боль отступала, оставляя неприятные воспоминания и черные буквы. Рэй бросился к алтарю, выхватил из ящика под ним медицинский короб и банку с мазью.

– Дай посмотрю. Это должно помочь... Я просто посмотрю! Прекрати сопротивляться!

Он тянул мой свитер вверх, пытаюсь снова увидеть выжженные на коже строчки. А я смотрела в его лицо, такое чужое. На рубцы. На след от белого браслета.

Нет, он не пытался защитить себя от зла.

От сам был злом.

И каждая буква на его теле, каждый шрам напоминали об этом. О том, что он сделал. Всеми своими запретами и ритуалами он пытался не спастись, а спасти. Оградить мир от себя. Не допустить нового разрушения.

Боль слегка отпустила, давая наконец вздохнуть.

– Надо нанести, – упрямо сказал тот, кого я все еще не могла назвать по имени. – Чем раньше, тем больше шансов, что буквы исчезнут. Не совсем, конечно, но они станут бледнее... Надо прямо сейчас... Хватит отбиваться!

Он тянул свитер, задирая, почти разрывая ткань и пытаясь нанести мазь на мою кожу. Прикосновения прохладных пальцев к моей коже дарили странное и сладкое наслаждение. Хотелось отдаться этим ощущениям целиком, но я почему-то отбивалась. Слабо, как котенок, все еще слишком шокированная болью.

И им.

– Не надо... прикосновений. Нельзя ведь...

– Можно. Если это необходимо для облегчения чужой боли. – Быстро сказал он и снова провел по черным буквам у моих ребер. Я выдохнула от накатившего удовольствия и Рэй вскинул голову.

– Перестань, – я отвела его ладонь.

Он замер с занесенной рукой, ходящими желваками и тьмой во взгляде. Некоторое время мы просто смотрели друг на друга.

Я втянула воздух, примеряясь с тем, о чем давно подозревала. Все мои провокации, все мои выходки... Все, что вело сюда. К нему.

Хватит врать, Кассандра. На свете больше нет таких глаз.

– Август, – тихо сказала я, и он отшатнулся. Замер с поднятой рукой. Кажется, даже дышать перестал.

А потом ответил:

– Я больше не произношу это имя, Кассандра.

И снова я задохнулась, будто глотнула еще одну дозу темной епитимьи. На этот раз – двойную.

– Значит, мне не показалось. – Я ощущала заторможенность, словно меня огрели по голове. – Это все-таки ты. И ты узнал меня!

– Я не мог не узнать тебя. В любом обличье и под любой маской.

– Но как? – Я не понимала. Мне казалось, я падаю с огромной высоты и мне не за что ухватиться, чтобы задержать это безумное падение. Не было больше никакой опоры, ничего, что держало меня. –

Но как? Я ведь видела... И мне сказали, что ты умер! В тот день, в Касле! Ты умер!

– Жаль, что это не так. – Его губы сжались в суровую линию, и он отодвинулся.

Я зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли красные пятна. Я все еще видела строки Писания, чернеющие на коже. Видела шрамы. И безумное лицо Иглы, исчерченное кровавыми слезами. И черную вуаль провидицы с кончиком светлой косы. И все свои сны, которые уже не казались мне снами. Тень, стоящую за спиной. Годы моей пустоты. И его боли. Где его держали? Почему? Зачем?

Вопросы множились и жужжали в голове, как стая рассерженных диких ос. Мне хотелось заорать, затопать ногами, шарахнуть по стене кулаком! Сделать хоть что-нибудь, чтобы унять то ужасное и болезненное, что разрасталось внутри. Но я лишь кусала губы.

– Кассандра?

Я могла бы протянуть руку и коснуться его лица – незнакомого, чужого. Но какая разница... Конечно, я не стала этого делать. За мой поцелуй пять лет назад Август заплатил жизнью. За мое прикосновение сегодня – едва не поплатился новой болью. Я словно проклятие, которое снова и снова настигает его!

– Если ты меня узнал... Почему я все еще жива? Почему ты не свернул мне шею, как только увидел! Ты меня ненавидишь? – тихо сказала я.

Он промолчал, и я взорвалась.

– Конечно, ты меня ненавидишь! Это я виновата в том, что случилось с тобой. Со всеми! Я не смогла нейтрализовать низкочастотный поток! Это все случилось из-за меня. Ты стал таким из-за меня! А еще Игла... Ох. – Понимание ускорило мое падение в бездну. – Ваши глаза... похожи. Я сразу этот отметила, такие же темные и необычные. Это... ведь твоя сестра, верно? Зоя. И девушка в вуали, провидица?.. Ирма. Та, для кого ты хотел создать духовный лотос. Они стали деструктами, попав в воронку!

– В мою воронку, Кассандра. В мою. Это моя вина. Было бы глупо обвинять во всем тебя.

– И все же ты злишься.

Он едва слышно хмыкнул.

– Уже нет. Хотя инквизиторы тоже так говорили. Что я должен тебя ненавидеть, это залог моего освобождения.

– Инквизиторы?

– В Песках, где меня держали три года.

Я снова посмотрела на его шрамы. И не стала уточнять... Сначала надо снова научиться дышать.

Он посмотрел в сторону фрески.

– Ты была всего лишь испуганной девушкой. Неопытным миротворцем, оказавшимся не в том месте. А моя сила росла слишком быстро. Ты не виновата, Кассандра.

– Что? – Я уставилась на него, не веря. – Ты меня не винишь? Ты. Меня. Не винишь?

Он покачал головой, и я взорвалась.

– Но ты должен винить меня! Должен ненавидеть! Мечтать о мести! Должен!

Не сдержавшись, я ударила его ладонями по груди. Не сильно. Совсем слабо. А потом заколотила ладонями, не зная, как справиться с эмоциями.

Август поймал мои руки, сжал запястья.

– Ты решила избить меня за то, что я не испытываю к тебе ненависти? Очень...по-женски.

Его губы дрогнули, и я вдруг поняла, что мы слишком близко. Что его пальцы сжимают мои запястья, а едва уловимый аромат ветивера и ладана щекочет обоняние. Что я вижу каждую ресницу его темных глаз. И еще он смотрит так внимательно и остро, что я снова теряю дыхание.

Моргнув, я зажмурилась, пытаюсь найти точку опоры в стремительно изменяющемся мире. И как странно, что это вновь были ладони того, кто меньше всего для этого подходит.

– Кассандра, посмотри на меня.

Я помотала головой. Август снова вздохнул. Совсем близко. Я ощутила его дыхание на своей щеке.

– Кассандра.

Вот почему он делал паузу перед именем Ванда. Он всегда знал, что никакая я не Ванда!

– Почему – Рэй? – не открывая глаз, выдохнула я.

– Так называли меня родители. Но духовный наставник дал второе имя, когда я вступил в семинарию духа.

– Рэй Август?

– Август Рэй. Духовное имя важнее родительского.

– А это лицо? Это ведь маска?

– Да. Лицо принадлежит охраннику из Песков, который сторожил меня. Это все, что от него...осталось. Мой наставник сумел освободить меня, но ценой новых жертв. И это тоже на моей совести. Я не могу снять эту маску, потому что не контролирую свои способности. Как и перенос дома, я надел ее неосознанно, пытаюсь скрыться.

– Выжил... А ведь я знала... я чувствовала!

Только боялась поверить своим ощущениям! Но это значит, что отец мне соврал? Выходит, он знал, что Август в заключении? Пять лет он мне просто врал?

Я потрясла головой. Подумаю об этом позже. Не сейчас. Сейчас слишком больно.

– Что с тобой делали?

– Пытались уничтожить зло внутри меня, – сухо сказал Рэй. Нет, не Рэй.

Август.

– Им это удалось?

Он покачал головой и выпустил мои руки, сел рядом, тоже привалившись к стене. Я посмотрела на его ладонь, лежащую рядом с моей. Красивое запястье, длинные пальцы... Мне хотелось снова взять его за руку, но, конечно, я этого не сделала.

Я даже руку убрала, чтобы этого не сделать.

– Не бойся, второй воронки я не допущу, – сухо сказал Август, неправильно истолковав мой жест. – По крайней мере этому я научился. Скверна запечатана внутри моего тела и наружу не вырвется.

– Ты мне снился, – ляпнула я. Видимо, еще не отошла от шока.

Пальцы Августа дрогнули, словно и он тоже хотел прикоснуться. Но он лишь сжал ладонь в кулак и отодвинулся.

– Ты не должна была меня увидеть, Кассандра, это опасно.

– Для тебя?

– Прежде всего – для тебя. Но да, для меня тоже. Твою память об этих днях придется стереть, прости. Я не могу рисковать.

– Думаешь, побегу рассказывать инквизиторам? – разозлилась я.

Он глянул хмуро, не отвечая. Похоже, Август полностью взял себя в руки, лицо снова стало замкнутым. Повертел открытую баночку с целебной мазью, закрыл крышку и встал.

– И думаю, тебе лучше покинуть этот дом.

– Прогоняешь?

– Я не понимаю, почему ты хочешь остаться. У тебя нет на это ни одной причины.

– Значит, прогоняешь.

– Я просто не понимаю. У тебя своя жизнь, Аннонквирхе, друзья. А здесь... Здесь ничего этого нет. Только деструкты и...

Кажется, он хотел сказать «и я», но осекся и еще больше помрачнел.

– Тебе тут не место, Кассандра. Да и находиться рядом со мной слишком долго – опасно. Люди рядом со мной меняются. Я попрошу Арчи проводить тебя.

– Просто открой дверь, дорогу сама найду! – рявкнула я, вскакивая и делая стремительный шаг к выходу. Мои эмоции качало, словно взбесившиеся качели, кидая то в ярость, то в подступающие слезы.

– Кассандра!

На лице Августа мелькнула растерянность. Он действительно не понимал, что со мной происходит. А я не могла объяснить. Нас связал первый поцелуй и общая боль, катастрофа, изменившая наши жизни, тысячи моих снов и шрамы на его теле.

Я не могла объяснить, потому что и сама не понимала, почему так злюсь на него. И почему так счастлива его увидеть!

Сейчас я еще больше хотела остаться в этом доме, но просить, конечно, не буду и потому вздернула подбородок.

– Ты здесь приказываешь. Но не думай, что я позволю кому-то копаться в моей памяти! Если я покину этот дом, то уйду со всеми моими воспоминаниями, Август, понятно? И тебе придется либо принять это, либо попытаться меня остановить!

– А я надеялся, что прошедшие годы сделали твой характер лучше.

– Прошедшие годы испоганили его окончательно.

Я поправила свитер и твердо посмотрела в чужое некрасивое лицо.

– Я не хочу снова забывать тебя, Август.

Он вздрогнул, словно я сказала что-то пугающее.

Три свечи на канделябре зашипели и погасли – одна за другой. И тьма – мучительная и сладкая заполнила святилище так же, как уже было наверху, когда мы грели руки о чашки с липовым чаем. Притяжение...

Притяжение, которое мы оба не могли вынести.

Я отвела взгляд от лица Августа и шагнула к двери.

– Кассандра, – он качнулся за мной, протянул руку, словно хотел схватить, но не сделал этого. – В тот день... Что случилось с тобой в тот день?

Я замерла, понимая, о чем он спрашивает. Не повторила ли я судьбу Ирмы и Зои, не стала ли порченной. Не иду ли дорогой безумия туда, откуда нет возврата.

Если бы в святилище передо мной стоял кто-то другой, мой ответ был бы иным. Но я смотрела на Августа. На его шрамы, на его руки. Я не хотела быть еще одним грузом на его душе.

В конце концов, Кассандра Вэйлинг – королева. И требует поклонения, а не жалости! Меньше всего я хотела, чтобы этот мужчина испытывал ко мне жалость...

Поэтому улыбнулась как можно беззаботнее.

– Ты ведь сам сказал – у меня Аннонквирхе, друзья и прекрасная жизнь. У меня все прекрасно, Август.

Он смотрел по-прежнему остро, но я уже пошла к двери, надеясь, что за дверью смогу хоть немного успокоиться.

И тут где-то внутри дома звонко вскрикнула девушка. Крикнула и затихла.

Я бы и внимания не обратила, слишком захваченная собственными переживаниями, но Август подобрался, его мышцы напряглись. Он схватил свитер, торопливо натянул, пряча чернила и шрамы.

– В чем дело? – очнулась я.

– Это Мишель. Что-то не так.

– Подавилась яблочным пирогом? – буркнула я, но Август не улыбнулся и, надев перчатки, быстро двинулся к выходу. Я скривилась за его спиной, злясь на Мишель с ее воплями. Ну что там могло случиться? Наверняка ничего серьезного...

Коридор за дверью тонул во тьме, ни одна масляная лампа больше не горела. И висела тишина.

Даже мне это показалось странным.

И тут что-то грохнуло с такой силой, словно дом взорвался!

Глава 21. Тени и маски

Потоком воздуха меня свалило на пол, сверху присыпало щепками. Кашляя, я подняла голову, пытаюсь понять, что случилось.

– Ты жива?

Моргая, я рассмотрела сквозь завесу пыли глаза Августа. Кивнула.

– Оставайся в святилище! За алтарем есть тайник, спрячься внутри! Я вернусь за тобой, слышишь? – я снова кивнула. Август поднял руку, словно хотел дотронуться, но лишь сжал ее в кулак и рванул в глубину дома, откуда уже разносились крики.

Конечно же, я не послушала. Фигура Августа растворилась в пыли и мраке, и я осторожно двинулась следом, поражаясь тому, как быстро он умеет двигаться. Словно и сам был тенью...

Коридор затянуло едкой гарью и дымом и, стараясь не кашлять, я прижала ко рту подол свитера. Снова что-то грохнуло и обрушилось, с потолка посыпались камни. Истиннодух, неужели это камнепад – и дом завалит, как случилось когда-то со стоящей на этом месте сторожкой?

То ползком, то по стеночке я добралась до самой кухни, вертя головой и пытаюсь сообразить, что произошло.

Стол, за которым еще недавно смеялись деструкты, чья-то безумная сила разрубила напополам. В грязи, щепках и осколках битой посуды валялись рассыпанные продукты и праздничный пирог с грубым отпечатком сапога. От плиты тянуло гарью, кажется, в ней что-то горело...

Под моей ногой хрустнуло – и я замерла, увидев кружку, из которой недавно пила липовый чай... Фарфоровая ручка откололась, рисунок из стёртых листьев перечеркнула трещина. Очень осторожно я подняла кружку и зачем-то поставила на сушилку.

Сбоку что-то шевельнулось, и я обернулась резко, занеся руку для удара. В углу сидела Вероника – круглолицая и молчаливая женщина, готовившая в этом доме обед. Я метнулась к ней, схватила бледную руку.

– Вероника, что случилось? Вероника!

– Бегите... – прошептала она, теряя сознание.

Я оторопело положила женщину на пол, постояла, не зная, что делать дальше. Надо найти кого-то. Позвать на помощь!

Выскочила обратно в коридор.

В какой стороне лестница? Надо найти лестницу! Может, наверху есть хоть немного воздуха, чтобы наполнить уже горящие легкие? Что же случилось? Откуда этот дым?

Лестница мелькнула в темноте и дыму ощерившимся изогнутым ртом с провалившимися клыками – ступенями. Я качнулась в ее сторону, но тут увидела выходящего из-за угла человека в черной форме. Свет уцелевшей лампы боязливо скользнул по профилю в теневой маске и плечу жесткого мундира, на котором багровел шнур аксельбанта и знак карающего меча.

Я замерла, теперь радуясь дыму, затянувшему коридор.

Инквизиторы! Они все-таки нашли укрытие деструктов.

Но как же не вовремя, черт возьми! Ну почему, почему они нашли нас именно сейчас? Когда профессор так близок к решению?

Я всем телом вжалась в пыльный гобелен, боясь дышать. Мысли лихорадочно крутились в голове.

Что делать, как поступить?

Выйти к инквизитору в облике никому неизвестной Ванды? Но меня примут за деструкта и арестуют, потом пойдешь докажи, что я тут пленница! Снять Маску и принять облик Кассандры Вэйлинг? Крикнуть, что я заложница?

Но что будет со остальными? Что станет с...Августом?

Я так крепко сжала кулаки, что ногти впились в кожу до кровавых полукружий.

Сбоку шелохнулась тень и из дыма выступила фигура второго инквизитора. Увидев меня, мужчина вскинул руку в угрожающем жесте. Но я уже качнулась навстречу, размазывая слезы по щекам, благо они все еще не высохли после испытания епитимьей.

– Помогите, – жарко зашептала я, бросаясь к стражу, – спасите меня! Меня взяли в плен, меня похитили в Люпьянском театре! Умоляю!

Мужчина опустил руку, рассматривая меня. Маска теней – серое ничто – прятала его лицо, но не закрывала глаза – голубые, с тонкими лапками морщинок вокруг.

– Госпожа Мария Эллоди? – неуверенно пробасил страж, и я торопливо кивнула. Что ж, теперь я знаю имя заложницы в зеленом платье. Она брюнетка, вот инквизитор и принял меня за нее.

– Это я, я! Умоляю, спасите! – жарко выдохнула я, и когда инквизитор шагнул ко мне, схватилась за его мундир, дернула на себя, врезала промеж ног коленом, а стоило мужчине взвыть и согнуться – со всех сил приложила ладонью сзади по шее. Между моей рукой и жестким воротом мундира проскочила белая вспышка.

И я сама поразилась, когда страж рухнул к моим ногам и затих.

Я пораженно посмотрела на свою руку. «Деструкты зачастую сильнее обычных людей...» – пронеслись в голове слова Нейла.

Осторожно опустившись рядом с поверженным, я ткнула пальцем в его щеку и уловила дыхание. Жив! Благодарю, Истиннодух!

Торопливо осмотрелась, но коридор утопал в дыму, в котором плавали желтые кляксы ламп. Касаясь рукой стены, я медленно двинулась вперед – туда, где по моим расчётам находилась лестница. Коридор расширился до размеров холла у входной двери, и я замерла. Здесь дыма было меньше, а со второго этажа лился дневной свет. Где-то в районе портретной галереи заскрежетало и загрохотало, и я уже хотела броситься на звук, но снова замерла.

На ступенях лестницы возникла еще одна фигура в удлинённом черном мундире. Еще один инквизитор! Лицо мужчины, конечно, закрывала маска теней. Но вот страж остановился, вскинул голову, прислушиваясь к грохоту наверху, луч света высветлил его глаза, и я успела их рассмотреть. Увидеть и отшатнуться, изо всех сил вжимаясь в стену.

Боги, неужели, у меня начались галлюцинации? Кто стоит там, глядя в темноту первого этажа?

– Здесь никого, – со стороны кухни показался еще один инквизитор в маске. Лишь темный, пучком завязанный на макушке хвост отличал его от собрата наверху лестницы. – Всех, кого обнаружили – собрали в музыкальной комнате.

– Пленницу нашли? – резко бросил инквизитор на лестнице, и от его голоса у меня закружилась голова.

– Еще нет. Проверяем...

– Найдите ее! Быстрее! – Луч света скользнул снова и запутался бликами в светлых, золотистых волосах мужчины.

Я прижала ладонь к губам, сдерживая изумленный вопль.

Из глубины дома раздался крик и в коридор вылетело уже знакомое мне изломанное чудовище. Нейл-Бредди, загребая щепки слишком длинными руками и ногами, с воем кинулся на врага. Его зубы клацнули и вгрызлись в шею темноволосого инквизитора у двери, тот выдернул из ножен сталь и всадил кинжал в бок деструкта. Два тела покатались по полу, пытаясь разорвать друг друга. Нейл, не замечая кровь, хлещущую из раны, с ревом вонзил зубы в плечо инквизитора. Тот зашипел, отскочил, снова махнул кинжалом. Нейл увернулся, его жуткое лицо исказилось то ли в улыбке, то ли в оскале. Длинные тощие руки с двумя локтями сейчас были его преимуществом, и острые ногти полоснули по щеке инквизитора, сдирая маску теней. Под ней оказалось худое кареглазое лицо, сейчас – залитое кровью.

Из тьмы показалась еще одна фигура в черном, вскинулось дуло пистолета, но страж на лестнице поднял руку:

– Не стрелять!– приказал он. – Заденешь Клива и нарушишь баланс пространственного разрыва.

Я зажмурилась, ловя жуткое узнавание интонаций и властных нот. Но как? Почему ОН здесь? Почему ОН в форме инквизитора?

Тем временем Нейл ловко уклонился от удара врага, развернулся, но тот все же достал его, схватил за локти, обрушил на пол и резко надавил сапогом на спину деструкта. Я уже думала, что с Нейлом покончено, как тот вдруг мотнул головой, откидывая волосы и открывая второе лицо на затылке. Жуткие глаза Бредди уставились на инквизитора, и тот дрогнув, резко отшатнулся. А двоедушник развернул руки и ноги, словно они были прикручены на шарнирах и вертелись во все стороны! И не давая инквизитору опомниться, Нейл резко ударил его головой в лицо. Нос стража хрустнул, а сам инквизитор отшатнулся, выпуская двоедушника.

Светловолосый инквизитор на лестнице качнул головой.

– Клив, заканчивай здесь, – резко приказал он таким тоном, словно не сомневался в том, за кем будет победа. Махнул стражу с пистолетом, и они оба двинулись наверх.

Ничего не понимая и уже едва сдерживая раздирающий горло кашель, я бочком просочилась следом. Нейл и темноволосый

инквизитор снова сбились в один неразборчивый клубок, где уже и не понять было, кто кого бьет.

Второй этаж тонул в хаосе, словно по нему прошелся смерч, разбросав все на своем пути. Я заглянула в пустой кабинет, где еще утром работал профессор, и едва сдержала вопль паники и ярости, увидев раздавленное оборудование и разбитые реторты. Если в коридоре гулял смерч, то здесь был его эпицентр. От стерильной красоты комнаты ничего не осталось, а результаты работы Хакала безжалостно раздавили сапогами и уничтожили. Самого милорда я не нашла, хотя и заглянула под стол и даже в шкаф, тоже засыпанный осколками. Кто-то постарался, чтобы в комнате, ставшей лабораторией, ни осталось ни одной целой вещи.

Когда я покидала кабинет, он прощался со мной хрустящим под подошвами стеклом.

Я сердито стерла с щеки влагу. Еще ничего не закончилось! Главное – найти самого Хакала. Найти живым!

Во многих комнатах сейчас не было дверей, их сорвало с петель неведомой силой.

Озираясь, я двинулась дальше. Где же все деструкты? Инквизитор сказал, что их собрали в музыкальном зале...

Картинная галерея зияла дырами. Портреты прежних владельцев валялись на полу, холсты выглядывали из разбитых рам. Здесь тоже лежал пеленой дым, тянуло холодом. А впереди кто-то ругался и выл, что-то грохотало и падало. Дверь в музыкальный зал висела на одной петле, жалко вздрагивая от порывов ветра изнутри.

Внутри зала снова что-то загрохотало, и несчастная дверь с резким хлопком обрушилась на пол. По ней прокатилось нечто огромное и белое, держащее в лапах окровавленного инквизитора. Страж извивался, пытаясь вырваться из медвежьих объятий чужого Духа. Шатаясь, вслед вывалился и сам Вулкан – бледный до синевы, сосредоточенный. Привалившись к стене, он широко раскинул руки. Его пальцы шевелились, словно пытаясь помочь Духу, выведенному из тела. Белый медведь – бесшумный и безжалостный – прижал к полу голову инквизитора и принялся давить лапами, пока не показалась кровь. Но тут страж в черном полыхнул коротким, но жарким огнем – и рыжий Арчи взвыл, падая. Его Дух стал почти прозрачным, рассеянным. Из ноздрей, ушей и глаз Вулкана потекли струйки крови.

Инквизитор начал подниматься, но тут из темного проема вырвалась стая белых птиц и обрушилась на врага сверху. Мишель, это была она... Я узнала воплощение ее Духа.

– Арчи, Арчи! – Девушка бросилась к Вулкану, пытаясь привести его в чувство.

Я же по стеночке просочилась к двери и скользнула внутрь. Заморгала, пытаясь хоть что-то рассмотреть в дыму и сизых клубках, наполняющих зал. В этом мареве сражение казалось каким-то ненастоящим. Призрачным. Черные силуэты инквизиторов молча нападали на деструктов, те пытались отбиться. Близнецы Янис и Унис сражались спина к спине, ловко размахивая одинаковыми топорами. И судя по силе, с которой они делали замахи, разрыв добавлял обоим невиданной силы. Возле братьев сидел на полу Демьян, сейчас его рот был свободен от пластыря, губы шевелились, и удивительно, что я расслышала строчки, которые он шептал:

И бури, все попутно руша,
И все обломками покрыв,
То в вольном море, то на суше
Безумствуют наперерыв.
И молния сбегает змеем,
И дали застилает дым...* (Гёте)

Вокруг Демьяна расползлось серое нечто. Странный дым, заполонивший весь зал и мешающий двигаться – был Духом Демьяна. И повинувшись тихим строчкам, Дух формировался в бесформенное чудовище, смутно напоминающее огромного безобразного моллюска. Сам парень крепко прижимал к груди книгу в потрепанной обложке и шептал, шептал слова старинного произведения. Туман ширился и разрастался, его серые щупальца оплетали тела захватчиков в черном, застилали им глаза, вползали в уши и рты. Вот только инквизиторы тоже не были обычными людьми, у каждого на руке блестела нейропанель. И в отличие от деструктов, они прошли настоящее военное обучение.

Один из черных мундиров ударил по серому щупальцу ножом и Демьян охнул, второй дернул щупальце на себя, а потом отсек его секирой, и парень с косой челкой закричал от боли.

Один из братьев-близнецов упал, второй бросился ему на подмогу, забыв о сражении. Демьян, тихо всхлипнув, вздрогнул и словно

очнулся – и охнул, когда один из хватчиков наставил на него острие узкого меча. Приказ «не стрелять» инквизиторы выполняли в точности и пока применяли лишь холодное оружие.

Обитателей дома неудержимо теснили к центру, туда, где висела черная завеса, сквозь которую я ничего не видела, лишь слышала доносящиеся звуки жестокой схватки.

– Всех взять живыми, – прозвучал из-за пелены дыма властный голос, от которого внутри у меня снова все сжалось. – Преступники нужны для допроса.

Допрос?

Видимо, не только меня испугало это слово.

– Подлые твари, что мы вам сделали?! Фиби, скорее! – закричала, показываясь из-за черной завесы, белокурая Ванесса. Если у девушки и были какие-то способности, они не помогли ей спастись, руки ее уже сковывали наручники, а на светлых волосах темнела кровь.

Сама Фиби сидела у ее ног и к моему изумлению... вязала? Некрасивое лицо казалось отстраненным и сосредоточенным, безжизненным, словно у восковой куклы. Что она делает? Неужели не понимает, что ее носок сейчас совершенно неважен?

Белесая нить Духа мелькнула на острие спиц. И еще одна, петлей ложась на сталь, завязываясь с другой, складываясь в единое полотно... Инквизитор поднял руку, чтобы заставить Ванессу замолчать и... упал. Его тело задергалось, крепко связанное невидимой нитью. Связанное спицами Фиби! Нити Духа вились и вились – и еще двое стражей рухнули и покатались, словно гусеницы в сетях паука.

– Быстрее! Быстрее! – кричала Ванесса, и тонкие спицы стучали, стучали, связывая чужие души.

Пока рядом с девушками не выстрелила Пыль, и серые частицы не собрались в фигуру мужчины с золотыми волосами. Он коротко ткнул двумя пальцами в висок Фиби, и та рухнула. Спицы со звоном упали на доски пола. Светловолосый инквизитор глянул на Ванессу, и девушка замолчала, тихо опустившись рядом с упавшей Фиби.

– Прекратите сопротивление! – от звуков знакомого голоса я сама едва не заорала. – Это бесполезно и бессмысленно! Дом под нашим контролем! Просто поднимите ладони, чтобы мы их видели!

В зал, тяжело дыша, ввалились еще несколько инквизиторов, которые тащили связанного по рукам и ногам Нейла, а следом – Вулкана с Мишель.

– Это последние, господин дознаватель, – доложил вошедший инквизитор. – В доме больше никого нет.

Страж с золотыми волосами вскинулся, даже в маске было видно, каким гневом блеснули его глаза.

– Здесь должна быть еще одна пленница! Найдите ее!

– Но...

– Найдите ее! Иначе я...

Порыв холодного ветра сбил с ног и командира инквизиторов, и всех, кто был в музыкальном зале, разорвал клубы дыма и снес витражное окно. Острые брызги осколков зависли в воздухе, когда выплеснулась наружу чужая тьма. Чужая сила. Сила разрушителя.

– Убирайтесь! – сказал Август. Он даже голоса не повысил, но звук ударил плетью каждого в этом зале.

Меня прижало к стене, и я сползла, моргая, всматриваясь в движущийся мрак. За спиной грохотился обрушенный на пол шкаф, и я свалилась за него. Встала на колени, выглянула наружу.

Преодолевая гнет чужой силы, командир инквизиторов медленно выпрямился. Стер кровь, просочившуюся сквозь маску теней, и наклонил голову: таким знакомым жестом. Я видела его тысячу раз. В доме отца, в колледже, в академии. В моей или его комнате. В театре, когда он рассказывал мне историю Гликерии. И я, глупая, считала, что знаю этого молодого мужчину вдоль и поперек.

Это оказалось совсем не так. Каждый из нас хранил свои страшные тайны и каждый носил свою маску.

В центре зала стоял Дамир Норингтон. Конечно, это был он, хотя серая тень по-прежнему прятала мужское лицо. Но разве могла я его не узнать? Его голос, его глаза, его движения... У меня кружилась голова от непонимания. Как давно он служит Инквизиции? Почему, черт возьми, он ей служит?

Значит, все, что я знала об этом человеке – ложь?

Зеленая форма гражданского Миротворства, кабинет в особняке за площадью, его кураторство... Все это было иллюзией? Ложью.

Истинное лицо Дамира – вот такое. Маска теней, чёрный мундир, властные приказы и красный аксельбант на плече.

Я перевела взгляд на того, кто стоял напротив Дамира.

Тысячи разноцветных осколков витража собрались вокруг молодого мужчины, словно жалящий рой разъярённых ос. В бликах зимнего солнца они искрились и двигались, показывая острые грани. А в центре этого звенящего облака был Август.

За его спиной у разбитого рояля, на котором еще недавно я играла Летний вальс, лежали, не двигаясь, несколько инквизиторов и толпились испуганные деструкты. Заплаканный Юниш, которого обнимал за плечи профессор Хакал, толстяк Джош, бледные парни и девушки, имена которых я не успела запомнить...

Чуть в стороне раскачивалась из стороны в сторону провидица. Сейчас на ней не было вуали, и я могла рассмотреть седую косу и белые-белые глаза девушки, которой пять лет назад Август хотел подарить духовный цветок.

Руки прорицательницы двигались, а бледные губы растягивались в неестественной улыбке – похоже, Ирма не понимала, где находится, впад в очередное видение. Из кармана ее черного балахона, пропитанного запахом тлена и опиума, выглядывал крысиный нос.

– Убирайтесь! – Тихий голос Августа отразился от стен, приумножился и дом завибрировал. Люди в зале пригнулись, ощутив разрушительную силу приказа. Всех снова придавило к полу, словно нечто чудовищное наступило гигантской лапой, не давая даже дышать.

– Оставьте нас в покое! – выкрикнула у двери Мишель. Она сидела на полу, прижимаясь плечом к насупленному Арчи. – Мы ничего не сделали!

– Вы деструкты, – Дамир не обернулся, чтобы взглянуть на девушку. Он не спускал напряжённого взгляда с Августа. – И этого достаточно, даже если не вспоминать о нападении на Люпьянский театр и заложников, которых вы взяли. А если вспомнить, то... Именем Империи и Святой Инквизиции вы все арестованы! Встанете на колени и поднимите ладони!

– Если хотите мое мнение, то я уверяю, что меня не уводили насильно... – выпрямился профессор, но Дамир даже не посмотрел на него.

– Милорд Хакал, не беспокойтесь, вас сопроводят туда, где вы сможете все подробно рассказать.

Совершенный поджал губы, недовольный, что от его мнения просто отмахнулись.

Дамир остался стоять напротив Августа, внимательно следя за движущимся облаком острых осколков. Ни у инквизитора, ни у разрушителя не было оружия, но я ощутила, как страх сжимает горло. За кого я испугалась? За Августа? За мужчину в маске теней?

– Просто прекратите это бессмысленное сопротивление. Оно бесполезно. И еще... где пленница, которую вы увели из театра?

– Так ты пришел за девушкой? – в голосе Августа не было эмоций. Я до боли вжалась в стену за шкафом. Узнал ли Август Дамира? Мог ли он узнать того, кто тоже стал косвенной причиной разрушительного выброса пять лет назад?

– Если ты прикоснулся к ней хоть пальцем... – зарычал Дамир, не справившись со злостью. – Куда ты ее спрятал? Что ты с ней сделал?!

– В этом доме нет никого, кто находится здесь против своей воли, – совершенно ровно ответил Август.

Инквизитор резко втянул воздух и отвел руку. В его ладони возник узкий обоюдоострый меч, а мне захотелось протереть глаза. Откуда он его взял? На инквизиторе не было никаких ножен... И еще этот знакомый лунный оттенок... Это что же... атмэ? Но любое воплощение оружия карается законом!

Только это не касается тех, кто служит Инквизиции.

Из разгромленного коридора бесшумно появился еще десяток стражей в черном. Словно и не люди, а сумрачные тени, как о них говорят! Янис прошипел ругательство бросил свой топор и поднял руки, Демьян замолчал и теперь только озирался испуганно. Серые щупальца его Духа таяли, возвращаясь в тело. Сопротивление захлебнулось, столкнувшись с неумолимой силой инквизиции.

Остался лишь Август – все еще стоящий между деструктами и людьми в форме. Осколки витража, вибрируя, медленно разошлись полосой, нацеливаясь на хватчиков.

– Я не хочу причинять вам вред, – негромко и бесцветно произнес Август.

– Ты и не сможешь, деструкт, – коротко и жестко ответил Дамир.

– Я не деструкт, – сказал Август, и осколки начали двигаться.

– Не стрелять! – приказал Дамир.

Его белый меч – атмэ – описал полукруг, и взвившийся рой стеклянных ос словно врезался в невидимую стену. Стекло разлетелось крошкой и осыпалось, не причинив людям вреда.

Я только рот открыла от изумления – меч инквизитора был его воплощенным Духом и обладал особой силой. Ряд черных мундиров подобрался и мгновенно перестроился, готовясь к новому наступлению.

Август обреченно вздохнул. Он не двигался, не шевелился, но я вдруг ощутила знакомую дрожь внутри. Возбуждение и агрессия, азарт и голод... То, что я уже чувствовала однажды – перед тем, как мир разорвала разрушительная воронка. В зале разом стало холодно и темно. Свет солнца заволокло пеленой.

Дамир вздрогнул, повел головой, словно человек, пробуждающийся ото сна.

– Кто ты? – Зеленые глаза жадно всматривались в Августа сквозь прорези теневой маски.

Похоже, и Дамир узнал это чувство – предчувствие беды и предвкушение восторга одновременно. Вкус разрушения на губах и в крови.

Август, не отвечая, сделал медленный плавный шаг, и стражи за спиной Дамира согнулись со стенами. Кто-то упал. Дамир дернул головой, но не повернулся в сторону соратников. Его меч-атмэ снова описал полукруг, словно разрубая невидимые нити чужого Духа, и на этот раз пошатнулся Август.

Трое инквизиторов встали за плечами Дамира, и в их руках тоже возникло оружие Духа. И двоих – мечи, у одного – нож. Его он швырнул в Августа и, чиркнув по плечу разрушителя, клинок вернулся в руку хозяина. Разрушитель отшатнулся, и между деструктами и стражами выросла стена. Но несколько слаженных ударов инквизиторов, и Августу пришлось снова сделать шаг назад. Он не нападал, лишь защищался и защищал тех, кто был за его спиной, но воздух дрожал, и эта дрожь пугала сильнее, чем инквизиторы.

– Тебе не победить. – Дамир говорил спокойно, но я слышала в его голосе ярость. – Нас слишком много.

Он снова ударил атмэ, и белая полоса оставила росчерк на руке Августа. Лишь в последний миг его Дух вырос щитом, заслоняя разрушителя.

Я прижала ладонь к губам, боясь издать крик. Я не знала, чего боюсь. Я не знала, за кого я боюсь.

– Где пленница? Говори, куда вы дели девушку? Что ты с ней сделал, сволочь? – процедил Норингтон, нанося удар за ударом. Август не нападал, заслоняясь невидимым щитом и делая мягкие шаги назад. Но тьма вокруг него нарастала. Тихая и неумолимая, словно смерть.

Темная сила крадась незаметно, словно зверь на мягких лапах. Обнимала тихо. И вдруг инквизитор с ножом-атмэ упал. Дамир молча переступил через него и снова ударил мечом. Но там, где был Август, уже зияла пустота, а сам разрушитель возник за спиной стражей.

И еще один мужчина упал, хотя в руках Августа не было никакого оружия. Казалось, он вообще ничего не делает, лишь перемещается по залу, легко прикасаясь к затылкам инквизиторов, но стражи один за одним падали, словно их погружали в мгновенный сон.

На миг даже почудилось, что у Августа получится прорвать оцепление и спасти деструктов.

Пока в зал не ввалились новые инквизиторы. И один из них держал нож на шее Иглы. Ее руки стягивали за спиной наручники, длинные черные волосы растрепались, прикрыв ужасающее лицо без маски. А на ее груди тускло блестело сапфировое сердце, украденное у меня...

– Рэй, прости! – отчаянно выкрикнула Зоя, дергаясь в руках держащего ее мужчины. – Прости меня! Это все проклятая кукла! Ее украшение оказалось маяком! Они выследили меня! Выследили нас! Это все чертова кукла! Это все она! Она виновата!

Маяк? Я зажала рот ладонью. Прекрасное синее сердце, надетое на мою шею Дамиром – это маяк? Возможность выследить меня в любом месте. Так вот как инквизиторы нашли укрытие, спрятанное в расщепленном пространстве!

Не желая того, я стала приманкой! Или ловушкой для деструктов?

Но как? Неужели Дамир знал, что произойдет в театре? Он ведь так и не сказал, на какое задание мы отправляемся...

Страх, злость и непонимание так сильно сдавили мне горло, что я едва смогла сделать вдох.

Истиннодух, но ведь я не знала об этом! Я этого не хотела! Не хотела приводить сюда инквизиторов! Вот только... кто мне теперь поверит?

Сестра Августа забилась, обдирая тонкие запястья о железные грани наручников и отчаянно пытаясь укусить инквизитора. Ее черная коса извивалась живой гадюкой, норовя дотянуться до вражеской шеи.

– Отпустите ее, – в голосе Августа скользнуло беспокойство.

– Прекрати сопротивление и встань на колени! – крикнул Дамир, наставляя на него меч. – Иначе я прикажу перерезать этой девушке горло! Живо! На колени!

Инквизитор возле Зои надавил на лезвие и кровь испачкала сталь и шею девушки. Мишель заплакала, громко хлюпая носом. Лицо Августа казалось все таким же бесстрастным, но я видела какой напряженной была его фигура.

– Отпустите девушку.

– Встань на колени!

Я пошарила у ног и медленно сжала в ладони кусок витражного стекла. Острый осколок обжег кожу, но я держала крепко. За спиной Августа громко охнула пришедшая в себя Фиби и заплакал Юниш.

И тут...мир замер.

Ничего не понимая, я переводила взгляд с застывшего Августа на такого же застывшего Дамира. Зоя с перекошенным ртом, шипящий от боли инквизитор, которого она все-таки укусила, капли крови, повисшие на ноже, замершие в разных позах деструкты и стражи... Что происходит?

– Кассандра Вэйлинг, не пугайтесь, – в беззвучном застывшем зале ко мне шел профессор Хакал, аккуратно обходя фигуры окаменевших людей.

– Милорд! Как вы это сделали? – изумилась я.

– Вы не поймете. Ни на вашем уровне развития. Несомненно, мне придется за это заплатить, но это сейчас не имеет значения. У меня есть лишь минута, чтобы поговорить с вами. Вы должны уйти. Сейчас же. Уйти и увести вашего друга.

– Друга?

Профессор коротко глянул в сторону Августа.

– Кажется, я кое-что понял о нем. И если я прав, то вам нужно уйти немедленно. Ваш друг не может отступить, ведь здесь его друзья, а господин Рэй довольно буквально понимает слово «ответственность». Но он не может и победить. Не сегодня. Его Дух впечатляет, признаться... Давно я не ощущал ничего подобного. Но

победа всегда требует жертв, на которые господин Рэй не готов согласиться... Думаю, дом давно окружен. Инквизиторы и их духовное оружие сметут сопротивление. Дальнейшее противостояние приведет к ненужным смертям и породит катаклизм.

– Вы предвидите события?

– Ничего подобного, – усмехнулся Альберт Хакал. – Я лишь обладаю здравым смыслом и жизненным опытом. Вам надо увести Рэя, Кассандра.

– Почему? – вырвалось у меня.

– Почему я помогаю? – Профессор поднял кустистые брови. – Не желаю погибнуть под развалинами этого дома. Как, впрочем, не желаю напрасных жертв. Вы все еще так молоды... Ну и потом, – Милорд бросил на Августа быстрый, но острый взгляд. – Этот человек должен остаться в живых.

– Но как сбежать от инквизиторов? Нас не выпустят!

– Посмотрите наверх, юная Вэйлинг. – Профессор ткнул пальцем в широкую трещину на потолке. – Две противоборствующие стороны не учли третью. А именно – клочок Духа, ну или то, что вы называете привидением почившего господина Клауса. Корпускулярная энергия безумно возмущена столь непочтительным обращением с его частной собственностью. Еще несколько минут – и его ярость достигнет апогея. А господин Рэй, занятый сражением и тем, что он так отчаянно сдерживает внутри себя, не сумеет вовремя отреагировать. А значит, не сможет удержать созданное им расщепление пространства. Удивительное явление, кстати... Расщепление схлопнется, раздвоение исчезнет, а дом вернется в исходную точку. Еще немного – и все мы окажемся в Старограде, госпожа Кассандра. Ну или под руинами развалившегося здания. Вам стоит поторопиться.

Профессор снова оглянулся на Августа, и я увидела, как тот медленно моргнул.

– Он возвращается в реальность быстрее, чем я думал, – прошептал Альберт Хакал то ли с удивлением, то ли с паникой. Окинул меня быстрым внимательным взглядом. – Идите к нему, Кассандра. Скорее! Деструкты прикроют.

– Прикроют?

– Да. Удивительная преданность господину Рэю. Они готовы умереть за этого человека. Изумительно.

– Но я...

– Быстрее! Уводите его. Прочь!

Что?

Остановившееся время начало свое неумолимое движение, и тишину разорвал яростный вопль Иглы. Я бросила быстрый взгляд на Дамира и его белый меч-атмэ, на стонущих деструктов, на раскачивающуюся Зою. На стражей-инквизиторов. На Августа, из которого выплескивалась тьма. Я ощущала вибрацию, сотрясающую воздух.

Август не мог сдержать силу внутри себя. И не мог уйти.

Трещина переползла с потолка на стену, посыпались камни. Дом вздрогнул, словно живой зверь, пробуждающийся от спячки и медленно встающий на лапы.

– Скорее! – выдохнул профессор.

Дамир поднял руку с мечом, замахнулся, целясь в сердце Августа... Мои пальцы сжались на куске стекла, который я подобрала на полу. И выпрямившись, я метнула осколок, привлекая к себе внимание. Дамир вздрогнул, когда осколок вонзился в его плечо, обернулся, зажимая рану. На краткий и бесконечный миг наши взгляды встретились, и я увидела изумление, искажившие лицо того, кого, несмотря ни на что, считала своим другом.

Что-то крикнул профессор и зал заполнился белыми птицами, призрачными осами и метелью без снега. Души плененных деструктов из последних сил накинулись на инквизиторов, отшвыривая их в стороны и заслоняя своего предводителя.

И в этом хаосе я перепрыгнула через шкаф и бросилась к Августу. Он вздрогнул, хотел что-то сказать, но я обвила его шею руками, притянула ближе и выдохнула в губы его имя:

– Август...Ночь так темна и сны так сладки. Хотя порой и непонятны, но глубоки, как омут вод... И я – лишь сон. Иди за мной.

Я не знала, сработает ли на разрушителя мое заклинание, строчка из детской колыбельной, которую когда-то пела мне мама и которая действовала на людей ментальным приказом. В любом случае, я понимала, что у меня слишком мало времени. Минута, а может, и того меньше.

Лицо мужчины стало безучастным, мышцы расслабились, и я потянула Августа за собой, почти потащила, потому что он зевал и

едва переставлял ноги, утратив связь с реальным миром. Но с каждым шагом его взгляд терял сонное оцепенение, а тело тяжелело. Он слишком быстро сбрасывал действие моего заклятия!

В безумии и хаосе я на миг увидела некрасивое лицо Фиби, у которой отобрали ее спицы. В глазах девушки застыло отчаяние и решимость, а еще – что-то тоскливое и прекрасное, похожее, на любовь... Она глянула на Августа, потом на меня и произнесла беззвучно, одними губами: «Спаси его».

– Кассандра? – непонимающе прохрипел Август, моргая, как пробуждающийся ото сна человек.

Я вцепилась в его ладонь и потащила за собой, словно паровоз, продираясь к разбитому окну. За спиной орали и ругались, бесчувственные инквизиторы утратили свою выдержку, но я услышала голос Дамира:

– Кэсси!

Споткнувшись в белесом мраке, я выпустила руку Августа, наклонилась. И увидела белое, безжизненное лицо Паука и его пустые глаза.

К горлу подкатил комок.

Но на скорбь не было времени. Ни на что не было. Я снова схватила холодную руку Августа и что было сил дернула за собой, вытаскивая на холодную, заснеженную террасу. Его взгляд прояснился, ментальный приказ прекратил свое действие. Август нахмурился. А я обняла его обеими руками, изо всех сил прижала к себе и рухнула вниз, прямо в дыру обвалившихся перил.

И уже у самой земли я выдохнула его имя, ставшее моим спусковым крючком, замедляя наше смертельное падение.

Глава 22. Друзья или враги

– Мы должны вернуться! – Разъярённый Август снова попытался забраться по обледеневшей скале, и снова рухнул в сугроб.

Я сидела на камне, обхватив себя руками, тряслась от холода и пыталась не думать. О Дамире в форме инквизитора, о Пауке, об улыбочивой Мишель и влюбленной Фиби, обо всех оставшихся наверху. Ну и еще о том, что мы непременно содохнем в этой пропасти, замерзнув ко всем чертям.

– Подними меня! – рявкнул Август, оказавшись рядом.

Я никогда не видела его таким обозленным, но слишком устала и замерзла, чтобы на это реагировать. Когда мы рухнули в сугроб, и Август понял, что я сделала, он прижал меня к снежному пласту с такой яростью, что казалось – еще миг и он свернет мне шею. Но к моему счастью, этот человек действительно умел себя контролировать.

С силой втянув воздух, Август разжал ладони и отступил, потребовав вернуть его на террасу дома.

Он метался по снегу, снова и снова пытаясь забраться наверх, но дом нависал слишком далеко, а скользкий склон был слишком отвесным.

Август пнул камень и взвыл.

– Подними!

– Я не могу, – буркнула, растирая ладони. Свитер и футболка совершенно меня не грели. – Талан парения характеризуется способностью уменьшать действие гравитации и свой вес. Ну и вес другого объекта. Эффект недолговременный и позволяет планировать на воздушных потоках сверху вниз. Сверху вниз, понимаешь? Летать по небу не умеют даже Совершенные. Ты что, не знал этого?

– Откуда?

Я посмотрела наверх, потом на Августа. И вдруг поняла:

– Постой-ка. Ты не знал о парении? То есть, когда мы гуляли по перилам террасы, ты мог просто свалиться вниз?

– Я думал, ты тоже можешь просто свалиться вниз! Истиннодух... Это сейчас неважно! – Август потер переносицу, выдохнул. И опять посмотрел наверх. – Мы должны вернуться!

Снова попытавшись одолеть скользкий склон, август вновь скатился обратно. Я наблюдала за ним с кислой миной, вяло размышляя, что хоть кто-то из нас согрелся.

– Ничего не получится, – обнадежила я.

– Я должен вернуться! Помочь остальным! Я должен! Зачем? Зачем ты это сделала?

– Потому что не хочу видеть, как тебя снова пристрелят! – не выдержав, заорала я. – Остальным грозит тюрьма, а тебе – пуля в лоб, Август! И я не желаю снова и снова видеть твою смерть в кошмарах. Снова и снова!

Я закрыла лицо руками, полностью обессилив. На дне снежного ущелья некоторое время царила тишина, только ветер завывал. Август молчал, но я боялась убрать руки и посмотреть ему в глаза.

– Кассандра. – Судя по голосу, он стоял совсем близко. Вздохнув, я все-таки убрала ладони. В глазах Августа плескалось отчаяние. – Я должен вернуться. Я не могу их бросить. Там Ирма и Зоя, там все... Я должен вернуться и помочь им.

– Тебя убьют, – уже без сил произнесла я. Но к отчаянию Августа добавилось его упрямство.

– Я попытаюсь подняться там, за склоном. Тебе лучше остаться здесь, можно поискать укрытие....

Наверху что-то грохнуло, зашуршало, оглушающе хлопнуло, и.... дом исчез, а на нас посыпались камни.

Август среагировал мгновенно. Затащил меня под узкий козырек скалы, швырнул на снег и накрыл своим телом. По его спине и плечам забарабанили мелкие осколки камнепада.

Мы лежали, тяжело дыша, пока камни не прекратили сыпаться. А когда выбрались и посмотрели вверх... на уступе, где недавно нависала терраса, стоял столб дыма и пыли, а вот дома... дома больше не было. И людей не было.

Дух господина Клауса вернул свою собственность на место, в Староград.

Август посмотрел на пустой заснеженный уступ и вдруг с силой ударил кулаком по скале. Я прижалась спиной к камням, глядя на яркую кровь, капающую с его руки.

Перед глазами все еще стояли мертвые глаза Паука, умоляющие – Фиби, и разъярённые – Дамира. И синее сердце на груди Иглы-Зои.

Маяк, приведший инквизиторов в укрытие деструктов.

Я не удивлюсь, если Август решит закопать меня в этом снегу и забыть, как страшный сон.

– Они ушли, – прошептала я. – Август, деструктов не тронут. Отправят в Пески, но... не убьют ведь? Слышишь меня?

Он сидел на снегу, сжав голову руками. Может, он меня и не слышал. Может, и к лучшему, потому что моим словам не хватало уверенности.

Мой мир перевернулся с ног на голову, и я уже не знала, что в нем правда.

– Август? – Голос прозвучал жалобно.

Он поднял голову, долгим взглядом посмотрел на уступ, который засыпало легким снежком. И отвернулся. Встал, отряхнул одежду. Лицо стало холодным и замкнутым, словно скалы вокруг нас. Август повернул голову и окинул меня медленным взглядом. Я поневоле вжалась в камень, не зная, чего ожидать. Конечно, разрушитель тоже все понял о маяке, но как теперь поступит?

Убьет меня? Оставит здесь и уйдет?

– Через несколько километров начнется спуск, и мы выйдем на плато, – негромко произнес Август. – Если нам повезет, там сохранилась лесная сторожка, которую построили взамен той, что когда-то стояла на этом утесе. Надо добраться до нее раньше, чем начнется буря.

– Буря? – тихо повторила я.

– Да. Погода меняется. Утром обогнем скалу и двинемся вниз, в сторону города.

Я потрясла головой, все еще не веря, что меня не оставят умирать на этих камнях. Но решила все-таки уточнить:

– То есть... мы пойдем вместе? Я и ты?

Он глянул в упор.

– Почему ты сомневаешься?

– Потому что ты слышал о маяке в украшении. И потому что... узнал инквизитора. Ведь так?

Август некоторое время молчал, глядя на меня.

– Да. Слышал и узнал.

– И... что ты намереваешься делать?

Он снова посмотрел вверх, где уже осела пыль. Утес без нависающего дома казался слишком голым и пустым.

– Как я и сказал – довести тебя до города. А теперь идем, нам надо поторопиться.

Я моргнула, не зная, как реагировать на его спокойствие. Август словно выключил свои эмоции и сосредоточился на выживании тех, кто остался. Его и меня. Нас. Возможно, благородство не позволяло Августу добивать ослабленного врага. Или он решил, что сможет сделать это попозже.

Что ж, похоже, мои похороны отменяются. По крайней мере – сейчас.

– Холодно... – выдохнула я облачко пара.

Он приблизился, быстро осмотрел мою дрожащую фигуру.

– Кассандра, на твоей руке золотой браслет. Попытайся отрегулировать температуру тела. Это пожирает ресурсы организма, но у нас есть снег, а значит – вода. Доберёмся до укрытия и, возможно, найдем внутри припасы. Но прежде ты должна согреться.

– Не выходит что-то, – я затряслась в ознобе, то ли от мороза, то ли от потрясений, и Август неожиданно взял меня за руки. Глянул на свои перчатки, коротко что-то прошипел и стянул их. И снова сжал мои ладони. Его оказались неожиданно теплыми.

– Дыши, Кассандра. – Уверенный голос, теплые руки. Темный взгляд, не позволяющий бояться. Я должна была бежать от него прочь, но я стояла, доверчиво позволяя себя греть. – Успокойся и сосредоточься. У тебя все получится. Ты наверняка делала это много раз. Вот так. Выравнивай дыхание и температуру. Хорошо.

Дрожать я перестала, но мою руку Август не отпустил.

– Теперь идем. Здесь скала нависает, образуя узкий козырек, под ним меньше снега. Вперед.

Его спокойная уверенность оказалась заразительной, мой страх почти исчез. Теплая рука идущего впереди Августа стала якорем в заснеженной круговерти белого мира, расстилающегося вокруг. Мы не разговаривали, экономя силы и дыхание. Нейро-панели согревали наши тела, но я знала, что это не может длиться вечно: организму необходима еда и без нее мы долго не протянем. Но пока мы упорно двигались вперед, лишь иногда останавливаясь, чтобы согреть в ладонях снег и утолить жажду.

Мой спутник оказался прав, на горы надвигалась буря. Небо темнело слишком быстро. Снег сыпал колючей крошкой, швырял в лицо снежинки, словно битое стекло. Козырек давно закончился и идти приходилось, по колено проваливаясь в сугробы.

Я брела, ничего не видя и не понимая, как Август ориентируется в белой бесконечности, расстилающейся вокруг. Белому не было края, оно тянулось во все стороны, до самого неба, и даже там заворачивалось простыней, чтобы снова сыпать вниз колким пухом. Даже скалы здесь были белыми, сплошь укрытыми снегом. Он хрустел под ногами, словно разговаривал. Угрожал или шептал, пел нам колыбельную? Я трясла головой, потому что хруст и холод убаюкивали. Теперь все мои силы уходили на то, чтобы поддерживать температуру тела, не дающую сдохнуть от переохлаждения. Но конечно, недостаточную для того, чтобы мне понравилась эта прогулка.

Ночь наступила как-то внезапно или я проморгала сумерки. Темнота упала тяжелым одеялом, прибила к земле. Редкие звезды в разрыве туч казались чужими. Слишком холодные, слишком звонкие. Задирая голову к пролетающим наверху созвездиям, я почти слышала их голоса. Мне казалось, что мы идем уже тысячу лет, что мы шли всегда, а вся остальная жизнь мне просто привиделась рисунками на белом снегу. Возможно, я засыпала. Может, умирала. Но раз за разом Август выдергивал меня из белого плена и вел дальше. Мне хотелось сдаться и упасть в снег, но я смотрела на его фигуру, цеплялась за его ладонь и шла дальше, пытаюсь попадать в следы мужских ног.

А потом силы все-таки закончились, я упала на снег и не смогла подняться. Лежала и думала, что надо бы снять Маску, все-таки жалко умирать с чужим лицом. Но сил на это не было. Да и зеркала не было, а работать с маской без отражающей поверхности я не научилась. Внутренности свернулись узлом от дикого голода, нейро-панель сожгла все имеющиеся в моем организме запасы и настойчиво требовала нового топлива.

– Кассандра, вставай.

Я хотела просто послать его к черту и остаться на белом покрывале, которое уже казалось мне мягким и убаюкивающим, но Август дернул меня рывком, поставил на ноги и отряхнул мою одежду.

– Я больше не могу, – сказала я, норовя снова свалиться.

– Можешь, – жестко ответил он. – Можешь и сделаешь. Мы почти пришли. Давай, Кассандра, двигай ногами.

– Они не двигаются. Просто оставь меня здесь. В конце концов, это даже справедливо – оставить меня.

Августа сжал ткань моего свитера и притянул к себе. Мужское лицо осунулось от усталости и потрясений.

– Двигай ногами, живо! Или Кассандра Вэйлинг сдастся на полпути? А ну двигайся! – рявкнул он.

– Почему? Почему ты просто не оставишь меня здесь? Я не сделала для тебя ничего хорошего! Мы не друзья, Август.

Он окинул меня долгим взглядом. В глубине темных глаз возникло что-то обжигающее, заставившее меня хрипло втянуть воздух.

– Но и не враги, Кассандра, – негромко произнес Август. – А теперь двигай ногами!

– Я тебя ненавижу, – пробормотала я, но почему-то ощутила приток сил. Может, это проснулась моя замерзшая стервозность, возмутилась и решила, что умирать пока рано.

– Отлично. Шевелись, – сказал он и неожиданно ласково прикоснулся к моей замерзшей щеке. – Осталось немного и ты сможешь отдохнуть.

И мы снова пошли. Через белое и белое, через хрустящее и звонкое. На самом деле я даже не верила, что где-то во всей этой безбрежности действительно есть укрытие. Наверняка его давно снесло какой-нибудь лавиной или разрушило камнепадом... Август говорил, что жил в этих горах в детстве, но с тех пор много воды утекло. Мы ничего не найдем. Наверное, мы давно сбились с пути и идем в никуда, надеясь на...

– Пришли, – выдохнул вдруг мой спутник.

Я оторвала взгляд от своих ботинок, давно промокших и заснеженных. Подняла голову и моргнула. Между соснами прилепился крошечный домик. Маленький, но сбитый вполне надежно.

– Пришли? – Я снова моргнула, не веря. – Это дом? Он что, правда, существует?

– Похоже, ты сомневалась? Заходи.

Дверь оказалась не заперта. Внутрь я не вошла, а скорее ввалилась. Упала на пол и осталась сидеть, удивляясь тому, что у

Августа есть силы двигаться и что-то делать. Пока я просто старалась не отключиться, он осмотрел крошечное пространство внутри лачуги, нашел очаг, а еще спички и топливо – несколько угольных кирпичей, завернутых в бумагу и целлофан. Но гораздо больше радости вызвал ящик, в котором лежала походная подстилка с тяжелым ватным одеялом и небольшой запас продовольствия – пять банок и столько же сухих галет. Такого запаса было достаточно, чтобы утолить голод застигнутого непогодой охотника, но слишком мало для двух тел, истощенных длительной работой нейро-панелей. Дрожа от усталости и облегчения, я вытащила одну железную банку и дернула колечко. Оно оторвалось, и я, чуть не взвыв, принялась колотить банкой о деревянный выступ.

Август отобрал у меня несчастную банку и достал из тайника консервный нож.

– Тебе лучше раздеться, – сказал он. – Одежду надо высушить.

Пока я негнуцимися пальцами стягивала с себя промокшую и задубевшую ткань, Август развел в очаге огонь. Заплясало крохотное пламя, и я едва не расплакалась. Оказывается, как мало надо для счастья! Всего-то – крохи тепла и укрытие, когда настигает буря, еда и возможность согреться. Так мало и так бесконечно много. И почему я раньше этого не понимала? Возможно, чтобы осознать некоторые вещи, надо пересечь пропасть и едва в ней не сгинуть.

Некоторое время я сидела с широко раскрытыми глазами, обдумывая новую для себя истину.

Потом вспомнила, что я бесчувственная Кэсс, и приказала себе не хлюпать носом, словно жалкая оборванка! И все же руки заметно тряслись, когда я раздевалась. Август резко отвернулся, стоило мне начать стягивать свитер. С трудом избавившись от одежды и оставшись в белье и ботинках, я, дрожа, завернулась в тяжелое одеяло и села на подстилку.

В дымоходе завывал ветер.

– Буря совсем близко, накроет через полчаса. Повезло, что успели, – стоя ко мне спиной, Август вскрыл железную банку и протянул, не оборачиваясь.

Я схватила консерву, едва сдерживая голодное рычание. Истощенный организм уже не требовал, он выл, готовый глотать камни и грызть древесную кору.

И я уже готова была есть, словно животное, выхватывая куски руками и облизывая грязные пальцы, но... остановилась.

Нет, я не могу позволить себе подобного!

– Мне нужна вилка. Я не собака, чтобы есть руками, – дрожа от голода и едва не захлебываясь слюной, произнесла я.

Август обернулся и посмотрел на меня. Очень внимательно. А потом нашел на дне ящика гнутую ложку и протянул.

– Так уж и быть. Сойдет, – милостиво кивнула я и увидела, как дрогнули в улыбке его губы.

Первую банку я съела, даже не поняв, что именно попало ко мне в рот. Кажется, тушенная говядина с рисом... Еда – холодная, дешевая и почти безвкусная – показалась божественной. Она наполнила мой пустой как бездна желудок и подарила надежду на то, что я все-таки выживу.

– Вторую я поставлю на огонь, – сказал Август. – И не смотри так, словно собираешься убить меня этой ложкой. Горячая еда поможет тебе согреться.

Я проворчала что-то типа «немедленно отдай мою банку, иначе я перегрызу тебе горло», но Август сделал вид, что не расслышал. Вторую консерву я пыталась есть неторопливо, надеясь, что кусочков перетушенного куриного мяса хватит, чтобы восполнить сожжённые ресурсы. Разум понимал, что это невозможно, но я продолжала надеяться. Увы, еда просто растворилась в моем организме. Третью банку я схватила так же жадно, как и первую. Сунула внутрь ложку и... остановилась. Август сидел напротив и жевал так медленно, словно вовсе не был голоден. Я покосилась на пластиковый ящик. Внутри лежали сухие галеты и темнел один железный кругляш с белой полосой.

Значит, Август съел всего одну консерву.

Я медленно поставила банку на доску, заменяющую тут столик.

– Кажется, наелась.

Август поднял на меня взгляд.

– Наелась?

– Да. Не хочу больше... мяса.

– В ящике есть сладкое сгущенное молоко. Я открою.

Мой рот наполнился слюной от одного лишь названия.

– Сначала ты, – капризно произнесла я. – Вдруг пропавшее.

Он дернул колечко на крышке, понюхал.

– Свежее.

– Нет, сначала ты, – возразила я, со своего места ощущая божественный сладкий запах и пытаюсь не сглатывать голодную слюну.

Август глянул озадаченно, поднес банку ко рту. И замер. Медленно опустил руку и посмотрел сначала на меня, потом на открытую консерву с ложкой внутри.

– Кассандра, – сказал он. – Ты ведь врешь.

Я широко распахнула глаза. И как он догадался? Дамир всегда верил моим капризам. Может, потому что Дамир верил, что настоящая Кэсс именно такая. Стервозная, капризная, жестокая. Он не видел во мне иного и потому принимал за чистую монету любую глупость и гадость. Дамир ни на миг не поверил бы, что я могу отказаться от столь нужной мне еды ради другого человека. Что сойду ради того, чтобы ему не было больно. Или чтобы он тоже поел.

Дамир видел лишь мою темную сторону – и с ним она с каждым разом темнела все сильнее. Тот, кто видел худшее во мне, это худшее и получал.

А вот Август... О Август! Он почему-то видел во мне что-то совсем другое. То, во что я и сама давно не верила. Мою светлую сторону.

– Если ты сдохнешь от истощения, некому будет довести меня до города, – быстро произнесла я, боясь выглядеть жалкой. Или доброй. Боясь, что он поймет мои истинные мотивы. Пусть думает, что я всего лишь забочусь о собственной шкуре! И только.

– Я не сдохну. – Он не спускал с меня внимательного взгляда. – Мой ресурс гораздо больше, не беспокойся. Ешь.

– Даже в мыслях не было о тебе переживать, – буркнула я. Его понимающий взгляд почему-то сильно меня нервировал.

– Правда? – Он поднял брови. – Кассандра, мне что, кормить тебя с ложечки?

– Кто тебе позволит? – проворчала я, пряча нос в одеяло.

– А я без позволения. – Он все-таки улыбнулся, и я фыркнула. Похоже, этого мужчину мне провести не удастся.

– Ладно. Компромисс. Делим все пополам. Договорились? Эта консерва твоя. Сладкое едим пополам.

Было видно, что он собирается отказаться, но потом глянул на мои упрямо сведенные брови и кивнул. Стуженное молоко мы ели возмутительно медленно, смакуя каждую каплю, попадающую на язык, и запивая лакомство теплой водой. Ложка мне, ложка ему. Еще ложка мне... Сладость растекалась на языке, щекотала горло, нежила. И мне казалось, что я в жизни не ела ничего лучше. Словно сам древний бог явился накормить меня дивной амброзией...

Но увы, как ни растягивали мы удовольствие, оно все-таки закончилось.

Буря накрыла горы, ветер завывал так, что казалось, маленький домик не устоит и отправится в полет, хлопая двускатной крышей. От еды и скудного тепла безудержно потянуло в сон.

– Переждем ночь, тебе надо отдохнуть, – сказал Август. – Утром двинемся по шельфу вниз, с каждым километром будет теплее.

– Не говори мне слово «километры», – проворчала я, прикрывая глаза. Веки казались тяжелыми. И все же я не позволяла себе уснуть. – Почему ты не раздеваешься?

– Я...останусь в одежде. Она уже почти высохла.

– Не дури и снимай мокрое, Август. – И тут меня осенило: – Ты что же... смущаешься?

Он отвернулся, делая вид, что не слышит, а я едва не рассмеялась.

– Истиннодух, и правда смущаешься! Брось, я уже все видела. Ну почти. Раздевайся, одежду надо высушить, ты сам сказал. Иначе ты заболеешь и сляжешь с температурой.

– Я же сказал – она почти высохла.

– Да мокрое все, я отсюда вижу!

– Тебе кажется. К тому же я поел и теперь вполне способен себя согреть.

– Август, немедленно раздевайся! – командным голосом рявкнула я, но, увы, на этого человека мои властные нотки тоже не действовали. Он лишь фыркнул. Не выдержав, я все-таки рассмеялась. – Кошмар, я ощущаю себя старым развратником, соблазняющим невинную девицу! Не бойся, я не буду трогать твои прелести!

– Мои прелести? – поднял он брови.

– Ну да. Те, которые ты так отчаянно от меня прячешь. Не трясись, я не буду тебя совращать. В данный момент ты интересуешь меня лишь с гастрономической точки зрения.

– С какой?

– Плотоядной. Раздумываю, сумею ли тебя разделать и съесть, если нас завалит снегом, и мы застрянем в этой развалюхе.

– И как? Сумеешь?

– Вряд ли, – с истинным сожалением вздохнула я. – К тому же, если я тебя съем, то как найду дорогу в город?

– То есть причина лишь в этом? – насмешливо протянул он. – И это снова забота лишь о собственном благополучии?

– Даже не сомневайся. А теперь живо стягивай тряпки и лезь под одеяло. Раз я не могу тебя слопать, то хотя бы послужишь дополнительным источником тепла.

Он моргнул, рассматривая меня, потом хмыкнул, но все-таки стянул промокший свитер, аккуратно развесил рядом с моей одеждой у очага. Стянул ботинки. Подумал... и не стал снимать штаны. Я демонстративно закатила глаза. А потом скользнула взглядом по красивой мужской фигуре. Задержалась на рельефных плечах, прошла по выемке позвоночника до самой поясницы и ремня. Прочитала парочку черных строк на лопатках. И подумала: хорошо, что штаны он оставил при себе...

Август опустил рядом, и я накинула на него край одеяла. Буря завывала как стая обозленных волков, скалящихся на наше ненадежное укрытие.

Я легла боком, потому что подстилка была узкой для нас двоих.

Тлеющий угольный кирпич давал слишком мало тепла даже для крохотной лачуги. Поэтому я дрожала, все еще не в силах согреться. Подтянула коленки к груди, хотя это почти не помогало.

Странно, но сон не шел. Тело гудело от усталости, но заснуть почему-то не получалось.

Август тоже лег и некоторое время мы слушали, как воет ветер. Я потеряла замерзшие ладони, не желая признавать, что боюсь.

– Не могу уснуть, – прошептала я. – Не могу, когда ты... Когда все это... Черт. Расскажи что-нибудь.

– Я знаю притчу о Великом Отшельнике, много молитв и историй из священного Писания. Но вряд ли они тебе понравятся.

Точно. Мне они совсем не понравятся.

– Это те, где всем воздается по заслугам, а за благие дела человек получает милость Истинодуха?

– Да.

– Глупость несусветная. – Я все-таки закрыла глаза, стараясь не думать о его близости. Не вслушиваться в стук его сердца. – Хорошо, что я в это не верю. Я рано поняла, что быть хорошей чрезвычайно невыгодно. Что это самая хреновая идея – быть хорошей. Чем лучше человек, тем больше к нему требований. С каждым хорошим поступком окружающие будут ждать большего, большего, еще большего! Это ненасытная прорва, которая никогда не наестся. От хорошего человека ждут безупречности, а стоит ему оступиться – и его не простят... Твоя вера утверждает, что хорошим воздастся, но это вранье, Август. Моя мама была хорошим человеком. Знаешь, как ее называют? Несравненная Аманда. Миротворец и спасительница, смелая и отважная Аманда. Пример, на который я должна была равняться с самого детства.

– Твоя мама была достойной женщиной.

– Она была Совершенной. Достигла Пантеона, когда мне исполнилось шесть. А знаешь, что произошло в тот же год? Она умерла! Снова спасая чужие шкуры. И вместо нее остался лишь чертов портрет на стене, где она и на себя-то не похожа! А святой отец на поминальной службе сказал, что Истинодух забирает лучших. Тогда я решила, что к черту все эти прекрасные качества. Лучше быть стервой, чем дохлой.

– Ты думаешь, что жестокость спасет тебя от боли, Кассандра. Но это не так.

– Еще как спасет. Уже спасает, – процедила я. – Знаешь, в академии у меня ужасная репутация. Считается, что я переспала со всем курсом, ну и еще с парочкой преподавателей. Ах да, и с ректором, конечно. И неважно, что он пузатый старик с лысиной и пятью внуками. А знаешь, что самое смешное? Я сама пустила большинство слухов о себе.

– Зачем? – Его голос звучал глухо.

– Поначалу хотела отвадить одного слишком настойчивого поклонника... Ну а потом... Потом поняла, что никто не обратит внимания на мои безумства, если совершать их... регулярно. Ну или делать вид, что совершаешь. Быть стервой – очень выгодно, знаешь ли.

– Ты не стерва.

– Еще какая. Но знаешь, что ужасно? Весь Аннонквирхе будет рыдать от смеха, когда узнает, что стерва Кассандра умерла девственницей. На самом деле это довольно обидно. Я ведь даже никогда толком не целовалась. – Поцелуй Дамира я решила вычеркнуть из памяти как нелепую случайность.

– Кассандра, ты не умрешь.

– Откуда ты знаешь? Seriously, кто бы мог подумать, что я так облажаюсь в этом вопросе. Обидно умирать, так и не узнав, почему все сходят с ума от этого самого секса...

Август за моей спиной отчетливо поперхнулся. Похоже, он не привык к подобным откровениям. Я же снова потёрла ледяные ладони. Буря колошматила по крыше и стенам снежными кулаками, и я заставляла себя не вздрагивать от каждого удара.

– А у тебя была девушка?

– Нет.

– Совсем? А поцелуи?

– Один раз меня поцеловала девушка с розовыми волосами. Тот поцелуй я запомнил на всю жизнь.

Я осеклась. Да уж... Тот поцелуй мы оба никогда не забудем. Но можно ли назвать это хорошим воспоминанием?

Проклятый Август умеет сбить меня с толка.

– И все? – пробормотала я.

– И все.

– Отлично, – кисло протянула я, глядя на закопченную бревенчатую стену. Кажется, или она дрожит под напором стихии? Надо просто не думать о том, что происходит снаружи... Надо просто говорить о чем-то совсем ином. О том, что перечеркивает мысли о скорой смерти. – Мы с тобой просто два гребанных неудачника, которые сдохнут, даже не узнав, что такое секс.

– Кассандра, прекрати. И не ругайся.

– А то Истинодух меня накажет?

– Мне не нравится.

Почему-то я замолчала. Ненадолго, конечно. Пока новый порыв ветра не дернул крышу, а меня не накрыло новой волной ужаса.

Но лучше я сдохну на месте, чем признаюсь, что мне страшно!

– Ну зато теперь ты можешь надеяться, что попадешь прямиком в рай, – пробормотала я, косясь на затухающий огонек. Его скудный свет

почти сдался надвигающейся темноте. – А я буду жариться в котле и жалеть, что не нагрешила гораздо больше. В конце концов, какая разница, если итог один.

– Зачем ты все это говоришь?

– Ну ты ведь почти священник. А мне надо облегчить душу.

– Я не священник, а ты вовсе не испытываешь тяги к исповедям.

– Может быть, мне немного не по себе... Тебе не интересно?

– Мне...интересно. Но ты не должна этого говорить.

– Вот еще. О чем еще мне говорить, когда я лежу голая рядом с мужчиной? Ладно, почти голая. На мне есть белье и ботинки!

Даже лежа спиной, я готова была поклясться, что его скулы порозовели от румянца. Я бы хотела на это посмотреть, пожалуй, вид смущенного Августа мог бы поднять мне настроение. Но почему-то я боялась оборачиваться...

– Тебе не о чем беспокоиться, – тихо сказал Август, и его дыхание пощекотало мне затылок, отчего по коже пробежали мурашки. – Я тебя не трону...

– Конечно, нет, – я закрыла глаза, надеясь, что спасительный сон все-таки отберет у меня сознание и способность болтать. – Уж скорее ад замерзнет. Ты предпочтешь превратиться в сосульку, но не нарушить свои дурацкие принципы. И знаешь, что...Из тебя получилась никчёмная печка, Август Рэй! Даже сугроб был теплее, чем ты!

Некоторое время за спиной было так тихо, словно парень каким-то волшебным образом испарился и оставил меня одну. Я уже хотела обернуться, чтобы убедиться в этом, как одеяло приподнялось, а меня обняли теплые руки, спиной вжимая в твердое мужское тело. Из груди вырвался выдох, у нас обоих. Несколько минут мы просто лежали, свыкаясь с новыми ощущениями. Кожа к коже. Его дыхание у моего виска. Тяжелая рука, лежащая поверх моей, и пальцы, касающиеся груди. Моя спина и мои бедра, окутанные чужим теплом, чужой тяжестью, чужой силой.

Я осторожно пошевелилась, устраиваясь удобнее. Желая вжаться сильнее, ощутить больше.... Тело Августа напряглось, стало каменным, словно в ожидании удара... Я осторожно подняла руку и медленно вложила свою ладонь в его. Наши пальцы переплелись, а дыхание сбилось.

Я хотела сказать что-то едкое, чтобы разрушить то странное, хрупкое и нежное, что окутало нас коконом. Хотела, но... почему-то не смогла. Злые слова застряли в горле, и я замолчала, слушая, как дышит Август. Чуть рвано... От его тела мне наконец-то стало тепло. Сквозь негу удовольствия, расплавившего мой мозг, пробилась мысль, что мы так удивительно совпадаем. Словно все изгибы моего тела внезапно нашли нужное положение. Словно моя рука в его руке – самое правильное, что может быть в этом мире. Словно его дыхание создано для того, чтобы успокаивать ритм моего сердца.

Мне нравилось лежать в его объятиях. И понимание этого меня испугало сильнее, чем буря за стенами.

«Прямая провокация – лучший способ определить намерения противника». И лучший способ понять себя. Вот только выводы могут оказаться поистине пугающими...

– Ладно, ты не сугроб. Ты гораздо теплее, – едва слышно пробормотала я.

Парень за спиной тихо хмыкнул.

– Ты вспоминал тот день? – внезапно спросила я, кутаясь в тепло Августа.

Некоторое время он молчал, и я думала, что уже не ответит, когда услышала:

– Да. Постоянно.

– То, как увидел меня в мужской уборной?

– Я увидел тебя раньше. Когда ты вошла в чайную.

– Правда?

– Да.

– Расскажи мне? – попросила я. Почему-то было так важно это услышать...

– Ты стояла в дверях и тебя обливал солнечный свет. Тек по силуэту, по белым и розовым юбкам, по волосам. Это было так... удивительно. И очень красиво. Словно картина в солнечной рамке. А потом ты сделала шаг и оказалась живой девушкой. Растерянной и почему-то испуганной. Ты не понимала, куда сесть. А потом я смотрел, как ты устроилась за столиком и выпила немного чая. Он тебе не понравился.

– Но ты сидел ко мне спиной! – возразила я, несколько ошарашенная таким признанием. Он смотрел на меня? Неужели это

правда? – Ты не мог меня увидеть.

– Я увидел. Я всегда вижу тебя первым, Кассандра.

– И... что ты подумал? Обо мне?

Замолчи, Кассандра. Просто замолчи!

– Что мне хочется тебя защитить.

Я издала какой-то невнятный звук. Кажется, я подавилась словами и совершенно растерялась. Нищий парень в сутане, собирающийся отправиться на границу с Равилоном, хотел защитить меня? Разряженную в шелка и обвешанную драгоценностями дочку градоначальника? И почему меня это так сильно трогает? Почти ранит... Да уж, бесчувственная Кэсс бесславно сдает свои стервозные бастионы...

Не выдержав молчания и собственной слабости, я повернулась под одеялом. Королевы смотрят в лицо опасностям и собственным страхам!

И ахнула.

– Август, твоя маска слетела.

Иногда даже опытный миротворец не может удержать маску, если его обуревают сильные эмоции...

Август удивленно моргнул. А я смотрела в его лицо, не в силах отвести взгляд. Лицо, которое я так хорошо помнила. Высокий и чистый лоб, широкий разлет бровей. Острые скулы, ровный нос и твердый подбородок. Красивые губы...и глаза, до краев наполненные опасным темным огнем. И...желанием. Я не знала мужчин на практике, но уж теорию изучила! Мужчина, который так смотрит, дошел до края по дороге самоконтроля. Он стоит на обрыве – и порыв даже легчайшего ветерка скинет его вниз.

Я хотела, чтобы налетела буря.

Но Август не шевелился. Лишь скользил взглядом по моему лицу. И судя по серебряным прядям волос, моя личина тоже испарилась. Мы снова стали собой. Оказалось, что лежать без одежды под одним одеялом – слишком сильное потрясение для нас обоих. Сильнее, чем сражение, пленение друзей и бег сквозь снежную бурю.

– Привет, Август, – тихо сказала я.

– Привет, Кассандра, – ответил он.

Я чувствовала его дыхание и его тепло. И желание, которое сложно скрыть в такой близости. Когда-то я сказала Дамиру, что

подарю свой первый поцелуй тому, кого захочу с первого взгляда. Что ж, я накаркала свою судьбу. Я хотела Августа. Хотела до сжатых кулаков, до закушенных губ. До дрожи, волной расходящейся по телу. И я видела отражение своего желания в его глазах и его дрожи. И казалось – что может быть проще, чем протянуть руку и взять столь нужное? Коснуться губами пересохших губ. Или тронуть ладонью чужое плечо, а потом повести дальше – по краю ключиц, по рельефу тела, по изгибам и впадинам. Вниз-вниз. К животу, где растекается горячее топливо, к спине, где позвоночник ломает от жадной необходимости изогнуться, принимая вес другого тела...

Казалось самое правильное в жизни – сделать все это.

Прикоснуться, приблизиться. Отдать все, взять все... Никто не узнает.

Вот только что потом? Это проклятое потом, которое вечно все портит!

– О чем ты...думаешь? – Мне не понравилось, как сипло прозвучал голос.

– О том, что теперь знаю вкус невыносимого искушения, – произнес Август.

Лава внутри обожгла внутренности. Темное и сладкое вибрировало внутри и снаружи, умоляло и требовало...

– Еще о том, что пытки в Песках были не так уж и страшны, – вздохнул Август и наклонил голову. Немного. Но если я подниму свою, наши губы наконец встретятся.

И мне – невыносимой Кэсс – было страшно сделать это. Ощутить поцелуй. Тот самый – самый лучший, самый желанный...

Поэтому я посмотрела ниже, на шею Августа.

– Буквы на твоей коже, строки из Писания – они пропали! Вот здесь у тебя были шрамы, а здесь строки, я видела! А сейчас – лишь чистая кожа. Как это возможно?

Я осторожно провела пальцем по его шее и плечу. Август вздрогнул и перехватил мою ладонь. То ли отстраняясь, то ли – не отпуская...

– И твоя панель! Посмотри, она восстанавливается.

Август удивленно осмотрел руку. Кусок срезанной когда-то пластины действительно удлинился и теперь обхватывал половину

запястья, словно панель нарастала заново. Вот только вместо белой теперь она была черной с синим отливом.

– Раньше такое случалось?

– Нет. Думаю, все дело в применении моей силы. Скверна исцеляет меня. Скверна способна на многое. И она меня меняет...

– Значит, ты можешь полностью восстановиться? – изумилась я.

– Возможно. Я не знаю. Этот путь – путь греха и падения, мне нельзя идти по нему. Антиматерия способна поглотить душу целиком, – глухо произнес парень. – Не будем об этом. Тебе надо поспать, Кассандра. Набраться сил.

Я медленно кивнула, хотя сон испарился, будто его и не было. Я подышала на кожу его шеи и ощутила, как сильные ладони сомкнулись за моей спиной.

– Завтра ты пожалеешь, что обнимал врага?

– Мы не враги.

– Но и не друзья?

– Верно, – после кроткой паузы ответил он.

Некоторое время мы просто лежали, слушая дыхание друг друга. Оказывается – это важно. Слышать дыхание другого человека.

– Тогда – кто? – прошептала я. – Кто мы, Август?

Некоторое он время молчал. Потом переместил ладонь, коснулся моего подбородка, поднимая голову, чтобы увидеть мои глаза. И снова я ощутила, как затягивает темный омут, как хочется в него упасть...

– А кем ты хочешь быть, Кассандра?

Я медленно покачала головой. Я пока не знала ответа.

– Я тоже вспоминала тот день, – тихо сказала я. – Постоянно. Иногда представляла, что все случилось иначе. Что я просто Кассандра, а ты просто – Август и мы просто встретились в чайной «Клевер и роза». Выпили тот невкусный чай, обсудили погоду или другую несерьезную ерунду... Мы могли бы понравиться друг другу.

– Думаешь?

Я прикрыла глаза. Вздохнула.

– Нет.

Нет, та Кассандра и тот Август не могли встретиться. А даже, если бы и столкнулись случайно на улице, то прошли мимо. Он – собирать скудные пожитки для дороги в Равилон, я – праздновать

приобретение нейро-панели и строить планы по завоеванию светского общества северной столицы.

Наши судьбы были слишком разными, чтобы моя фантазия могла стать реальной.

И все же было так приятно представлять нашу встречу, которая могла бы стать иной.

– Если бы ты была просто Кассандрой, а я – просто Август, я предложил бы тебе попробовать другой чай, – вдруг произнес парень. – С мятой и корицей. Он бы тебе понравился.

– Уверен?

– Да.

– А потом позвал посмотреть на танцующие фонтаны. А вечером, вернувшись домой, я думал бы о тебе. О девушке, с серебряными и розовыми волосами.

– Эти мысли были бы пристойными?

– Мм... не все, – усмехнулся Август.

– А потом?

– Потом я набрался бы смелости, чтобы позвонить тебе и пожелать хороших снов.

– И мы проговорили бы до утра, – добавила я и вздохнула. – Звучит неплохо, Август. Совершенно неправдоподобно, но весьма неплохо. Что же дальше?

– Тот, другой Август, мог прикоснуться к той – другой Кассандре. А однажды он мог бы ее поцеловать.

Он поднял руку и медленно погладил мою щеку.

– Сначала он должен был спросить у той – другой Кассандры, разрешения.

– И она разрешила бы? – теплые пальцы скользнули по скуле, обрисовали контур лица. Я ощутила, как все внутри дрожит и вибрирует даже от такого простого движения. Что предвкушение – темное, тягучее, сладкое, разливается в крови подобно дикому меду. Что свет очага гаснет, сдаваясь надвигающейся тьме, но почему-то это совсем не беспокоит...

От одной мысли о новом прикосновении у меня отчаянно заколотилось сердце.

Я смотрела в его глаза и понимала, что воздуха вокруг не осталось. Что его заменил огонь, что он обжигает кожу, воспламенят

душу. Что мир сузился до крошечной лачуги среди заснеженных скал, до мужчины, рядом со мной.

Что я безумно хочу этого поцелуя.

Я сделала глоток обжигающего воздуха и сказала:

– Нет.

Август снова тихо рассмеялся. Склонился еще ниже, так что наше дыхание стало единым.

– Так я и думал. Но тому, другому Августу, это тоже понравилось бы... – сказал он и его губы коснулись моих. Губы соприкоснулись, и мы оба замерли, переживая это ощущение. Такое простое. Такое приятное. Сладкое, как разделенное на двоих лакомство.

Никогда я не ощущала подобного, никогда не думала, что со мной подобное возможно. Что прикосновение мужских губ может подарить истинное наслаждение. Что скольжение языка заставит тело дрожать, а воздух рваться из груди хриплым стоном... Что поцелуй может быть настолько прекрасным, пугающе прекрасным... Что его будет достаточно для полной потери разума!

Пальцы Августа все еще лежали на моей щеке, гладили ее. И мне хотелось продлить это ощущение, сделать его сильнее. Мне не хотелось останавливаться.

Я схватилась за его плечи, обняла, прижимаясь сильнее, желая ощутить его всей своей кожей, всем телом. Провела ладонями по его спине и услышала тихий стон наслаждения. Возможно, никто еще не касался его. Не касался – так. Я гладила и гладила, изучала руками рельеф его тела, пока наши губы снова и снова встречались в поцелуях, которые становились все горячее. Желание – сладкое и темное дурманило голову, кидало навстречу друг другу, требовало большего. Повинуясь ему, Август тоже коснулся моего тела. Почти невесомо провел по плечу, лопаткам, линии позвоночника. Замер, ощутив кружево моего бюстгалтера, провел пальцами по кромке. И я подумала с досадой, что надо было снять с себя все, ведь даже полупрозрачная ткань сейчас казалась невыносимо лишней...

Я не знала, что притяжение бывает таким. Что можно так сильно желать мужчину. Зарываться пальцами в его волосы, чертить линии и круги на его теле, таять от поцелуев. И сходить с ума от его рваного дыхания, напряженных мышц, искушающих темных глаз. И тщательно, но безнадежно сдерживаемых хриплых вздохов...

Если я была его искушением, то и он – моим невыносимым соблазном.

Не выдержав мучительно пытки прикосновений, я зарылась пальцами в темный шелк его волос, откинула голову, подставляя шею под ласку поцелуя.

– И тот, другой Август, никогда не наказал бы себя за это новой болью, – выдохнула я.

Август замер. А потом медленно отстранился. Шелковые пряди выскользнул из моих пальцев.

Моргнув, как пробуждающийся ото сна человек, Август провел ладонью по глазам. А когда снова посмотрел, мне захотелось его ударить. Потому что в комнате стало холоднее, а тьма в глазах – бесконечной. Август словно очнулся от порочной грёзы, понял, что натворил и теперь сжимал зубы, глядя на мои растрепанные волосы и распухшие от его поцелуев губы.

– Скверна, – пробормотал он. – Антиматерия меняет меня. Прости...

– Вот как? – разозлилась я. – Значит, все дело лишь в этом? Так ты себя оправдываешь? Ты просто хотел поцеловать меня!

– Да, – глухо сказал он.

– Ты поддался желанию. А теперь, значит, сожалеешь? И снова примешь эту темную гадость?! Примешь епитимью?

– Таков мой обет.

– Тогда отвернись в другую сторону и даже не смотри на меня! – рывкнула я. Горечь и злость обжигали изнутри.

– Прости. Ты права. Я не должен был... делать этого. И думать об этом – тоже. Я... не хотел...

– Не хотел? – разъярилась я еще сильнее.

Он закрыл глаза, сделал несколько вдохов и снова посмотрел на меня. Уже спокойно. Почти.

– Прости. Попытайся уснуть, тебе надо отдохнуть.

– А знаешь что, Август? Я все-таки выбрала. Враги. Только враги, слышишь? И катись ты к черту!

– Тебе надо поспать, Кассандра.

Я хотела послать его к дьяволу, ударить, накричать, но слишком устала. Отпихнула его ладони, не обращая внимания на холод. Без прикосновений Августа стало так плохо, что захотелось плюнуть на

гордость и снова прижаться к нему. Все что угодно, лишь бы снова его почувствовать.

Но я лишь сжала зубы и отвернулась, не позволяя себе слабости. Я чувствовала его взгляд. Темный и напряженный, неотрывный. Но я не открывала глаз. Лежала, тщательно отмеряя вдохи и делая вид, что уснула.

Пока не уснула по-настоящему.

Глава 23. Госпожа миротворец

Проснулась я от голода, который хищным зверем пожирал внутренности. Ну и еще от холода, потому что под одеялом я осталась одна.

Разлепив веки, осмотрела скудное пространство лачуги и села, сонно моргая.

Август – уже полностью одетый и, кажется, даже умытый, – сидел у печки и обернулся, когда я зевнула.

– Хорошо, что ты проснулась. Нам пора идти.

– Идти?

– Да, буря закончилась. И нам нужна еда. Чем дольше тянем, тем сильнее панель сжигает внутренний ресурс. Одевайся, до городка осталось совсем немного.

Мысль о том, что скоро я смогу получить полноценный обед, вытолкала меня из нагретого кокона и заставила потянуться за одеждой, к счастью, просохшей. Пока я, шипя и ругаясь, натягивала штаны со свитером, Август потушил очаг, тщательно собрал оставленный нами мусор и сложил одеяло в контейнер.

Покидать неуютное, но хоть немного защищённое убежище, ужасно не хотелось, одна мысль о новом марш-броске через заснеженные горы вызывала у меня приступ паники. И словно почувствовав мое состояние, Август вдруг подошел и взял мою руку. Теплые пальцы обхватили мои – уже замерзшие. Все, что произошло ночью, встало перед глазами слишком явно. Прикосновения, которые отбирают душу, поцелуи, полные нежности и желания.

И сожаление – после...

Я выдернула ладонь из его руки.

Одно бесконечное мгновение мы смотрели в глаза друг другу, потом Август нахмурился и кивнул на дверь.

– Идем.

Снаружи расстилалось все то же смертельное белое, пустой живот сводило голодной судорогой, и не было ни малейшей гарантии, что мы все-таки доберёмся до людей. Но я сжала в кулак ладонь, словно

пытаясь сохранить в ней тепло чужих пальцев, и двинулась за своим провожатым.

Время растянулось белой поземкой, я не знала, сколько прошло времени, я лишь переставляла ноги и шла, шла, шла, шла... А потом Август внезапно остановился. И, удивленно подняв голову, я рассмотрела впереди силуэты домов и ниточки дыма, тянущиеся из печных труб. Потянула носом и едва не застонала, даже с такого расстояния ощутив запах теплого, свежего хлеба.

– Мы дошли? Август, мы дошли! Ты сумел найти дорогу! Август! – Я рассмеялась и качнулась, едва удерживаясь от того, чтобы броситься ему на шею. Но наткнулась на его неподвижность и осталась на месте. – Август?

– Дальше ты пойдешь без меня, – он сделал шаг назад. – Там есть тропа, осталось немного. В городке тебе помогут.

– А ты? – тихо спросила я.

Он помолчал. Темный взгляд прошелся по моему лицу так, словно Август хотел запомнить как можно больше...

– Мне в другую сторону, Кассандра.

– Но...

Я чертовски зла на тебя, но... Но ты тоже истощен, устал и голоден! Тебе тоже нужна помощь! Я задохнулась от нахлынувших чувств. Хотелось закричать, даже ногой топнуть, потребовать, приказать, но... я лишь кивнула. Что ж, он прав. Ему, действительно, в другую сторону, а значит, здесь наши пути расходятся. Август утратил свою Маску, теперь ему опасно появляться в городке, где его могут узнать. Выходит, он вел меня, зная, что сам не сможет пройти за городскую стену.

– Куда ты пойдешь?

Он без слов покачал головой.

Ну, конечно. Мне не стоит этого знать. Меня ждут миротворцы и инквизиторы, те, кто могут влезть в голову и выведать все секреты. Удивительно, что Август ни разу не попросил меня молчать о нем. Впрочем, нет. Это совсем не удивительно...

– Я должен найти Ирму и сестру, – сказал он. – И остальных тоже. Должен им помочь.

– Ты не сможешь в одиночку одолеть всю Святую Инквизицию. Никому это не под силу, слышишь? И твои дурацкие молитвы тут не

помогут! – бросила я. Август недобро прищурился, и я осеклась. Мне хотелось закричать, чтобы он остался или чтобы держался подальше от людей в черной форме, но разве он меня послушает?

Август прав. Здесь наши пути расходятся.

Я выпрямилась до хруста в спине и разжала ладонь, которую сжимала несколько часов подряд. Улыбнулась своей самой очаровательной и самой высокомерной улыбкой.

– Что ж... Спасибо, что довел до города. И за то, что не убил. Надеюсь, больше не встретимся, Август.

Он ответил кивком и острым взглядом.

– Прощай, Кассандра.

Я протянула ладонь для рукопожатия и, помедлив, Август все-таки ее коснулся. Две панели блеснули в свете холодного белого солнца. Моя – золотая, и его – черная, словно обугленная.

– Прощай.

Я выдернула ладонь, развернулась и пошла вниз, к домам и запаху свежего хлеба. Я шла, не оборачиваясь, запрещая себе даже думать о том, чтобы обернуться. Я считала шаги, смотрела на свои ноги, уже почти не проваливающиеся в снег на утоптанной дорожке, думала о том, что съем в первую очередь...Что угодно, только бы не оборачиваться.

А когда все-таки не выдержала и посмотрела назад, за спиной уже никого не было.

Маленький городок, раскинувшийся в долине и ставший моим спасением, я почти не запомнила. Я его даже не увидела толком. Стоило добраться до здания местной полиции и назвать свое имя, как вокруг началось какое-то столпотворение. Оказывается, во все ближайшие города еще вчера поступила ориентировка, утром местные власти уже отправили поисковую группу, чтобы меня найти – живой или мертвой. Градоначальник очень удивился и обрадовался тому, что пропажа нашлась сама, да еще и в сносном состоянии. Пока меня осматривал врач, я жевала сухой паек, выданный полицейским, и ждала полноценный обед из самого лучшего местного ресторана. А после сытной еды мой организм решил, что приключений с него хватит, и просто-напросто отключился.

Ну или что гораздо вероятнее – чертов лекарь дал мне снотворное. В дреме я слышала разговоры и шаги, ощущала движение и гул, но ни на что не реагировала... А когда снова пришла в себя и открыла глаза, оказалось, что лежу в одной сорочке на широкой и удобной кровати. Комната была незнакомой, как и одежда, оставленная для меня на прикроватной тумбе. Умывшись и приведя себя в порядок, я натянула спортивный трикотажный костюм с кроссовками и посмотрела в окно. За ним все еще простирались горы, но вот городок был уже другой.

Значит, мне не почудился гул вертолета, меня действительно куда-то перевезли. Дернула ручку двери – заперто. Что ж, ожидаемо. Увы, после моих действий в Люпьевском театре у миротворцев наверняка появились ко мне вопросы. А я так и не сумела придумать на них ответы! На миг мелькнула мысль, что было бы лучше и вовсе остаться с Августом. Уйти за ним в горы, затеряться в белой безбрежности. Может, мы сумели бы найти еще одну лачугу и остались в ней жить, подальше от инквизиторов.

Я хмыкнула, подивившись своим мыслям. Кассандра Вэйлинг живет в лачуге? Видимо, я все еще не до конца пришла в себя!

Да и не помню, чтобы Август звал меня с собой...

Замок в двери щелкнул, и я отвернулась от окна, в которое тарасилась. Повернулась, ожидая увидеть человека в черной форме с багровым аксельбантом, но просчиталась.

– Вы? – не сумела сдержать удивлённого возгласа, когда, прихрамывая на правую ногу, в комнату вошла Верховный Миротворец. – Госпожа Вольц!

Я едва сдержала желание выпрямиться по стойке смирно. Если и был в Империи человек, которого я действительно уважала, то сейчас я видела его перед собой.

Катерина неторопливо приблизилась к креслу, опустилась, прислонив к подлокотнику свою трость, откинула седую голову и посмотрела на меня. Я осталась стоять, потому что не посмела бы сесть в присутствии этой женщины.

– Здравствуй, Кассандра. – Голос Катерины звучал так же, как я запомнила – чуть сипло, надломлено. – Вижу, ты не ожидала меня увидеть. Понимаю твое изумление. У Верховного Миротворца, несомненно, есть более важные дела, чем тащиться в эту глухомань для разговора с тобой.

Она негромко рассмеялась, а я почему-то нахмурилась.

– И ты, несомненно, права. И все же я решила поговорить с тобой первой.

– Первой?

– Да. Боюсь, тебя ждет много бесед, Кассандра. Не всегда приятных.

– Я... арестована? – недоверчиво подняла я брови.

– А есть за что? – зеркально повторила мой жест Катерина.

– Я не совершила ничего противозаконного, – быстро произнесла я, и миротворец некоторое время молчала, рассматривая меня блестящими как вишни глазами.

Но если она надеялась меня смутить, то не на ту напала. В этом мире есть лишь одни темные глаза, которые вызывают у меня эмоции. К тому же, я все-таки успела продумать хоть какую-то стратегию и ответы на каверзные вопросы. Конечно, Катерина начнет с происшествия в театре, захочет узнать, почему я бросилась спасать профессора и зачем меня забрали с собой деструкты. Как я к ним попала, что видела и слышала. Врать опасно, да и незачем, расскажу все как есть. Ну почти все, само собой.

Итак...

– Ты знаешь, куда направился Август Рэй Эттвуд, когда вы расстались возле Горного Гряда?

Что?

Я ошарашенно уставилась на женщину и тут ощутила толчок давящей силы. Виски заломило, даже дышать стало трудно.

– Он сказал тебе, куда направляется? Что собирается делать?

– Откуда вы... откуда вы знаете о нем?

– О разрушителе с ужасающим потенциалом? Конечно, я знаю о нем, Кассандра. – Катерина не изменилась в лице.

Она даже не моргала, глядя на меня. И снова ее сила окутала коконом, давя на разум и лишая воли. Заставляя выложить все, что я знаю!

– Мы должны были поймать его в Люпьенском театре, но деструктам несказанно повезло. Там оказалась ты.

– Меня взяли в заложницы!

– Верно. И кое-кто отказался стрелять на поражение, увидев тебя в руках преступников.

– Кое-кто?

– Дамир Норингтон. Теперь он обязан исправить свою промашку. Он почти это сделал, найдя логово деструктов. Но упустив самое главное – разрушителя. Так ты знаешь, где сейчас Август?

Сила заполнила всю комнату. Еще немного – и она заполнит даже меня, вытеснит из тела душу и ничего от меня не останется!

– Я не знаю. Довольно, – процедила я. – Вы делаете мне больно.

Катерина прикрыла глаза и вздохнула. Давящая сила исчезла. Миротворец откинула на спину волосы, и я снова нахмурилась. Что покорило меня в этом простом женском жесте?

– Милая, послушай, – снова начала госпожа Вольц, а моя нервозность усилилась. Почему-то такое обращение не вязалось с той Катериной, которую я помнила. Хотя что я помнила? Образ пятилетней давности, едва ли верный...

И все же... почему меня так беспокоит давящая сила миротворца, столь непохожая на чистый поток, который я когда-то ощутила в Нью-Касле? Но тогда гостя хотела поразить студентов, а не напугать, как сейчас меня...

– Кассандра, ты не понимаешь, насколько важно найти Августа. Возможно, ты даже в некотором смысле очарована им. Сила, что заключена в разрушителе, способна на многое. В том числе и порабощать невинные души, такие как твоя.

Я едва не рассмеялась. То есть это моя душа – невинная, а Август – коварный демон? О, Истиннодух, если бы госпожа миротворец только знала, насколько она далека от правды!

Не замечая моей гримасы, Катерина продолжила:

– Сила этого человека пока в зачатке, но уже успела причинить вред! Ты ведь помнишь, что произошло в Нью-Касле, Кассандра? Из-за воронки разрушителя погибли люди! Мы не можем допустить повторения той трагедии. Августа необходимо найти, А ты нам в этом поможешь.

– Я? – от удивления я все-таки села на неудобный стул. – Но почему я?

– Почему? Ты что же, так и не поняла? – Катерина рассмеялась и снова поправила прядь волос. – Пять лет назад Август подарил тебе духовный цветок. А это значит, что часть его души теперь навсегда с тобой. Его тень, которую ты сможешь увидеть, если сильно захочешь.

– Что?

Я застыла, не в силах поверить тому, что услышала. Меня поразило даже не то, что Вольц знает о лотосе, а ее слова о тени. Тень за моей спиной. Часть чужой души, заключенная в цветке.

– Ну конечно, милая, – с легким раздражением отозвалась миротворец. – Ты ведь не думала, что цветок на самом деле разбился. В тот день Август отдал тебе часть себя, а значит, ты сумеешь его найти. Вы притянетесь друг к другу, чего бы это ни стоило. В этом и заключен смысл духовного подарка, Кассандра.

Я сидела оглушенная. Так вот в чем дело... Все эти годы часть Августа была со мной. И тень возникала лишь потому, что я хотела его увидеть. Потому что я злилась, негодовала, кричала, но снова и снова хотела его увидеть.

– ... ты нам поможешь. Вы снова встретитесь, это неизбежно. Как на катке...

– На катке у площади Святой Луизы? – пересохшими губами произнесла я. – Меня отправили туда из-за Августа?

– Императорская провидица сделала прогноз вероятных событий. Увы, мы не знали, как сейчас выглядит Август, даже оракул не может это увидеть. Единственный вариант – заставить его применить свою темную силу. Да, тебя отправили туда из-за разрушителя. И на катке образовалась низкочастотная воронка. Думаем, все дело в вашей встрече. Прогноз оказался верным на шестьдесят процентов, но увы, в тот день мы снова его упустили.

Я замерла на своем неудобном стуле. Перед глазами поплыло. Внутренний взор показал мальчика в смешной пижаме, сидящего на карнизе. Неужели Питер пострадал из-за меня? Из-за того, что мы с Августом почти встретились?

– Но там были люди. Дети!

– Они были в безопасности. – Катерина поджала губы. – Почти.

– Не были!

– О, ты говоришь про Питера Тато, Кассандра? – Голос миротворца сладкой водой втекал в уши, расслабляя и успокаивая. Почти похоже на то, что делала Катерина в моем колледже. Почти – и в то же время совсем иначе.

– Я... не знаю, о ком вы говорите...

– Конечно, знаешь. Брось, милая. Ты нашла мальчишку и даже помогла ему, это похвально. Вот только, вероятно, забыла, какое наказание ждет каждого подданного за сокрытие сведений о деструкте. Штраф и арест, Кассандра.

Паника захлестнула меня с головой, но я заставила себя сидеть все так же ровно с приклеенной к губам вежливой улыбкой.

– Понятия не имею, о чем вы говорите, госпожа Вольц. Я просто разговаривала с незнакомым мальчиком. Убеждала его слезть с крыши.

– Ты очень упрямая, – странно, но в голосе женщины прозвучало некое удовольствие. – Что ж, поговорим начистоту. Я знаю о тебе все, Кассандра. О том, как ты живешь, с кем общаешься и что делаешь. Что ешь на завтрак и какие платья носишь. Я знаю о твоих милых увлечениях, о баре «Глотка» и Адриане, который готов умереть, но не выдать твои секреты. Но он всего лишь человек, милая. Его тайны можно узнать, даже не задавая вопросы. Я знаю о Ловчем, Кассандра. И о разрыве в твоих линиях Духа.

Наши взгляды встретились, и я заставила себя не опускать глаза. Что ж, рано или поздно это должно было случиться.

Катерина очаровательно улыбнулась, и меня почему-то снова это покорило.

– Я знаю, потому что вот уже несколько лет отдаю тебе приказы, Кассандра. В каком-то смысле я сама поспособствовала тому, чтобы Ловчий появился на свет. И даже горжусь тем, каким...он стал.

Я с такой силой вжалась в спинку стула, что на лопатках наверняка остались синяки. Хотела заорать «зачем», но... промолчала.

Каркающий телефон и неизвестный кукловод, которого я поклялась однажды найти. Но он нашел меня сам.

– Ты быстро соображаешь, – с удовольствием протянула Катерина.

– Вы знали, что я деструкт, но позволили мне учиться в Аннонквирихе и жить так, как я хочу, – медленно произнесла я. – Наверняка даже запретили инквизиции проверять меня. Закрыли глаза на деятельность Ловчего. Только все это не ради меня. Все ради того, чтобы я привела вас к Августу. Вот причина столь удивительной лояльности. Вы знали, что часть его души теперь у меня, и знали, что мы встретимся. Дело вовсе не во мне. Дело в нем.

Перед глазами поплыло и на миг показалось, что я не сдержусь... Но нет. Глаза остались сухими, а спина ровной.

Катерина некоторое время задумчиво меня рассматривала, постукивая острыми яркими ноготками по набалдашнику трости.

– Ну что ж, ты и правда умна, Кассандра. Приятная новость. То, что ты озвучила – лишь часть правды. Но... В целом ты все поняла верно.

Я ощутила, как внутри медленно расползается чернота. Может, это был мой разрыв, скверна, пожирающая мою душу. А может – банальная злость. Ярость и ненависть, способные уничтожить. Нечто опасное и лютое, колющее ладонь острием. Ту самую ладонь, которую я сжимала в кулак, боясь выпустить иллюзорное тепло чужой руки.

– Вы просто использовали меня. – Удивительно, как спокойно прозвучал мой голос. – А Дамир? Дамир Норингтон? Он знал о том, кто я?

– Дамир – способный молодой человек, – хмыкнула Катерина. – И очень амбициозный. Думаю, он о многом сумел догадаться.

Я прикусила щеку. Дамир тоже меня использовал в своих целях. Значит, для него я стала трамплином в продвижении по служебной лестнице?

– О, все не так плохо, – протянула Вольц, поняв направление моих мыслей. – Уверена, Норингтон желает тебе лучшего. И верит в то, что делает. Как и все мы. Пойми, Кассандра, твоя симпатия к Августу – опасное заблуждение, а может – лишь темная магия его души, которой ты не в силах сопротивляться. Внутри него находится бездна, и каждый желает в нее упасть. Его тьма безумна и притягательна, Кассандра. Его сила очаровывает и поработывает. Возможно, Август показался тебе хорошим человеком, но... ты не знаешь его. И не понимаешь, на что он способен.

– Вы держали его в Песках! – подскочила я. – Пытали!

– О чем ты говоришь? – либо Катерина была величайшей актрисой, либо она действительно удивилась. – В Песках? Но Август никогда не был в Песках!

– Вы врете!

– Зачем мне это? – Она подняла брови. – Я с тобой предельно откровенна. Август исчез из полицейского морга в Нью-Касле, куда

его привезли. Исчез, не оставив следов. Мы даже не сразу поняли, что он...жив.

– Из морга? – Я ничего не понимала. Голова кружилась.

Катерина опустила взгляд и некоторое время молчала, нервно выстукивая ногтями по своей трости. Может, решала, что мне сказать.

– Именно. Пуля попала разрушителю в сердце, остановив его, но понимаешь, в чем дело... Когда мы начали проверять, то выяснили удивительную вещь. Рэй Эттвуд, сын Евангелины и Рональда Эттвудов, проживающих в Сант-Реброзе, погиб не в Нью-Касле. Он умер в возрасте восьми лет под каменным завалом недалеко от своего родного города.

Катерина посмотрела на мое вытянувшееся лицо и вздохнула.

– Понимаю твое недоумение. Мы тоже были несколько обескуражены подобным открытием. Городской врач, приехавший на место завала, с сожалением зафиксировал смерть мальчика и поставил соответствующую отметку. Ребенок не дышал уже несколько часов. Какого же было его удивление и даже ужас, когда восьмилетний Рэй открыл глаза и сделал вдох... Кстати, лекарь и сейчас уверен, что не мог ошибиться, хотя окружающие сочли происшествие то ли чудом, то ли врачебной ошибкой. Юный Рэй Эттвуд вернулся с того света и поступил в семинарию. Похоже сила внутри Августа не просто исцеляет его. Она способна возвращать его к жизни. В прямом смысле.

Я молчала, пытаюсь осмыслить сказанное. В голове снова и снова крутилось воспоминание нашей первой встречи. Парень, чистящий сутану у раковины и его слова: «...когда мне было восемь, я попал под завал в горах...»

Но разве это возможно? Совершенные живут долго, очень долго, но и они не познали тайну воскрешения из мертвых.

Это кажется невероятным, но ведь я лично видела выстрел отца. И я готова поклясться, что в тот день генерал Вэйлинг не промахнулся. Он не мог промахнуться! Однако Август по-прежнему жив.

«Скверна способна на многое...» – шепнул в голове мужской голос.

– Так или иначе, ты приведешь нас к разрушителю, Кассандра, – прервала мои мысленные размышления Катерина. – В конце концов, это твой долг, как подданной Императора и миротворца, пусть и несостоявшегося. Ты исполнишь свой долг и поможешь нам поймать

Августа. Ты должна сделать это. Август лишь в начале разрушительного пути, и мы обязаны его обезвредить раньше, чем он обретет свою истинную силу. Ты ведь знаешь про Эзру Кросмана, слышала о том ужасе, который он принес миру? Так вот, Кассандра. Ты должна знать, что потенциал Августа гораздо выше. И если он пройдет свой темный путь... Если познает грехи и пороки, уничтожающие Дух... Он принесет нам конец света. И если Кросмана называли вторым после дьявола, то Август станет тем, кто этого дьявола превзойдет. Он монстр, Кассандра. Монстр, который должен умереть. И ты отдашь нам его. А сейчас расскажи мне все, что знаешь...

– Не подходите ко мне!

Стул отлетел в сторону, когда я вскочила. А моя ладонь вспыхнула болью, словно я сунула ее в кипяток. Опустив взгляд, я поняла, что сжимаю в руке длинный и узкий стилет, молочно-белый, словно атмэ...

Но откуда он взялся?

– Неожиданно. Очень неожиданно, – пробормотала Катерина Вольц. Грациозно, – слишком грациозно для хромящей калеки, она поднялась, сделала шаг и отвела руку. И в ее ладони возникло оружие, похожее на серп, такого же белесого оттенка, как и стилет в моей руке. Мы застыли друг напротив друга, одинаково отведя в сторону ладони с угрожающим оружием.

– Ты полна сюрпризов, Кассандра.

– Кто. Вы. Такая? – процедила я. Снова глянула на коралловые ногти, на прядь, которую женщина отбрасывала кокетливым жестом. И на ее правую ногу.

В Нью-Касле Катерина хромала на левую.

Катерина Вольц была солдатом по своей сути. Женщина, стоящая передо мной, им не являлась. В ней было слишком много очарования. Слишком много...женского. Того, что невозможно скрыть даже под Маской.

Лже-Катерина откинула голову и рассмеялась. И даже под своей невероятной, совершенной Маской стала совершенно не похожа на хмурую Верховную, которую я видела в Нью-Касле.

В другой день я заорала бы, что это невозможно, что нельзя настолько точно перевоплотиться в иного человека, но сейчас в моей руке было оружие-атмэ, которое я каким-то образом воплотила, а

напротив стояла женщина с угрожающим серпом. И вероятно, она отлично умела им пользоваться.

– Кто вы такая! – повторила я. – Отвечайте! Вы не Катерина!

– И что ты сделаешь, если я не отвечу тебе, Кассандра? – с легкой насмешкой сказала самозванка. Она не выглядела испуганной или даже встревоженной, и меня это настолько разозлило, что стилет в моих руках вдруг вырос и изогнулся, приняв очертания угрожающего меча. Не знаю почему, но метаморфоза моего атмэ впечатлила лже-Катерину. Ее глаза расширились, и женщина сделал легкий шаг назад.

– Отвечайте! Кто вы!

И тут дверь сначала вздрогнула, а потом слетела с петель, и в пыльном проеме выросла внушительная фигура в синей военной форме.

Генерал Ричард Вэйлинг перешагнул порог и одним взглядом оценил обстановку.

– Кассандра, опусти оружие, – приказал отец. Посмотрел на самозванку – и его глаза гневно блеснули. – Ты тоже. Какого черта? Ты обещала! Обещала не приближаться к ней! Ты поклялась!

– Не приближаться ко мне? – повторила я, переводя взгляд с разгневанного мужчины на высокомерно улыбающуюся женщину.

Словно забыв о моем присутствии эти двое мерялись взглядами.

– Ты дала слово, Аманда! – почти выплюнул отец.

– Аманда... – прошептала я.

Женщина дернула головой, глянула с досадой.

– Ты все испортил, Ричард, – заявила она. Ее серп исчез. А потом Маска потекла, меняя лицо. Серые волосы стали серебряными, темные глаза – прозрачно-серыми. Миг – и я увидела перед собой почти отражение, лишь немного повзрослевшее.

Колени дрогнули, и я без сил опустилась на стул.

– Думаю, можно не представляться, – произнесла Аманда Вэйлинг. – Да, я не Катерина. Я твоя мама, милая.

Отец побледнел и отвел взгляд, когда я на него посмотрела. Впервые в жизни мой отец опустил передо мной глаза, но почему-то это не доставило мне ни малейшего удовольствия.

Я снова обернулась на женщину, столь похожую на меня.

– Моя мама умерла, когда мне было шесть. Героически погибла, спасая императора и принца. А кто вы, я понятия не имею. Так что не

смейте называть меня милой.

Среброволосая Аманда поджала губы.

– А ты жестока, Кассандра.

– Это наследственное, – сказала я.

Аманда Вэйлинг – живая и невредимая, в отличие от образа в моей голове, – откинула голову и весело рассмеялась.

– Тогда не только это, милая. Пожалуй, представлюсь еще раз: архиепископ Святой Инквизиции и твой непосредственный начальник. Как только ты окрепнешь, тебя переведут на новую должность, Кассандра. – Она кивнула на белый меч в моей руке, который снова изменил форму, став широким тесаком. – Ты только что показала мне, что готова к службе. И поверь, ты пока ничего не знаешь о мире, в котором живешь. Добро пожаловать в инквизицию, адепт.

Что?!

Вопль в моей голове едва не разорвал мой разум. Я стану инквизитором? Сумрачной тенью империи?

Да ни за что!

Голова снова закружилась, перед глазами зависла темная пелена, и я пошатнулась. Похоже, я оказалась не настолько сильной, как предполагала...

Глава 24. Тень на закате

В обморок я не упала, но видимо, побледнела так сильно, что на некоторое время меня оставили в покое и даже принесли сладкий чай. Сидя на кровати, я сжимала виски руками, пытаюсь удержать расплывающиеся мысли. Они казались мне пчелами, целой колонией насекомых, жужжащих и сводящих с ума. Каждая мысль-пчела летела в свою сторону, каждая жужжала о своем, и от этого усиливающегося гула я сходила с ума.

Иногда я встряхивалась и смотрела на дверь, за которой остался отец и... и женщина с серебряными волосами. Даже мысленно я не могла назвать ее мамой. Я смотрела в себя, разгребая руками этот рой пчел, пыталась понять, что чувствую, узнав эту новость – Аманда жива, – и не понимала.

Когда-то маленькая Кассандра повернула внутри рубильник, выключающий чувства к матери. Так было легче, так было нужно. Чтобы забыть, чтобы не плакать. Чтобы не страдать, заходя в дома, подобные дому Джеммы Ржаник – где царил уют, а мама пекла пироги в ожидании дочери. Тот рубильник заржавел и покрылся коррозией, он врос так плотно, что теперь совсем не поворачивался обратно. Впрочем, я и не пыталась. Женщина за дверью не была моей матерью.

Моя мать не могла бросить меня и заставить считать себя погибшей.

Гораздо больше чувств сейчас вызывала ложь отца. Генерал Вэйлинг хмуро смотрел, как молчаливая прислужница устраивает меня на кровати, а потом, снова отведя взгляд, пробормотал, что все сложнее, чем мне кажется. Что он врал, лишь бы защитить меня. Я молчала и на отца не смотрела. По крайней мере, он не солгал мне насчет Августа. Судя по всему, генерал действительно верил, что убил разрушителя. А приехавшая инквизиция засекретила все данные о том, что случилось на самом деле.

«Если Август пройдет путь порока и разрушения, то превзойдет дьявола... Он уже идет по нему... Он принесет нам конец света...»

Я уткнулась носом в подушку, надеясь хоть немного усмирить жужжащие в голове мысли. Но они лишь множились и множились,

заполняя голову, комнату, мир... Причиняя боль. Я застонала, сжимая виски руками.

И мысленно перенеслась в крошечную лачугу, спрятанную под козырьком скал. В неудобное и холодное убежище, ненадежное, как истина, в которую мы верим.

Мою истину снесло порывом реальности, разрушило в один миг. Все, что я знала – оказалось неправдой, все, на чем стоял мой мир – вымыслом. Я выросла, опираясь на смыслы, которых не существовало. Моя истина рухнула, и я пока не знала, как выбраться из-под обломков.

Сторожка в скалах была такой же ненадежной и хлипкой. Но она устояла в бурю. Укрыла нас, спасла.

Или меня спасло тепло человека?

«Я буду твоим якорем, Кассандра».

Слова прозвучали в голове – и жужжание стихло. В блаженной тишине я открыла глаза и посмотрела в темное окно. Я не заметила, когда наступила ночь. Я смотрела в нее до самого рассвета, находя утешение и покой в этом мраке.

Спала я не больше часа, а на рассвете меня разбудила строгая женщина и сообщила, что архиепископ желает меня видеть. Ну и что мне следует поторопиться.

Я натянула свой спортивный костюм, помяла в руках принесенную куртку с летними нашивками. Почему-то хотелось надеть и ее, словно количество ткани на теле могло защитить от встречи с Аmandой.

Разозлившись на собственную слабость, я отшвырнула куртку, тщательно расчесала волосы и облизала губы, чтобы заставить их немного порозоветь. Задумалась, не надеть ли Маску, но все-таки не стала этого делать.

К архиепископу инквизиции я пойду в истинном облиии.

Аманда ждала в уютной гостиной, где уже был накрыт столик на двоих. Несмотря на ранее утро, женщина, одетая в белоснежный дизайнерский костюм, выглядела божественно. Ее волосы лежали идеальной волной, а лицо светилось красотой и свежестью. На мгновение я застыла в дверях, рассматривая точенный профиль,

жемчужную кожу и серебро блестящих волос. Аманда Вэйлинг выглядела божественно. Даже красивее, чем я запомнила.

Отпив кофе из изящной фарфоровой чашки, Аманда повернула голову и увидела меня. Сделала приглашающий жест рукой.

– Кассандра, милая, присаживайся. Выглядишь неважно. Плохо спала?

Я села на оббитый бархатом стул и молча уставилась в прекрасное лицо. Первый шок прошел, и сейчас я могла рассмотреть его во всех подробностях, отмечая общие со мной черты. Но в то же время видя и различия. Оказывается, во мне не так уж и мало отцовского. Упрямый подбородок, ровный нос, в отличие от кокетливо вздернутого носика Аманды. А еще взгляд – прямой и суровый. По крайней мере сейчас я надеялась, что он именно такой.

Инквизитор тяжело вздохнула, указывая на стол.

– Вижу, ты по-прежнему злишься. Поешь, здесь отличная кухарка. Попробуй булочку со сливками, помню, в детстве ты их обожала.

– Когда мне было десять, на булочку села пчела, которую я не заметила и проглотила вместе с тестом. У меня началась аллергия, а потом – удушье, в тот день я едва не умерла. Я ненавижу булочки со сливками. И если бы ты нас не бросила, ты бы этом знала.

Мой голос прозвучал столь буднично, что я сама удивилась.

Аманда снова вздохнула, отдернула руку от булочек и поджала губы.

– Что ж... тогда возьми печенье. Надеюсь, на него пчелы не садились?

Я ответила злым взглядом.

– Поешь, Кассандра. Через полчаса вы отправляетесь в Староград, у тебя немного времени на завтрак. И на разговор.

– Не представляю, о чем нам разговаривать.

– Ты злишься. – Аманда задумчиво повертела в длинных пальцах десертную ложечку. – Что ж, я этого ожидала. И вероятно, ждешь от меня объяснений...

– Я ничего не...

– Их не будет.

Я моргнула, обескураженная. Да, я ждала объяснений, хоть и не хотела этого признавать.

– Прошлое не изменить, Кассандра. Все уже случилось. И нам обоим остается это принять. Я так и сделала, и советую тебе последовать моему примеру.

Аманда неторопливо намазала на золотистый тост слой апельсинового джема, откусила и улыбнулась, довольная.

Я смотрела на нее, не моргая.

Я словно застыла.

Маленькая девочка внутри меня кричала и плакала. Та самая девочка, которая обнимала по ночам подушку, представляя, что это мама. Та, которая дула на свои разбитые коленки, фантазируя, что это делает мама. Та, которая пряталась под кроватью во время грозы, мечтая, что мама найдет ее и спасет.

Та, что отворачивалась от портрета на стене, не желая забывать, какой ее мама была на самом деле.

Та девочка кричала и плакала внутри меня. Она смотрела залитыми слезами глазами в лицо прекрасной женщины напротив и хотела закричать: «Почему?» Почему ты меня бросила? Почему ушла, почему заставила поверить в собственную смерть? Почему оставила меня? Ведь я все еще помню колыбельную, которую ты мне пела. Ведь я верила, что эта колыбельная что-то для тебя значит!»

Вся моя жизнь, моя суть, моя личность – все было выстроено на памяти о несравненной Аманде. О Совершенной, идеальной и недостижимой, словно солнце.

И все это оказалось бессовестной ложью.

Я выстроила свою жизнь, опираясь на вранье.

Маленькая девочка внутри меня все еще плакала, но я приказала ей заткнуться.

Никто не спас ту девочку от бесконечных гроз и ночных кошмаров, никто не нашел и не утешил.

Она сделала это сама.

Залечила свои раны, закрыла свою душу, научилась сидеть с прямой спиной и высокомерно улыбаться.

Взрослая Кассандра умела сражаться и держать лицо. Взрослая Кассандра умела проигрывать, отступать и наносить новый удар. Взрослая Кассандра решила стать королевой.

А королевы – не хнычут, не боятся и не сдаются.

Взрослая Кассандра невозмутимо смотрела, как Аманда Вэйлинг с наслаждением ест свой завтрак.

– Я позвала тебя, чтобы обсудить будущее. Твое будущее в качестве адепта Святой Инквизиции, – произнесла Аманда.

– Я не стану инквизитором.

– Конечно, станешь. Позволь напомнить, что твои линии Духа пожирает разрыв, – ее голос стал жестким, а глаза налились серебряным ртутным светом.

Я едва не отшатнулась, но заставила себя сидеть ровно.

– Ты деструкт, а значит, должна быть доставлена в Пески. Твое зелье неплохой препарат, тут ты меня тоже удивила. Не ожидала, что ты настолько способная... Но оно помогает лишь на начальном этапе. Дальше оно окажется бесполезным. Хочешь, чтобы тебя поглотило безумие? Я же могу тебе по-настоящему помочь. Я предлагаю тебе свободу. Свободу, уважение, почет. И неплохую жизнь, заметь. Очень неплохую. Ты даже сможешь войти в императорский круг.

– Я?

– Конечно, – улыбнулась Аманда, сразу сделавшись милой и очаровательной.

– Но почему? Разве деструкт может стать инквизитором? Или приблизиться к правящей семье?

Она склонила голову, рассматривая меня.

– Ты еще так мало знаешь об этом мире, милая. Не поверишь, но именно деструкты – самые лучшие из святых воинов.

– Что?

Сказать, что я испытала шок – это ничего не сказать. Мой мир в очередной раз перевернулся.

– Порченный всегда находит порченого, – тонко улыбнулась женщина. – Кстати, все хотела тебя спросить: как Ловчий находит людей? Признаюсь, меня удивляли твои успехи.

Я открыла рот, внезапно испытав желание выложить Аманде все правду. Но внутри что-то щелкнуло и разум словно накрыла прохладная тень. Чернота чужой души заслонила меня от ментального внушения, как случилось и раньше. Чернота разрушителя...

И желание исповедоваться мигом отпустило.

Взяв чашку с кофе, я сделала глоток. Блаженно прикрыла глаза – напиток оказался чудесным.

– У всех свои секреты, госпожа архиепископ.

– Ваше Святейшество, – с улыбкой подсказала Аманда, но я не стала повторять. – Впрочем, пока отставим протокол, Кассандра. Конечно, ты примешь мое предложение, у тебя нет выбора. Как ни пытаешься ты это отрицать, но я знаю тебя. Между Песками и свободой ты выберешь второе. Выберешь собственное благополучие и хорошую жизнь, а не тюрьму. Ты всегда и во всем выберешь себя, Кассандра. И это правильно, милая. Я рада, что ты мыслишь столь верно. Службу начнешь в Старограде, твой куратор посвятит тебя в детали. Но я позвала тебя, чтобы вручить...мм...подарок.

– Мне ничего не нужно...

– Несомненно, это не так. Ведь ты пока столь мало знаешь о деструктах, Кассандра.

Аманда снова взяла свою чашку, даже не глянув в сторону комода, с которого на край нашего столика переместилась небольшая клетка, накрытая платком. Я изумленно моргнула. Ее Дух столь силен, что она может двигать с его помощью любые предметы? Да еще так просто, даже не глядя! Слово это совершенно незначительное усилие с ее стороны!

Хотя что меня удивляет? Аманда Вэйлинг – Совершенная.

Я глянула на ее грудь, где когда-то висела подвеска-атмэ в виде белой капли-слезы. Носит ли ее Аманда сейчас? Но даже если и да, шею и грудь женщины прятала плотная ткань, под которой было не видно кожу.

отбросив ненужные воспоминания из детства, я сосредоточилась на разговоре. Что Аманда сказала о порченных? Что я ничего в них не понимаю? Хотела возразить, но снова промолчала. Однако собеседница уловила мой скепсис.

– О, порченные, с которыми ты общалась в доме на скале, лишь дети. Мелкие рыбёшки в этом бушующем море.

– Где они? – вырвалось у меня, но инквизитор лишь хмыкнула.

– Забудь о них, Кассандра. Твоя цель – научиться находить порченных и не думать о том, что будет с ними дальше. Но первое правило ты усвоишь прямо сейчас.

– Правило?

– Отслеживать антиматерию внутри себя. Контролировать ее. – Лицо Аманды снова стало жестким, почти отталкивающим. Она

сбросила с клетки платок. Внутри в гнезде из опилок сидело что-то маленькое и белое. Это что-то подняло голову и посмотрело на меня красными бусинками глаз.

Я подпрыгнула, радуясь, что ничего не ела.

– Это крыса!

– Крысёныш, – поправила Аманда. – Еще совсем маленький. Видишь ли, таким, как ты, необходим индикатор, можно сказать – лакмусовая бумажка. А крысы оказались самыми восприимчивыми к антиматерии – ну или по-простому скверне, – существами. К этому зверю пока никто не прикасался, ты будешь первой. Как только возьмешь его в руки и дашь имя, между вами установится нерушимая связь. Увеличение твоего разрыва будет отражаться на этом зверьке. Так ты сможешь понимать и отслеживать собственные изменения.

Я отшатнулась. Перед глазами возникла клетка в подвале старого дома, оленья туша и финариум, испачканный кровью. А подле него – крыса с четырьмя глазами... значит, это был индикатор Нейла? Он знал о таком способе контроля!

– Мне не нужен этот гадкий зверь! Я ненавижу крыс!

– И все же возьмешь его, – серьезно сказала Аманда и, как ни в чем не бывало, откусила кусочек булочки. – Мм, как же вкусно! Может, стоит забрать эту кухарку с собой в Неварград? Так что я говорила? Крысеныш, да. Тебе нужно достать его из клетки и дать имя. Придумай что-нибудь. И время от времени прикасайся к этому зверю. Начни прямо сейчас. Считай это первым приказом, адепт.

Я мотнула головой, категорически не желая этого делать. Аманда досадливо поморщилась.

– Ладно. Создай связь с индикатором и сможешь задать любой вопрос, на который я честно отвечу.

Вопрос? Что ж...

Стараясь не кривиться, я открыла дверцу клетки, осторожно сунула внутрь руку и взяла зверька. Он оказался совсем крошечным, гораздо меньше моей ладони. И вопреки ожиданиям – не холодным и гадким, а теплым и...беззащитным. Нос крысеныша дернулся, усы зашевелились, когда он принялся меня обнюхивать. Я замерла, с некоторым недоумением прислушиваясь к ощущениям.

– Отлично, – произнесла Аманда. – Можешь спрашивать.

Я подняла голову, задумчиво глядя на женщину напротив. Такая красивая. Такая совершенная. Совершенно чужая.

– Где арестованные деструкты и профессор Хакал?

– Тебя волнует лишь это? – резко уронила она, нахмурившись.

Очевидно, Аманда ожидала услышать от меня другой вопрос. Но я усвоила урок: прошлое осталось в прошлом.

– Ты обещала честный ответ.

– Вот только ты задала два вопроса, – тонко улыбнулась женщина, – но я сегодня добрая. Все-таки не каждый день разговариваешь с собственной дочерью. Ну что же. Альберт Хакал принадлежит Пантеону, это означает и некую...неприкосновенность. Профессор находится в своем поместье под Неварградом. Ему рекомендовано там и оставаться. По крайней мере, пока.

Все ясно, милорда заключили под домашний арест.

– А деструкты?

– Сейчас они в изоляторе Святой Инквизиции, позже будут направлены в Пески, – поджала губы Аманда. – Я ведь сказала: выкинь их из головы, больше вы не увидите. Ты потратила свои вопросы совершенно напрасно, Кассандра. Время закончилось, а твой отец уже ждет тебя. Да, и не забудь дать индикатору имя.

– Имя? – Я посмотрела на зверька, уснувшего в моей ладони. И неожиданно провела пальцем по его голове. И замерла. Вокруг левого глаза появилось темное пятнышко.

И я готова была поклясться, что уже видела такую отметину. Только тот зверек был крупнее и старше, а пятна покрывали его шкуру, как у собаки-далматинца.

Но разве это возможно? Еще одна нить, связывающая прошлое и будущее, связывающая судьбы. Я ощутила, как холодок понимания ползет по спине.

– Да, назови его как-нибудь. Пончик, Лапка, Малыш... Придумывай что-нибудь милое, чтобы установить между вами связь. Может быть, Лютик или Вишенка...

– Опиум. – Мой голос прозвучал сипло. – Этого зверя зовут Опиум.

– Опиум? – Аманда осмотрела меня с сомнением. – Странный выбор. Но решать тебе.

Крысеныш поднял голову и посмотрел на меня, словно соглашаясь.

В Староград я возвращалась на военном борте, в компании суровых миротворцев в синей форме и отца. Генерал выглядел мрачным, подавленным и еще более неразговорчивым, чем обычно.

Аманда Вэйлинг ушла, не прощаясь, хотя отец и сообщил, что мы с ней, несомненно, снова увидимся. Теперь – несомненно.

– Неужели ты позволишь ей сделать меня инквизитором? – не выдержала я, когда железная птица миновала горный хребет и холодное северное море, а потом, набрав высоту, взвилась над облаками.

Генерал некоторое молчал, а потом вздохнул и твердо посмотрел мне в глаза. Момент его слабости и раскаяния закончился.

– У тебя нет выбора, Кассандра. Ты деструкт. Этот факт удалось скрыть лишь благодаря вмешательству Аманды. Но по закону империи тебя обязаны отправить в Пески. Либо они, либо черный мундир. Мне жаль.

– Но я не хочу быть инквизитором!

– Так же как не желала быть миротворцем, – вздохнул генерал, – не смотри так, я всегда это знал. Что ты поступила в колледж, лишь чтобы оправдать слишком известную фамилию.

Я вцепилась в железную скамью, на которой сидела. Самолет для военных не отличался комфортом. И наконец задала вопрос, который меня измучил:

– Почему, папа? Почему ты мне не сказал, что она жива?

Отец нахмурился.

– Аманда Вэйлинг умерла для всего мира, – негромко произнес он. – И для нас с тобой тоже, Кассандра. Я надеялся, что ваша встреча никогда не состоится, в конце концов, Аманда мне это обещала...

– Но почему? – выкрикнула я. Миротворцы, сидящие на другой стороне, удивленно обернулись, поймали недовольный взгляд генерала и торопливо отодвинулись подальше.

– Я... не могу тебе сказать. – Отец потер переносицу и прикрыл глаза, словно его мучили головные боли. – Просто знай, что архиепископ Вэйлинг – это не та женщина, на которой я когда-то

женился. Не та, которую я так сильно любил... Я хотел оградить тебя от боли, Кассандра, потому что правда ужаснее лжи.

– Но почему? Неужели тебя не терзает эта мысль? Почему твоя жена так поступила? Ты говоришь, что любил ее!

А я все еще помню те дни. Смутное детское воспоминание, где папа – такой непохожий на себя сегодняшнего, молодой, улыбающийся, держит маму за руку, и оба смеются.

После «смерти» Аманды мой отец никогда так больше не смеялся.

Отец снова глянул в сторону военных и понизил голос почти до шепота.

– Да, я любил твою мать, Кассандра. Наверное...только ее я и любил по-настоящему...

Его глаза на миг затуманились. Но генерал тут же встряхнулся и снова стал тем, кого я привыкла видеть: суровым и неласковым солдатом, частенько забывающим о маленькой девочке, прячущейся в грозу под своей кроватью.

– Но эти тайны лучше не знать. Я и сам знаю немного, а все, чем владею – лишь догадки и домыслы. А чтобы узнать правду, надо совершить невозможное. Надо попасть...туда.

Отец коротко ткнул пальцем вверх, и я нахмурилась с недоумением.

Туда? На небо, что ли?

Или...

В Пантеон.

Вот о чем говорит отец. О тайнах Совершенных. Мама стала одной из них и бросила нас. Значит, все дело в этом? В секретах Пантеона?

– Я знаю, что был плохим отцом, Кассандра, – задумчиво произнес отец. – Внешне ты была так похожа на свою мать, что порой я не мог на тебя смотреть. Это звучит ужасно, я знаю. К тому же, ты с рождения обладала независимым и своевольным характером, была такой упрямой и дерзкой, что сводила с ума всех окружающих. Признаться, я не знал, как тебя воспитывать. Я сделал много ошибок. Но сейчас прошу лишь об одном: не думай о Совершенных и их тайнах, Кассандра. Это слишком опасно.

Я хмыкнула. Не думать? Отличный способ решения проблемы! Очень в духе несгибаемого генерала! Выкинуть из головы тревожащие

мысли и делать вид, что все в порядке! Забыть себя в сражениях и попойках со старыми боевыми товарищами, научиться жить одной лишь войной.

Только вот вряд ли я смогу последовать этому прекрасному совету! Я – не мой отец. И пока я ощущала себя щепкой, которую мотает по воде взбесившееся море. И лишь правда даст мне хоть какую-то опору в этом бушующем хаосе!

– Думаю, ты понимаешь, что никому нельзя рассказывать о том, что с тобой случилось, – встрепенулся генерал. – Для всех ты останешься студенткой Аннонквирхе. Никому, кроме Дамира, конечно. Он тебе поможет и направит, как делал все это время.

Я сдержала недобрую усмешку и отвернулась.

Самолет приземлился на закрытом аэродроме где-то на окраине Старограда. Потирая затекшие плечи, я спустилась по трапу, прищурилась на яркое солнце. Багажа у меня не было, только клетка со спящим крысенышем. Отец тоже вышел и остановился рядом, глянул с затаенной растерянностью, словно не зная, нужно ли меня обнять. Но тут на поле выкатился автомобиль с эмблемой гражданского Миротворства и отец, коротко кивнув, развернулся и снова скрылся в глубине самолета.

Я посмотрела ему вслед, ощущая уже привычную грусть. Повернулась и тут же угодила в чьи-то крепкие объятия.

– Ну наконец-то, – выдохнул Дамир над моей макушкой. Клетка в моих руках мешала ему обнять меня по-настоящему, и за это я вдруг ощутила благодарность к маленькому белому зверю.

– Кэсс! Как же я соскучился! Мне не позволили приехать за тобой в Гряду. Боги, я едва не сошел с ума, когда ты пропала! Ты должна все мне рассказать. Во всех подробностях!

Он схватил меня за руку, отгаскивая в сторону от самолета, туда, где стоял его автомобиль. Отобрал клетку, поставил на землю. А потом снова прижал к себе – да так крепко, что я едва не задохнулась.

Я отпихнула Норингтона и гневно вскинула голову:

– Хватит! Ты врал мне! Да и еще и повесил на меня следилку-маяк, замаскированную под сапфировое сердце! И с каких это пор ты стал инквизитором, Дамир?

Он быстро оглянулся, но вокруг было пусто, лишь в стороне готовился ко взлету самолет.

Глядя на парня, одетого в гражданскую одежду – джинсы и свитер, с растрепанными на ветру светлыми волосами и радостной улыбкой, трудно было представить его в мундире с красным аксельбантом. И все же я видела это своими глазами. И еще под рукавом Дамира ощущалась толстая повязка, а сам парень морщился, задевая раненое плечо.

Я вспомнила, как кинула в него осколок, и ощутила раскаяние. Однако недостаточное, чтобы не повторить это снова, если придется.

Норингтон облизал губы, снова оглянулся и сказал, понизив голос.

– Мы не будем обсуждать это здесь, Кэсс. Но я все тебе расскажу. Все, что могу рассказать.

– Все, что тебе позволит госпожа архиепископ, не так ли? – буркнула я, и Дамир смутился.

– Ты знал, – ахнула я. – Знал, что Аманда Вэйлинг жива! И как давно?

– Не считай меня предателем. – Он встревоженно провел рукой по волосам, ероша их еще сильнее. – Прошу, не думай так. Я узнал совсем недавно. И я лишь хотел защитить тебя, Кэсс.

Удивительно, но отец сказал то же самое, оправдывая свою ложь. Пожалуй, Дамир действительно мог бы быть сыном, которого так желал генерал! Вот только для меня подобный способ защиты слишком сильно отдавал предательством. Я предпочитала правду, какой бы страшной она ни была. Я заслужила правду, черт возьми!

Увы, мужчины решили иначе, и это вызывало внутри меня волну обиды и злости.

Самолет с отцом на борту медленно покатился по взлетной полосе, готовясь покорить небо. Мне хотелось обернуться, хотелось посмотреть на крошечные иллюминаторы и, возможно, увидеть в одном из них родное лицо, но я не стала этого делать. Да и вряд ли папа смотрит, вероятно, он уже занят своими делами и мыслями, далекими от проблем непутевой дочери.

Самолет ускорился и взлетел.

– ...Я хотел сделать это несколько иначе, конечно, в другом месте, но... – голос Дамира, который продолжал что-то говорить, снова привлек мое внимание. – Но учитывая обстоятельства... Вот. Возьми, Кэсс. Это тебе.

Я оторвала взгляд от неба, в котором таял белый след, и заглянула в бархатную коробочку в руках Норингтона. Внутри сияло бриллиантовое кольцо.

– Еще одна следилка? Думаешь, я надену его?

– Это не следилка. – Дамир прочистил горло, скрывая непонятное мне волнение. – Это помолвочное кольцо, Кэсс. Твое помолвочное кольцо.

Что? Он не в себе? Или это дурная шутка?

– Я разорвал помолвку с Джемой, – продолжил Дамир, – потому что люблю тебя. Всегда тебя любил. Я хочу, чтобы ты стала моей женой, Кассандра Вэйлинг.

– Но я уже говорила тебе...

– Кэсс, ты не поняла. – Дамир шагнул ближе, его лицо стало спокойным, почти бесстрастным. Даже жестким. Таким, каким я видела его всего раз, в его кабинете, когда куратор считал мой пульс, пытаюсь распознать ложь. Норингтон взял мою ладонь и надел кольцо на палец. – На этот раз я не спрашиваю.

Он бредит?

– Мы поженимся через полгода, когда ты закончишь обучение. Я хотел пройти обряд раньше, но думаю, тебе нужно немного времени, чтобы привыкнуть. Твои родители, Ричард и...архиепископ уже дали свои согласия на наш брак. Они считают, что это лучший вариант в сложившихся обстоятельствах. Брак со мной защитит тебя от возможных проблем. Да и ты будешь под...присмотром.

Широко распахнутыми глазами я посмотрела сначала на кольцо, потом на замкнутое, суровое лицо человека, которого все эти годы считала близким другом.

– Я не выйду за тебя!

– Выйдешь, – не дрогнув его голос. – Это решено. Кэсс... я не хочу этого говорить, но... но ты кинула в меня осколок стекла. Ранила меня. Инквизитора при исполнении. Это довольно тяжелое преступление, о котором я умолчал в своих отчетах.

– Ты меня шантажируешь? Seriously? – Мне хотелось рассмеяться от абсурдности происходящего.

– Я тебя люблю, – так же бесстрастно произнес Дамир. – И верю, что нас ждет прекрасная и счастливая семейная жизнь. Тебе просто нужно немного времени, чтобы понять это.

Я покачала головой, изумляясь. Мир определенно сошел с ума!

– Да иди ты к черту, Дамир.

Ощущая жуткое дежа вю, я попыталась стянуть с пальца кольцо, но оно словно прилипло к коже. Крупный бриллиант издевательски подмигнул, ловя блики солнца.

– Это я тоже предполагал. Поэтому купил кольцо в Ювелирном Доме Аффан-гранж, у них стопроцентная защита от кражи или потери. Надетое кольцо невозможно снять без моего согласия, – пояснил мерзавец Норингтон, глядя, как я терзаю свой несчастный палец, пока тот не распух окончательно. – Кэсс, перестань. Прошу тебя! Ты делаешь больно нам обоим! Просто дай нам шанс... Хочешь, я буду тебя умолять?

Пыхтя от злости, я ткнула красным распухшим пальцем в грудь Дамира.

– Иди ты к черту, Норингтон! Я не выйду за тебя замуж. Я сниму это проклятое кольцо, вместе с пальцем, если придется! А сейчас просто отойди с дороги, иначе... иначе я за себя не ручаюсь!

Наверное, выглядела я достаточно устрашающе, потому что Дамир со вздохом отодвинулся.

– Кэсс, ну что ты творишь? Позволь хотя бы отвезти тебя в академию! Кэсс, мы на другом конце города!

У меня не было денег, я понятия не имела, в какую сторону двигаться и где находится Аннонквирхе, но подхватив клетку с крысенышем, я пошла, вернее, почти побежала прочь от Норингтона. Я так и не обернулась на его крики и призывы одуматься.

К счастью, Дамир не стал меня догонять, поняв, что сейчас это бесполезно.

Я шла и шла, держа в руках клетку, размышляя обо всем, что случилось и не зная, что мне делать дальше.

Но когда мир рушится и его обломки несут тебя в бездну, гордость и принципы могут стать единственной щепкой, за которую можно удержаться.

К счастью, коридоры Аннонквирхе в это время дня были почти пустыми, студенты отдыхали в своих комнатах или ужинали в гостиных. Так что мне удалось избежать большинства любопытных глаз. Навстречу попала лишь толстушка Бригитта, но заметив мой

странный наряд, девушка округлила глаза и торопливо скрылась за поворотом.

Мои комнаты встретили тишиной, закатным солнцем, льющим в окно, и запахом любимых духов. Кто-то из уборщиков распахнул оконную створку и в комнату врывался легкий тёплый ветер и звуки гудящего за академией проспекта.

Застонав от усталости и облегчения, я сбросила ботинки и тяжелую армейскую куртку, распустила узел волос, поставила клетку на столик, босиком прошла по ковру и свалилась на пол.

От усталости гудело все тело. Хотелось есть и пить, но я не могла заставить себя подняться. Наверное, спать я сегодня тоже буду прямо здесь, потому что не смогу доползти до кровати!

– Привет, Люций. Скучал? – отдышавшись, я посмотрела на статую черного ангела с распахнутыми крыльями. Солнце скатывалось к горизонту, окрашивая мир в багрянец, и огромная тень падшего ангела раскинула крылья на полу моей комнаты. Я села в самом ее центре, там, где у ангела могло бы быть сердце, и представила, что тень обнимает меня.

– Тебе интересно, где я пропадала? Не поверишь, если расскажу. Кажется, я влипла сильнее, чем раньше, Люций, – сообщила я своему безмолвному собеседнику. – По правде, я в полнейшем дерьме. Мой мир рухнул, и я не знаю, как собрать его. Все, во что я верила, оказалось ложью. Все, кому я верила, меня предали. Я не знаю, как выбраться, Люций. Говорят, ты был отвергнут всеми, кого любил. Говорят, ты знаешь толк в предательстве. Может, дашь парочку дельных советов? Что мне теперь делать?

Увы, изваяние промолчало. Конечно, ведь оно было всего лишь обтесанным куском мрамора, покрытым черной краской. А мне сегодня как никогда нужен кто-то живой! Тот, с кем можно поговорить. Просто поговорить!

И как так вышло, что я сижу на полу, смотрю на закатное солнце и понимаю, что в мире нет ни одного человека, кто может просто меня утешить? Сказать, что завтра у меня будут силы двигаться дальше. Ладно, что у меня найдутся силы хотя бы доползти до кровати или спуститься в столовую, чтобы найти еду!

Но увы. Оказывается, в целом мире у меня не было никого, кроме скорбного каменного Люция. Никого, кому я крикнула бы «помогите»,

не боясь насмешек или вероломства. И эта новая истина лишала сил не меньше, чем все дурное, что уже успело со мной случиться!

Похоже, в этом большом-большом мире я осталась совершенно одна.

Или...нет?

«Духовный цветок нельзя разбить... В этом и есть смысл такого подарка», – прозвучали в голове слова.

Но если цветок все еще со мной, то это значит?..

Ощувив внезапный прилив сил, я подняла руку – левую, без кольца, сосредоточилась. Некоторое время ничего не происходило, и я почти отчаялась. А потом закрыла глаза и вспомнила. Образы потекли под веками, наполняя теплом замерзшее тело. Как чашка с липовым чаем. Как пламя темной епитимьи. Как прикосновение губ...

Что-то прохладное, словно вода, коснулось кожи. И когда я открыла глаза, в моей ладони был он – матовый духовный лотос, часть чужой души. Тень павшего ангела сложила крылья и потемнела, собираясь в фигуру.

– Все-таки догадалась, – сказал Август.

– Ты?

Я моргнула, все еще не веря, что на самом деле вижу его. Август сидел напротив, и закатный свет лился сквозь его призрачную фигуру. Моя тень, которая появлялась тогда, когда мне было особенно плохо. Когда я звала его.

Только теперь он выглядел иначе – с короткими волосами и одетым в джинсы и черный свитер, а не в сутану.

– Ты настоящий? – изумилась я.

– Почти, – задумчиво пожал он плечами. – Это часть моей души, Кассандра. Признаться, это слегка пугает.

– Раньше ты со мной не разговаривал, – ошарашенно ляпнула я.

– Раньше я видел тебя, словно туманный сон. Или скорее – как застывшее во времени воспоминание.

– Ты тоже меня видел?

– Иногда. Когда ты звала меня. Я не сразу понял, что дело в духовном цветке. Но сейчас я вижу тебя иначе. Похоже, эта часть моей души стала сильнее, вероятно, наша новая встреча укрепила ее. – Его темные глаза изучали мое лицо, а потом опустились к руке с забинтованным пальцем.

Я сделала это как только отошла от Дамира на десяток шагов, используя платок, покрывающий клетку с крысенышем. Впервые в жизни я не желала демонстрировать обществу свое новое украшение!

– Ты ранена?

– Царапина.

– Тебе причинили боль?

О, еще какую! Но, к счастью, душевные раны надежно скрывает уверенная улыбка.

– Я цела и совершенно здорова.

Взгляд Августа вернулся к моему лицу, в глазах мелькнуло что-то опасное.

– Выглядишь неважно.

– Спасибо за комплимент.

– Я не умею говорить комплименты. Но я рад, что ты жива.

– Не говори так, будто мы друзья! Ничего не изменилось, Август.

– Только враги, я помню. Но ты позвала меня, и я пришел. Тебе нужна помощь?

– Ты сидишь на снегу где-то в чертовом лесу и спрашиваешь нужна ли мне помощь? Серьезно? – проворчала я.

– Так она тебе нужна?

Я фыркнула и покачала головой.

– Просто плохой день.

– Ты одета в военные штаны, грязные к тому же, чужой свитер и на твоей ладони повязка. Твои руки дрожат. Ты позвала меня. Просто плохой день?

– Ты торчишь в каком-то лесу и кусты за твоей спиной шевелятся, словно там затаился медведь, – парировала я. – Да, просто плохой день, Август.

– Волки, – безмятежно произнес он. – Не медведь.

– Ты шутишь, надеюсь?

– Конечно, – он все-таки улыбнулся. – Разве мог бы я сидеть тут и болтать с тобой, если бы за моей спиной облизывалась стая голодных волков?

Я, прищурилась, всматриваясь в его лицо. Август ответил честным взглядом. Но почему меня не покидает уверенность, что этот святоша наглым образом врет?

– Кстати, красивая комната, – прервал он мои размышления. – Ты в Аннонквирхе?

– Мои апартаменты, – я обвела комнату широким жестом. – Антиквариат, позолота, мрамор и прочая дрянь. А это мой друг, мы сидим в его тени. Я зову его Люций, он не возражает.

Август повернул голову, всматриваясь во что-то, видимое лишь ему. Мне показалось, что за его спиной снова мелькнули хищные силуэты и стало не по себе. Черт возьми, что у него там происходит?

Некоторое время мы сидели молча, рассматривая друг друга. Радость, которую я испытала, увидев Августа, сменилась сомнениями. Я не знала, могу ли доверять этому парню. Август говорил, что был в Песках, но Аманда уверяла, что это совсем не так. И кто из них сказал правду? Тень, которую я так привыкла видеть, которую успела полюбить, не более чем мое воспоминание. Образ, запавший в душу. Но что я знаю о человеке, сидящем сейчас напротив?

«Если Август Рэй Этвуд пройдет свой темный путь, он превзойдет дьявола... Он разрушит наш мир», – прошептал в голове женский голос, и я со злостью заставила его замолчать. Неужели, Аманде удалось посеять во мне сомнения?

Но ведь я и правда совсем не знаю Августа...

Как и он меня.

За спиной раздался тихий крысиный писк, и я вздрогнула. У меня не было сомнений в том, что именно этого зверя вытащила из своего пророчества Ирма. Потому Опиум и рвался ко мне из рук девушки, он просто узнал свою истинную хозяйку, ту, с кем была создана нерушимая связь. Но если верить видению, Опиум попадет в руки прорицательницы в день, когда Август убьет хозяйку этого крысеныша.

Я нахмурилась, вспоминая слова Ирмы. Что она бормотала, прячась за своей траурной вуалью? Признаться, тогда я не слишком ее слушала! Но провидица была уверена, что увидела убийцу-чудовище с кровавленным оружием, и этим чудовищем был Август.

Когда настанет день видения? Сколько лет должно пройти до этого события? Я знала лишь одно: к тому времени белая шкурка Опиума покроется пятнами, словно лист от брызнувших из ручки чернил. А может, Ирма и вовсе ошиблась в своем пророчестве? Может, это была лишь галлюцинация, вызванная дурманом?

Но крысёныш не был иллюзией, он-то был самым настоящим...

Как не пытаюсь я отрицать, но Аманда права. У меня нет причин, чтобы верить Августу. Чтобы доверять ему. Все, что я о нем знаю, просто вопит: держись от этого парня подальше!

И единственным аргументом «За» выступают всего лишь мои... чувства. Глупые, странные, непонятные даже для меня самой.

Что-то случилось со мной в проКлятой чайной «Клевер и роза». Что-то случилось, когда я зашла в мужскую уборную и посмотрела на парня, который пытался отмыть сутану от клюквенного морса. И лишь это «что-то» заставляло меня снова и снова звать тень-воспоминание, заставляло искать Августа, и верить ему, несмотря на страх. Верить человеку, который меня отверг, и для которого любое проявление чувств – грязь и скверна!

И все же... Он пришел, когда я позвала. И сидит сейчас здесь, несмотря на все мои злые слова, несмотря на собственную усталость. Я ведь вижу, как плохо он выглядит! Где-то в лесу, уставший, голодный, замерзший! У Августа точно есть заботы поважнее, чем мое утешение!

И все же, он пришел.

Так разве этого недостаточно?

– Расскажи, что случилось, Кассандра, – произнес Август и я вдруг ощутила, как кулак, сжавший сердце, исчез, а внутри стало теплее и легче. У меня все-таки есть тот, кто скажет, что я справлюсь. Скажет без слов, одним своим присутствием. Кто будет рядом, даже если вокруг рычат дикие звери или шипят ядовитые змеи. Тот, кому я каким-то невообразимым образом по-прежнему верю.

Он со мной, здесь и сейчас. В безумном мире, в свете умирающего солнца, в тени падшего ангела.

Враг, которого не получается ненавидеть.

Я покачала головой, зная, что не могу сказать ему. И тихо произнесла:

– Я тоже рада, что ты жив, Август.

Эпилог

Темные скалы тонут в сумраке ночи. Горные сосны с кривыми стволами и оголёнными от холодных ветров корнями, кажутся силуэтами чудовищ, обступающих со всех сторон. Они не дают защиты ни от холода, ни от реальных хищников, что притаились поблизости. Неуловимый для человеческого уха шорох мягких волчьих лап, скрип снега, бесшумное дыхание звериной стаи. И светящиеся во тьме желтые глаза- внимательные, голодные.

Добыча для волков, ужин для стаи.

Пока хищники за спиной медлили, тянули воздух, пробовали его на вкус, пытаясь распознать в холоде нотки горького человеческого страха. Но его не было и потому звери медлили, мяли снег, пригибали морды к земле, всматривались во тьму.

Человек сидел на земле, спиной к ним. Такой беззащитный, такой слабый. Добыча стаи. Мясо и кровь, мясо и кровь...

Человек мягко улыбнулся призраку, которого не видели волки. Человек что-то говорил, всматриваясь в сгущающиеся тени и это тоже не нравилось хищникам.

Добыча, добыча...

Добыча была такой легкой, и все же вожак медлил. Что-то пугало его в человеке, застывшем на краю леса. Чутье волка вопило об опасности, но глаза-глаза видели лишь добычу. А стая голодна. Человек пришел к ним сам...

Они устали ждать.

Волки напали одновременно – безжалостными убийцами со всех сторон. Накинулись сворой, предвкушая первую кровь. Слабый человек сидел на земле с закрытыми глазами, низко опустив голову и прижав руку к груди. словно, там под ладонью у него болело. Раненная добыча? Но кровью человек не пах...

Волки напали. И разлетелись серыми тушками, когда человек вдруг поднял голову и из него плеснуло на снег что-то черное, безумное, страшное. Звери не знали, что это такое, но видели своими желтыми глазами. И это черное придавило их к земле, почти

раздавило! Так легко, словно каждый в стае был всего лишь новорожденным щенком...

Запах добычи – такой притягательный – все еще манил, завлекал, но чернота вокруг человека росла и ширилась, крепла.

Человек убрал руку от груди и, открыв глаза, посмотрел на разбросанных по снегу хищников. Его лицо ничего не выражало. Ни страха, ни сожаления. Черного становилось больше.

Человек поднялся.

Глянул на подобранных зверей и те заскулили, подались назад, но не смогли даже сбежать. Молодые самцы забились, ощущая дикий первозданный ужас, матерые – прижали морды к земле, выражая полное подчинение. Даже скулить они теперь боялись. Тьма над человеком выросла и встала огромным силуэтом, закрывающим звезды.

Человек сделал несколько шагов и остановился перед вожаком – крупным, серым зверем, безнадежно скалящим желтые зубы.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. А потом человек сказал.

– Я устал. Мне нужна еда. Принесите. Сейчас же.

Вожак зарычал, темно-серая шерсть дыбом встала на загривке, лапы напряглись, готовясь кинуть мощное звериное тело вперед, туда, где билась кровь на шее слабого человека. Впитаться клыками, легко пробивая кожу, выдрать мясо... Убить.

Но вместо этого вожак пригнул морду к земле, тоже подчиняясь. А потом медленно, не спуская с человека глаз, подался назад. И понесся сквозь лес, окруженный собратьями, гонимый жаждой, голодом и желанием достать, достать, достать добычу!

Для человека.

Серые тени скользили в лунном свете, гонимые новым инстинктом.

Мясо и кровь, мясо и кровь! Плоть рвать, убивать, убивать! Найти добычу, найти добычу! Подчинение... Подчинение!

Все что угодно, лишь бы человек был доволен.

Конец первой книги

Еще немного слов от автора:

Дорогие читатели!

Я еще раз сердечно благодарю каждого из вас! Благодарю за покупку моей книги на стадии подписки-черновика, и особенно – за ваши прекрасные комментарии. За каждое слово, за ваши обсуждения, мысли и эмоции на всех этапах написания книги. Спасибо! Это очень важная для меня поддержка и мои крылья в работе. Обнимаю вас.

Итак, я завершила первую книгу «Совершенных». Во время редактирования она останется в статусе черновика, позже перейдет в завершенные книги и ее можно будет скачать. Продолжение этой истории вы узнаете в следующей части, над которой я уже начала работать. Она будет называться «Совершенные. Тайны Пантеона».

Все новости о моих книгах, акциях, бонусах и прочее – как обычно ищите на моей странице и в группе ВК. Там же можно задать любые вопросы.

До скорых встреч!

Марина Суржевская.